

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года января 7-го дня.

Содержаніе: I. Новогоднія думы.—II. Новогодній привѣтъ сопастырямъ.—
III. Церковный бракъ старообрядцевъ и сектантовъ.—IV. Сельскій
пастырь въ наше время.—V. Чѣмъ и какъ устранить недостатки
современной проповѣди (въ связи съ ученіемъ новой психологін о
внушеніи).—Замѣтки. а) Дѣятельность приходскаго совѣта. - б) О
пользѣ религіозно-нравственныхъ чтеній.

Новогоднія думы.

Новолѣтіе... Время итоговъ и надеждъ. Хотѣлось бы сказать: итоговъ добрыхъ, надеждъ свѣтлыхъ. Увы! это прозвучало бы далеко не полною правдою. Никогда еще, кажется, утро новолѣтія не занималось въ покровѣ такой тревожной таинственности и загадочной неясности, какъ утро наступившаго года. Никогда еще Церковь Русская не влагала такого трепетнаго напряженія и молитвенной сосредоточенности въ свои новогоднія надежды, какія она неволью должна вложить сейчасъ, оглядываясь на пройденный путь въ годовомъ прошломъ и всматриваясь въ открывающіяся, тускло очерченныя перспективы ближайшаго своего будущаго...

Протекъ годъ, изживая и перерабатывая въ мятежномъ водоворотѣ событій наслѣдіе своего предшественника и передавъ своему преемнику задачи и вопросы одинъ другого важнѣе, одинъ другого значительнѣе,—намѣтивши и заостривъ ихъ до послѣдней черты и не давъ полномѣрнаго разрѣшенія ихъ...

— Такъ въ политической жизни родины, то же—въ области жизни церковной.

Дѣло специальной исторіи будетъ учеть на своихъ вѣсахъ размѣры послѣдствій всего совершившагося въ политической жизни Россіи за минувшій годъ. Для насъ важно, что дурно протекшій политическій годъ положилъ свою тяжелую, нервно-неспокойную руку и на дѣло церковное.

Въ эпохи сильнаго политическаго возбужденія неизмѣнно всегда на долю Церкви выпадали горькія испытанія. Въ этомъ смыслѣ протекшій годъ для Православной Церкви былъ годомъ особенно тяжкихъ потрясеній, завѣщанныхъ ей еще годомъ предшествующимъ...

Вихрь политической бури, которая еще грозно шумитъ надъ смятенной Россіей, засталъ Церковь врасплохъ, во всѣхъ ея историческихъ болѣзняхъ и внутреннемъ безсиліи. Въ пору, когда авторитетъ священной власти и сильная благодатнымъ содержаніемъ мощь евангельскихъ началъ жизни должны были, казалось, выявиться во всемъ своемъ объемѣ и именемъ жизнеустроителя Христа должны были подготовить общественное сознаніе къ переустройству жизни по непреложной истинѣ: *если не Господь созиждетъ домъ, напрасно трудятся строители*,—сама Церковь оказалась болѣе, чѣмъ когда-либо, нуждающейся въ помощи и самоопредѣленіи, и вмѣсто активной силы должна была занять положеніе страдающей стороны—принимать и отражать натискъ враждебныхъ силъ и одновременно спѣшно заниматься пересмотромъ своихъ силъ и укрѣпленіемъ своихъ устоевъ. Понятно, если при такой двойственности работы и внутренней несорганизованности Церкви не только нельзя было

расчитывать на успѣхъ своего вліянія въ общественной жизни, но нужно было для себя ожидать потерь и большихъ и малыхъ невзгодъ.

И крестъ этихъ невзгодъ всею тяжестью легъ прежде всего на давно согбенныя плечи православнаго пастырства...

Жизнь общественная двинулась широкимъ шагомъ впередъ, волнуя и вздымая вокругъ себя все. Все заговорило властно, требовательно, строго предъявляя лицамъ отвѣтственныхъ положеній во всѣхъ областяхъ общественной дѣятельности къ немедленной уплатѣ законныя и незаконныя векселя, осыпая рѣзкою критикой и безошадными аттестаціями и сильныхъ и слабыхъ властителей.

На этомъ судебномъ разбирательствѣ православному духовенству выдано было безъ всякой жалости въ тонѣ безапелляціонной категоричности полное *testimonium paupertatis*, которое подъ защитою свободной печати разлетѣлось во всѣ концы Россіи и осѣло въ общественномъ сознаніи, какъ мертвое и нестираемое клеймо на лицѣ духовенства,—и которое открыло вполнѣ свободный доступъ къ этому лицу всѣмъ охотникамъ до безнаказаннаго заушенія и оплеванія...

И только лѣнливый старался въ этомъ смыслѣ не касаться Церкви, только равнодушный ко всему не оттачивалъ своего остроумія на благодарной темѣ объ омертвѣніи Церкви въ цѣломъ и частяхъ. Всѣ же, такъ или иначе захваченные волною общественныхъ настроеній и взвинченные обличительнымъ энтузіазмомъ, въ мѣру своего усердія, умѣнія и любви къ легкому прокурорству, спѣшили дань своего тяжелаго вниманія сбросить на голову отовсюду беззащитнаго духовенства.

Если бы возможно было тщательно собрать всѣ укорины и извѣты, накопившіеся только за минувшій годъ около имени русскаго православнаго священника, то мы получили бы безпримѣрный въ исторіи и глубоко любопытный судебный актъ, громоздкій по объему и характерный по содержанию,—солидный не столько по существу и разносто-

ронности обвиненій, сколько по изощренности и утонченной ядовитости терминологіи, спеціально на этотъ предметъ изобрѣтенной. Всего до пресыщенія, до утомленія можно было бы вычитать здѣсь, отъ риторически красивой лирической декламаціи, пытавшейся вуалью сановитаго джентльменства прикрыть въ сущности круглое презрѣніе къ Церкви и до оголѣлаго хулиганства, выбиравшаго для духовенства изъ своего богатаго запаса бичи и скорпіоны поувѣсистѣе, оскорбленія наиболѣе звучныя...

И весь, невыразимый словами, трагизмъ духовенства тутъ тѣмъ безотраднѣе, что по существу своему обвиненія эти имѣли и доселѣ имѣютъ подъ собою положительныя основанія. И въ наступающій годъ, какъ и въ безчисленные предшествующіе годы, папство русское переступаетъ дѣйствительно и многосторонне уязвимымъ. На текущія, не терпящія промедленія запросы жизни, оно не въ состояніи, какъ и раньше, отвѣтить должнымъ образомъ не потому, что не желало бы, а потому, что фактически не можетъ,— и поэтому фатально обречено и въ настоящую минуту на безысходную жизнь невольнаго мученичества за грѣхи исторіи...

Протекшій годъ отлилъ это мученичество въ особенно острыя формы. Вздораженная жизнь быстро переложила свои жесткія слова къ духовенству въ дѣло, воплотивъ свои приговоры въ исполнительные листы давленія и насилія надъ духовенствомъ. Въ элементахъ особенно мятежно-бурливыхъ, особенно заинтересованныхъ въ завоеваніи народныхъ массъ для своихъ цѣлей, она обрушилась на русское папство съ ясно выраженнымъ желаніемъ устранить его совершенно съ своей дороги, повалить его во весь ростъ на землю и втоптать въ грязь его авторитетъ на глазахъ и ногами его паствы. И мы видѣли уже (и, вѣроятно, еще и еще увидимъ) печальные трофеи этого похода. Оглушенные гнѣвными окриками по своему адресу, сбитые съ толку шумомъ обидъ и презрительнаго смѣха въ печати, пастыри не

успѣли еще сколько-нибудь придти въ себя, собраться съ мыслями, какъ должны были съ ужасомъ почувствовать, что непріятель дерзко ворвался уже во дворъ, расхищаетъ овецъ и трубить свою побѣду. И онъ въ самомъ дѣлѣ почти торжествовалъ. Мы видѣли его торжество и вмѣстѣ—пораженіе пастырскаго дѣла: на нашихъ глазахъ колебались приходы, массы простого народа, революціонно распропагандированныя, до дна хлебнувшія отравы политической „сознательности“ и свободы въ одну сторону, съ искусственно, умѣло и въ благопріятный моментъ распаленнымъ аппетитомъ къ легкой хлѣбной сытости за чужой счетъ, шли толпами бить „поповъ“, разносили ихъ дома, жгли и убивали своихъ пастырей или съ криками глумленія складывали „поповскій“ скарбъ на свои телѣги и вывозили его вмѣстѣ съ семействомъ священника за село, какъ что-то зачумленное;—составляли мірскіе приговоры объ отобраніи у духовенства земельныхъ надѣловъ, отказывались платить за требы; а тамъ, гдѣ дѣло не дошло до этого, брали тонъ обращенія съ пастырями нестерпимо вызывающій и дерзкій. И это дѣлали не пропившіеся деревенскіе „некудышники“, душою и тѣломъ чуждые приходской жизни, а еще недавно степенные прихожане; и это терпѣли не пастыри непопулярные, личными ошибками часто навлекающіе на себя справедливое нерасположеніе прихода, а священники почитаемые, даже доселѣ любимые...

Слышали, говорили иные: это—всего лишь болѣзненный надрывъ, все это неглубоко,—несомнѣнно совершается подъ заученную диктовку злонамѣренныхъ агентовъ безпорядка и мятежа во что бы то ни стало. Но развѣ все это не въ страшной степени показательно и пророчественно грозно? На минуту предположите, что это обкрадываніе и опустошеніе народной души пойдетъ систематически, настойчиво, до фанатизма упрямо, и ваше сердце сожмется отъ боли и ужаса предъ возможною картиною полного разгрома приходской жизни. И нужно слишкомъ много благодушія, чтобы не видѣть, что мы почти наканунѣ этого. Кто пору-

чится, что временный надрывъ не обратится въ длительную болѣзнь, поверхностно проскользнувшая дикость не углубится, заученное—не станетъ постоянною программю?

А дѣло идетъ, несомнѣнно, къ этому. Врагъ не дремлетъ. Онъ хорошо понимаетъ психологію массъ и съ вѣрнымъ расчетомъ ведетъ игру. Онъ знаетъ, что въ настроеніяхъ толпы, особенно такой, какъ массы простодушнаго русскаго народа, мыслимы дѣйствительно рѣзкіе повороты отъ стихійной дикости къ благоразумію и покаянной самокритики, и потому принялъ мѣры къ тому, чтобы и здѣсь обезпечить полный успѣхъ дѣлу и закрѣпить его поправкой къ тактической программѣ. Истекшій годъ съ наглядностью раскрылъ, что эта поправка уже сдѣлана. Задуманъ въ этомъ смыслѣ поразительно вѣрный и по возможнымъ послѣдствіямъ исполненный всякаго ужаса планъ: революціонное развращеніе народа теперь связывается съ антирелигіозною проповѣдью. И устнымъ путемъ и летучею прокламаціонною литературой грошевой цѣнности въ простой народъ хлынула широкими потоками атеистическая пропаганда. Посягаютъ на народную святыню, хотятъ Христа оторвать отъ сердца народнаго, вытравить въ народѣ тѣ благодатные родники вѣры, которые еще таятся на днѣ народной души и—какъ-никакъ—составляютъ громадную силу, способную въ моменты душевной трезвости и при разумномъ руководствѣ сломить какое угодно противодѣйствіе... Хотятъ т. е. эту безбрежную доселѣ вѣрующую массу обработать въ дикое чудовище, зараженное ненавистью и озлобленіемъ и въ своихъ инстинктахъ не знающее никакихъ преградъ и запрещеній...

Расчетъ, говоримъ, вѣрный; возможныя послѣдствія его успѣха—убійственны. А главное—моментъ избранъ необыкновенно благопріятный: народъ уже разбуженъ, насильственно уже натасканъ въ новыхъ словахъ и понятіяхъ, худшіе его слои уже легко вшитываютъ въ себя гнойную заразу невѣрія и бахвальнаго кощунства...

Между тѣмъ противодѣйствіе этому злу почти отсутствуетъ. И страшно сознаться: его и ожидать не откуда. Въдѣ крайнимъ напряженіемъ самой остроумной фантазіи нельзя нарочно придумать болѣе худшихъ условій, въ которыхъ приходилось работать и бороться духовенству въ истекшемъ году. Судите: жизнь клокочетъ, бѣшено бьетъ объ церковную ограду, дерзко потрясаетъ надъ нею хорошо бронированною рукою, грозитъ сломить крестъ вѣры, перенахатъ самую дорогу въ храмъ, а пастырство русское—все то же: бѣдное, запуганное, забитое, безсильное, не авторитетное,—въ старыхъ заржавѣвшихъ доспѣхахъ полного безправія, запутанное въ сѣтяхъ канцелярскаго гнета, нищенствующее, еле удерживающее въ своихъ слабыхъ рукахъ нити, внѣшнимъ образомъ связывающія его съ паствою,—и мучительно чувствующее, какъ разразившаяся надъ нимъ гроза новаго времени безжалостно открыла на всеобщій позоръ всю его наготу и безпомощное одиночество...

Гдѣ тутъ бороться, противодѣйствовать, созидать! Тутъ умѣстно только исходить задавленными молитвенными стонами и страдальческою тоскою...

И вотъ съ этою тоскою, съ этимъ, таящимъ въ себѣ бездонную глубину муки, вопросомъ: *что же дальше будетъ*, мы входимъ въ полосу новолѣтія подѣ зловѣщую тѣнь, отбрасываемую старымъ годомъ. Прибавляемъ: — съ тоскою *исцубленною*, потому что въ этой зловѣщей тѣни даже непроницательный взглядъ улавливаетъ новые образы, новыя угрозы православію... Инославіе, расколъ, сектантство... Развѣ мы не видѣли, какъ, принявши съ благодарностью отъ Верховной власти благодѣтельные законы для широкаго, прочнаго и свободнаго саморазвитія, несли они дань своей отвѣтной признательности православію въ видѣ многосторонняго, правильно организованнаго миссіонерства въ средѣ русскаго населенія. Успѣхъ этого миссіонерства—что касается миссіи католической — обозначился достаточно осязательно (Польскій край). Раскольническія общины, ожившія и быстро

благоустрояющіяся внутри на основѣ закономъ предоставлен-ныхъ имъ новыхъ правъ, о которыхъ Православная Церковь пока только платонически мечтаетъ, подняли голову и уже свысока смотрятъ на нѣкогда „господствующую“, а теперь все лишь „затхло бюрократившуюся“ соперницу, и запинаятъ ее и словесно (чит. раскольническіе журналы) и соблазнами своей внутренней церковной порядливости и бого-служебной истовости... Сектантство во всѣхъ видахъ, вышедшее уже на улицу, сгорая огнемъ прозелитизма, развиваетъ свою дѣятельность необыкновенно интенсивно и съ выдающимся успѣхомъ. Наконецъ, вообще нетерпѣливая и уставшая ждать чего-либо лучшаго отъ Церкви, образованная часть общества, отрясаетъ прахъ у порога церковнаго и предпочитаетъ блуждать „около стѣнъ церковныхъ“ въ чаяніи новыхъ религіозныхъ откровеній... И опять: все это на счетъ слабости и полного неурейства Церкви Православной.

И такъ—вширь и вдаль, сверху и до низу. Потери и угрозы... Нѣтъ просвѣта, нѣтъ помогающаго... И хочется воскликнуть съ мольбою: *доколы, доколы же Господи!*

Вполнѣ понятно, что при такихъ исключительно гнетущихъ предчувствіяхъ, всѣ наши горячія надежды направляются на предстоящій помѣстный соборъ, и наши моленія о благопріятномъ лѣтѣ церковной жизни выливаются въ пламенные пожеланія, чтобы этимъ соборомъ вырѣшились, наконецъ, и какъ можно скорѣе и исчерпывающимъ образомъ отяготѣвшія надъ скорбящею, потрясенною и со всѣхъ сторонъ угрожаемою Церковью ея вѣковыя нужды и страданія,—и отведены и обезсилены всѣ новые ужасы, которые около насъ снѣшно куетъ зло на дѣло Христово. Мы напередъ предваряемъ молитвенными благословеніями тѣхъ, которые пойдутъ на соборную работу, заранѣе увѣренные (хотѣлось бы думать: *безошибочно* увѣренные), что они поймутъ и не холоднымъ умомъ, а тоже страдающимъ сердцемъ,—поймутъ въ полномъ объемѣ всю безмѣрность своей отвѣт-

ственности передъ Богомъ, передъ исторіей, передъ своей совѣстью, передъ судомъ всякой вѣрующей души—*за каждый шагъ, за каждое слово на соборъ*. Желаетъ непоколебимо вѣрить, что дѣло Христово совершится тамъ только Его Святымъ именемъ, подъ благословляющею рукою Его Самого,—подъ Которою да предадутся вѣчному забвенію—преступно кощунственные для такихъ священныхъ минутъ—голоса человеческой самолюбивой страсти и земного властительства...

Вѣруемъ, Господи! Помози нашему невѣрію.

Свящ. *Евгеній Капраловъ*.

Новогодній привѣтъ сопастырямъ ¹⁾.

Привѣтствую Васъ, дорогіе собратія во Христѣ, съ наступившимъ новолѣтіемъ и вмѣстѣ съ вами смиренно молю Господа о ниспосланіи благословенія свыше на новое лѣто. Тяжелъ, невыразимо тяжелъ былъ для всѣхъ насъ истекшій годъ. Казалось временами, что всѣ силы ада соединились для того, чтобы, если не разорить Церковь Божию на землѣ, то нанести ей чувствительный ударъ. Развѣ не подъ вліяніемъ темныхъ силъ ада производились въ минувшемъ году нашими духовными дѣтьми всякаго рода бунты, волненія, поджоги, убійства?—Въ братоубійственной борьбѣ и междоусобіяхъ пали низко вѣра и нравственность—главныя основы семьи и государства. Въ вихрѣ политическихъ страстей забыли люди о Богѣ, о душѣ, о вѣчной жизни. Божественное, небесное уступило мѣсто земному, тлѣнному: въ жизни современныхъ намъ людей возобладала *плоть*, доведшая мно-

---

¹⁾ „Новогодній привѣтъ“, частью подтверждаѣя мысли предыдущей статьи, въ то же время является дополненіемъ и поправкой нечуждыхъ нѣкоторыхъ преувеличеній по мѣстамъ и односторонности „новогоднихъ думъ“.

гихъ до настоящаго культа ей. Прорвавшійся бурный потокъ политической жизни быстро уносилъ съ собою все, что попадалось подъ руку,—не пощадилъ онъ и тѣхъ свѣтлыхъ, вѣковѣчныхъ началъ, которыми жило и живетъ человѣчество и въ особенности наша св. Русь. Изъ существъ разумно-духовныхъ, искупленныхъ безцѣнною кровію Богочеловѣка, Спасителя міра, люди превратились въ безсловесныхъ, скотоподобныхъ тварей. Ложь; обманъ, всякаго рода насилія и гнусные пороки, при полномъ невѣріи и безбожіи, стали какъ бы родной стихіей—воздухомъ для такихъ опростившихся людей—страшно подумать, а еще болѣе сказать—христіанъ.

Что же дѣлало въ истекшемъ году наше православно-русское пастырство, отстаивая великія начала христіанской вѣры и нравственности, а равно защищая честь и достоинство дорогой родины?—Нельзя, по справедливости, сказать, что наше пастырство въ пережитую тяжелую годину все безмолвствовало и вовсе бездѣйствовало. Нѣтъ, сколько у кого хватало сознанія необходимости борьбы, силъ и умѣнья, оно боролось съ широко разлившимся по Руси потокомъ моральнаго и физическаго зла и всякой неправды. Въ своей борьбѣ съ послѣдними старалось оно, если не предотвратить небывалую смуту въ умахъ и жизни людей, что было выше силъ его,—то, по крайней мѣрѣ, ослабить размѣры и силу зла. Великимъ насчастіемъ для нашего пастырства было то, что въ переживаемую тяжелую смуту ему пришлось дѣйствовать порознь, въ одиночку, безъ должнаго руководства и общаго согласованія дѣйствій, каждому лично за свой страхъ и совѣсть. Иначе и быть не могло: ураганъ выбитой изъ колеи жизни застигъ нашихъ пастырей врасплохъ и успѣлъ даже выбить изъ колеи многихъ и изъ нихъ самихъ.

Отъ прошедшаго перенесемъ къ будущему. Ужасъ овладѣваетъ нами при одной мысли, что станетъ съ нами, что станетъ съ нашею св. Русью при дальнѣйшемъ распространеніи потока зла и нечестія. У многихъ могутъ опуститься руки и из-

сякнуть надежда... Но да не будет сего. „*Востани спяй, и воскреситъ тя Христосъ*“. Воспрянемъ, братія сопастыри, встанемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, на борьбу съ современными невѣріемъ и гибельными пороками, разрушающими человѣческую жизнь. Ни на одно мгновение не будемъ унывать и забывать, что *Церкви Христовой*, служителями которой мы являемся, *врата адава не одолѣютъ*. Въ нашихъ рукахъ есть непобѣдимое оружіе противъ многочисленныхъ враговъ Церкви, оружіе—всѣмъ одинаково доступное—сильная, горячая *молитва* къ Подателю всяческихъ благъ, Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ. Предъ этимъ оружіемъ не устоитъ никакая сила, никакая скала человѣческаго зла и беззаконія. Объединимся же, сопастыри, въ единой всемогущей молитвѣ къ Богу Спасителю нашему, да управитъ Онъ Премудрый путь нашъ во благое, да дастъ намъ силы нести терпѣливо во смиреніи крестъ нашего пастырскаго служенія. Служеніе пастырское всегда было *подвигомъ*, а нынѣ по обстоятельствамъ времени оно стало таковымъ въ особенности. Прошли, можетъ быть, безвозвратно времена тихой и безмятежной пастырской жизни: жизнь повсюду бьетъ теперь тревогу и призываетъ насъ къ усиленной, при томъ чисто боевой дѣятельности. Въ силу особыхъ условій жизнедѣятельности пастырей Церкви уже нерѣдки были въ минувшемъ году случаи *исповѣдничества* и даже *мученичества* за дѣло Божіе.

Болѣе, чѣмъ кому-либо, пастырямъ Церкви приходится теперь дѣйствовать и словомъ и жизнью. Не убоимся, ниже утрашимся, братія, сего пастырскаго подвига: по мѣрѣ силъ нашихъ и умѣнья будемъ поборать исконнаго змія, дѣйствующаго въ людяхъ, *словомъ пастырскаго вразумленія и наиданія*. Не будемъ скупы на слово Божіе, слово Божественной правды въ людяхъ: обильнымъ потокомъ будемъ напоить жаждущую землю словомъ Божиимъ—этимъ сладчайшимъ даромъ небесъ. И въ храмѣ, и на дому у своихъ духовныхъ чадъ, *во благовременіи и безвременіи*, по апостолу, будемъ нелѣбно сѣять слово Божіе въ сердцахъ людей. Наше

дѣло сѣять, а Богъ уже будетъ поливать и растить это сѣмя въ многоплодное древо христіанской жизни.

Въ переживаемое нами тревожное время, возлюбленные сопастыри, важнѣе и необходимѣе слова является самая *жизнь* наша. Взоры всѣхъ обращены теперь на жизнь нашу: въ ней всѣ стараются найти отвѣтъ на мучающіе ихъ вопросы современности, въ ней стараются найти разгадку собственной жизни—по меньшей мѣрѣ примѣръ для подражанія. Приходится и тутъ намъ *нудить* себя, дабы не явиться тощими на дѣла благая ни предъ Богомъ, ни предъ людьми... Приходится оставить вѣками нажитую нами въ значительной мѣрѣ косность въ жизнедѣятельности, вѣками нажитыя привычки омірщенія чрезъ наживу, нетрезвость, сутяжничество, игру въ карты и т. п. Иначе, если соль земли—наше паствырство потеряетъ силу, то чѣмъ осолить землю?—не будетъ ли заростать она сорными травами и постепенно превращаться въ никуда негодную ниву?... Да не будетъ сего...

Итакъ, сопастыри Христовы, отогнавъ отъ себя печаль и уныніе—самые страшные враги наши—бодро поднимаемъ на рамена свои благій яремъ Господень и смѣло пойдемъ впередъ по пути паствырскаго дѣланія, въ наступившемъ новолѣтіи. Наученные горькимъ опытомъ прошлаго года, мы будемъ шествовать не въ одиночку, не вразсыпную, а сплотившись и объединившись. Всюду и всѣ теперь объединяются, прекрасно сознавая, что только въ единеніи сила и крѣпость. Если такъ дѣйствуютъ въ мірскихъ дѣлахъ, то тѣмъ болѣе это важно и необходимо въ дѣлѣ Божіемъ.

„Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ“,—такъ говорили встарину. Крѣпко объединенные и тѣсно сплоченные, мы съ помощію Божіей поистиннѣ явимся многоплодными какъ въ созиданіи добра, такъ и въ отраженіи зла въ наступившемъ новомъ году.

Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благодати Твоя!

Іерей.

Церковный брак старообрядцевъ и сектантовъ.

Установленные указомъ 17 окт. 1905 г. правила о веденіи метрическихъ записей старообрядцевъ признають ихъ церковное вѣнчаніе за обязательную для нихъ форму заключенія брака. Не должны ли мы видѣть въ этомъ новую побѣду церковнаго брака надъ гражданскимъ и при томъ въ такой области, гдѣ до этого наше законодательство готово было поступиться въ пользу гражданского брака основнымъ принципомъ русскаго брачнаго права? Какъ извѣстно, послѣднее признаеть бракъ за институтъ религіозный, не только по формѣ его заключенія, но и по существу. Опредѣленіе условій допустимости даннаго брака въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется праву того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежать брачующіеся, и самое заключеніе брака совершается въ тѣхъ формахъ, какія предписываются этимъ исповѣданіемъ. Поэтому по отношенію къ православнымъ, равно католикамъ и армяно-грегоріанамъ, бракъ признается нашимъ законодательствомъ за таинство, а церковное вѣнчаніе за единственную форму вступленія въ бракъ. То же самое слѣдовало бы признать и относительно браковъ старообрядцевъ, по крайней мѣрѣ поновцевъ: и они считаютъ свой бракъ за таинство, ничѣмъ не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ православныхъ.

Тѣмъ не менѣе правилами о метрической записи браковъ раскольниковъ, изданными 19 апр. 1874 г., факту совершенія или несовершенія вѣнчанія по раскольниковъ обряду не придавалось значенія при рѣшеніи вопроса о допустимости внесенія брака раскольниковъ въ книгу для записи браковъ, и самыя метрическія книги ихъ переданы въ вѣдѣніе свѣтскихъ органовъ.

Въ виду этого возникалъ вопросъ: не ввело ли этимъ наше законодательство гражданскій бракъ для раскольниковъ и не служить ли законъ 19 апр. 1874 г. лишь первымъ

шагомъ ко введенію обязательнаго гражданскаго брака и для всего населенія Русской имперіи?

На послѣдній вопросъ наше законодательство въ очень скоромъ времени отвѣтило отрицательно. Для бывшихъ румынскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія уступленной Россіи по Берлинскому трактату 1878 г. части Бессарабіи, состоявшихъ въ гражданскомъ бракѣ, предписано „буде они желаютъ узаконить брачное свое состояніе окончательно и на будущее время вступить въ бракъ по чину Православной Церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ на сей предметъ въ Имперіи условій“.

Такимъ образомъ подтверждено было старое правило, что никакого иного брака кромѣ церковнаго для православныхъ русскихъ подданныхъ русское законодательство не признаетъ и не намѣрено признавать. Церковное вѣнчаніе обязательно для нихъ даже при заграничныхъ бракахъ, хотя бы по законамъ даннаго государства обязательною формою брака являлся бракъ гражданскій.

Но и законъ 1874 г. о метрической записи браковъ раскольниковъ при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывался далекимъ отъ мысли о введеніи для нихъ гражданскаго брака. Припомнимъ, въ чемъ состоитъ гражданская форма заключенія брака, напр., по французскому законодательству. Послѣднее въ этомъ отношеніи является образцовымъ для всѣхъ законодательствъ, вводящихъ обязательный гражданскій бракъ. Если отбросить всѣ менѣе существенные предварительные обряды и формальности, то заключеніе брака во Франціи сводится къ слѣдующему. Женихъ и невѣста должны явиться къ меру (какъ *officier d'état civil*). Онъ, прочитавъ имъ гражданскіе законы относительно брака, спрашиваетъ затѣмъ у нихъ, желаютъ ли они *вступить* въ бракъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, меръ провозглашаетъ брачующихся супругами во имя закона. Это и есть моментъ заключенія брака. Бракъ тотчасъ же долженъ быть зарегистрированъ въ книги актовъ состояній, но сама по

себѣ эта регистрація не рѣшаетъ вопроса о существованіи брака. Если бы меръ почему-нибудь не могъ совершить запись (напр., если бы онъ внезапно умеръ), или даже не пожелалъ бы сдѣлать ее, то брачующіеся тѣмъ не менѣе остаются мужемъ и женою, разъ они провозглашены супругами. Если же запись сдѣлана безъ такого предварительнаго провозглашенія, то она ничтожна. Совершеніе церковнаго вѣнчанія, буде того пожелаютъ супруги, допускается, но лишь послѣ совершенія гражданскаго брака. Съ точки зрѣнія закона это вѣнчаніе есть лишь религіозный обрядъ, не имѣющій никакого юридическаго значенія, и безъ него гражданскій бракъ имѣетъ ту же силу, какъ и при немъ. Совершеніе же церковнаго вѣнчанія до заключенія брака въ гражданской формѣ не только не дѣлаетъ повѣнчавшихся супругами въ глазахъ закона, но даже составляетъ наказуемое дѣяніе.

Легко видѣть, что законъ о метрической записи браковъ раскольниковъ 10 апр. 1874 г. представляетъ прямую противоположность изложенному французскому закону. Онъ не только устраняетъ гражданскіе органы веденія актовъ состояній раскольниковъ (волостныя правленія или полицейскія управленія) отъ всякаго активнаго участія въ заключеніи брака, подлежащаго записи, но и неоднократно даетъ понять, что этотъ бракъ совершенъ задолго до записи. Уже въ заявленіи раскольника, желающаго, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу, означаются имя, прозваніе и состояніе „обоихъ супруговъ“, а не жениха и невесты. На основаніи этого заявленія составляется особое объявленіе, замѣняющее оглашеніе, которое и выставляется при дверяхъ волостнаго правленія или полицейскаго управленія въ теченіе семи дней. О результатахъ его выдается особое свидѣтельство лицу, подавшему вышеупомянутое заявленіе. Затѣмъ производится самая запись брака въ слѣдующемъ порядкѣ. „Для записи брака въ метрическую книгу“ (не для вступленія въ бракъ) „оба супруга“ (не женихъ и

невѣста) „должны лично явиться въ полицейское управленіе (или волостное правленіе) и представить выданное имъ свидѣтельство о сдѣланномъ объявленіи. Независимо отъ сего каждый изъ *супруговъ* долженъ представить двухъ поручителей для удостовѣренія того, что *бракъ*, о которомъ *заявляется* полиціи, не принадлежитъ къ числу воспрещенныхъ закономъ. Предварительно записи брака отъ обоихъ *супруговъ* отбирается подписка въ томъ, что они принадлежатъ къ расколу отъ рожденія и *не состоятъ въ бракъ*, совершенномъ по правиламъ *Православной Церкви* или по обрядамъ другого признаваемого въ государствѣ исповѣданія“. Въ какомъ же бракѣ состоятъ тѣ лица, которыхъ законъ такъ упорно называетъ супругами? Очевидно, въ бракѣ, совершенномъ по правиламъ раскольничьяго вѣроученія. Законъ самъ понимаетъ неизбежность такого вывода и считаетъ нужнымъ сдѣлать лишь одну оговорку „*Предшествовавшее* записи брака *исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ* (т. е. раскольничье вѣнчаніе) при семъ (записи брака) вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ“. Эта оговорка особенно характерна. Законъ выходитъ изъ того предположенія, что раскольники явятся къ записи брака, уже повѣнчавшись. Въ уваженіе къ этому религіозному браку онъ именуетъ ихъ супругами, какъ онъ наименовалъ бы при подобныхъ условіяхъ лицъ всякаго иного вѣроисповѣданія. Органу записи браковъ не предоставляется спрашивать ихъ, желаютъ ли они вступить въ бракъ, равно какъ не дается право провозглашать ихъ мужемъ и женою во имя закона; то и другое являлось бы нелѣпнымъ по отношенію къ супругамъ, уже состоящимъ въ бракѣ. Ему приходится ограничиться лишь записью брака, совершеннаго ранѣе и безъ всякаго участія съ его стороны. Такая хотя бы и гражданская запись брака не дѣлаетъ еще гражданскимъ и самый бракъ. Тотъ или иной характеръ брака опредѣляется вовсе не тѣмъ, кто его регистрируетъ, а тѣмъ, кто и какъ его совершаетъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ

гражданская регистрація брака ведется и при церковной формѣ его заключенія; бракъ совершается въ церкви въ присутствіи гражданского регистратора, но безъ всякаго активнаго его участія; и такой бракъ совершенно правильно признается церковнымъ, а не гражданскимъ.

Но русскій законодатель въ 1874 г. въ этомъ случаѣ находился въ безвыходномъ положеніи: онъ не желалъ, да и не могъ придавать юридическое значеніе требамъ, совершаемымъ не признаваемымъ имъ раскольниковымъ духовенствомъ, каковою требою являлось и раскольниковъ вѣнчаніе. Только благодаря тому, что такое непризнанное духовенство не могло быть органомъ веденія актовъ гражданского состоянія, послѣдніе и были переданы въ вѣдѣніе свѣтскихъ органовъ. Они должны были по заявленію раскольниковъ записывать бракъ, какъ совершившійся, не справляясь о томъ, былъ ли онъ совершенъ въ дѣйствительности, и такая метрическая запись признавалась за неоспоримое доказательство законности брака. „Браки раскольниковъ приобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи черезъ записаніе въ установленныя для сего особыя метрическія книги силу и послѣдствія законнаго брака.

Воспрещаются и не подлежатъ записи въ книги такіе браки раскольниковъ, кои возбранены законами гражданскими. *Существованіе* брака раскольниковъ считается доказаннымъ со дня записи въ метрической книгѣ“ (Ст. 78 Зак. гр.). Запись являлась не единственнымъ доказательствомъ существованія брака; таковымъ могло служить и самое заявленіе раскольниковъ объ ихъ желаніи записать ихъ бракъ въ книгу. „Если по обжалованіи въ установленномъ порядкѣ опредѣленія подицейскаго управленія о препятствіяхъ къ записи опредѣленіе сіе признано будетъ неправильнымъ, то бракъ по просьбѣ о томъ одного или обоихъ супруговъ ~~считается~~ ~~имѣющимъ~~ ~~законную~~ ~~силу~~ ~~не~~ ~~со~~ ~~дня~~ ~~дѣйствіа~~ ~~онаго~~ ~~внесенія~~ ~~онаго~~ ~~въ~~ ~~метрическую~~ ~~книгу~~, ~~а~~ ~~объ~~ ~~извѣщеніи~~ ~~первоначальнаго~~ ~~о~~ ~~немъ~~ ~~заявленія~~“ (ст. 78 Зак. гр.). Такимъ обра-

зомъ раскольничій бракъ по закону 1874 года оказывался безъ бракоустановительнаго момента. Такимъ моментомъ не является ни запись въ книгу, ни даже первоначальное заявленіе о записи; бракъ, какъ таковой, существуетъ ранѣе и того и другого. Такое совершенно невозможное при гражданскомъ бракѣ положеніе обуславливалось именно тѣмъ, что наше право не желало отказаться отъ взгляда на бракъ, какъ религіозный институтъ даже и по отношенію къ бракамъ раскольниковъ, но въ то же время не имѣло средствъ провести этотъ принципъ на практикѣ.

Такимъ средствомъ явилось признаніе старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ. Правила 17 окт. 1906 г. о метрической записи браковъ бывшихъ раскольниковъ уже совершенно не имѣютъ тѣхъ противорѣчій, какими страдали правила 19 апр. 1874 г., и вполне проводятъ принципъ признанія брака за институтъ религіозный всюду, гдѣ есть возможность къ тому. Проф. Универс. *Пл. Соколовъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сельскій пастырь въ наше время.

Сельскій пастырь... сколько самыхъ жгучихъ, насущныхъ вопросовъ, сколько самыхъ тревожныхъ думъ и горячихъ пожеланій, сколько всякихъ плановъ, клонящихся къ усовершенствованію духовной и матеріальной жизни сельчанъ ютится и централизуется около двухъ этихъ словъ! Единственный свѣточъ среди окружающей тьмы невѣжества народнаго; почти единственный руководитель духовно-нравственной жизни, управляющій души по путямъ царства Божія; отецъ и пастырь, которому дорога всякая врученная его водительство словесная овца стада Христова; цѣлитель тѣхъ ранъ нравственныхъ и физическихъ, отъ которыхъ страдаетъ нашъ бѣдный, полуголодный, въ большихъ размѣрахъ отравляющійся алкоголемъ народъ; миссіонеръ, не мо-

гущій равнодушно смотрѣть, какъ волна свободы подчасъ захлестываетъ и отторгаетъ отъ его общины наиболѣе слабыхъ и увлекающихся членовъ; вождь, наконецъ, котораго не можетъ не беспокоить, какъ его приходъ зачитывается и „просвѣщается“ тѣмъ страшнымъ папывомъ революціонной литературы, съ которою нельзя не бороться всякому, кому дороги интересы его духовныхъ чадъ,—все это мысли и задачи, вызываемыя тѣми необычайными условіями, въ которыя попала наша несчастная деревня въ тяжкія времена переживаемой нами смуты народной.

Страшно, но должно сознаться, что современные „освободители“, замысливъ реформы во всѣхъ областяхъ жизни, не останавливаются ни предъ какими средствами, чтобы постепенно ослаблять и гасить лучи вѣры Христовой въ душѣ народной. Вѣра Христова, которою жила душа народа въ теченіе его многовѣковой и многострадальной исторіи, вѣра, внѣдренная тѣми же пастырями—единственными носителями свѣта въ старой Руси, вѣра эта стоитъ бѣльмомъ въ глазу у этихъ непризванныхъ просвѣтителей народа. Она—источникъ старыхъ формъ жизни, она запрещаетъ насилія, она учитъ терпѣнію и перенесенію бѣдствій, посылаемыхъ каждому, какъ крестъ Христовъ, по ея ученію; развѣ такія стороны не будутъ служить камнемъ преткновенія къ отысканію и открытію новыхъ путей, а тѣмъ болѣе къ слѣдованію имъ? Безъ труда теперь поймемъ, почему нѣкоторыя политическія партіи, воюя противъ несогласныхъ съ ними другихъ партій, въ то же время рады были бы съ корнемъ вырвать изъ души народной это неоцѣненное сокровище — вѣру христіанскую; для нихъ религія—опіумъ для народной души¹⁾, усыпляющій и убаюкивающій его, препятствующій ему „прозрѣть“. Этимъ „просвѣтителямъ“ всегда будетъ противна Церковь, ставящая небесное выше земного (хотя, по смыслу христіанства,

---

¹⁾ Марксъ, а за нимъ едва ли не большая часть представителей современнаго радикализма и социализма.

не пренебрегающая имъ), зовущая къ внутреннему совершенствованію, къ мирному развитію и откровенно отрицающая всякую разрушительную работу, пускающую въ ходъ желѣзо и насиліе. Борьба съ Церковью—такимъ образомъ борьба съ основной задачей христіанства — сдѣлать изъ людей наслѣдниковъ царства Божія. Рай на землѣ или блаженство за гробомъ — вотъ два противоположныхъ идеала, изъ-за которыхъ всегда ведется борьба, и которые теперь почти открыто становятся другъ противъ друга. Мы приведемъ здѣсь слова одного публициста, съ ненавистью относящагося къ нашей церковной жизни, но видящаго гибельность для человѣчества того идеала, который путемъ свободной школы, газеты и книги хотять навязать народу. Онъ предвидитъ, что начавшаяся политическая борьба вольетъ въ народную душу новые общеполитическіе и религіозные идеалы. „Соціалъ-демократы будутъ пропагандировать свой экономическій матеріализмъ, другія партіи—разныя иныя разновидности позитивизма и матеріализма; но у всѣхъ у нихъ политическое credo ихъ является только частнымъ выводомъ изъ общаго міровоззрѣнія, которое они будутъ прежде всего внушать своимъ сторонникамъ. Однимъ словомъ, при современной партійной агитаціи рѣчь идетъ не о томъ только, чтобы пріобрѣсти голосъ въ пользу той или иной партіи или привлечь новаго члена въ партійную организацію, но прежде всего, можетъ быть, о томъ, чтобы завоевать его душу, сдѣлать его человѣкомъ своей вѣры, въ силу этой вѣры и совершающимъ тѣ или другіе политическіе акты. Общая философская почва, на которой выросъ современный соціализмъ, есть атеистическій гуманизмъ, религія человѣчества, но безъ Бога и противъ Бога. Этотъ воинствующій гуманистическій атеизмъ въ соединеніи съ презрительно-враждебнымъ отношеніемъ къ христіанству выражаетъ едва ли не общее убѣжденіе представителей современнаго радикализма и соціализма, за единичными лишь исключеніями. Есть между ними такіе, которые по соображеніямъ политической цѣлесообраз-

ности объ этомъ своемъ *credo* умалчиваютъ, но его подразумеваютъ и раздѣляютъ, а, слѣдовательно, и проводятъ, если не положительными утвержденіями, то соответственными умолчаніями. Ихъ ряды тѣсно сомкнуты и закалены продолжительной борьбой, и силы ихъ очень велики, а еще больше—ихъ энергія, такъ что въ теченіе непродолжительнаго времени они могутъ достигнуть огромныхъ результатовъ и произвести въ народной жизни настоящій переворотъ⁴⁾.

Чѣмъ объяснить успѣхъ подобной проповѣди, если бы мы его предположили? Развѣ христіанство съ своею великою заповѣдью о любви къ ближнему не требуетъ отъ насъ выступить на защиту всѣхъ страждущихъ, обездоленныхъ, не требуетъ жертвовать всѣмъ своимъ на помощь ближнихъ, не требуетъ отъ богатыхъ христіанъ дѣлиться добровольно своимъ имуществомъ съ нуждающимися ближними? Или мы забыли христіанство? Или мы со своею одностороннею проповѣдью церковности также односторонне полагали сущность религіи Христа лишь во внѣшнихъ подвигахъ благочестія, продолжительныхъ богослуженіяхъ, много говорили проповѣдей, говорили о Христѣ и христіанствѣ, приближались къ нимъ устами своими, а сердце, жизнь далече отстояли отъ евангельскихъ заповѣдей? Пора пробудиться, пора противопоставить надвигающемуся сильному и опасному врагу не только сильное и убѣжденное слово, но и согрѣтое истинною христіанскою любовью дѣло; гдѣ оно есть, тамъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста злымъ плеведамъ атеистическаго ученія. Кто же видритъ это въ душу народную, какъ не предстоятель церкви священникъ—проповѣдникъ и законоучитель школы?

Пастырскія обязанности несомнѣнно стали тяжелѣе, отвѣтственнѣе въ наше время, когда опека свѣтской власти надъ удержаніемъ въ лонѣ Православной Церкви ввѣренныхъ ему чадъ прекратилась, когда они могутъ идти, куда

⁴⁾ . Булгаковъ. Неотложная задача.

влечетъ ихъ внутреннее расположеіе, болѣе убѣжденная и горячая проповѣдь, общаніе, быть можетъ, лучшаго матеріальнаго благоустройства и взаимопомощи. Какой неусыпной энергіи нужно, чтобы не „распудили“ этихъ словесныхъ овецъ, какою любовью отеческою горѣть къ нимъ, какъ дорожить своимъ призваніемъ и долгомъ! Иначе страшно становится за ту безотрадную перспективу, которую готовимъ мы себѣ—остаться одному въ своей приходской церкви. Да не будетъ, чтобъ исполнилось злорадное пророчество одного противника нашей Церкви. Онъ видитъ храмъ, освѣщенный внутри. Зажжена люстра и многочисленныя свѣчи предъ иконами. Священникъ въ полномъ облаченіи выходитъ изъ алтаря, ходитъ по церкви и поетъ: „Хвалите имя Господне, хвалите, раби, Господа...“ А рабовъ-то нѣтъ, церковь пуста, и некому воскликнуть „аллилуйя“. Не сжимается ли болѣзненно сердце отъ одного только представленія такой картины, не навертываются ли слезы у всякаго, кто глубоко позналъ, сколько умиротворяющаго, оживотворяющаго, эстетически-художественнаго элемента содержитсяъ въ религіи І. Христа и православномъ богослуженіи? Пусть будетъ фантастической начертанная картина, а она и будетъ такой, если пастыри строго, свято и неуклонно будутъ исполнять свой пастырскій и учительскій долгъ.

П. К.

Чѣмъ и какъ устранить недостатки современной проповѣди.

(Въ связи съ ученіемъ новой психологіи о внушеніи).

Велико значеніе церковной проповѣди въ дѣлѣ пастырскаго служенія. Проповѣдническое слово, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, есть „и орудіе, и пища, и благораствореніе воздуха; оно вмѣсто лѣкарства, оно вмѣсто огня, оно вмѣсто желѣза. Нужно ли прижигать и отсѣкать, необходимо поль-

зоваться словомъ; если оно нисколько не дѣйствуетъ,—все прочее напрасно. Имъ возстановляемъ падшую душу и сдерживаемъ надмевающуюся, отсѣкаемъ излишки и восполняемъ недостатки, производимъ и все другое, что содѣйствуетъ намъ къ здравію души“ (кн. о священствѣ). Таково, дѣйствительно, и было вліяніе проповѣдническаго слова въ устахъ первыхъ провозвѣстниковъ новозавѣтной истины. Проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа была настолько обязательна по своему глубокому содержанію, по своей духовной красотѣ и величію, что всегда привлекала къ себѣ толпы народа. Благодатное вліяніе ея на сердца людей было столь сильно, столь властно и дѣйственно, что вызывало невольное изумленіе у современниковъ. „И ужасхуся объ ученіи Его, яко со властію бѣ слово Его“, повѣствуетъ св. Лука (4, 32). Одного слова Спасителя „гряди по Мнѣ“ было достаточно, чтобы человѣкъ, доселѣ связанный различными земными интересами, вдругъ порвалъ всѣ свои житейскія связи и устремился вслѣдъ за своимъ Божественнымъ Учителемъ. Такое же сильное дѣйствіе на умы и сердца народа производила проповѣдь и ближайшихъ послѣдователей Іисуса Христа—св. апостоловъ. Изъ книги Дѣяній апостольскихъ мы знаемъ, что одна рѣчь ап. Петра, сказанная имъ тотчасъ послѣ сошествія Св. Духа, привлекла въ лоно Церкви Христовой три тысячи человѣкъ (2, 41). Вся исторія проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ, особенно св. ап. Павла, разительнo свидѣтельствуетъ, какъ дѣйствительно велико и плодотворно было вліяніе ихъ проповѣди на весь греко-римскій міръ. Подъ дѣйствіемъ ея люди, дотолѣ чуждые христіанству, въ корнѣ измѣняли свои убѣжденія, привычки и образъ жизни и съ глубокой вѣрой шли къ Тому, слово о Которомъ еще такъ недавно было для нихъ или соблазномъ, или безуміемъ. Вспомнимъ, далѣе, великихъ учителей Церкви святыхъ Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, вдохновенныя, чисто апостольскія рѣчи которыхъ подчиняли своему вліянію не только отдѣльныхъ лицъ, но и

цѣлая масса народа. „Хотя я не имѣю желѣза, но имѣю слово, острѣйшее желѣза; хотя я не ношу огня, но есть у меня ученіе, пламеннѣйшее огня и могущее жечь сильнѣе“, — такъ говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾). И дѣйствительно, слово его властно проникало въ самые тайники человѣческой души; оно приводило въ трепеть и содроганіе даже закоренѣлыхъ грѣшниковъ, подвигало ихъ волю на путь добра, сожигало въ сердцѣ всѣ грѣховныя чувствованія и порочныя страсти и омывало его теплыми слезами покаянія ²⁾).

Таково было вліяніе проповѣдническаго слова въ первые вѣка христіанства, таково оно должно быть и теперь. Но что мы наблюдаемъ въ дѣйствительности?

Бъ сожалѣнію, должно признать, что церковная проповѣдь утратила въ наше время почти все свое значеніе. Правда, и теперь по городамъ и селамъ, въ праздничные и воскресные дни, говорится очень много поученій съ церковной кафедры, но о томъ вліяніи на народъ, какое они оказывали въ древности, въ настоящее время почти не слышно совсѣмъ. Этотъ печальный фактъ констатируется и печатью, обсуждается также на пастырскихъ и проповѣдническихъ собраніяхъ, причемъ въ зависимости отъ неодинаковыхъ взглядовъ на причину такого явленія предлагаются различныя мѣры и для устраненія его. Одни, видя причину неуспѣха проповѣди въ неудобопонятности ея для простаго народа, говорятъ, что она должна быть болѣе популярной; иные находятъ, что она потому не назидательна, что бываетъ мало проникнута церковно-библейскимъ духомъ; третьи, какъ на причину ея безплодности, указываютъ на то, что она произносится болѣею частію по тетрадкѣ или книгѣ, а не изустно и, такимъ образомъ, не является живымъ словомъ и т. д.

¹⁾ Слово противъ зрѣлицъ св. Іоанна Злат. Русская гомилет. хрест. Петербургскаго стр. 200.

²⁾ О такомъ дѣйствиіи своего слова свидѣтельствуетъ самъ Іоаннъ Злат. См. его цитир. проп. стр. 199 и 201.

Всѣ эти причины, будучи отчасти справедливы, не касаются однако, какъ кажется намъ, самаго существа дѣла, а потому и мѣры, указываемыя соотвѣтственно имъ для усиленія вліянія церковной проповѣди, не принесутъ той пользы, какой ожидаютъ отъ нихъ.

Чѣмъ же объясняется неуспѣхъ современной церковной проповѣди и недостаточное вліяніе ея на народъ?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, должно обратить вниманіе на то, въ чемъ до сихъ поръ обычно полагается сила убѣдительности церковной проповѣди.

Схоластическая гомилетика, признавая возможность воздѣйствія проповѣдника на умъ, сердце и волю слушателей, считаетъ это воздѣйствіе необходимымъ слѣдствіемъ священнаго содержанія рѣчи, ея близости къ Богооткровенному ученію, результатомъ твердой логической аргументаціи мыслей, красоты и популярности изложенія и т. п. Такой взглядъ проводится, напримѣръ, въ извѣстной всѣмъ Гомилетикѣ прот. Фаворова. Трактую объ условіяхъ назидательности проповѣдническаго слова, онъ говоритъ: „чтобы проповѣдь была вполнѣ назидательной, для этого въ ней, какъ въ самомъ Словѣ Божіемъ, должно быть все свято, все истинно, все спасительно“ (стр. 100). Далѣе, разсуждая объ убѣдительности церковной проповѣди, названный гомилетъ первымъ условіемъ ея считаетъ священное достоинство рѣчи. Это же свойство проповѣдь пріобрѣтаетъ тогда, когда въ ней не только чувствуется властность тона проповѣдника, какъ служителя Божія, но „вообще когда слово проповѣдническое, по самому наружному виду своему, приближается къ Слову Божію, содержащемуся въ Св. Писаніи и церковно-богослужебныхъ книгахъ“ (стр. 144).

Итакъ, главнѣйшимъ условіемъ дѣйственности проповѣди признается связь ея съ библейскимъ ученіемъ не только по содержанію, но и по способу изложенія. Предполагается, что истина Христова ученія, побѣдившая въ древности языческой міръ, въ состояніи и теперь, сама по себѣ, въ силу,

такъ сказать, своего Божественнаго авторитета и полной объективности, повліять на душу человѣка и убѣдить его поступать согласно съ ней. Сообразно такому теоретическому взгляду, современные проповѣдники дѣйствуютъ и въ своей практикѣ. Приступая къ раскрытію предъ слушателями догматической или нравственной истины, они стараются поставить ее въ возможно близкую связь съ откровеннымъ ученіемъ, приводятъ въ доказательство или подтвержденіе ея различныя мѣста Св. Писанія, разъясняютъ ее ссылками на ученіе свв. отцовъ Церкви и, облакая все это въ болѣе или менѣе правильную, иногда даже изящную, литературную форму, заранѣе предполагаютъ, что такая проповѣдь ихъ должна имѣть успѣхъ. На самомъ же дѣлѣ она и при этихъ условіяхъ все-таки остается безплодной.

Какая же причина этого? Неужели Слово Божіе потеряло для всѣхъ свою жизненную благодатную силу, которую оно имѣло прежде? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, ибо Слово Божіе всегда живо и дѣйственно (Евр. 4, 12) и всегда „полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію еже въ правдѣ, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ“ (2 Тим. 3, 17). Если же евангельская истина въ проповѣдническомъ изложеніи, не производитъ теперь на слушателей своего спасительнаго дѣйствія, то это зависитъ не отъ нея, а отъ проповѣдника, который ее сообщаетъ. Никакая истина, хотя бы и обладающая Божественнымъ авторитетомъ и безусловно объективная, не можетъ оказать вліянія на душу человѣка, если она передана безъ личнаго живого отношенія къ ней самого проповѣдника. Въ этомъ случаѣ она будетъ имѣть значеніе холодной отвлеченной идеи, а извѣстно, что міромъ управляютъ не абстрактныя идеи, а живыя вѣрованія, сильныя убѣжденія и внутреннія глубокія переживанія. Если бы сила вліянія какой-либо идеи на душу человѣка зависѣла отъ ея объективности, то было бы трудно понять, какимъ образомъ часто производятъ неотразимое впечатлѣніе на народъ такія

рѣчи, въ которыхъ проводятся совершенно ложныя мысли или взгляды. Дѣйствительно, въ жизни нерѣдко случается, что проповѣдникъ возвѣщаетъ народу истину, истину неоспоримую, основанную и на Словѣ Божіемъ, и на требованіи здраваго разума, но его проповѣдь остается безплодной, тогда какъ бредни разума или душевно-больного человѣка весьма сильно увлекають толпу. Стоить только внимательно просмотрѣть исторію возникновенія ересей и религіозныхъ сектъ, чтобы вполне убѣдиться въ этомъ.

Очевидно, что абсолютность возвѣщаемой истины сама по себѣ еще нисколько не обезпечиваетъ реальности ея вліянія на людей.

Справедливое вообще, это утвержденіе получаетъ особую силу въ примѣненіи къ людямъ нашего вѣка. Въ настоящее время среди слушателей встрѣчается очень много лицъ, которыя не только не склонны бывають преклоняться предъ величіемъ проповѣдуемой истины, но даже не признають за ней и объективнаго значенія. Пастырь, напр., въ своихъ сужденіяхъ опирается на христіанскія понятія, истины, добра и красоты, считая ихъ безусловными и неизмѣнными критеріями человѣческой жизни, но для слушателей они уже давно утратили такой смыслъ. Можетъ ли послѣ этого слово его быть убѣдительнымъ для нихъ? Конечно, нѣтъ. „Когда старинная риторика, а за нею и гомилетика, говоритъ проф. Никольскій, исходили изъ мысли, что всему человѣчеству неотъемлемо присущи стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ, тогда дѣйствительно еще возможно было доказывать паствѣ и убѣждать ее въ томъ, что присущее ей, какъ неотъемлемое свойство ея внутренней жизни. И у проповѣдника и у слушателей было единство точекъ опоры, и они могли сговориться, исходя отсюда при помощи логическихъ разсужденій и другихъ общечеловѣческихъ способовъ соглашенія. Но въ наше время и эти критеріи уже не имѣють прежняго обаянія и значенія безусловности и всеобщ-

ности аксіомъ ¹⁾“ . Справедливость этихъ словъ несомнѣнна. Возьмемъ, прежде всего, понятіе истины. Для пастыря-проповѣдника непреложной богооткровенной истиной является все догматическое ученіе Православной Церкви, а весьма многіе изъ современной интеллигенціи или подвергаютъ его сомнѣнію, или даже отрицаютъ совсѣмъ. То же самое отношеніе наблюдается и къ христіанской морали. Господь Иисусъ Христосъ въ основу житейскихъ отношеній между людьми положилъ самоотверженную любовь къ ближнимъ, а теперь началомъ, объединяющимъ людей, признается лишь солидарность интересовъ. Въ случаѣ же столкновенія интересовъ вопросъ рѣшается не самопожертвованіемъ одного для блага другого, а исключительно взаимной борьбой съ подавленіемъ слабаго сильнымъ. Эти начала, обусловливающія настоящія отношенія между людьми, получили уже выраженіе и въ философіи и въ литературѣ. Вспомнимъ разсужденія Пюцше съ его проповѣдью крайняго индивидуализма или повѣсти Горькаго съ его идеализаціей гордыхъ, энергичныхъ, хотя бы и нравственно-разнузданныхъ лицъ. Во всѣхъ произведеніяхъ этихъ двухъ авторовъ идеаломъ выставляется не служеніе ближнему, а эгоистическое служеніе себѣ, своей личности, съ предоставленіемъ ей полной свободы въ проявленіи силы безъ всякаго ограниченія требованіями долга. Очевидно, что этими понятіями значительно подрываются основы прежней морали. И дѣйствительно, что прежде разсматривалось, какъ зло, считается теперь добромъ, а то, что ранѣе называлось добромъ, признается уже зломъ. Прежде подать нищему считалось добрымъ дѣломъ, а теперь это признается зломъ, потому что съ современной точки зрѣнія такія подачки развиваютъ лишь тушеядство и нищенство. Насильственное лишеніе человѣка жизни, съ точки зрѣнія нравственнаго закона, является страшнымъ злодѣяніемъ, а

¹⁾ Лекціи по Гомилетикѣ проф. Н. Никольскаго; литограф. изданіе студентовъ Спб. дух. ак. 1904 г., стр. 205.

въ наше время убійства и другія террористическія дѣйствія, совершаемыя революціонерами, находятъ со стороны многихъ лицъ даже тайное одобреніе себѣ. Сами виновники этихъ дѣйствій считаются уже не преступниками, а героями, достойными удивленія за твердость характера и беззавѣтную преданность своей идеѣ. Такимъ образомъ, понятіе о добрѣ, какъ нравственномъ долгѣ, не имѣетъ уже въ настоящее время своей прежней устойчивости.

То же самое должно сказать и объ идеѣ красоты. Съ точки зрѣнія христіанской религіи, истинно прекраснымъ является только то, что отрѣшаетъ душу отъ всего чувственного, земного и наполняетъ сердце высокими и святыми чувствованіями. Можетъ ли согласиться съ такимъ пониманіемъ красоты современный человѣкъ, всецѣло привязанный къ интересамъ настоящей плотской жизни? Конечно, нѣтъ. Мало того, въ наше время измѣнились даже человѣческія воззрѣнія на красоту. Прекрасное видятъ теперь въ такихъ сочетаніяхъ формъ, красокъ и линій, которыя у людей, воспитанныхъ въ прежнихъ понятіяхъ, вызываютъ лишь отвращеніе. Такое выраженіе идея красоты получила, какъ извѣстно, у такъ называемыхъ декадентовъ. Это новое направленіе въ поэзіи хорошо знакомо всѣмъ. Для насъ же важно только отмѣтить, что оно, не смотря на всю свою уродливость, держится довольно прочно и сохраняется не только въ литературѣ, но проникаетъ уже и въ другіе виды искусства, напр., въ архитектуру и скульптуру.

Итакъ, тѣ истины, которыя возвѣщаетъ проповѣдникъ и въ непреложности которыхъ онъ полагаетъ, главнымъ образомъ, силу вліянія своей проповѣди, не имѣютъ уже въ наше время безусловно-объективнаго значенія для всѣхъ людей.

Однако наши пастыри-проповѣдники, повидимому, не особенно желаютъ считаться съ этимъ фактомъ. Теоретически раскрывая догматическое или нравственное содержаніе христіанскаго ученія, они все еще полагаютъ, что этого бу-

деть вполне достаточно, чтобы убедить всякихъ слушателей. На самомъ же дѣлѣ получается иное явленіе. Не смотря на все краснорѣчіе проповѣдника, многіе изъ слушателей отворачиваются отъ его проповѣди, потому что тѣ истины, которыя являются для него непреложными, уже потеряли для послѣднихъ это значеніе. Они ищутъ новыхъ началъ жизни и не видятъ причины, по которой бы могли отдать предпочтеніе прежнимъ устоямъ. Напротивъ, эти послѣдніе кажутся имъ уже слабыми и неудовлетворительными для цѣлей лучшаго человѣческаго существованія. Отсюда понятно, почему и проповѣдь современнаго пастыря остается по большей части безплодной. Очевидно, что въ отношеніи къ указаннымъ людямъ должны быть иные способы воздѣйствія ¹⁾).

Кромѣ объективности и священнаго достоинства возвѣщаемыхъ истинъ, нынѣшніе церковные проповѣдники полагаютъ силу вліянія своей проповѣди и въ строгой логической аргументаціи мыслей. Казалось бы, дѣйствительно, что логическіе доводы, благодаря уже своей внутренней силѣ, должны непреодолимо дѣйствовать на умы и волю слушателей. Но такъ ли это бываетъ на самомъ дѣлѣ?

Посмотримъ прежде всего, какое значеніе имѣютъ законы логики для жизни индивидуума. Повседневный опытъ съ очевидностью убѣждаетъ, что человѣкъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ не столько законами здраваго мышленія, сколько внутренними влеченіями сердца. Даже убѣжденія ума вліяютъ на направленіе воли человѣка только тогда, когда они спустились изъ подвижныхъ сферъ мысли въ ту устойчивую и бессознательную область чувствъ, гдѣ именно и вырабатываются главные мотивы нашихъ поступковъ. Такихъ лицъ, которыя бы всегда дѣйствовали согласно требованіямъ разсудка, наблюдается въ дѣйствительности очень мало.—Если же человѣкъ руководится въ жизни болѣе чув-

¹⁾ Авторъ, очевидно, и здѣсь разумѣетъ интеллигенцію: о простомъ народѣ, жизнь котораго пока еще не успѣла сбить съ истиннаго пути разныя пресвѣтители, этого нельзя сказать.

ствомъ, нежели здоровымъ смысломъ, то можно ли при воздѣйствіи на него ограничиваться одними логическими разсужденіями? Очевидно нѣтъ. Иной разъ самъ человѣкъ сознаеть вредъ какой-либо своей привычки, но все-таки не можетъ отстать отъ нея. Разсудокъ говоритъ ему, что этого дѣлать нельзя, а чувство снова влечетъ его къ тому же.

Сказанное сейчасъ относительно отдѣльнаго человѣка вполне приложимо и къ жизни цѣлаго общества или народа. „Чистое логическое разсужденіе, хотя бы и умное, говоритъ порф. Пѣвницкій, не даетъ слова, впечатлительнаго для народа“ ¹⁾. Попробуйте, дѣйствительно, логическимъ путемъ убѣдить общество отказаться отъ тѣхъ идей или воззрѣній, которыя составляютъ, такъ сказать, его настроеніе въ извѣстный моментъ. Пусть эти идеи не оправдываются съ точки зрѣнія здоровой логики, однако искоренить ихъ въ это время бываетъ весьма трудно. Последнее же происходитъ отъ того, что общество, какъ и отдѣльный индивидуумъ, въ своемъ поступательномъ движеніи впередъ руководится не столько законами логики, сколько особыми законами біологіи. Имъ болѣе управляютъ не тѣ истины или начала, которыя являются продуктомъ научнаго мышленія, а идеи, такъ сказать, подсознательныя, укоренившіяся въ немъ путемъ воспитанія, привычки или наслѣдственности, хотя бы эти послѣднія и не имѣли объективной истинности. Справедливость сказаннаго вполне подтверждается существованіемъ въ обществѣ различныхъ предрасудковъ и суевѣрій. Многія изъ нихъ, если не всѣ, съ точки зрѣнія здоровой логики оправдать нельзя, а между тѣмъ они сохраняютъ въ обществѣ свою силу и живучесть и являются убѣдительными даже для людей здоровомыслящихъ. Конечно, въ сферѣ подсознательныхъ идей, которыя заправляютъ жизнью народа, есть много истинъ, добытыхъ и путемъ правильнаго научнаго мышленія,

¹⁾ Пѣвницкій. Популярность—обязат. качество церк. проповѣди. Тр. Кіев. дух. ак. 1905 г. авг., стр. 615.

но чтобы онѣ могли получить такое значеніе, часто нужно бываетъ пройти цѣлымъ вѣкамъ со времени ихъ перваго появленія въ мірѣ. Вспомнимъ, какъ отнеслись, напр., современники къ великимъ открытіямъ Коперника и Галилея. Не смотря на всѣ научныя данныя, которыя съ логической необходимостью подтверждали вѣрность ихъ изысканій, общество тѣмъ не менѣе, за немногими исключеніями, отнеслось къ нимъ совершенно отрицательно. Традиціонныя взгляды на міръ были настолько тверды, что потребовались цѣлые вѣка, прежде чѣмъ открытія названныхъ ученыхъ сдѣлались обычнымъ міровоззрѣніемъ каждаго.

Итакъ, при воздѣйствіи на общество, хоть бы и состоящее изъ людей образованныхъ, степенныхъ и разсудительныхъ, строгая логичность сужденій не является еще непремѣннымъ ручательствомъ убѣдительности ихъ.

Но если и такіе люди не всегда подчиняются трезвому голосу разсудка, то что же сказать о безпорядочной толпѣ, особенно находящейся въ состояніи броженія или недовольства чѣмъ-либо? А вѣдь пастырю Церкви приходится обращаться съ проповѣдью и въ такихъ случаяхъ!

Уже давно подмѣчено, что при непосредственномъ отношеніи къ толпѣ употребленіе логическихъ разсужденій бываетъ совершенно бесполезно. Лебонъ и другіе изслѣдователи утверждаютъ, что „толпа не разсуждаетъ, или разсуждаетъ ложно и не подчиняется вліянію разсужденій. Не разъ приходится удивляться, говорить Лебонъ, какъ плохи въ чтеніи рѣчи, имѣвшія огромное вліяніе на толпу, слушавшую ихъ“. „Эта неспособность правильно разсуждать мѣшаетъ ей критически относиться къ чему-либо, т. е. отличать истину отъ заблужденія, и имѣть опредѣленное сужденіе о чемъ-либо. Аргументы, имѣющіе для нея значеніе, принадлежатъ къ такому разряду, что, съ точки зрѣнія логики, развѣ только по аналогіи могли бы быть названы разсужденіями“¹⁾. Правиль-

¹⁾ Цитир. лекціи проф. Никольскаго стр. 199—200.

пость этихъ наблюденій вполнѣ подтверждается исторіей общественныхъ движеній. Возьмемъ для примѣра такой фактъ, довольно часто повторяющійся въ настоящее время. Ведутъ на вокзаль или пароходъ партію политическихъ ссыльныхъ, которыхъ, какъ это вездѣ бываетъ, обычно сопровождаетъ большая толпа народа. Толпа эта сначала держитъ себя спокойно, но вдругъ раздается голосъ: „выручайте товарищей!“ Этихъ словъ, брошенныхъ къмъ-то въ толпѣ, бываетъ достаточно, чтобы вся масса провожающихъ обрушилась на конвой съ цѣлью освободить политическихъ. Никакія разумныя увѣщанія, обращаемыя къ толпѣ, уже здѣсь не помогутъ. Настроеніе массы захватываетъ каждого въ отдѣльности, и всѣ идутъ къ своей цѣли, не разсуждая о томъ, въ состояніи ли они достигнуть ее. Здѣсь уже дѣйствуетъ особая психологія, психологія толпы, которая существенно отличается отъ психологіи индивидуумовъ. Если въ состояніи изолированности человѣкъ является существомъ вполнѣ сознательнымъ—онъ и разсуждаетъ здраво и дѣйствуетъ разумно,—то въ толпѣ сознательная личность его или значительно ослабляется, или даже исчезаетъ совсѣмъ. Тѣ душевныя состоянія, которыя составляютъ его индивидуальное отличіе, въ массѣ совершенно сглаживаются. Сливаясь съ нею, человѣкъ уже перестаетъ жить своею собственною жизнью, присущею ему, какъ сознательному субъекту, а живетъ тѣми психическими процессами, которые являются у него общими со всѣми остальными. Его мыслями, чувствами и дѣйствіями руководитъ уже не его собственное психическое начало, а то безсознательно усвоенное настроеніе, которымъ управляется и вся толпа. Очевидно, что для воздѣйствія на психику массы требуются уже не отвлеченныя, хотя бы и разумныя, разсужденія, а совершенно иные способы убѣжденія.

И такъ, наблюденія надъ жизнью индивидуальной, общественной и особенно надъ жизнью толпы ясно показываютъ, что законы объективной логики далеко не всегда сохраняютъ для людей свою обязательную силу. *С. Соминъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Дѣятельность приходскаго совѣта.

Одинъ изъ священниковъ Воронежской епархіи сообщаетъ въ мѣстныхъ „еп. вѣд.“ о дѣятельности приходскаго совѣта при его церкви. Члены совѣта упразднили въ церкви шумъ, хожденіе и разговоры праздныхъ людей, упразднили въ дни говѣнья торговлю бубликами около храма, развлѣкавшую бывшую на говѣннн молодежи; рѣшили „слѣдить и узнавать,“ кто неисправно посѣщаетъ церковь и не бываетъ у исповѣди, и „братски увѣщавать“ такихъ людей, изыскивать способы къ болѣе исправному посѣщенію церковныхъ богослуженій и исполненію долга исповѣди. Братскимъ воздѣйствіемъ искоренена въ селѣ тайная продажа водки, картежныя игры, явный развратъ. Помимо этого совѣтомъ произведенъ небольшой ремонтъ церкви, оказано пособіе 17-ти приходскимъ бѣднымъ къ празднику Пасхи, выдана награда любительскому хору и т. д. (Рижск. епарх. вѣд. № 23).

б) О пользѣ религіозно-нравственныхъ чтеній.

Священникъ Н. М. Мощанскій въ „Кормчемъ“ такъ описываетъ пользу религіозно-нравственныхъ чтеній. „До начала чтеній приходъ мой, говоритъ о. Мощанскій, былъ кляузный и пьяный, теперь же онъ облагородился до неузнаваемости. Въ приходѣ открыто и широко функционируетъ церковно-приходское попечительство; въ нашей мѣстности это рѣдкость, а между тѣмъ какое это живое и доброе учрежденіе! Открыто и далеко за предѣлами прихода извѣстно наше общество трезвости. Начата постройка величественнаго храма. Кругомъ насъ были забастовки, аграрныя безпорядки, вызовъ войскъ, аресты. Въ Романовѣ же полнѣйшая тишина: являлись „ораторы“, но крестьяне ихъ не приняли, заявивъ, что у нихъ есть свой наставникъ. Вотъ ощутительные плоды религіозно-нравственныхъ чтеній! Стоитъ трудиться, стоитъ горѣть и свѣтить!“

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать разрѣшается Кіевъ, 4 го Января 1907 года

Цензоръ сзачедаикъ Николай Гроссу

Университетская типографія. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вной Семинаріи.

1907-го года января 14-го дня.

Содержаніе: I. Необходимость для православнаго духовенства самаго дѣ-
лительнаго участія въ выборахъ во вторую Государственную Думу.—
II. Церковный бракъ старообрядцевъ и сектантовъ (окончаніе).—
III. Организация благотворительности въ древней Церкви и виды
современной благотворительности приходской.—IV. Община и ея
судьба.—V. Чѣмъ и какъ устранить недостатки современной про-
повѣди (въ связи съ ученіемъ новой психологін о внушеніи) (про-
долженіе)—VI. Не соблазнъ ли?—Замѣтки: а) Общее мнѣніе исклю-
чаетъ ли необходимость мнѣнія клирсваго и хороваго?—б) Белле-
тристика въ церковныхъ бібліотекахъ.

Необходимость для православнаго духовенства самаго дѣлительнаго участія въ выборахъ во вто- рую Государственную Думу.

Мы переживаемъ и тяжелое, и странное время. Тяжело оно, потому что идетъ уже болѣе двухъ лѣтъ смута, совершаются убійства, льется кровь, всюду и все, начиная отъ имущества и кончая наукой, разоряется. Странно нами переживаемое время, ибо происходитъ на каждомъ шагѣ какое-

то смѣшеніе понятій, еще вчера, повидимому, для всѣхъ ясныхъ; всюду почти наблюдается свободное легкомысленное отреченіе не только отъ своихъ убѣжденій, но и отъ самихъ себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительное нежеланіе думать серьезно, *sine ira et studio*, о будущемъ. Во что вѣрили, что считали непоколебимымъ, обязательнымъ для себя еще вчера, сегодня все это оказывается не только не нужнымъ и никуда не годнымъ, но даже рѣшительно вреднымъ. Неужели же, невольно вырывается изъ глубины души вопросъ, такъ легко „переоцѣниваются всякія цѣнности“, даже самыя высокія? И гдѣ причина такой нигдѣ не наблюдаемой склонности къ быстрой и безопадной переоцѣнкѣ? Мы не имѣемъ въ виду тѣхъ, для кого переоцѣнка нашихъ русскихъ цѣнностей, да не только переоцѣнка, но и разореніе ихъ и подмѣна новыми, несомнѣнно полезна, — мы имѣемъ въ виду только своихъ, носящихъ и имя русское, и платье русское, и даже въ душѣ своей считающихъ себя русскими, православными и любящими свою родину, и спрашиваемъ самихъ себя: да неужели же они не видятъ, куда и за кѣмъ идутъ, къ чему ведутъ за собою иногда цѣлыя толпы юношества и простого крестьянства? Много, очень много и другихъ вопросовъ поднимается при видѣ той сумятицы, которая царитъ въ текущей жизни и умахъ многихъ современныхъ намъ людей.

Но самыя тяжелые вопросы возникаютъ въ той области нашей жизни, которая всегда имѣла, имѣетъ еще пока и теперь особенное значеніе для всего русскаго народа, въ которой скрывается все будущее нашей Православной Церкви и нашего православнаго духовенства.

Сколько страданій, лишеній пережило Русское земледіе и русскимъ народомъ за время строенія имъ своего государственнаго зданія; сколько имъ приписано жѣртвъ на благо другимъ и нерѣдко во вредъ себѣ,—и всегда вмѣстѣ съ нимъ страдали, терпѣли неимоверныя лишенія и несли дорогія жертвы и православные пастыри, духовные его отцы, его

„батюшки“. Огнемъ и мечемъ прошли татары всю Русь, сотни городовъ, тысячи деревень, тысячи храмовъ—съ ихъ книжными богатствами превращены были въ пепель и мусоръ, сотни тысячъ русскихъ, преимущественно простыхъ людей, погибли отъ меча, огня, голода, холода и въ татарской неволѣ. Православные пастыри были въ это тяжкое время со своими на-сомыми, утѣшали, ободряли, указывали имъ словомъ и дѣломъ пути къ будущему, молились за избѣенныхъ, ходатайствовали за живыхъ, собирали „полоняничную копейку“ на выкупъ плѣнныхъ, совѣтовали князьямъ и боярамъ о лучшемъ благоустройствѣ всей жизни, не только церковной, но и общественно-политической, бывали перѣдко и въ Ордѣ, строили храмы и монастыри, — и всюду, всюду несли, по разуму и совѣсти своей несли свѣтъ жизни, надежды не ложныя на будущее.

Застонала юго-западная Русь подъ игомъ польско-еврейскимъ и католическимъ. Заалѣла русская кровь на поляхъ Мало-и Бѣлороссійскихъ, полились горькія слезы бѣднаго, въ большинствѣ простого русскаго народа, за свою гонимую вѣру и Церковь, за свое желаніе быть и оставаться навсегда русскимъ. Дворянство русское въ большинствѣ, высшее духовенство въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей соблазнилось благами міра сего, успокоивъ свою совѣсть возможностью при польскомъ господствѣ лучшихъ порядковъ, большихъ успѣховъ въ области просвѣщенія и общественности, даже увѣривъ себя въ *необходимости* такъ поступить, какъ оно поступило, перешло на сторону гонителей, встало въ ряды панства и шляхетства, бискуповъ и архибискуповъ. Но простой народъ остался въ своей вѣрѣ, а съ нимъ и православное рядовое пастырство. Приходилось испытывать и тому и другому муки мученическія отъ жолперовъ, невыразимое униженіе и издѣвательство отъ евреевъ—арендаторовъ имѣній и церквей; но слезы лились многоводною рѣкою, стоны всюду слышались при видѣ запираемыхъ храмовъ, поруганія святыни и терзаній „упорныхъ поповъ и

хлоповъ“, а вѣру свою народъ и пастыри берегли, своего имени русскаго православнаго не мѣняли ни на что и ни за что, разными обѣщанными благами за измѣну вѣрѣ и народности не соблазнялись... Лѣса и поля, рѣки и ручьи, города и селенія Малой и Бѣлой Руси и теперь еще могутъ повѣдать о быломъ, о былыхъ мученіяхъ, о былыхъ дѣяніяхъ мужественныхъ борцовъ за вѣру и народность, о происшедшемъ потомъ торжествѣ правды русской, православной надъ казавшимся многимъ непобѣдимымъ, всеильнымъ врагомъ. Пастыри Церкви, „батюшки“ родные тогда грудью и жизнью отстаивали православные алтари, уходили вмѣстѣ съ своими прихожанами въ лѣса и здѣсь совершали богослуженіе, молились, учили, укрѣпляли своихъ пасомыхъ, шли вмѣстѣ и впереди и на полѣ брани и безбоязненно слагали здѣсь свои головы.

Замутилась вся Русская земля. Грознымъ, всесокрушающимъ потокомъ прошла смута отъ края до края по Московскому царству, покрыла все его неплотью, мусоромъ, трупами, взаимною ненавистью, ордами одичавшихъ своихъ и чужихъ людей и въ концѣ концовъ отдала въ руки исконныхъ враговъ Москву — столицу и ея святыни. Все, казалось, погибло, и радовались „погибельные сыны“, думая, что настали новыя времена, съ новой лучшей (для нихъ, конечно) жизнію. Своихъ царей въ ту смуту убивали и не хотѣли признавать, а чужихъ желали; свои порядки хулили, а чужіе превозносили и мечтали объ ихъ насажденіи. Высшее и низшее боярство, князья—рюриковичи, гедиминовичи и простые выскочки, превратившись въ большинство случаевъ въ „перелетовъ“, отвернулись отъ всего своего русскаго и согласились съ легкою душою „отдаться во всемъ на волю короля Сигизмунда“,—того самаго Сигизмунда, который особенно жестоко гналъ русское имя, православную вѣру въ подвластной ему тогда Бѣлой и Малой Руси, насильно, съ жолнерами и евреями, „обративъ“ въ унию до двухъ милліоновъ русскаго народа. Такимъ образомъ—все,

надъ чѣмъ трудились въ предшествовавшее смутъ время князья, бояре, духовенство и весь наредъ, что было выстрадано душою русскою, что выпрошено общерусскою горячею молитвою предъ Господомъ Богомъ у православныхъ алтарей, во что вѣрили, какъ въ непоколебимое, несокрушимое,—все это, повидимому, погибло, лежало поруганнымъ во прахѣ у ногъ злого врага Церкви Православной, Руси святой... Но въ дѣйствительности далеко не все погибло, и лежавшее во прахѣ снова и скоро было воздвигнуто и водружено въ прежнемъ величїи и славѣ и на прежнемъ мѣстѣ. Кто же это чудо въ жизни народной совершилъ? Кто затуманенныя обманомъ, обѣщанїями, низкими инстинктами очи народа открылъ и путь къ правдѣ и торжеству указалъ? Какъ бы иные ни старались умалить или переименовать заслуги нашего духовенства во время великой смуты (французы, быть можетъ, назвали бы ее великой революціей,—много сходства: царя тоже у насъ убили, родной крови пролили не меньше, государство разорили и о новыхъ польскихъ идеяхъ мечтали),—исторїя безстрастно и ясно говоритъ намъ, что главными дѣятелями по восстановленію порядка на Руси въ эту смуту и послѣ нея были православные пастыри—и притомъ всѣхъ іерархическихъ степеней. До пожертвованїя своею жизнью въ тяжкихъ страданїяхъ и лютыхъ мученїяхъ отъ лютыхъ враговъ стоялъ на своемъ высокомъ патріаршемъ столѣ патріархъ Гермогенъ, всѣми силами своего твердаго характера останавливалъ безумныхъ предателей, призывалъ истинно-русскихъ, православныхъ людей на защиту Москвы и ея святынь, съ кремлевскихъ стѣнъ дрожащею отъ изнуренїя и мукъ рукою благословилъ въ послѣдній разъ идущую рать отъ Нижняго Новгорода. Скромный, чуждый исканїй славы архимандритъ Троице-Сергіевой лавры Дїонисій не только открылъ всѣ житницы лавры, ея сокровища на помощь государству, обиженнымъ, искалѣченнымъ людямъ, но денно и ношно писалъ и посылалъ грамоты, призывая русскихъ православныхъ людей къ защитѣ государства, къ борь-

бѣ съ врагами родины,—врагами чужими и своими, и одна изъ этихъ именно грамотъ вызвала къ жизни русскія упавшія было силы и дала спасеніе Москвѣ. Авраамій Палицынъ, протопопы Новгородъ и Нижняго, простые „попы“—все они, занесенные и незанесенные на скрижали исторіи, грудью стояли за родину-мать, за Церковь Православную, все они вели народъ словомъ и дѣломъ къ очищенію земли, не задаваясь вопросомъ, можно ли это дѣлать. По чувству Христовой любви и исполняя завѣты святые пастырства, духовнаго водительства чадами Божиими, они шли съ народомъ на великое государственное дѣло, вѣря и надѣясь, что они это дѣло завершатъ во славу Церкви Православной и земли родной. Такъ по ихъ вѣрѣ и надеждѣ и совершилось.

Такъ было во времена былыя. Въ то время никто не сомнѣвался въ томъ, что пастыри Православной Церкви, служители алтаря, учителя и духовные отцы народа должны были стоять рядомъ съ народомъ и дѣломъ и словомъ помогать ему выйти съ торжествомъ изъ постигшихъ его бѣдъ. А теперь не то! Теперь, когда Русь замутилась вся отъ верху и до низу, когда ея постигли неисчислимыя матеріальныя и нравственныя страданія, когда торжество разлагающихъ началъ грозитъ гибелью Русскому царству и жестокими потрясеніями Православной Церкви,—теперь нерѣдко мы слышимъ совѣты, разъясненія, лицемѣрныя указанія, чтобы православное духовенство держалось въ сторонѣ отъ совершающагося губительнаго политическаго броженія, чтобы оно не „впутывалось“ въ борьбу политическихъ партій... Почему? Потому, говорятъ: что это вмѣшательство въ борьбу партій не свойственно, даже противорѣчитъ самой идеѣ пастырства: пастырь долженъ учить словомъ, церковною и иною проповѣдью, учить всѣхъ, не различая, къ какимъ партіямъ люди принадлежать,—правымъ и лѣвымъ; его обязанность приготавливать своихъ пасомыхъ къ царству небесному, насаждать среди нихъ евангельскія истины вѣры и нравственности,—а какія формы быта общественнаго и политическаго будутъ

установлены его пасомыми на землѣ, въ этомъ земномъ царствѣ,—это для него не важно. Кромѣ того, дѣятельное участіе въ политической современной жизни неизбежно приведетъ православныхъ пастырей къ тому, что они должны будутъ объявить себя сочувствующими той или другой политической партіи; а это поведетъ въ свою очередь къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ для паствы и для пастырей: усилятся недоразумѣнія и раздоры среди первой, разовьется ненависть и даже преслѣдованія послѣднихъ со стороны тѣхъ изъ пасомыхъ, которые будутъ считать пастыря политическимъ врагомъ, и вообще — это участіе поведетъ неизбежно къ умаленію авторитета пастырства православнаго и отвратить отъ него православный русскій народъ; да и въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ положеніи окажутся тѣ пастыри, которые вмѣстѣ съ своими партіями окажутся въ концѣ концовъ побѣжденными? Не мало и другихъ доводовъ приводится, чтобы пастыри православные самоустранились отъ участія въ наступившей борьбѣ предъ выборами во вторую Государственную Думу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно на западныхъ окраинахъ нашихъ, большую убѣдительную силу для духовенства приобрѣло указаніе на то, что во время выборовъ въ первую Думу духовенство православное почти поголовно было забаллотировано крестьянами; — попробуйте, говорятъ, и теперь испытаете тотъ же позоръ: народъ ясно-де выразитъ свой взглядъ на то, должно ли православное духовенство участвовать въ политической жизни и дѣятельности государства.

И мы должны сказать, приведенные „доводы“ произвели и производятъ свое дѣйствіе, и притомъ тѣмъ большее, что они идутъ отовсюду: сверху и снизу, со стороны враговъ Церкви и государства и со стороны друзей ихъ, со стороны печати и устнаго общественнаго мнѣнія. И напало на все православное пастырство великое раздумье,—что же дѣлать? Тѣ изъ пастырей, для которыхъ „спокойствіе“ дороже всего, съ необыкновенною быстротою ухватились за до-

воды и указанія, какъ за якорь спасенія своего „спокойствія“, въ дѣйствительности же равнодушія ко всему,—и къ благу души своей, къ и благу врученныхъ имъ пасомыхъ,—той инертности, которая, къ сожалѣнію, въ силу разнородныхъ и многихъ причинъ свили себѣ прочное гнѣздо во всей жизни таковыхъ пастырей. Другіе, чувствуя, что у нихъ при видѣ всего совершающагося бьется сердце, душа требуетъ хоть какой-нибудь дѣятельности, слѣдуя „указаніямъ“, стараются успокоить сердце, удовлетворить зовъ своей души усиленнымъ проповѣдничествомъ, но не на темы общественно-политическаго характера. Третьи,—къ счастью, ихъ не много,—прикрывшись „указаніями“ и вооружившись діалектическими способностями, а главное возможностью посредствомъ общихъ и высокихъ разсужденій на евангельскія темы о любви, о царствѣ не отъ міра сего, о состраданіи, о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ и т. п.,—прикрывшись и вооружившись всѣми этими средствами, все-таки рѣшительно, хотя и безыменно въ отношеніи къ партіи стали на сторону тѣхъ, для которыхъ прошедшее чуждо, настоящее ужасно, а будущее представляется прекраснымъ только на развалинахъ прошедшаго и настоящаго. Во имя торжества якобы евангельской истины, правды Божіей на землѣ, уничтоженія неравенства людей по общественному и матеріальному положенію ихъ эти пастыри и съ церковнаго амвона, и писаніями своими настойчиво проповѣдуютъ разрушительныя теоріи и, величая на разные лады дарованная 17 октября свободы, идутъ сами и ведутъ за собою не мало лицъ въ сторону тѣхъ, для которыхъ единственная цѣль въ начавшейся и все болѣе и болѣе развивающейся у насъ политической борьбѣ заключается въ разрушеніи, въ униженіи главнѣйшихъ началъ нашей общественно-политической жизни. Среди этихъ пастырей—есть дѣйствующие по убѣжденію, есть и иные...

Вотъ въ какомъ положеніи оказалось въ большинствѣ своемъ православное пастырство въ тяжкую годину нашей государственной жизни! И мы являемся свидѣтелями того,

что, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ въ жизни: во время бури, внезапно вспыхнувшего смятенія люди также внезапно теряютъ прежнее пониманіе самыхъ святыхъ, дорогихъ истинъ! Такъ именно и случилось со многими изъ насъ теперь, во время разразившейся надъ Русской землей революціонной бури. По времени съ начала этой бури прошло не мало, дѣйствительныя причины, средства и конечныя цѣли нашей революціи постепенно выяснились или выясняются, — такъ не пора ли отрезвѣть намъ всѣмъ отъ революціоннаго угара и освободиться отъ напущеннаго на насъ тумана?

М. Гильвушевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Церковный бракъ старообрядцевъ и сектантовъ.

(Окончаніе 1).

По закону 17 окт. 1906 г. для старообрядцевъ, признающихъ священство и таинство брака, бракосочетательнымъ моментомъ признано вѣнчаніе. „Бракосочетающіеся записываются въ книги немедленно по совершеніи соотвѣтствующей требы“. Правда, и такіе браки попрежнему подлежатъ юрисдикціи исключительно свѣтскаго суда, но иначе не можетъ и быть, разъ законъ не знаетъ енархіальной или иной какой-нибудь старообрядческой духовной власти, стоящей надъ общиною. Самое веденіе метрическихъ книгъ передано настоятелямъ старообрядцевъ или наставникамъ объединенныхъ въ общины сектантовъ подобно тому, какъ оно предоставлено и признанному духовенству другихъ исповѣданій.

Гражданская регистрація браковъ оставлена лишь для тѣхъ сектантовъ, которые вовсе не признаютъ духовенства, или не пожелали бы объединиться въ зарегистрированные об-

1) См. № 1 за 1907 г.

щины. Но и въ данномъ случаѣ законъ 19 апрѣля 1874 г. подвергся существеннымъ измѣненіямъ. Правила 17 октября 1906 г. (ст. 39—51), оставляя попрежнему для деревень акты состояній въ рукахъ волостного правленія, въ городахъ устраняють отъ веденія ихъ полицію и поручають это дѣло городскимъ управамъ. При прежнихъ порядкахъ раскольники жаловались и на полицію, и на то, что имена ихъ брачующихся выставляются при дверяхъ полицейскихъ управленій рядомъ съ именами подлежащихъ сыску преступниковъ.

Самый текстъ новыхъ правилъ говоритъ уже не о супругахъ, а о брачующихся, и не о записи брака, а о вступленіи въ бракъ. „Сектанты, *желающіе вступить въ бракъ*, должны заявить объ этомъ подлежащему установленію по мѣсту жительства какъ *жениха*, такъ и *невѣсты*... По истеченіи семидневнаго срока *оба сочетающіеся* должны лично явиться въ установленіе и заявить ему просьбу о *внесеніи записи о бракосочетаніи въ книгу*“ (ст. 46). Попрежнему не могутъ быть внесены въ книгу браки, „воспрещенные законами гражданскими и уголовными“. По „если постановленіе объ отказѣ въ внесеніи акта въ книгу *будетъ по жалобѣ сочетавшихся* отмѣнено, то внесенный затѣмъ въ книгу *актъ о бракосочетаніи имѣетъ силу со дня заявленія просьбы о внесеніи акта*“. Очевидно, законъ имѣетъ въ виду ту просьбу о внесеніи акта, отказъ въ которой и послужилъ поводомъ къ жалобѣ, а не то первоначальное заявленіе, о которомъ говорилъ законъ 1874 года. Измѣненія, внесенныя новымъ закономъ, касаются не только формальностей; имъ внесено ясное указаніе на бракозаключительный моментъ. Такимъ является моментъ заявленія брачующимися просьбы о внесеніи акта. До этого момента законъ смотритъ на нихъ, какъ только на „желающихъ вступить въ бракъ“, „жениха и невѣсту“, „брачующихся“; послѣ же ихъ заявленія называетъ ихъ уже *бракосочетавшимися*. Такимъ образомъ хотя гражданскіе чины попрежнему устранены отъ всякаго активнаго участія въ самомъ заключеніи брака, и самая запись попрежнему

является лишь регистраціею уже совершившагося акта, мы по отношенію къ сектантамъ, не признающимъ духовенства, можемъ говорить о гражданскомъ бракѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ихъ бракъ подходитъ подъ ту форму гражданского брака, которая въ западно-европейской наукѣ называется гражданскимъ бракомъ по необходимости (*Nöth-sivilehe*). Но необходимость эта заключается не въ томъ, что нашъ законъ не признаетъ ихъ церковнаго брака, а въ томъ, что сами такіе сектанты не видятъ въ бракѣ ничего религіознаго и ни въ какомъ случаѣ не могутъ смотрѣть на бракъ, какъ на таинство. Вводя для нихъ гражданскій бракъ, наше законодательство отнюдь не отстываетъ отъ своего общаго принципа; оно смотритъ на бракъ такихъ сектантовъ такъ, какъ смотрятъ на него они сами, и лишь не желаетъ навязывать имъ такихъ религіозныхъ взглядовъ, какихъ они сами не имѣютъ.

Также осторожно относится законъ и къ тѣмъ сектантамъ, которые, не признавая священства, признаютъ духовныхъ лицъ въ видѣ наставниковъ. Законъ ничего не говоритъ въ данномъ случаѣ о вѣнчаніи, какъ бракоустановительномъ моментѣ, а ограничивается постановленіемъ, что „на наставниковъ возлагается веденіе книгъ для записи рожденій, браковъ и смертей ихъ одновѣрцевъ на основаніи установленныхъ по сему предмету правилъ“ (ст. 35). Дѣло въ томъ, что и среди такихъ сектъ есть не признающія за бракомъ значенія религіознаго учрежденія.

Такимъ образомъ и по закону 17 окт. 1906 года мы такъ же далеки отъ введенія гражданского брака вообще и обязательнаго гражданского брака въ частности, какъ и при законѣ 1874 года.

Осторожность нашего законодательства по вопросу о бракѣ весьма понятна. Обязательный гражданскій бракъ по западно-европейскому образцу въ смыслѣ единственной и одинаковой для всѣхъ, независимо отъ вѣроисповѣданія, формы заключенія брака представляетъ громадныя преимущества для

государства, непосредственно въ рукахъ котораго при этомъ сосредоточиваются все акты гражданскихъ состояній. Но въ то же время обязательный гражданскій бракъ предполагаетъ и единое для всего населенія государства матеріальное брачное право. При обязательномъ гражданскомъ бракѣ государство не можетъ, напр., допускать полигамію для однихъ и запрещать ее для другихъ; оно должно или допустить ее, или запретить ее для всѣхъ одинаково. Достаточно обратить вниманіе хоть бы на этотъ только одинъ вопросъ, чтобы понять, что введеніе обязательнаго гражданского брака дѣло далеко не такое простое, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Западно-европейскіе народы смотрятъ на бракъ, какъ на союзъ моногамическій; они могутъ игнорировать противоположныя воззрѣнія тѣхъ немногочисленныхъ полигамистовъ, которые живутъ и среди нихъ и понимаютъ подъ гражданскимъ бракомъ союзъ только моногамическій. Но и на западѣ тамъ, гдѣ магометане представляютъ сплоченное населеніе введеніе, обязательной моногаміи встрѣчается съ очень серьезными заключеніями. Въ такомъ положеніи оказалась классическая страна гражданского брака Франція, когда она приобрѣла Алжиръ съ господствующимъ магометанскимъ населеніемъ. Ради поддержанія во всей силѣ обязательности гражданского моногамическаго брака для всѣхъ французскихъ гражданъ ей пришлось лишить своихъ новыхъ подданныхъ правъ французскихъ гражданъ. Алжирцамъ предоставлено жить по ихъ собственному праву, допускающему полигамію и не знающему обязательнаго гражданского брака; но въ то же время они лишены политическихъ правъ французскихъ гражданъ. Для того, чтобы приобрести послѣднія, алжирецъ долженъ признать обязательнымъ для себя исключительно общепольское право, въ томъ числѣ и обязательный моногамическій гражданскій бракъ. Это послѣднее обстоятельство и по настоящее время представляетъ самое серьезное

препятствіе для распространенія равноправія на всѣхъ французскихъ подданныхъ.

Въ Россіи въ случаѣ введенія обязательнаго гражданскаго брака дѣло оказалось бы еще болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ во Франціи. О допущеніи полигамическаго гражданскаго брака для всего русскаго населенія едва ли можно говорить; это было бы страшнымъ регрессомъ законодательства. Въ то же время было бы весьма рискованнымъ какъ навязывать многочисленнымъ русскимъ магометанамъ обязательную моногамію, такъ и ограничивать ихъ права въ случаѣ, если бы они не пожелали разстаться съ полигаміею. Для Россіи при настоящихъ условіяхъ гораздо благоразумнѣе послѣдовать не примѣру Франціи, а примѣру Англіи, которая воздерживается отъ введенія обязательнаго гражданскаго брака.

Но это не мѣшаетъ урегулированію вопроса о регистраціи брака, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, можетъ быть гражданскою и при церковной формѣ брака. Метрическія книги въ глазахъ государства являются прежде всего актами состоянія, кѣмъ бы онѣ ни велись; требованіе отъ нихъ точности не есть вмѣшательство въ религіозныя дѣла даннаго вѣроисповѣданія. Регистраторъ, являясь органомъ безспорной юрисдикціи, долженъ удовлетворять минимальнымъ требованіямъ, предъявляемымъ судью: онъ долженъ быть независимъ отъ частныхъ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ веденіи актовъ состоянія. Далекое не всѣ духовныя лица удовлетворяютъ этому элементарному требованію въ равной мѣрѣ. Православный священникъ, ксепдзъ и даже настоятель въ качествѣ органовъ веденія актовъ состоянія являются органами соотвѣтствующей епархіальной власти, а не органами прихода или заинтересованныхъ прихожанъ; за такими духовными лицами можно признать въ данномъ случаѣ извѣстную судейскую независимость. Въ иномъ положеніи находятся старообрядческіе настоятели и сектантскіе пастырьки. Въ качествѣ органовъ веденія актовъ состоянія

старообрядцевъ и сектантовъ они вполнѣ подчинены своимъ общинамъ, члены которыхъ, правда, непосредственно заинтересованы въ веденіи актовъ состояній, но далеко не всегда заинтересованы въ правильномъ ихъ веденіи. Въ приблизительно такихъ же условіяхъ находится веденіе еврейскихъ метрическихъ книгъ, и онѣ могутъ служить иллюстраціею.

Надзоръ губернскаго правленія не можетъ самъ по себѣ обезпечить ту точность метрическихъ записей, какою онѣ должны обладать, какъ акты публичной достовѣрности. Онъ можетъ быть лишь формальнымъ, матеріальная же правильность записи всегда зависитъ отъ регистратора. Русскому законодательству рано ли—поздно ли придется послѣдовать примѣру англійскаго. Въ Англійи далеко не каждый священникъ, имѣющій право совершать вѣнчаніе, обладаетъ правомъ веденія актовъ состояній. Священники непривилегированныхъ церквей обязаны приглашать къ вѣнчанію гражданскаго регистратора, который присутствуетъ при обрядѣ и производитъ въ своихъ книгахъ соответствующую метрическую запись.

Проф. Универс. *Ил. Соколовъ.*

Организація благотворительности въ древней Церкви и виды современной благотворительности приходской.

Для того, чтобы имѣть вѣрное представленіе о томъ, въ какой формѣ можетъ и должна быть организована приходская благотворительность въ настоящее время, бросимъ бѣглый взглядъ на организацію благотворительности въ древне-христіанской Церкви.

Жизненнымъ нервомъ древне-христіанской жизни была христіанская любовь: она проникала собою всѣ 'отправленія духовной жизни христіанъ до той степени, что, по словамъ книги Дѣяній св. апостоловъ, „у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія

своего не называли своимъ, но все у нихъ было общее... По было между ними никого нуждающагося: ибо все, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (Дѣян. св. апост. 4, 32, 34, 35).

Средствомъ и источникомъ для благотворенія немущимъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова былъ у древнихъ христіанъ *трудъ*. „Кто краде, впередъ не кради, а лучше трудись, дѣлая своими руками полезное, чтобъ было изъ чего удѣлять нуждающемуся“, наставляетъ вѣрующихъ св. апостоль Христовъ Павелъ (Ефес. 4, 28). Такого правила и держались христіане первыхъ временъ. Трудясь собственными руками, они заработаннымъ служили своимъ братьямъ,—будучи бѣдняками, они однакоже и въ этомъ смыслѣ обогатили многихъ. Въ позднѣйшее время Церковь сдѣлалась богаче: она раздавала больше милостыни, ея учрежденія къ попеченію о бѣдныхъ были великолѣннѣе; но ни въ какое другое время ея благотворительность относительно не была столь великою и, можно сказать, столь чистою, какъ именно въ самое первое время. Тогда въ необычайной степени исполнилось слово Господне: „потому узнають все, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. (Ев. Иоанн. 13, 35).

Въ древне-христіанскихъ общинахъ отдѣльныя лица несомнѣнно много совершали дѣлъ любви для своихъ собратьевъ. Христіане ревностно слѣдовали слову Господню: „просящему у тебя дай, и отъ желающаго занять у тебя не отвращайся“ (Мо. 5, 42). Но, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже съ первыхъ дней жизни христіанъ начали вырабатываться и опредѣленныя формы общинной благотворительности. Первичною формою послѣдней были приношенія вѣрующихъ для совершенія вечерней любви (агапъ). Члены общины приносили свои дары большею частью натурой; изъ нихъ требующаяся часть хлѣба и вина выдѣлялась для евхаристіи, а остальное шло въ пользу духовен-

ства и бѣдныхъ. Затѣмъ дѣлались приношенія при разныхъ другихъ обстоятельствахъ: по случаю радостныхъ событій, въ день крещенія, въ день смерти и т. п. Уже въ то раннее время образовался обычай отдѣлять начатки плодовъ, гумна и виноградника какъ вообще на содержаніе служителей Церкви, такъ и особенно на бѣдныхъ. Кромѣ того, въ мѣстѣ собранія христіанъ обыкновенно стояла кружка для бѣдныхъ (агса у Тертуліана, *corban*—у св. Кипріяна), въ которую каждый *ежемесячно* добровольно клалъ свое приношеніе. Если требовалось больше средствъ, то устраивался общій сборъ, въ которомъ каждый участвовалъ плодами своего труда, (по примѣру св. ап. Павла, собиравшаго пожертвованія для Иерусалимской и другихъ церквей). Особенно симпатичнымъ представляется обычай, по которому въ цѣляхъ милостыни община добровольно налагала на себя постъ, и достигнутое такимъ образомъ сбереженіе употреблялось на дѣла благотворенія.

По примѣру св. апостоловъ (Дѣян. гл. 6, 1—6), попеченіемъ о бѣдныхъ завѣдывали пресвитеры, впоследствии—епископы и ихъ ближайшіе помощники діаконы, а также діакониссы. Имена благотворимыхъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія обстоятельствъ ихъ жизни, заносились въ особый списокъ и по нему уже раздавалась имъ милостыня. При этомъ однакоже строго наблюдалось за тѣмъ, чтобы каждый по возможности трудился. „Пусть пропотѣетъ у тебя милостыня въ рукахъ твоихъ, пока ты не узнаешь, кому ты долженъ дать“, говоритъ „ученіе апостоловъ“.

Съ развитіемъ централизаціи въ Церкви въ 3-мъ вѣкѣ попеченіе о бѣдныхъ стало дѣломъ исключительно епископовъ и ихъ ближайшихъ помощниковъ—діаконовъ. Изъ посланій св. Кипріяна мы узнаемъ, что епископъ исключительно завѣдуетъ суммами, собираемыми въ пользу бѣдныхъ, а діаконы занимаютъ вообще служебное положеніе: ими епископъ пользуется какъ при собираніи, такъ и при распредѣленіи средствъ. Они приимаютъ приношенія, производя сборы, и они же

относятъ бѣднымъ то, что назначаетъ для нихъ епископъ. Главнѣе всего—они должны точно и подробно разузнавать положеніе бѣдняковъ: они ходятъ по домамъ, и гдѣ находятъ нуждающихся, доносятъ о томъ епископу, чтобы онъ принялъ необходимыя мѣры.

Рядомъ съ мужскимъ діаконствомъ было также и *женское діаконство*. Институтъ діакониссъ окончательно сформировался въ Церкви къ концу 3-го и началу 4-го вѣка. Служеніе діакониссъ, получившихъ отъ епископа особое посвященіе, относилось прежде всего къ области богослуженія (приготовляли готовящихся ко крещенію женщинъ, прислуживали при крещеніи и миропомазаніи ихъ, поддерживали въ Церкви порядокъ въ женской половинѣ и т. д.),—но рядомъ съ церковными служеніями онѣ принимали дѣятельное участіе и въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ.

По отношенію къ женской половинѣ онѣ занимали совершенно такое же положеніе, какъ діаконъ по отношенію къ мужской: онѣ разузнавали о положеніи бѣдняковъ и затѣмъ служили посредницами, чрезъ которыхъ оказывалось необходимое пособіе.

Богатъ и многостороненъ былъ трудъ благотворенія, который древняя Церковь совершала среди нуждающихся всякаго рода. Судя по древнимъ историко-каноническимъ памятникамъ письменности (Иустинъ философъ, Тертуліанъ, Апостольскія постановленія), епископамъ вмѣнялось въ обязанность заботиться о содержаніи всѣхъ нуждающихся и никого не оставлять въ недостаткѣ: вдовамъ они должны были замѣнять попеченіе мужей, сиротамъ—заботливимъ родителей, созрѣвшимъ для брака—оказывать содѣйствіе въ совершеніи брака, безработнымъ—давать работу, неспособнымъ къ работѣ—подавать милостыню, странникамъ давать кровъ, голоднымъ—пищу, жаждущимъ—питіе, посѣщать больныхъ, оказывать пособіе узникамъ.

Съ самыхъ первыхъ поръ существованія Церкви *вдовы* вѣрующихъ пользовались особеннымъ попеченіемъ ея. Были

особы вдовы дома, въ которыя принимались только шестидесятилѣтнія женщины, лишь однажды бывшія за мужемъ и при томъ имѣвшія доброе о себѣ свидѣтельство. Вдовамъ было запрещено праздно бродить по общинѣ, и это запрещеніе обосновывалось на томъ, что онѣ жертвенникъ Божій... Онѣ не должны быть болтливы, не должны выпрашивать подавій, но ожидать, пока имъ подадутъ, и затѣмъ молиться за подателей и за всю Церковь. Рядомъ со вдовами всегда прирѣввались Церковію и сироты. Епископъ' долженъ былъ воспитывать ихъ на счетъ общины и заботиться о томъ, чтобы дѣвочки, когда онѣ достигнуть зрѣлости, были выданы замужъ за христіанъ, а мальчики учились ремеслу или какому-нибудь искусству, и затѣмъ, снабженные ремесленными инструментами, поставлены были въ такое положеніе, чтобы сами могли зарабатывать себѣ хлѣбъ и не быть болѣе бременемъ для Церкви.

Попеченіе о *подкидышахъ* и *найденныхъ* также было возложено на епископа какъ по церковнымъ, такъ и по гражданскимъ законамъ. Кто находилъ ребенка, тотъ долженъ былъ заявить о немъ Церкви. Въ ближайшее воскресенье духовенство объявляло объ этомъ въ церкви и вызывало родственниковъ, не найдется ли кто изъ нихъ, желающій взять къ себѣ ребенка. Если никто не находился изъ таковыхъ, Церковь сама воспитывала подкинутого или найденнаго ребенка. Церковь по мѣрѣ силъ своихъ боролась противъ преступнаго обычая подкидывать дѣтей, а также и противъ еще болѣе распространеннаго преступленія дѣтоубійства. Несомнѣнно, много дѣвушекъ—сиротъ и много подкидышей были спасены добрыми заботами Церкви отъ паденія въ пучину проституціи, которая требовала столь много жертвъ въ изычскомъ мірѣ. Сѣтованія многихъ отцовъ и учителей Церкви, мрачныя картины, рисуемая, напр., Августиномъ объ Африкѣ, показываютъ, какъ велико было это зло. Безсовѣстные торговцы закупали дѣвушекъ и женщинъ, чтобы отправлять ихъ въ Константинополь и другіе большіе города. Церковь забо-

тилась о томъ, чтобы это по крайней мѣрѣ не дѣлалось противъ воли лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и о защитѣ цѣломудрія отъ позорной спекуляціи. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ этого зла было пособіе Церкви молодымъ дѣвушкамъ выходить пораньше замужъ и составленіе для этого съ помощію сборовъ приданого имъ.

Герей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Община и ея судьба.

Законами 9—15-го ноября 1906-го года разрѣшенъ, наконецъ, одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ нашей социальнаго экономической жизни—вопросъ объ общинѣ. Этими законами подписанъ смертный приговоръ нашей поземельной общинѣ, которая долгое время была какимъ-то фетишемъ, предметомъ поклоненія для однихъ, и пустой фикціей, предметомъ злой ироніи и даже ненависти для другихъ. Проведеніе въ жизнь опубликованныхъ въ ноябрѣ минувшаго года законовъ несомнѣнно ускоритъ давно начавшійся процессъ естественнаго разложенія общины и приведетъ ее къ смерти. Каковы же будутъ послѣдствія этого чрезвычайно важнаго для социальнаго-экономической и политической жизни факта, и какой строй возникнетъ на развалинахъ общинно-земельнаго быта русскаго крестьянства? Вотъ вопросы, невольно поднимающіеся въ нашемъ сознаніи. Думаемъ, что эти вопросы занимаютъ и сознаніе нашего духовенства, такъ какъ они касаются самыхъ жизненныхъ интересовъ народа и судьбы родной страны; наше же духовенство, особенно сельское, по самымъ условіямъ своей жизни всегда стояло ближе къ народу и, можно даже сказать, жило одною жизнью съ народомъ. На основаніи этого мы позволяемъ себѣ на страницахъ журнала, разработывающаго разнообразныя вопросы нашего сельскаго служенія и жизни, коснуться вопроса объ общинѣ

и ея судьбѣ, не претендуя, конечно, на все исчерпывающее рѣшеніе его.

Вопросъ объ общинѣ имѣеть длинную и сложную исторію; онъ связанъ съ философскими, социальными и экономическими доктринами, вылетаясь тонкими нитями въ главныя направленія и нашей художественной литературы. Поэтому, весьма интересно воспроизвести въ общихъ чертахъ исторію этого вопроса, чтобы лучше освѣтить самый вопросъ и при свѣтѣ прошлаго разобраться въ настоящемъ и разгадать будущее ¹⁾.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи былъ поднятъ въ русской литературѣ еще въ Екатерининскую эпоху, но не получилъ дальнѣйшей разработки до 40-хъ годовъ XIX-го столѣтія, когда онъ былъ поставленъ на очередь славянофилами и получилъ широкую извѣстность, благодаря сочиненію барона Гакетгаузена („*Studien ueber die inneren Zustände das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*“). Послѣдній доказывалъ важное значеніе общины для социальнo-экономической жизни Россіи. „Въ русской общинѣ, писалъ онъ, есть органическая связь, въ ней лежитъ столь крѣпкая общественная сила, что въ этой странѣ нѣтъ и не можетъ образоваться пролетариата, пока существуетъ община. Послѣднюю, поэтому, слѣдуетъ хранить отъ разрушенія, устраняя лишь тѣ неудобства, которыя вызываются ею въ технику земледѣлія“ ²⁾.

---

¹⁾ Историческій очеркъ вопроса объ общинѣ въ связи съ главными направленіями общественной и художественной мысли составленъ нами на основаніи обстоятельной книги г. Иванова-Разумника „*Исторія русской общественной мысли*“. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX-го вѣка. Томъ 1 и 2-й. Сиб. 1907 г.

²⁾ Кроме этого изслѣдованія мы пользовались книгами: *Андреевича*; „Опытъ философіи русской литературы“. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1905 г. Проф. Д. И. Овсяннико-Куликовскаго „*Исторія русской интеллигенціи. Итоги русской художественной литературы XIX вѣка*“. Изданіе В. М. Саблина „*Земля и люди*“. Всеобщая географія Элизе Реклю. Глава XIX: „Матеріальное и социальное состояніе Россіи“. „Энци-

Славянофилы же ученіе объ общинѣ положили въ основу своего соціально-философскаго міровоззрѣнія (К. и П. С. Аксаковы, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Самаринъ). Но такъ какъ міровоззрѣніе славянофиловъ по существу своему—религіозно-этическое міровоззрѣніе, то всѣ вопросы экономическаго, соціальнаго и политическаго порядка рѣшались съ религіозно-этической точки зрѣнія. Поэтому и ученіе объ общинѣ въ системѣ славянофиловъ было „не только нѣкоторой *экономической* концепціей соціологическаго порядка, но прежде всего и главнымъ образомъ—носителницей нѣкоторой *этической* нормы; уже на чисто этическомъ базисѣ, въ представленіи славянофиловъ, основались тѣ или иныя формы и функціи общины поземельной“¹⁾.

Всѣ экономическія и общественныя отношенія славянофилы мыслили основанными на началахъ евангельской нравственности, а общину—той средой, въ которой находитъ свое осуществленіе, яркое воплощеніе идеаль православно-христіанскаго ученія. „Особенность Россіи, говоритъ Кирѣевскій, заключалась въ полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое христіанское ученіе получило въ ней—во всемъ объемѣ ея общественнаго быта“. Община—не контрактъ, не сдѣлка, а союзъ людей, одушевленныхъ христіанскою любовію и правдою; эта община, по воззрѣнію Аксаковыхъ, есть альфа и омега всей русской жизни; она—этика всего историческаго быта и оплотъ противъ разрушительныхъ вѣяній Запада, всеисцѣляющее средство противъ заразы безбожія, матеріа-

Классическій словарь“ Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXI. „Общинное землевладѣніе“—статья проф. В. Нечаева. *Томъ XXIV*—а: „Поземельная община“—статья проф. И. Миклашевскаго, Н. Василенко и др. Качоровскій К. „Русская община“. Изданіе 2-ое. 1907 г. Миклашевскій И., проф. „Разныя мнѣнія о поземельной общинѣ и современное ея положеніе въ Россіи“. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, стр. 212—13.

¹⁾ Иваловъ-Разумникъ, *ibid.* 1, 269.

лизма и социализма ¹⁾. Съ ученіемъ объ общинѣ у славянофиловъ была связана идея всемірно-историческаго предназначенія Россіи: община, говорили славянофилы, спасеть не только Россію, но и Европу отъ невѣрія, матеріализма, правственнаго паденія и введеть въ жизнь европейскихъ народовъ начала христіанской правственности.

Такимъ образомъ, славянофилы строили свою теорію общины на почвѣ религіознаго, именно православно-христіанскаго ученія; они рассматривали общину съ идеальной стороны, оставляя въ тѣни реальную сторону ея. Западники же, бывшіе въ идейномъ отношеніи, такъ сказать, антиподами славянофиловъ, въ ученіи объ общинѣ выдвигали на первый планъ реальную сторону—поземельныя отношенія, которыя они считали главнымъ факторомъ; наоборотъ, этическую сторону они признавали производнымъ факторомъ, именно функціей земельныхъ отношеній. Въ противоположность религіозно-этической концепціи славянофиловъ концепція западниковъ носила экономическую окраску. Но расходясь съ славянофилами въ основныхъ пунктахъ своего міровоззрѣнія, западники однако не относились къ общинѣ отрицательно, ибо видѣли въ общинѣ преддверіе къ коммунѣ и фаланстеру и считали восхваленіе общиннаго начала славянофилами при-мѣненіемъ социалистическихъ идей Запада на русской почвѣ ²⁾. Въ концѣ 50-хъ годовъ вопросъ объ общинѣ былъ перенесенъ на историческую почву, когда Б. П. Чичеринъ поста-

¹⁾ Изложеніе взглядовъ славянофиловъ на общину сдѣлано И. С. Аксаковымъ въ газетѣ „День“ отъ 14-го окт 1861 г. И. С. Тургеневъ въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 25-го мая 1856-го года такъ характеризовалъ воззрѣвіе Конст. Аксакова: „Онъ въ „мирѣ“ (т. е. общинѣ) видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, пападеку, альфу и омегу русской жизни; а я... вижу въ немъ одну лишь первоначальную, основную почву, но не болѣе какъ почву, форму, на которой строится, а не въ которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ, но К. С., мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ“. „Вѣстникъ Европы“ 1894 г. февраль, стр. 495.

²⁾ Ивановъ-Лазумникъ, *ibid.*, 271—272. Андреевичъ, *ibid.*, 153.

вилъ на очередь вопросъ о происхожденіи общины своей статьею: „Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1856 г. Чичерину возражалъ И. Д. Бѣляевъ въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 года.

Въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ вопросъ объ общинѣ съ исторической почвы былъ перенесенъ на экономическую почву; на этой почвѣ также продолжался споръ между славянофилами и западниками. Эпигоны западничества выступили энергичными противниками общины, какъ напр., Д. М. Струковъ и проф. Бернадскій—въ „Экономическомъ Указателѣ“, О. Г. Тернеръ—въ „Библіотекѣ для чтенія“¹⁾. На защиту общины стали славянофилы—Кошелевъ А. И., полемизировавшій съ О. Г. Тернеромъ въ „Русской Бесѣдѣ“, и особенно Самаринъ, полемизировавшій съ Чичеринымъ и другими эпигонами западничества. Теперь славянофилы самой жизнью вынуждены были стать на реальную почву и перейти къ разработкѣ теоріи общины поземельной. Еще Хомяковъ признавалъ общинное землевладѣніе лучшею формою сельскаго быта, потому что оно соединяетъ въ себѣ двѣ основныя формы землевладѣнія—англійскую и французскую. Первая форма—капиталистическая—неизбѣжно приводитъ къ обезземеленію сельскаго населенія и образованію пролетаріата; вторая же форма—сельское частное землевладѣніе—имѣетъ слѣдствіемъ безконечное дробленіе земельной собственности. Община же соединяетъ экономическія выгоды обѣихъ формъ и предохраняетъ отъ образованія пролетаріата. Самаринъ, признавая общинное начало „основой, грунтомъ всей русской исторіи настоящей, прошедшей и будущей“, видитъ въ общинѣ и отрицательныя

¹⁾ *Василенко Н.* „Исторія Великорусской поземельной общины“. Миклашевскій, проф. „Различныя мнѣнія о поземельной общинѣ“. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, стр. 202—203 и слѣд., 213.

стороны—круговую поруку ¹⁾). Онъ различаетъ общину административную отъ общины поземельной и склоняется къ уничтоженію административной общины, по ратуетъ за сохраненіе общины поземельной, какъ средства противъ образованія пролетаріата ²⁾).

Самарину пришлось отстаивать самое существованіе общины, такъ какъ эпигоны западничества требовали въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ они составляли большинство, уничтоженія общины. Въ концѣ концовъ община была сохранена.

Въ это же время на защиту общины вмѣстѣ съ славянофиломъ Самаринымъ выступилъ западникъ Кавелинъ, не раздѣлявшій крайностей расшагавшагося западничества. Въ своей статьѣ „Взглядъ на русскую сельскую общину“ ³⁾ Кавелинъ выясняетъ и точно опредѣляетъ различіе между общиной поземельной и административной и указываетъ отрицательныя стороны той и другой; отрицательнымъ факторомъ административной общины онъ признаетъ круговую поруку, а поземельной—передѣлы. Высказываясь за сохраненіе общины, Кавелинъ считаетъ необходимымъ отмѣнить круговую поруку, уничтожить передѣлы и послѣдственную передачу земельныхъ наевъ, а также предоставить каждому свободу выхода изъ общины. Какъ видно отсюда, Кавелинъ на ряду съ общиннымъ землевладѣніемъ, точнѣе землепользованіемъ, признаетъ и личное владѣніе—индивидуальную собственность ⁴⁾). Но онъ уже не считаетъ, подобно Самарину, всѣ

¹⁾ Хомяковъ и круговую поруку считалъ положительнымъ факторомъ общиннаго быта. См. статью „О сельскихъ условіяхъ“ 1842 г. Собраніе сочиненій, т. I, стр. 419 и слѣд.; тамъ же другія статьи объ общинѣ.

²⁾ Самаринъ Ю. „Что выгоднѣе: общинное мірское владѣніе землею или личное?“ Вторая записка по крестьянскому дѣлу. 1857 г. „Собраніе сочиненій“, т. II, 165 и слѣд.

³⁾ „Атеней“ 1859 г. № 2. „Собраніе сочиненій“, т. II, 162 и слѣд.

⁴⁾ „Я противъ индивидуальной личной собственности, какъ исключительной формы землевладѣнія, пишетъ онъ Герцену (въ 1862 г.),

эти мѣры радикальнымъ средствомъ, а лишь палліативами, препятствующими пролетаризаціи сельскаго населенія. Теорія Кавелина имѣла важное значеніе; ее призналъ Герцегъ и, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, Чернышевскій—эти столпы народничества, которое явилось на сѣбѣ славянофильства и западничества.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ славянофильство и западничество потеряли власть надъ умами и превращались въ доктринперство консервативное и либеральное. Народничество соединило въ себѣ элементы славянофильства и западничества.

А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

я не противъ ея принципа, но рядомъ съ ней желаю общиннаго землевладѣнія, какъ ея коррективъ, какъ противовѣса противъ конкуренціи, которую она производитъ". Ивановъ-Ружумникъ, *ibid.*, т. II, 20.

¹⁾ См. № 1 за 1907 г.

Чѣмъ и какъ устранить недостатки современной проповѣди.

(Въ связи съ учениемъ новой психологій о внушеніи).

(Продолженіе ¹⁾).

Весьма мало, чтобы не сказать больше, значенія въ цѣляхъ воздѣйствія на слушателей имѣеть красота рѣчи. Правда, она можетъ ласкать слухъ, отчасти дѣйствовать на воображеніе, но чтобы производить сильное вліяніе на все внутреннее существо человѣка, духовно перерождать, этого одно краснорѣчіе сдѣлать не можетъ. Извѣстно, что проповѣди древнихъ схоластиковъ, не смотря на различныя риторическія украшенія, все же оставались мертвыми и безплодными. То же наблюдается и теперь. Современная жизнь даетъ не мало фактовъ, когда производятъ впечатлѣніе не тѣ рѣ-

я не противъ ея принципа, но рядомъ съ ней желаю общиннаго землевладѣнія, какъ ея коррективъ, какъ противовѣса противъ конкуренціи, которую она производитъ". Ивановъ-Резумникъ, *ibid.*, т. II, 20.

¹⁾ См. № 1 за 1907 г.

чи, которыя блещутъ художественностью образовъ и изяществомъ выраженій, а рѣчи простыя, безыскусственныя, бѣдныя по формѣ, но богатыя своимъ содержаніемъ и внутренней глубокой силой убѣжденія.

Итакъ оказывается, что всѣ тѣ критеріи, на которые опирается современный проповѣдникъ при убѣжденіи слушателей, не могутъ имѣть, особенно въ наше время, безусловно-обязательнаго значенія для всѣхъ людей. „Безусловная истинность того, что возвѣщается, сила логической и здравой аргументаціи, эстетичность рѣчи и тому подобные критеріи, говоритъ проф. Никольскій, могли быть признаны всеобщими нормами краснорѣчія, если бы слушатель былъ постоянною метафизическою среднею личностью. Но разъ этого нѣтъ, гомилетика въ своихъ требованіяхъ (а слѣдовательно и проповѣдь, подчиняющаяся имъ) останется бесплодною“ ¹⁾.

Если же прежніе способы убѣжденія слушателей оказываются въ настоящее время безуспѣшными, то, значитъ, должны быть иные пути вліянія на душу человѣка. Гдѣ же проповѣднику искать ихъ? Очевидно, не въ существовавшихъ доселѣ болѣе или менѣе объективныхъ нормахъ, а скорѣе въ основаніяхъ субъективныхъ, которыми, какъ сказано выше, и управляется главнымъ образомъ индивидуальная и общественная жизнь человѣка. Проповѣднику, поэтому необходимо знать законы вліянія одной личности на другую, знать тѣ реальныя условія, отъ которыхъ зависитъ подчиненіе одной воли волѣ другого лица. Въ чемъ же заключаются эти условія и законы?

Когда гипнотизеръ вліяетъ на душу субъекта и властно заставляетъ его исполнить свою волю, или когда тогда бессознательно слѣдуетъ за своимъ вожакомъ, готовая по одному его мановенію сдѣлать все, что онъ прикажетъ, то, очевидно, въ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ не объективные спо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 205.

собы убѣжденія, а нѣчто совсѣмъ иное. Изслѣдуя указанныя и подобныя имъ явленія, наука приходитъ къ тому выводу, что основнымъ факторомъ вліянія одной личности на другую является здѣсь внушеніе.

Въ чемъ же состоитъ сущность этого фактора?

Подъ внушеніемъ обычно разумѣютъ непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній, т. е. идей, чувствованій и ощущеній, отъ одного лица къ другому, происходящее безъ участія воли воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны сознанія. Въ смыслѣ пассивнаго воспріятія чужой идеи, внушеніе имѣетъ громадное значеніе во всѣхъ сферахъ жизни.

Прежде всего, оно является существеннымъ факторомъ въ воспитаніи дѣтей. Въ дѣтствѣ, когда ребенокъ еще не можѣтъ вполне сознательно относиться къ явленіямъ окружающей жизни и критически провѣрять ихъ, онъ получаетъ различныя идеи и образуетъ навыки именно путемъ внушенія со стороны родителей или другихъ взрослыхъ лицъ. Они учатъ ребенка, что можно дѣлать и чего нельзя, прививаютъ ему свои воззрѣнія, привычки и образъ жизни и такимъ образомъ ведутъ дѣло его воспитанія. Все это безъ особой переработки входитъ непосредственно въ сферу общаго сознанія ребенка, укрѣпляется здѣсь и служитъ основой его душевной жизни и дѣятельности.

Обусловливая въ значительной степени духовное развитіе дѣтей, внушеніе существенно вліяетъ также и на міровоззрѣніе взрослыхъ лицъ и даже цѣлыхъ обществъ. Извѣстно, напр., какъ то или иное направленіе газеты дѣйствуетъ на складъ мыслей ея читателей. Здѣсь, несомнѣнно, внушеніе играетъ довольно видную роль, потому что человекъ усваиваетъ идеи газеты, большею частію, непосредственно, т. е. безъ собственной критической провѣрки ихъ. Всѣ знаютъ также, какое значеніе имѣетъ въ жизни общественное мнѣніе или мнѣніе большинства людей. Но что представляетъ оно въ своей сущности? По изслѣдованію нѣкоторыхъ

психологовъ, это также есть не что иное, какъ воззрѣніе какой-либо одной личности, внушенное цѣлому обществу людей. „Когда говорится о какомъ-нибудь вопросѣ, пишетъ французскій ученый Сигеле ¹⁾: большинство такого-то мнѣнія, то получается явленіе, которое, придерживаясь полной истины, должно бы быть объяснено такъ: мнѣніе *x* внушено большинству“. Точно такъ же, замѣчаетъ онъ далѣе, „воля большинства никогда не является суммой желаній составляющихъ его членовъ, но скорѣе отраженіемъ и, такъ сказать, бессознательнымъ воспроизведеніемъ воли какой-либо одной личности“ ²⁾. Характернымъ образчикомъ того, какъ сильно вліяетъ внушеніе на міровоззрѣніе отдѣльныхъ лицъ, особенно простолюдиновъ, можетъ служить слѣдующій фактъ, занимаемый изъ исторіи современныхъ намъ аграрныхъ волненій. Многіе крестьяне, привлеченные за безпорядки къ суду, оправдывали себя тѣмъ, что они отбирали у помѣщиковъ землю и производили погромы на основаніи царской грамоты. Очевидно, эта идея, будто самъ царь приказалъ отбирать землю у помѣщиковъ, была какимъ-нибудь путемъ внушена крестьянамъ, но этого было уже достаточно, чтобы они восприняли ее, построили на ней свое особое міровоззрѣніе и безъ всякой провѣрки начали немедленно осуществлять ее на дѣлѣ.

Особенно важное значеніе имѣетъ внушеніе при воздѣйствіи на толпу. Ранѣе мы говорили, что толпа почти никогда не руководится соображеніями здраваго разума; она живетъ и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ тѣхъ идей и чувствъ, которыя составляютъ ея настроеніе въ данный моментъ. Откуда же возникаетъ въ толпѣ такое настроеніе?

Сначала толпа представляетъ собраніе разнородныхъ личностей, часто незнакомыхъ между собой, изъ которыхъ

¹⁾ Сигеле. Опытъ коллектив. психологіи, пер. съ фр. Новгородъ. 1893 г., стр. 149, 152.

²⁾ См. выше.

многія приходятъ сюда просто изъ любопытства. Но разь образовалась толпа, въ ней тотчасъ уже пачинаеть обнаруживать свое дѣйствіе психологической законъ единства массы. Индивидуумъ, какъ было сказано выше, уже перестаетъ быть самимъ собой, а становится автоматомъ или полуавтоматомъ, у котораго сознаніе и воля, если не исчезаютъ совсѣмъ, то весьма значительно ослабляются. Когда же люди въ толпѣ теряютъ свою волю, то они, говоритъ Лебонъ, инстинктивно обращаются къ тому, кто ее сохранилъ ¹⁾). Толпа ищетъ руководителя, который бы мыслить за нее и внушилъ ей, что нужно дѣлать; и если, дѣйствительно, въ этотъ моментъ раздается среди нея рѣчь оратора, призывающаго слушателей къ какимъ-либо дѣйствіямъ, то вся толпа немедленно исполняетъ его волю и слѣдуетъ за нимъ, какъ послушное стадо. Являясь доселѣ разрозненнымъ и нестройнымъ сборищемъ, толпа пріобрѣтаетъ вдругъ извѣстнаго рода организацию: „безсвязность становится связностью, шумъ становится голосомъ, и тысячи столпившихся людей превращаются вскорѣ въ одно безымянное чудовище, которое идетъ къ своей цѣли съ непреодолимой настойчивостью“ ²⁾). Свойственная человѣку способность подражанія развивается въ толпѣ, благодаря единству времени и мѣста, до необычайныхъ размѣровъ. Здѣсь всѣ подражаютъ одному и каждый подражаетъ всѣмъ, причемъ это подражаніе дѣлается безсознательно, вслѣдствіе почти непреодолимой силы. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что въ толпѣ люди совершаютъ часто такіе поступки, которыхъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности никогда бы не совершилъ.

Спрашивается теперь, могутъ ли пастыри-проповѣдники пользоваться этимъ могущественнымъ факторомъ при своемъ воздѣйствіи на паству? Несомнѣнно, могутъ, да они дѣйствительно и пользуются имъ. Они внушаютъ народу религиоз-

¹⁾ Цитир. лекціи, стр. 217.

²⁾ См. е. е. Цитир. соч., стр. 26.

ныя идеи, внушаютъ ему, какъ должно жить, чтобы приблизиться къ христіанскому идеалу нравственности, — словомъ, легко замѣтить, что проповѣдываніе съ церковной кафедры сводится въ настоящее время именно къ внушенію. Но почему же оно не производитъ на слушателей своего дѣйствія?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо выяснитъ, въ чемъ заключается тайна того громаднаго вліянія на міровоззрѣніе и поступки людей, которое во многихъ другихъ случаяхъ оказываетъ внушеніе.

Несомнѣнно, что главнѣйшимъ условіемъ дѣйственности внушенія является обаяніе личности того человѣка, который дѣлаетъ это внушеніе. „Гипнотизаторъ, пишетъ Тардъ, не нуждается въ обманѣ, чтобы загипнотизированный слѣпо вѣрилъ ему; ему не нужно устрашенія, чтобы заставить пассивно слушаться его. Онъ обладаетъ престижемъ, — этимъ сказано все... Приблизительно всякое обаяніе подобно этому... Сколько великихъ людей, начиная съ Рамзеса до Александра, съ Александра до Магомета, съ Магомета до Наполеона, приобрѣли такимъ способомъ душу своихъ народовъ. Какъ часто продолжительное созерцаніе такой блестящей точки, какъ слава или геній одного человѣка, бросали цѣлый народъ въ состояніе каталепсиса“ ¹⁾). Случающееся съ геніями происходитъ въ большей или меньшей степени и со всѣми людьми, одаренными въ значительной мѣрѣ какимъ-либо опредѣленнымъ качествомъ. И въ наше время только человѣкъ, отличающійся умомъ, талантомъ, знаніемъ жизни и смѣлостью, можетъ возвышаться надъ другими и управлять волею ихъ. Почему, напр., ребенокъ подчиняется вліянію своего воспитателя? Конечно, потому, что онъ безъ всякаго колебанія признаетъ его полное превосходство надъ собой, вѣритъ въ его умственный и нравственный авторитетъ, словомъ, — личность его окружена глубокимъ обаяніемъ въ глазахъ ребенка. Тѣмъ же самымъ престижемъ личности объ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 148.

ясняется и дѣйствіе внушенія, оказываемаго на общество или толпу. Вожаками ея всегда выступаютъ люди даровитые и энергичные, обладающіе твердымъ характеромъ и несокрушимой силой воли. Посредственности не могутъ увлекать другихъ и руководить ими; напротивъ, общество подчиняется всегда влиянію людей высшаго таланта и болѣе образованныхъ, чѣмъ всѣ остальные.

Очевидно, что такое же обаяніе должна производить на всѣхъ и личность проповѣдника Слова Божія, если онъ хочетъ, чтобы внушенныя имъ религіозныя идеи были дѣйствительно усвоены народомъ. Паства только тогда будетъ внимать слову своего пастыря и подчинится его влиянію, когда онъ самъ, по заповѣди Спасителя, будетъ ходить предъ нею (Іоанн. 10, 2—4), т. е. превосходить ее и по духовному развитію и по своей жизни. Если эти условія несоблюдены, то пастырское слово будетъ безплоднымъ и недѣйственнымъ, хотя бы оно и возвѣщало чистую истину.

Но допустимъ, что пастыремъ Церкви является человекъ высоко образованный, вполне нравственный и дѣятельный, что слово его внушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на народъ; спрашивается все же, можно ли ограничивать силу влияния церковной проповѣди однимъ только дѣйствіемъ внушенія?

Разсматривая различные случаи внушенія, мы приходимъ къ тому выводу, что какъ бы ни было сильно его влияние на отдѣльное лицо или цѣлую массу людей, все же оно имѣетъ только временный успѣхъ. Ребенокъ, напр., сначала живетъ тѣми идеями, какія внушены ему родителями или воспитателями, но потомъ, когда разовьется въ немъ собственный логическій аппаратъ, позволяющій ему критически относиться къ явленіямъ окружающей жизни и сознательно воспринимать ихъ, тогда многое изъ дѣтскаго міровоззрѣнія или значительно измѣняется, или выбрасывается имъ совсѣмъ. Мы знаемъ также, что въ состояніи гипноза человекъ весьма усердно выполняетъ все, что ни заставитъ его

сдѣлать гипнотизеръ, но какъ только по тѣмъ или инымъ причинамъ онъ освобождается отъ вліянія этого лица, то уже побудить его къ прежнимъ дѣйствіямъ бываетъ довольно трудно. То же самое наблюдается и въ случаяхъ коллективнаго внушенія. Извѣстно, что люди, находясь въ толпѣ, могутъ совершить, подъ вліяніемъ внушенной идеи, какіе угодно поступки, даже дикіе и безнравственные, но внѣ ея, они не только не склонны бывать болѣе повторять ихъ, но часто и вспоминаютъ о нихъ лишь съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и раскаянія. Такое скоротечное дѣйствіе внушенія объясняется, конечно, тѣмъ, что здѣсь идеи воспринимаются человѣкомъ пассивно, почти безъ участія его личнаго сознанія и воли. Поэтому, какъ только человѣкъ начнетъ волюнѣ сознательно относиться къ внушенной идеѣ и критически провѣрять ее, то и сила внушенія уже значительно ослабляется.

Можетъ ли, въ виду этого, пастырь Церкви ограничиваться однимъ только внушеніемъ при воздѣйствіи на слушателей? Очевидно, нѣтъ, хотя бы слово его чрезъ это и имѣло временный успѣхъ. Онъ призванъ сообщать міру великія истины Христова ученія, которыя должны быть неотъемлемымъ достояніемъ человѣка и постоянной нормой его жизни. Поэтому еще мало будетъ пользы, если эти истины будутъ восприняты слушателями только пассивно и на известное время. Необходимо, чтобы онѣ были усвоены человѣкомъ волюнѣ сознательно и свободно и сдѣлались предметомъ его постояннаго живого убѣжденія, чтобы онѣ, такъ сказать, вошли въ плоть и кровь его и были въ состояніи сами собой, безъ всякаго сторонняго вліянія, управлять всѣми его дѣйствіями. Но для достиженія такого результата недостаточно еще внушить слушателямъ религіозныя идеи, необходимо и *убѣдить* слушателей въ ихъ истинности и исключительной важности для жизни человѣка ¹⁾. Последнее же

¹⁾ Пастырское воздѣйствіе черезъ внушеніе можетъ быть весьма умѣстнымъ и полезнымъ тогда, когда бываетъ нужно произвести быстрый

возможно осуществить только тогда, когда самъ пастырь будетъ всецѣло убѣжденъ въ истинности проповѣдуемаго имъ ученія и усвоить его всей полнотою своей души.

С. Соминъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

эффектъ. Напримѣръ, идетъ толпа крестьянъ громить имѣніе. Въ этомъ случаѣ пастырь Церкви, по долгу своего званія, обязанъ, конечно, повліять на нее, чтобы предупредить этотъ погромъ,—но какъ? Очевидно, что здѣсь онъ долженъ дѣйствовать уже не убѣжденіемъ (ибо убѣдить толпу разумными доводами почти невозможно), а именно внушеніемъ.

¹⁾ Въ засѣданіи отъ 13 декабря 1906 года. См. о томъ же „Кіевлянинъ“ № 347.

Не соблазнъ ли?

По газетнымъ сообщеніямъ, предсоборная коммисія¹⁾, рассматривая бракоразводный процессъ, въ ряду мотивовъ къ разводу, болѣе или менѣе уважительныхъ, внесла одинъ, весьма сомнительный и не выдерживающій критики. Мотивъ этотъ—неизлѣчимая пятилѣтняя болѣзнь одного изъ супруговъ. Нечего и говорить о томъ, что положеніе одной стороны въ бракѣ при тяжелой и продолжительной болѣзни другой—не легкое и не радостное. Но неужели христіанскій бракъ только и имѣетъ одну радостную сторону жизни, а не взаимную поддержку супругами другъ друга и особенно въ тяжелые моменты и нужды жизни? Представьте жизнь супруговъ, которые прожили не одинъ десятокъ лѣтъ вмѣстѣ, выросли и воспитали дѣтей, свыклись, живутъ одними мыслями и чувствами, и вотъ подъ старость одинъ изъ нихъ заболѣваетъ ревматизмомъ, параличемъ, чахоткой, которые тянутся долгими годами. Мужество и самопожертвованіе стороны здоровой, поддерживающей слабую, Церковь обязана всячески подкрѣпить, поддержать. Не то будетъ теперь. Церковь становится на сторону сильнаго и говоритъ ему: „охота тебѣ

эффектъ. Напримѣръ, идетъ толпа крестьянъ громить имѣніе. Въ этомъ случаѣ пастырь Церкви, по долгу своего званія, обязанъ, конечно, повліять на нее, чтобы предупредить этотъ погромъ,—но какъ? Очевидно, что здѣсь онъ долженъ дѣйствовать уже не убѣжденіемъ (ибо убѣдить толпу разумными доводами почти невозможно), а именно внушеніемъ.

¹⁾ Въ засѣданіи отъ 13 декабря 1906 года. См. о томъ же „Кіевлянинъ“ № 347.

возиться съ развалиной, когда есть еще возможность новой, болѣе радостной жизни; уходи, если хочешь, а я охотно тебѣ въ этомъ помогу“. И вотъ къ одру больного, съ благословенія Церкви, собирается комиссія,—тутъ же и духовникъ,—которая выслушиваетъ и выстукиваетъ больного для того, чтобы удостовѣриться въ немощи больного и выдать ему приговоръ, что онъ скоро не поправится, и что ему остается одно—одиноко умереть. Пишущему эти строки пришлось вѣнчать любопытную пару. Женихъ, лѣтъ 30, больной, разбитый параличемъ мастеровой; невѣста—кровь съ молокомъ, дѣвица лѣтъ двадцати пяти. На вопросъ, обращенный къ невѣстѣ, какъ она рѣшается выйти за больного, да еще безнадежнаго, она просто отвѣтила, что любить его уже лѣтъ пять, и теперь, когда онъ больной, она не хочетъ кидать его безпомощнымъ. Кто же васъ будетъ хлѣбомъ кормить? спросилъ я.—„А я жъ“, отвѣтила невѣста. Надѣмся, что и при новомъ законѣ найдутся великодушные люди, которые не будутъ разводиться въ случаѣ болѣзни своихъ супруговъ, но не послужитъ ли новый законъ во многихъ случаяхъ искушеніемъ или соблазномъ; тѣмъ болѣе, что на него соглашается и духовная власть? Не будетъ ли новый законъ соблазномъ и укоромъ нашей Церкви и для тѣхъ, кто вчитывается въ Слово Божіе и знаетъ, что разводъ дозволенъ Христомъ только въ одномъ и единственномъ случаѣ—ради словесе любодѣйна, т. е. въ случаѣ измѣны одного изъ супруговъ?

Священникъ *В. Пестряковъ*.

ЗАМѢТКИ.

а) Общее пѣніе исключаетъ ли необходимость пѣнія клиросаго и хорового?

По этому вопросу Н. К. на страницахъ „Извѣстій по Харьковской епархіи“ (прилож. къ ж. „Вѣра и Разумъ“, см. № 19 1906 г.—„Письма о церковномъ пѣніи“) высказыва-

еть весьма разумную мысль. Онъ примѣняетъ къ области религіозной жизни извѣстный психо-физиологическій законъ Фехнера-Вебера ¹⁾, по которому длительное однородное напряженіе утомляетъ душу, и она слабѣе и слабѣе реагируетъ на новыя впечатлѣнія. Такимъ образомъ исключительное и сплошное чтеніе или пѣніе за богослуженіемъ скоро утомляло бы душу. Необходима *смысли* впечатлѣній. До сихъ поръ у насъ въ церкви чередовалось чтеніе съ пѣніемъ клира или хора. Народъ не принималъ активнаго участія въ богослуженіи и, оказываясь только слушателемъ, перѣдко скучалъ. Введенія общаго пѣнія преслѣдуетъ цѣль поддержать и возстановить вниманіе молящихся и сдѣлать ихъ душу доступною для новыхъ воздѣйствій на нее. Цѣль дѣйствительно, какъ показываютъ наблюденія, достигается, но было бы ошибкою на основаніи успѣха общаго пѣнія настаивать на его исключительномъ значеніи въ богослуженіи и требовать отмены пѣнія клира и хора, чтобы весь пѣсенный матеріалъ службы предоставить въ распоряженіе народа. Могучее одушевляющее средство превратилось бы отъ частнаго употребленія въ механическое дѣло и утратило бы свою силу. Послушайте, какъ вяло, деревянно поются хоралы въ лютеранскихъ церквахъ, гдѣ общее пѣніе составляетъ обязанность молящихся. Но, какъ не подивиться, скажемъ отъ себя, мудрости церковной *старинны*, которая задолго до указанного закона, непосредственнымъ чувствомъ познала истину и сумѣла воплотить ее въ тѣхъ богослужебныхъ порядкахъ, при которыхъ за службою церковною выступали и чтецы, и пѣвцы, и псалты (по современному—солисты), и народъ, и такъ разнообразились священнодѣйствія іерархін!

II.

---

¹⁾ Ощущеніе растетъ какъ логарифмъ вызывающаго его впечатлѣнія, т. е. если впечатлѣніе возрастаетъ въ прогрессіи 1, 10, 100 и т. д. то ощущеніе будетъ расти въ прогрессіи 1, 2, 3 и т. д.

в) Беллетристика въ церковныхъ библіотекахъ.

Преосв. Никонъ, епископъ Вологодскій, обратился къ духовной консисторіи съ слѣдующимъ предложеніемъ: „При разсмотрѣніи проекта правилъ открываемой при одной изъ церквей епархіи бесплатной пародной библіотеки усмотрѣно мною, что однимъ пунктомъ сихъ правилъ допускаются въ библіотеку и книги „беллетристическаго характера“, между тѣмъ какъ самая библіотека имѣетъ быть помѣщена въ паперти храма Божія. Подобное замѣтилъ я также при обзорѣніи библіотеки одного монастыря, помѣщающейся въ пред-алтаріи храма, гдѣ, совмѣстно съ книгами религіозно-нравственнаго содержанія, оказалось нѣсколько сборниковъ романовъ и повѣстей. Такая неразборчивость въ составленіи библіотекъ является оскорбительною для святости храма Божія и можетъ повести къ соблазну для простыхъ душъ вѣрующихъ, надѣющихся получить отъ храма Божія только книги духовно-назидательнаго содержанія. Посему и предлагаю консисторіи объявить духовенству епархіи, чтобы въ открываемыя при церквахъ и монастыряхъ народныя библіотеки пріобрѣтались книги съ особою осмотрительностью религіозно-нравственнаго, историческаго и вообще назидательнаго содержанія, и не допускались книги, коихъ уже одно появленіе въ церковной библіотекѣ можетъ соблазнить простыхъ людей“. (Моск. ц. вѣд. № 43).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го января 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Грессу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

XLVIII

Руководство

для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ **№ 3.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года января 21-го дня.

Содержаніе: I. Итоги минувшаго года въ религіозно-праветвенномъ отношеніи и значеніе его для пастырства русскаго. — II. Чѣмъ и какъ устранивъ недостатки современной проповѣди (въ связи съ ученіемъ новой психологін о внушеніи) (окончаніе).—III. Необходимость для православнаго духовенства самаго дѣятельнаго участія въ выборахъ во вторую Государственную Думу (окончаніе).—IV. Община и ея судьба (продолженіе).—Воззваніе.

Итоги минувшаго года въ религіозно-праветвенномъ отношеніи и значеніе его для пастырства русскаго.

Вихремъ пропелся надъ Русской землею истекшій тяжелый годъ. Не зажившія раны позорной войны на Дальнемъ Востокѣ, внутренняя смута и неурядица, погромы и разгромы. грабежи и убійства, и кровь, кровь безъ конца... Тягостными, мрачными пятнами ея обильно испещрена Русская земля. и они не уменьшаются, печальнымъ флеромъ заволакивая родную, ни въ чемъ неповинную землю. Ураганомъ, съ головокружительной быстротой, неслись предъ нами событія, и

въ производимой ими сумятицѣ, путаницѣ понятій, во взаимномъ непониманіи, враждѣ и ненависти часто трудно было ориентироваться, стать на правильную, твердую, опредѣленную почву. Казалось бы, печать, руководительница общественнаго мнѣнія, со всею ея могущественною силою и вліяніемъ, должна бы правильно и ясно освѣтить событія общественной и политической жизни нашей страны, но и здѣсь мы не видимъ согласія: то, что одни привѣтствуютъ какъ задатки лучшаго будущаго, лучшей доли, другіе встрѣчаютъ съ ненавистью и проклятіемъ, скрежетомъ зубовнымъ. И едва ли можно встрѣтить теперь двухъ человѣкъ, которые одинаково оцѣнили бы истекшій годъ, указали бы ему мѣсто въ общемъ ходѣ нашей жизни и исторіи: такъ онъ полонъ былъ самыхъ неожиданныхъ событій, противорѣчивыхъ явленій, — то порывовъ къ новому, лучшему строю жизни, то желаній возвратить прошлое, когда сильна и крѣпка была Россія, и не внѣшнимъ только могуществомъ, но внутреннею силою, духовнымъ единствомъ.

Можно съ разныхъ точекъ зрѣнія и поразному освѣщать прошедшія времена и событія; но у христіанина, а особенно пастыря Церкви, можетъ быть одна мѣра вещей и событій—идея царства Божія на землѣ. Растетъ и крѣпнетъ эта идея въ сердцахъ людскихъ,—значить, и жизнь идетъ впередъ, и христіанинъ съ радостью привѣтствуетъ грядущую жизнь и прошлому шлетъ признательный взоръ и благодарную молитву Богу. Глохнетъ эта идея, и жизнь для христіанина возвращается назадъ и наводитъ на него скорбь и тоску.

Итакъ, посмотримъ на прошлый, истекшій годъ не съ низинъ земныхъ благъ, временныхъ интересовъ, партійныхъ политическихъ выгодъ, а съ высоты христіанскихъ идеаловъ, и задумаемся надъ тѣмъ, произросло ли въ насъ сѣмя закона Господня, подобно зерну горчичному, упоминаемому въ Евангеліи... Царство Божіе!.. Кажется, никогда эти два слова не были на языкѣ у людей такъ часто, какъ въ прошломъ

году. Нерѣдко указывали духовенству на нихъ, напоминая нашу священную обязанность насаждать царство Божіе на землѣ. Что же, и въ самомъ дѣлѣ такъ дорого было это царство тѣмъ, кто напоминалъ намъ о немъ?

„Царство Божіе внутри васъ есть“, говорилъ Господь ученикамъ, и этотъ завѣтъ Его на всѣ вѣка сохранилъ свою обязательную силу для христіанъ. Создавать свою собственную личность по образу Христа, преображать свою внутреннюю духовную скинію—вотъ главная цѣль и самая первая задача христіанина, и съ увѣренностію можно сказать, что больше всего и главнѣе всего въ истекшій годъ мы грѣшили противъ указаннаго завѣта Христа. Политическіе интересы и злѣбы поглотили людей до дна, заботы дня захватили людей безъ остатка, и ничего не осталось для заботъ о томъ, что главнѣе всего, дороже всего міра—о душѣ человѣческой. Мы не мало слышали въ прошломъ году словъ о любви къ ближнему, не мало видѣли попытокъ служить человѣчеству, даже жертвовать собой для него, но не видѣли мы стремленія самого человѣка стать лучше, не слышали призывовъ къ личному усовершенію, безъ котораго никакое внѣшнее устройство государства не спасетъ насъ, не выведетъ на путь мира и любви. Горы книгъ, тысячи газетъ выпущены за истекшій годъ на книжный рынокъ; сколько призывовъ на борьбу за лучшее будущее слышалось; сколько несбыточныхъ надеждъ давалось; только одно забывалось,—что для борьбы за лучшее будущее для созиданія новой жизни годится и способна только нравственно совершенная личность, приготовленная на всякое дѣло благое. Мы не отрицаемъ того, что духовенство не забывало своего долга—звать людей ко Христу, къ личному совершенству и спасенію, какъ красугольному камню общаго блага; мы не скажемъ, что на Руси нѣтъ людей стремящихся къ нему—такими людьми и Русь святая держится,—но общій фонъ, картина общественной жизни именно такова, какъ описана выше.

Какъ часто въ истекшемъ году приходилось духовенству выслушивать упреки въ молчаніи; сколько разъ говорилось: отчего вы молчите, и не слышно васъ? сколько разъ тянули насъ къ отвѣту люди, часто не имѣющіе никакого отношенія къ Церкви. Въ партійныхъ кружкахъ, собраніяхъ священникъ былъ желаннымъ гостемъ; но часто ли просили насъ говорить о спасеніи, о личномъ усовершенствованіи, всегда ли готовы были выслушать отъ насъ правду? Пѣтъ, духовенство всего чаще *только тогда было любо и приятно, когда говорило то, чемъ захотѣла толпа, было ли то въ Государственной Думѣ, въ предвыборномъ собраніи, газетѣ или журналѣ.* Интересъ къ духовенству былъ лишь постольку, насколько въ немъ можно было встрѣтить поддержку партійнымъ интересамъ.

Полное пренебреженіе къ своему собственному „я“, къ своей душѣ, ведетъ къ поразительнымъ противорѣчіямъ въ нашей общественной жизни, когда въ одномъ лицѣ сочетаются и служеніе, повидимому, высокимъ идеаламъ и полнѣйшая безнравственность, прямо отрицаніе всякой нравственности. Свобода и убійство во имя свободы, отрицаніе власти и личный деспотизмъ и насиліе, строгое обличеніе чужихъ ошибокъ и собственная безнравственность—это явленія слишкомъ обычные, чтобы на нихъ останавливаться или ихъ доказывать.

Пренебреженіе къ нравственному совершенствованію личности повело и къ тому, что общественная нравственность въ прошломъ году сдѣлала значительные шаги назадъ, и что при дальнѣйшемъ ростѣ этого печальнаго явленія намъ грозитъ прямо одичаніе. Преступленія растутъ съ ужасающею быстротою; существующихъ судебныхъ учреждений не хватаетъ для разсмотрѣнія содѣянныхъ преступленій, скорый судъ превратился въ затяжной; чудовищный масштабъ и ожесточеніе преступниковъ вызвали необходимость суроваго, по духу ветхозавѣтнаго, военно-полевого суда. Человѣкъ всегда былъ человѣкомъ, со свойственными ему слабостями и недостатками; была и прежде преступность, но вотъ въ чемъ

разница проявленій преступности прежде и теперь. Прежде преступникъ, хотя и склоненъ былъ оправдывать себя, все же сознавалъ, что онъ сдѣлалъ злое, нехорошее дѣло, и тѣмъ болѣе былъ далекъ отъ мысли смотрѣть на свое преступленіе, какъ на добро. Теперь не то: часто самый отъявленный преступникъ, омывшій руки въ невинной крови, съ гордостью смотритъ на свое злодѣяніе и не прочь изъ виновнаго стать обвинителемъ. Въ современной преступности нужно отмѣтить и массовой характеръ ея. Прежде преступленіе совершалось въ-одиночку, всего чаще въ темнотѣ; теперь преступники организуются въ шайки, идутъ на преступленіе среди дня, какъ бы издѣвался надъ обществомъ, основами его жизни. Нельзя отрицать въ указанныхъ явленіяхъ увлеченія; правы ученые, видящіе здѣсь массовой психозъ, но нельзя отрицать здѣсь и нравственнаго зла и порчи, принявшихъ широкіе размѣры. Теперь и отношеніе общества къ преступленію иное. Одна часть, правда, немногочисленная, прямо и открыто оправдываетъ переживаемые нами ужасы; другая, многочисленная и по существу сильная, частію терроризирована и молчитъ, частію притерпѣлась, привыкла; мы нравственно принизились, притупѣли, отчего такъ слабо, такъ незначительно реагируемъ на то, что творится вокругъ. Даже храмъ не пощаженъ преступленіемъ; не одинъ десятокъ этихъ народныхъ святынь за истекшій годъ не только ограбленъ, но и грубо оскорбленъ, обогрненъ человѣческой кровью.

Нельзя не отмѣтить еще и того, глубоко печальнаго явленія, что нравственная порча пустила глубокіе корни туда, что составляетъ вездѣ не только предметъ надеждъ, но и гордости,—разумѣемъ нашу сбитуую съ толку молодежь. Въмѣсто того, чтобы крѣпнуть, набираться силъ физическихъ и нравственныхъ, молодежь съ головой ушла въ политику, во многихъ мѣстахъ потеряла подъ собою всякую нравственную почву, обѣщая намъ въ будущемъ не стойкихъ работниковъ,

сильныхъ духомъ и тѣломъ, а раньше времени развинчен-
ныхъ, нервныхъ, слабосильныхъ людей.

Однимъ изъ основныхъ нравственныхъ элементовъ является понятіе о долгѣ, объ обязанностяхъ человѣка хри-
стіанина къ Богу, окружающимъ и самому себѣ. Объ этой
сторонѣ въ жизни въ настоящее время не говорятъ; вездѣ и
всюду на первомъ планѣ вопросъ о правѣ всѣхъ на все, а
если и говорятъ подчасъ о долгѣ, то считая его обязатель-
нымъ только для другихъ, а не для себя.

Такова картина опредѣлившихся настроеній въ обще-
ствѣ. Быть можетъ, въ деталяхъ мы и ошибаемся, но въ
общемъ едва ли кто станетъ оспаривать ея вѣрность дѣй-
ствительности.

Свящ. В. Пестряковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. № 2 за 1907 г.

Чѣмъ и какъ устранить недостатки современной проповѣди.

(Въ связи съ учениемъ новой психологій о внушеніи).

(Окончаніе ¹⁾).

Трагизмъ современнаго состоянія церковной проповѣди заключается въ томъ, что наши проповѣдники дѣйствуютъ словомъ или въ силу внушенія, полученнаго чрезъ воспитаніе, или въ силу религіознаго самовнушенія, но почти вовсе не дѣйствуютъ въ силу личной сознательной убѣжденности. На душу человѣка дѣйствуетъ только живая душа. Слѣдовательно, если въ словѣ проповѣдника не видно личнаго глубокаго переживанія, если оно не согрѣто ни внутреннимъ огнемъ убѣжденія, ни теплотою чувства, то, какъ бы умно и краснорѣчиво оно ни было, все же отъ него весьма трудно ожидать надлежащаго полнаго впечатлѣнія на слушателей.

¹⁾ См. № 2 за 1907 г.

Проповѣдуемая истина будетъ въ этомъ случаѣ не живымъ воспроизведеніемъ собственнаго духа проповѣдника, а сухимъ холоднымъ голосомъ разсудка. Но такая разсудочная истина не можетъ дѣйствовать во всей полнотѣ на душу человѣка и возбуждать его вниманіе. Слово разсудка, не вышедшее изъ души и не согрѣтое теплотою чувства, говоритъ проф. Цѣвницкій, скользитъ по поверхности души слушателей и не проникаетъ въ ея внутреннее, подобно тому, какъ сухое сѣмя или зерно, брошенное въ землю, меньше укрѣпится въ почвѣ и скорѣе развѣется вѣтромъ, чѣмъ сѣмя влажное¹⁾.

Итакъ, чтобы проповѣдуемая истина властно дѣйствовала на душу слушателей, необходимо, чтобы она была для самого проповѣдника не сухимъ мертвымъ матеріаломъ, а живымъ отголоскомъ его души, плодомъ его внутренняго горячаго убѣжденія. Только при этомъ условіи великія истины Христова ученія могутъ повліять на душу человѣка, стать неотъемлемымъ достояніемъ его ума и сердца и чрезъ то сдѣлаться постоянной руководящей нормой его жизни.

Для большаго уясненія этой мысли вспомнимъ великихъ проповѣдниковъ Христова ученія и прежде всего Самого Божественнаго Учителя. Почему проповѣдь Спасителя производила такое сильное вліяніе на народъ? Конечно, потому, что она была не сухимъ объективнымъ изложеніемъ истины, а живымъ отображеніемъ всего внутренняго существа Его божественной души. „Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуется ничтоже: глаголы, яже Азь глаголахъ вамъ, духъ суть и животъ суть“ (Іоанн. 6, 63),—такъ говорилъ о Своей проповѣди Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Въ Его словѣ въ полнотѣ выражалась вся сила, красота и величіе Его Духа, а потому оно сильно дѣйствовало и на душу другихъ. То же самое должно сказать и о проповѣди св. апостоловъ. „И слово мое и проповѣдь моя, говоритъ ап. Па-

¹⁾ Цѣвницкій. Популярность—обязат. кач. церк. проп. Тр. К. д. ак. 1905 г. авг. стр. 633.

вель, не въ пренрѣтелныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“ (1 Кор. 2, 4). Это значитъ, что сила апостольской проповѣди зависитъ не отъ доводовъ человѣческаго искусства или науки, а отъ присутствія въ ней живого духа проповѣдника. Слово апостольское было не теоретическимъ сообщеніемъ истины вѣры, не однимъ голосомъ знанія, а шло отъ полноты души говорящаго и выражало глубокое убѣжденіе его ума и сердца. Поэтому оно и было духомъ оживляющимъ, а не тѣмъ, что Господь называлъ плотію, которая „не пользуется ничтоже“.

Важное значеніе собственной убѣжденности для дѣйственности слова подтверждается и многочисленными фактами настоящей жизни. Почему, напр., присяжные часто выносятъ оправдательный вердиктъ такимъ лицамъ, противъ которыхъ, повидимому, имѣются довольно ясныя улики, обличающія виновность ихъ? Причина этого несомнѣнно заключается въ томъ громадномъ влияніи, которое оказываетъ на душу присяжныхъ горячая убѣжденная рѣчь защитника. Его личное убѣжденіе въ невинности подсудимаго, выражающееся въ сильномъ одушевленномъ словѣ, невольно передается и его слушателямъ и дѣйствуетъ на нихъ въ томъ же самомъ направленіи. Современная жизнь представляетъ намъ не мало даже такихъ фактовъ, когда люди твердо усваиваютъ и осуществляютъ въ своей жизни идеи ложныя, объективная истинность которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть доказана. Отчего это происходитъ? Конечно оттого, что проводниками указанныхъ идей являются такіе люди, которые сами глубоко убѣждены въ нихъ. „Какъ бы ни была нелѣпая идея, которую они защищаютъ, говоритъ объ этихъ лицахъ Лебонъ, и цѣль, къ которой они стремятся, тѣмъ не менѣе ихъ убѣжденія нельзя поколебать никакими доводами разсудка. Презрѣніе и преслѣдованіе не производятъ на нихъ впечатлѣнія, или же только еще сильнѣе возбуждаютъ ихъ. Личный интересъ, семья—все ими приносится въ жертву. Инстинктъ самосохраненія у нихъ исчезаетъ до такой степени,

что единственная награда, къ которой они стремятся,—это мученичество¹⁾. Вотъ каковы тѣ люди, которые могутъ убѣждать и увлечать другихъ. Слово ихъ потому и бываетъ дѣйственно, что оно является не сухимъ и безжизненнымъ голосомъ разсудка, а словомъ дѣйствительно живымъ, въ которомъ слышится и необыкновенная сила убѣжденія и страстное горячее чувство оратора²⁾. Пусть это слово будетъ просто и безыскусственно, тѣмъ не менѣе оно, благодаря своей внутренней силѣ, произведетъ неотразимое впечатлѣніе на душу слушателей. Имена великихъ отечественныхъ проповѣдниковъ: св. Димитрія Ростовскаго, Платона, митр. Московскаго, протоіереевъ Нордова, Путятина и другихъ, говорившихъ просто, но весьма убѣдительно, достаточно сильно подтверждаютъ эту мысль.

Итакъ, всякій проповѣдникъ Слова Божія, прежде чѣмъ возвѣщать народу великія истины Христова ученія, долженъ сначала самъ воспринять ихъ всей полнотой своей души, чтобы онѣ были у него не только предметомъ знанія, но и живого глубокаго убѣжденія. Тогда и проповѣдь его будетъ не безплодной, а сильной и дѣйственной. Она явится тогда не словеснымъ произведеніемъ, излагаемымъ предъ слушателями,—какъ часто наблюдается теперь,—а актомъ живого психическаго взаимообщенія, при которомъ богатство внутреннего душевнаго содержанія одной личности, т. е. говорящей, передается другой личности и становится ея постояннымъ достояніемъ.

¹⁾ Цитир. лекція стр. 217.

²⁾ Въ настоящее время очень часто смѣшиваютъ живое слово съ устнымъ словомъ, но, несомнѣнно, разница между ними громадная. Устное слово далеко еще не всегда является вмѣстѣ и живымъ словомъ. Оно можетъ быть только механическимъ изложеніемъ какой-либо истины безъ внутренняго личнаго отношенія къ ней самаго оратора. Въ немъ можетъ и не быть души говорящаго, а безъ этого и устное слово будетъ всегда сухимъ и мертвымъ.

Какимъ же путемъ долженъ идти пастырь Церкви, чтобы сдѣлать проповѣдуемую истину своимъ всецѣлымъ внутреннимъ убѣжденіемъ?

Очевидно, что для этого недостаточно еще пассивнаго воспріятія ея въ готовой формѣ, необходимо и самому проповѣднику искать и познавать ее, т. е. вступить на трудный путь работы мысли и самонаблюденія, на путь упорной критической провѣрки всего того, что когда-либо было получено и усвоено имъ отъ другихъ. Для этого онъ прежде всего долженъ проникнуть въ сокровенную глубь своей психики, тщательно проанализировать всѣ свои чувствованія, идеи и воззрѣнія и, пропустивъ ихъ сквозь призму своего сознанія, принять только то, что вполне согласуется съ его великимъ званіемъ человѣка и христіанина. Очистивъ такимъ образомъ душу отъ всѣхъ ложныхъ мыслей и суетныхъ стремленій и усвоивъ только то, что въ его внутреннемъ существѣ является отраженіемъ божественной истины, пастырь-проповѣдникъ долженъ затѣмъ изучать и эту самую истину и притомъ такъ, какъ раскрываетъ ее Слово Божіе. Пусть онъ съ неослабнымъ усердіемъ читаетъ книги Божественнаго Откровенія, въ которыхъ находятся всѣ сокровища нашей вѣры; пусть всегда обращаетъ свою мысль къ Богу и совершенному Имъ дѣлу искупленія человѣка; пусть постоянно изучаетъ творенія св. отцовъ Церкви, раскрывающія тайну Божественнаго домостроительства, и тогда онъ мало-по-малу будетъ приближаться къ истинѣ и овладѣвать ею. Истина Христова ученія является не какой-либо отвлеченной идеей, а истиной живой, исполненной великой благодатной силы. Она не только плѣняетъ умъ глубиною своего содержанія, но и дѣйствуетъ на сердце, улаждая его своей внутренней красотой и наполняя его чувствомъ мира и духовной радости. Поэтому, если кто съ помощью Божіей овладѣваетъ ею, то овладѣваетъ дѣйствительно всѣмъ своимъ существомъ:—Кромѣ книги Откровенія, пастырь Церкви, для большаго убѣжденія въ истинахъ вѣры, пусть обращается и къ книгѣ природы. Черезъ

внимательное изученіе явленій природы даже и невѣрующей умъ, не просвѣщенный свѣтомъ евангельскаго ученія, можетъ дойти до правильнаго познанія о Богѣ, потому что въ мірѣ, по слову Откровенія, весьма ясно отражается все существо Божіе съ его высочайшими свойствами. „Невидимая бо Его отъ созданія міра, говоритъ ап. Павелъ, творенми помышляема, видима суть, и приспособуцная сила Его и Божество“ (Римл. 1, 20). Вотъ почему, и самъ Господь Иисусъ Христосъ, раскрывая людямъ тайны царствія Божія, всегда обращалъ взоры ихъ къ предметамъ и явленіямъ міра. Въ Своихъ словахъ и бесѣдахъ Онъ постоянно приводитъ разные образы и сравненія, и эти образы и сравненія, взятые изъ природы, глубоко запечатлѣвались въ сердца слушателей, проясняли ихъ сознаніе и постепенно доводили ихъ до убѣжденія въ тѣхъ истинахъ, для которыхъ они служили только видимой оболочкой.

Таковъ путь, которымъ долженъ идти пастырь Церкви, чтобы сдѣлать проповѣдуемая имъ божественныя истины всецѣлымъ достояніемъ своего ума и сердца. Несомнѣнно, что этотъ путь познанія истины и созиданія собственныхъ убѣжденій—путь величайшей трудности, но пройти его необходимо всякому пастырю Церкви. Вспомнимъ біографіи великихъ проповѣдниковъ христіанской вѣры, и мы увидимъ, что всѣ они, прежде чѣмъ выступить на служеніе слову, пережили болѣе или менѣе долгій процессъ познанія истины. Одни изъ нихъ (напр., св. Аонасіій Великій, Бл. Августинъ) старались уразумѣть ее путемъ всесторонняго образованія, особенно же путемъ внимательнаго и усерднаго изученія Св. Писанія; другіе (какъ напр. св. Григорій Неокес., св. Василій Вел., св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ) удалялись, кромѣ того, въ пустыню, гдѣ и размышляли о величій тайнъ Божіихъ. Самъ Господь Иисусъ Христосъ, прежде чѣмъ выступить къ людямъ со Своею проповѣдью, провелъ сорокъ дней и ночей въ пустынѣ, гдѣ въ полномъ уединеніи погружался въ глубину Своего Духа, обдумывая то дѣло, ради котораго Онъ явился въ мірѣ.

Пусть подражаетъ этимъ великимъ живымъ образцамъ и современный проповѣдникъ, и тогда слово его будетъ дѣйственно и спасительно для всѣхъ. „Внемли,—говорить ап. Павелъ своему ученику Тимофею,—чтенію, утѣшенію, ученію... Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, въ сихъ разумѣвай, да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ... сія бо творя, и самъ спасешия и слушающіе тебе“ (I Тим. 4, 13, 15, 16,).

Пусть помнитъ этотъ завѣтъ апостола и каждый пастырь Церкви, и тогда онъ, по выраженію Премудраго сына Сирахова, „покажетъ мудрость свою, и будетъ источать слова мудрости своей... и многіе будутъ прославлять знаніе его, воспринимая близкое сердцу ученіе его, и онъ не будетъ забыть во вѣкъ“ (39. 8, 10—13). Дѣйствительно, слово такого пастыря, какъ слово живое, вышедшее изъ глубины его души и проникнутое горячимъ чувствомъ вѣры и непоколебимой силой убѣжденія, не исчезнетъ и послѣ смерти его, но будетъ жить въ потомствѣ, какъ живутъ въ немъ всѣ великія творенія человѣческой мысли и духа. *С. Сотинъ.*

¹⁾ См. „Руков. для сельск. паст.“ за тек. годъ, № 2-й.

**Необходимость для православнаго духовенства
самаго дѣятельнаго участія въ выборахъ во вто-
рую Государственную Думу.**

(Окончаніе ¹⁾).

Правильно ли, по-христіански ли думаютъ тѣ, которые настаиваютъ на самоустраненіи духовенства отъ политической борьбы, происходящей въ настоящее время во всѣхъ слояхъ общества, и на сохраненіи за православнымъ духовенствомъ только священно-служительскихъ обязанностей и проповѣднической дѣятельности, направленной на уясненіе евангель-

¹⁾ См. „Руков. для сельск. наст.“ за тек. годъ, № 2-й.

скихъ истинъ? Неужели въ этомъ самоустраниеніи выражень будетъ идеаль пастырства, завѣщанный Спасителемъ міра свят. апостоламъ и ихъ преемникамъ въ словахъ: „паси овцы моя“? Неужели „пасеніе“ овецъ среди пажитей міра сего должно выразаться только въ отвлеченномъ развитіи и разъясненіи истинъ христіанской вѣры и правоученія? Неужели совершеніемъ богослуженія и таинствъ исчерпывается все „пасеніе“ стада Христова? Жизнь вѣчная, пачинающаяся по окончаніи жизни временной, земной, развѣ не обуславливается послѣдней жизнью? Умъ и сердце говорятъ, что нѣтъ никакого несоотвѣтствія между ученіемъ Христовымъ о царствѣ Божіемъ и дѣйтельнымъ участіемъ пастырей Церкви въ политической жизни населенія, ибо далеко не безразлично для пастыря и вѣчнаго спасенія его чады, какою дорогою они пойдуть къ тѣмъ вѣчно искомымъ благамъ, вѣнцомъ которыхъ является вѣчная блаженная жизнь. Самый искренній христіанинъ, всею своею душою помышляющій только о небесномъ отечествѣ, не можетъ, не долженъ забывать о нуждахъ своей земной родины и притомъ не въ силу только естественнаго и благороднаго влеченія ко благу родины, не въ силу врожденнаго патріотизма, но и потому, что путь къ небу проходитъ въ условіяхъ земного бытія, а послѣднія могутъ быть какъ благопріятными, такъ и не благопріятными для дѣла личнаго спасенія. Далеко не безразлично для современнаго православнаго христіанина, какая изъ партій, или вѣриге—какое изъ современныхъ направленій общественно-политической жизни въ концѣ концовъ восторжествуетъ—анархизмъ, социализмъ, рѣшительно отвергающіе всякую вѣру и Церковь, или мирное, спокойное, на основахъ православія развивающееся направленіе. Не безразлично, думаемъ, для современнаго француза-католика, восторжествуетъ ли въ концѣ пачавшейся во Франціи борьбы партія социалистовъ, захватившая временно въ свои руки государственную власть и поднявшая явное и жестокое гоненіе на католическую Церковь, не остававшаяся предъ отобраніемъ

и закрытіемъ церквей и отдачею 50000 семинаристовъ въ военную службу, не скрывающая своего желанія вернуть Францію ко временамъ язычества, допускающая культы Буддѣ и Изидѣ и изгоняющая, даже издѣвающаяся надъ культомъ Христу. Понятно намъ, поэтому, сопротивленіе, нерѣдко рѣшительное, со стороны католика-француза и въ особенности его пастыря насиліямъ правительства изъ невѣровъ... Думаемъ, не безразлично для православнаго русскаго человѣка, кто же станетъ во главѣ русскаго правительства, и какъ это послѣднее будетъ относиться къ Церкви Православной,— не безразлично прежде всего и больше всего для дѣла его спасенія. Неужели же все это должно быть безразлично только для пастыря Церкви? Неужели онъ можетъ думать, что среди всеобщаго возбужденія, волненій, какой-то невѣроятной растерянности, когда въ массы народныя проникаютъ самые разнообразныя лжеучители, возбуждающіе простыхъ мирныхъ людей и на убійство, и на грабежъ, и на измѣну отечеству, Церкви и вѣрѣ православной,— неужели въ это время можно думать, что довольно для спасенія людей и приуготовленія ихъ къ царству Божію совершенія богослуженія, таинствъ и проповѣди на отвлеченныя темы? Не должны ли въ это именно время всѣ, поставленные на стражѣ Христова стада, вспомнить и навсегда запомнить, что вѣрою православною живы милліоны людей русскихъ, что, къ великому горю земли родной, эти милліоны еще дѣти умомъ и сердцемъ, что непросвѣщенность, въ которой не мало повинны и пастыри, даетъ врагамъ Церкви и вѣчнаго спасенія православныхъ людей возможность совращать этихъ дѣтей во всѣ возможныя, даже отвратительныя ереси? Пусть вспомнятъ проповѣдники и послѣдователи *теплохладности*, что русскій православный людъ живетъ среди иновѣрцевъ и инородцевъ, что въ его средѣ живутъ и дѣйствуютъ ереси и расколы, что и инородцы, и иновѣрцы, сектанты и старообрядцы сумѣли связать свои религіозныя вожделѣнія съ разными политическими ученіями, нерѣдко самыми разруши-

тельными вообще и въ особенности для русской жизни. Наконецъ, охранители стада Христова, его учителя и „батьюшки“ пусть вспомнятъ, что вѣра и правоученіе Христовы суть начала дѣятельныя, а потому они не только не учатъ самоустраженію отъ дѣятельнаго руководства малыми сими, но рѣшительно требуютъ дѣятельной любви къ своему брату, тѣмъ болѣе—къ Богомъ врученному стаду. И намъ слышится въ отношеніи къ пастырямъ, самоустраивающимся якобы во имя евангельскаго ученія и идеи пастырства отъ дѣятельнаго участія въ современной борьбѣ между добромъ и зломъ, воплощенными въ различныхъ теоріяхъ политическихъ,—слышится голосъ Спасителя, обращенный когда-то къ еврейскимъ фарисеямъ, а нынѣ ко всѣмъ фарисействующимъ, что они чтутъ Бога только словомъ, а сердце далече отстоитъ отъ Него. И кажется намъ, что и совѣтчики, и покорные послѣдователи совѣтовъ о самоустраженіи болѣе всего пекутся о своемъ „спокойствіи“, а иные изъ нихъ, быть можетъ, желаютъ сохранить за собою то положеніе, о которомъ обыкновенно говорится: „высматриваютъ, чья возьметъ“. Насколько это соотвѣтствуетъ идеѣ пастырства, всякому понятно.

Нѣтъ, въ самомъ дѣятельномъ участіи православнаго духовенства въ современной политической борьбѣ, разыгравшейся у насъ, и въ особенности въ выборахъ во вторую Государственную Думу, нѣтъ и не можетъ быть никакого противорѣчія идеѣ пастырства и ученію евангельскому. Мы думаемъ, что призывы къ самоустраженію такъ настойчиво раздаются не потому, что призывающіе къ этому дѣйствительно рѣшуютъ о сохраненіи во всей чистотѣ евангельскаго ученія и православнаго пастырства. Вѣдь эти люди ни единымъ словомъ не возражаютъ противъ участія въ современной нашей политикѣ пастырей—католическихъ, протестантскихъ, еврейскихъ раввиновъ, магометанскихъ муллъ, бурятскихъ ламъ, напротивъ, поощряютъ ихъ въ ихъ противно-русской противно-правительственной дѣятельности. Даже

болѣе,—тѣ же, призывающіе русское православное пастырство къ устраненію отъ политики, въ то же время явно поощряютъ грузинское и армянское духовенство въ его стремленіи къ націонализаціи Церкви грузинской и къ самой дѣятельной борьбѣ за автономію. А вѣдь грузины читаютъ одно и то же съ нами Евангеліе, руководствуются тѣми же, что и мы, пастырскими идеалами, начертанными въ основѣ своей въ Евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ! Почему же двѣ мѣрки, двойное пониманіе пастырскихъ обязанностей—православнаго русскаго пастыря и православнаго грузинскаго пастыря?! Какъ мы ни привыкли на все смотрѣть чужими глазами, свое чужимъ отдавать, свое забывая, но все-таки невольно долженъ возникнуть въ насъ только что поставленный вопросъ.

И онъ возникаетъ и тѣмъ самымъ налагаетъ на всѣ призывы, совѣты и указанія, обращенные къ православному духовенству съ цѣлію устранить его отъ дѣятельнаго участія въ выборахъ въ Государственную Думу, особую печать чего-то умышленнаго, чего-то недоговариваемаго и даже извращаемаго. Для насъ очевидно, что на возможномъ самоустраненіи духовенства отъ выборовъ и отъ предвыборной дѣятельности совѣтующіе и призывающіе къ этому думаютъ основать и создать что-либо полезное въ цѣляхъ своихъ партій. Необходимо знать, что приываютъ православное русское духовенство къ самоустраненію представители въ огромномъ большинствѣ лѣвыхъ партій или люди, еще не опредѣлившіеся, не опредѣлившіеся *добровольно*.

Если мы хоть одну минуту остановимся на этомъ только что названномъ явленіи, то мы поймемъ, почему такъ настойчиво совѣтуютъ православному духовенству устраниваться отъ политики, отъ предвыборной дѣятельности и отъ самыхъ выборовъ,—поймемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что православное русское духовенство не только можетъ, не противорѣча евангельскому ученію и пастырскимъ своимъ обязанностямъ, но и должно, обязано принимать самое дѣятельное участіе во

всемъ томъ, отъ чего его хотять устранить. Всмотритесь хорошепъко и безпристрастно въ нашу современную жизнь, и вы увидите, въ какомъ тяжкомъ, даже болѣе—безпомощномъ положеніи находится вся масса народная, призываемая волею Государя къ участію въ государственномъ строительствѣ. Развѣ трудно замѣтить, что эта масса рѣшительно не подготовлена къ самостоятельному самоопредѣленію въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какіе теперь поставлены у насъ? Развѣ не знаемъ, что какъ дѣтей, такъ и всѣхъ этихъ „меньшихъ братій“ необыкновенно легко повести за собою разнаго рода приманками, хотя бы въ концѣ концовъ или не осуществимыми, или даже вредными для нихъ самихъ? Кому не извѣстно, чѣмъ вызваны забастовки, разгромы помѣщичьихъ имѣній, фабрикъ и заводовъ? И если разгромъ русскаго матеріальнаго благосостоянія произошелъ не повсемѣстно, какъ того хотѣлось устроителямъ и насадителямъ русскихъ свободъ, такъ это только потому, что далеко не вездѣ растерялись дѣйствительные руководители народной души, не вездѣ они потеряли свой авторитетъ. Мы должны сказать болѣе: даже тамъ, гдѣ, повидимому, этотъ авторитетъ значительно потрясенъ, и тамъ онъ еще совершенно не исчезъ хотя бы въ формѣ преданій о быломъ.

Кто же наибольшимъ вліяніемъ пользовался и, къ счастью, еще пока пользуется среди массъ народныхъ? Конечно, православное духовенство, въ теченіе всей исторической страды русской жившее душа въ душу съ народомъ. Это сознають всѣ и въ особенности тѣ, кому въ настоящее время нуженъ народъ для достиженія намѣченныхъ цѣлей. Вотъ именно эти-то люди и говорятъ православному духовенству: оставьте политику, не вмѣшивайтесь въ борьбу партій, ибо это противорѣчитъ, якобы, евангелію и идеѣ папства; если же привести эти слова въ томъ смыслѣ, какой имъ въ дѣйствительности придается, то нужно сказать: оставьте въ этотъ тяжелый моментъ народной жизни массу народную, станьте

отъ нея въ сторонѣ, и мы быстро займемъ ваше мѣсто, и народъ—беспомощный, не могущій безъ руководства ступить и шагу,—будетъ нашъ... И они будутъ правы. Мы не должны забывать, что такія минуты, какъ переживаемыя нами, когда всѣ люди жестоко страдаютъ, страдаютъ всею душою, всѣмъ сердцемъ, когда сомнѣнія, надежды, разочарованія терзаютъ все существо человѣка,—такія минуты никогда не забываются, и именно въ такія минуты народной жизни одни возносятся благодарнымъ сердцемъ народнымъ на недоступную высоту, а другіе, какъ бы иной разъ они ни были близки къ народу, навсегда низвергаются съ прежняго величія, лишаются довѣрія. Неужели же въ такія тяжкія времена страданій, какія переживаетъ русскій православный народъ, самоустраненіе православнаго духовенства отъ водительства своими чадами должно считаться подвигомъ, достойнымъ не только пастыря, но и порядочнаго мірянина? Пусть же всѣ знаютъ, что тѣ, которымъ предоставляютъ мучиться беспомощно, которыхъ въ минуты страданій душевныхъ, мучительныхъ сомнѣній оставляютъ одинокими,—пусть же знаютъ, что эти люди отрекутся навсегда отъ своихъ руководителей и будутъ искать себѣ и найдутъ другихъ руководителей, которые были, хотя бы и лицемѣрными друзьями ихъ въ тяжкія минуты страданій, которые были съ ними во время бури внѣшней и душевной.

Вотъ почему такъ настойчиво добивались и раньше всѣми путями и средствами, чтобы подорвать авторитетъ православнаго духовенства въ глазахъ всего русскаго общества, во всѣхъ его сословіяхъ, и отчасти добились своего всѣ тѣ изъ русскихъ и не русскихъ просвѣтителей, которые давно уже задумали „свое дѣло сдѣлать“. Вотъ почему въ наступившій рѣшительный моментъ борьбы они, не разбирая средствъ, сладкорѣчиво, вкрадчиво и лицемѣрно, подъ покровомъ благожелательности и ученія Христова, убѣждаютъ православное духовенство сойти со своего вѣкового мѣста, выйти изъ переднихъ рядовъ народа и стать въ сторонѣ въ

качествѣ благоговѣйнаго и елейнаго зрителя; кончится борьба, и они же первые, эти освободители русской земли и русскаго народа отъ всего цѣннаго,—скажутъ народу: посмотри весь честный народъ на этихъ фарисеевъ,—всю жизнь были съ тобою, питались отъ тебя, стригли твое руно, а когда пришло время идти съ тобою и за то, что они тебѣ твердили цѣлые вѣка, когда пришло время пожертвовать своимъ покоемъ,—они ушли въ сторону, и ты не видѣлъ ихъ ни наставниками, ни утѣшителями въ скорбяхъ, ни разрѣшителями твоихъ вѣковыхъ сомнѣній. Это они скажутъ,—намъ это они и говорятъ уже тамъ, гдѣ они уже „побѣдили“,—больше всего на фабрикахъ и заводахъ.

Скажемъ больше. Вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ намъ приходится часто бывать среди простыхъ, но чуткихъ душею людей. И часто, слишкомъ часто приходится слышать укоризны горькія по отношенію къ православному духовенству вообще и въ частности къ отдѣльнымъ личностямъ. „Что-жь они молчатъ? Что это все они намъ говорятъ въ церкви о мирѣ, о любви? Да развѣ мы нарушаемъ миръ и любовь? Чего и кого они боятся?“ И горькія, горькія сѣтованія идутъ противъ тѣхъ изъ пастырей, которые „страха ради іудейска“ отказываются служить молебны по желанію все болѣе и болѣе отрезвляющихся русскихъ православныхъ людей...

И правы сѣтующіе. Наступилъ въ жизни русской важнѣйшій моментъ историческій. Въ это именно время должны слиться во едино всѣ лучшія силы народа. Наступило время для разрѣшенія самыхъ серьезныхъ вопросовъ государственныхъ и церковныхъ. Въ это именно время нужна дружная сознательная работа всѣхъ наиболѣе заинтересованныхъ въ этихъ вопросахъ сословій и отдѣльныхъ людей. Созывается вторая послѣ первой печальной Государственная Дума. И эта Дума будетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе для государственной и церковной жизни русскаго народа. Въ быстромъ водоворотѣ временъ и настроеній могутъ также быстро быть поставлены вопросы объ

отношеніи Церкви къ государству. Несомнѣнно будутъ поставлены вопросы о народномъ образованіи, объ упорядоченіи положенія,—общественнаго, государственнаго и матеріальнаго,—православнаго духовенства. Много и другихъ важныхъ вопросовъ будетъ поставлено въ Думѣ. Неужели же въ такое время наиболѣе подготовленные къ разрѣшенію этихъ вопросовъ русскіе люди должны самоустраняться? Неужели же православное русское духовенство должно всему міру заявить о своемъ нежеланіи участвовать въ общенародномъ трудѣ? Не будетъ ли это свидѣтельствомъ о бѣдности духовной, о нравственной слабости, о политической и сословной безнадежности? Будемъ помнить все это. Будемъ во всей широтѣ представлять наступившія времена. Не будемъ смиренничать, самихъ себя умалять и на самихъ себя въ будущемъ навлекать безжалостно-строгій, безпристрастно-справедливый судъ потомства, судъ исторіи.

Но больше всего будемъ избѣгать сомнѣній, колебаній и разныхъ ложныхъ страховъ, особенно же тѣхъ, которыми пользуются враги—мнимые радѣтели благъ православнаго паствыства. Говорятъ: въ прошлые выборы православное духовенство почти поголовно и почти повсемѣстно было забаллотировано, потому-же это произойдетъ и теперь. Но никто не хочетъ вникнуть повнимательнѣе, почему же оно было забаллотировано. И мы думаемъ, что въ этомъ прежде всего виновато само духовенство: оно растерялось, выпустило изъ своихъ рукъ руководство пасомыми; оно убоялось отдѣльныхъ случаевъ насилія надъ защитниками имущественныхъ правъ землевладѣльцевъ и потому устранялось, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ пошло рядомъ съ проповѣдниками націонализаціи земли. Необходимо принять во вниманіе и то, что разные агитаторы отуманили до полнаго самозабвенія массы народныя разнаго рода благами и средствами быстрого обогащенія. Теперь вѣдь далеко не то. Народъ, хотя и бушуетъ, но повсемѣстно уже начинаетъ успокаиваться. Страсти улегаются. Разумъ и сердце народное вступаетъ въ свои права. Нельзя

забывать и того, что и во время тумана народъ ни отрекался ни отъ Церкви, ни отъ вѣры, ни отъ себя, ни отъ Царя. Даже болѣе,—всѣ свои безчинства и насилія совершалъ, какъ онъ думалъ, по волѣ Царя и по благословенію Церкви. Не сумѣли и не успѣли въ то время воспользоваться всѣмъ этимъ для того, чтобы остановить народъ въ его буйствѣ. Неужели же этого и теперь нельзя сдѣлать?

Были, дѣйствительно, случаи насилій надъ отдѣльными пастырями, были случаи и убійствъ народомъ священниковъ за то, что они защищали „помѣщичье добро“. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Мы думаемъ, что мученичество однихъ должно только ободрять другихъ, возвышать въ нихъ духъ и ревность къ дѣлу, врученному Богомъ и людьми. На поляхъ брани кровавой много жизней исчезаетъ на глазахъ остающихся въ живыхъ, но было бы и бываетъ величайшимъ позоромъ, если подъ вліяніемъ смерти рядомъ стоящихъ воины убѣгаютъ съ поля битвы. Пастырь Церкви—тотъ же воинъ, и ему вручены даже большіе, чѣмъ обыкновенному воину, интересы человѣческихъ обществъ. Да не смущается же сердце слабыхъ, да укрѣпляется еще болѣе сердце сильныхъ въ вѣрѣ, въ правдѣ и истинѣ.

Ко всему этому прибавимъ, что выборы, какъ и самая предвыборная дѣятельность, во вторую Государственную Думу для духовенства значительно облегчены; исходъ этихъ выборовъ поставленъ въ меньшую зависимость отъ крестьянъ и другихъ даже сословій. Нельзя забывать, что духовенство представляетъ одну изъ самыхъ значительныхъ теперь силъ на выборахъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. „И было бы непоправимою ошибкою, если бы эта сила, во имя ложно навѣваемыхъ совѣтовъ и указаній, устранилась отъ содѣйствія избранію въ Думу наиболѣе достойныхъ членовъ. Если пастырское слово можетъ дать перевѣсъ здравомыслящей сторонѣ во время выборовъ, пастырь долженъ воспользоваться этимъ единственнымъ своимъ оружіемъ. Да и какъ пастырь можетъ уклониться отъ совѣ-

товъ, если къ нему, какъ къ общепризнанному авторитету, прихожане обратятся съ своими колебаніями и сомнѣніями? Какъ сказать вопрошающимъ: „выбирайте, кого хотите; мое дѣло сторона“,—когда отъ этихъ выборовъ зависитъ благо всего народа? И какъ, съ другой стороны, не пожалѣть, если пасомые и не вспомнятъ о своемъ пастырѣ во время выборовъ?... Но пастыри теперь могутъ дѣйствовать во время выборовъ не только единолично, какъ они вынуждены были поступать на прошлыхъ выборахъ. Теперь въ приходѣ возникаютъ одинъ за другимъ церковные совѣты, составленные изъ людей, объединенныхъ не принадлежностію къ той или другой политической партіи, а преданностію интересамъ Церкви и вѣры Христовой. Если пастырь и церковный совѣтъ дѣйствуютъ вполне единодушно и ревнуютъ о благѣ прихода, то и во время выборовъ они могутъ стать руководящимъ центромъ, тогда приходъ выбирать людей, дѣйствительно, „богатырей мысли и дѣла“, которые спасутъ Россію“ (Орл. еп. вѣд. № 50).

Есть еще вопросъ. Если духовенство должно участвовать въ политической борьбѣ, то въ какой партіи? Какъ-то затруднительно и даже неловко говорить о русскихъ политическихъ партіяхъ, и мы поговоримъ о нихъ въ другой разъ. А теперь скажемъ только слѣдующее. Должно ли затрудняться, и въ чемъ можетъ заключаться затрудненіе при опредѣленіи, къ какой партіи должно принадлежать духовенство. Неужели люди образованные, христіански-просвѣщенные,—люди, изъ устъ которыхъ ежедневно возносятся молитвы о мирѣ всего міра,—неужели они не знаютъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть? Неужели смерть, убійства, разоренія, пожары („иллюминаціи“)—наилучшія средства къ высшему благу и могутъ прельстить тѣхъ, которые еще на школьной скамьѣ не разъ слышали, что цѣль не можетъ оправдывать нечистыхъ средствъ? Нужно при этомъ помнить, что огнемъ и мечемъ не созидалось еще ничего добраго, тѣмъ болѣе—прочнаго блага человѣческаго.

Пусть же православное духовенство вспомнить въ настоящій необыкновенной важности историческій моментъ жизни народной, что оно вмѣстѣ съ другими просвѣщенными сословіями—мощная культурная сила, что отъ него теперь многое зависитъ. Пусть же оно идетъ теперь рука объ руку со всѣми дѣйствительно русскими людьми на отстаиваніе основныхъ началъ народной жизни. Забудемъ былое, забудемъ раздѣленія на классы и будемъ помнить, что передъ нами, въ крови и мученіяхъ Русская земля, русскій народъ. Не о программахъ партійныхъ нужно теперь спорить, а нужно думать и говорить только о русскихъ интересахъ.

Будемъ надѣяться, что дружными усиліями всѣхъ русскихъ душою и сердцемъ людей русское дѣло, упавшее было, будетъ вновь поднято на надлежащую высоту. Съ нами Богъ!

М. Гильбушевъ.

¹⁾ См. № 2 за 1907 г.

²⁾ *Овсянко-Куликовскій* Д. Н., проф. „Исторія русской интеллигенціи“, стр. 342.

³⁾ Интересный анализъ „народническаго умонастроенія“ находимъ у проф. *Овсянко-Куликовскаго*. „Одна изъ главныхъ психологическихъ

Община и ея судьба.

(Продолженіе ¹⁾).

Народничество, какъ говоритъ проф. Д. П. Овсяннико-Куликовскій, явленіе первостепенной важности. Имъ опредѣлилась цѣлая полоса въ умственномъ, идейномъ и моральномъ развитіи передового русскаго общества, тянущаяся отъ половины 50-хъ до 80-хъ годовъ вклучительно ²⁾ „Народническое умонастроеніе“ спорадически проявлявшееся еще въ 20-хъ годахъ, въ 40-хъ годахъ достигало наибольшей яркости и силы у Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Герцена. У западниковъ, не исключая Бѣлинскаго, оно было весьма слабо, или у нѣкоторыхъ совсѣмъ отсутствовало ³⁾.

¹⁾ См. № 2 за 1907 г.

²⁾ *Овсяннико-Куликовскій* Д. П., проф. „Исторія русской интеллигенціи“, стр. 342.

³⁾ Интересный анализъ „народническаго умонастроенія“ находимъ у проф. Овсяннико-Куликовскаго. „Одна изъ главныхъ психологическихъ

Въ концѣ 50-хъ годовъ вмѣстѣ съ пробужденіемъ общественнаго самосознанія, народническое умонастроеніе охватило умы передового славянофильства и западничества; такъ что „великій актъ 19-го февраля 1861 года, по словамъ того же изслѣдователя, былъ въ значительной степени продуктомъ народническихъ идей и движеній, охватившихъ въ концѣ 50-хъ годовъ передовое славянофильство и передовое радикально-демократическое западничество“¹⁾.

По родоначальникомъ народничества, какъ новаго направленія общественной и художественной мысли, считается Герценъ. Міровоззрѣніе Герцена представляетъ синтезъ элементовъ славянофильства и западничества.

Подобно западникамъ, Герценъ даетъ понятію объ общинѣ социологическую окраску; а согласно съ славянофилами онъ признаетъ общинное устройство краеугольнымъ камнемъ русскаго быта и вѣритъ въ великое міровое значеніе русской общины. Но вѣра Герцена въ общину по содержанию своему отличается отъ вѣры славянофиловъ, что обусловливается различіемъ основныхъ точекъ зрѣнія (религіозно-этнической и социологической).

Герценъ вѣрилъ въ общину, какъ панацею отъ всѣхъ золъ капитализма и духовнаго мѣщанства, охватившаго западно-европейскій міръ и приводившаго въ отчаяніе Герцена и Милля,—вѣрилъ, видя въ ней *sui generis* свободную самоуправляющуюся коммуну. „Артель и сельская община,—писалъ онъ,—раздѣлъ прибѣтка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой,—вотъ краеугольные камни, на которыхъ созиждется хранина нашего будущаго свободно-общиннаго быта“²⁾.

основъ народничества это уваженіе къ народу“; для появленія народническихъ чувствъ и идей „необходимъ *живой интересъ* къ народу, къ его быту, его психологій, его міровоззрѣнію, а потомъ *уваженіе къ нему* и сознаніе, что онъ не безформенная, стадная, сѣрая масса, а историческая сила, съ которою пужно считаться“. Ibid, 344—5.

¹⁾ Ibid, 345.

²⁾ Герценъ А. М. „Былое и Думы“, 11, 316. Ивановъ-Разумникъ, 301.

Разочаровавшись въ христіанствѣ, извѣрившись и въ революціи, не столько въ возможности, сколько въ спасительности соціального переворота, Герценъ, какъ въ послѣднюю надежду въ наступившемъ отчаяніи, увѣровалъ въ русскую сельскую общину: онъ увѣровалъ, что общинный бытъ русскаго крестьянства, чуждаго буржуазности и мѣщанства, прямо, минуя капиталистическій строй, приведетъ Россію къ социалистическому строю. „Вы все готовы простить,—писалъ Бакунинъ Огареву и Герцену,—пожалуй, готовы поддерживать все, если не прямо, то косвенно, лишь бы оставалось неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ—великорусская община, отъ которой мистически, не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра“¹⁾).

Позднѣе, въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ, Герценъ разочаровался въ общинѣ, въ не-буржуазности „крестьянскаго тулупа“. Онъ, прежде утверждавшій, что русскій крестьянинъ питаетъ отвращеніе къ личной поземельной собственности, теперь, соглашаясь съ Тургеневымъ, говоритъ: „народъ—консерваторъ по инстинкту, его идеаль—буржуазное довольство“ („Письма къ старому товарищу“, 1869 г.)¹⁾).

Міровоззрѣніе Герцена дальнѣйшее свое развитіе получило у Чернышевскаго, который и является идейнымъ преемникомъ Герцена.

Въ вопросѣ объ общинѣ Чернышевскій, выступавшій въ разгаръ борьбы славянофиловъ съ эпигонами западничества, сталъ на сторону первыхъ и горячо отстаивалъ въ „Совре-

¹⁾ Мережковскій Д. „Грядущій Хамъ“, стр. 5 и 12.

²⁾ Тургеневъ, полемизируя съ Герценомъ, писалъ ему въ 1861 году: „народъ, предъ которымъ вы всѣ преклоняетесь, консерваторъ par excellence и носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, что оставляетъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ“ Ивановъ-Разумникъ, 324.

менникъ“¹⁾ общинный строй, признавая „благодѣтельнымъ принципъ общиннаго владѣнія, который ограждаетъ насъ отъ страшной язвы пролетаріатства въ сельскомъ населеніи“. Подобно Герцену, Чернышевскій вѣрилъ въ особый путь развитія Россіи и видѣлъ въ общинѣ ту ячейку, изъ которой въ будущемъ разовьется социалистическій строй. Но Чернышевскій и расходился съ Герценомъ во взглядѣ на общину; онъ уже критически относился къ общинѣ и не идеализировалъ общиннаго быта, считая его застарѣлымъ пережиткомъ; но онъ признавалъ возможность скачка чрезъ промежуточный фазисъ развитія (капиталистическій) и непосредственнаго перехода отъ патріархально-общественнаго строя къ идеально-общинному (социалистическому) строю²⁾.

Интересно отмѣтить, что Чернышевскій первый выступилъ съ требованіемъ своего рода націонализаціи земли: „все, чѣмъ владѣютъ или что воздѣлываютъ для себя поселяне по общинному праву, должно быть государственною собственностью въ общинномъ владѣніи; каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ“³⁾. Но вмѣстѣ съ требованіемъ, націонализаціи земли Чернышевскій признавалъ и частную земельную собственность; въ этомъ отношеніи онъ раздѣлялъ взглядъ Кавелина, считая частную земельную собственность коррективомъ общинному землевладѣнію и отстаивая, подобно

¹⁾ „Современникъ“ 1858 г. №№ 1-й, 9 и 12-й. Эти статьи вошли въ 4 т. помн. собранія соч. Н. Г. Чернышевскаго—изд. 1906 г.

²⁾ Слѣдуя Гегелевской триадѣ, Чернышевскій находилъ, что общинное землевладѣніе есть первобытная форма земельныхъ отношеній (тезисъ); общинное землевладѣніе переходитъ въ частную собственность—(антитезисъ), которая снова переходитъ въ общинное землевладѣніе высшаго типа—(синтезисъ). Первобытная форма при извѣстныхъ условіяхъ можетъ перейти въ высшую форму, минуя средней фазисъ. „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“. (Современникъ 1858 г. № 12-й.)

³⁾ „О поземельной собственности и личномъ землевладѣніи“. „Современникъ“ 1857 г. № 11. Собраніе сочиненій т. III стр. 405—504.

Кавелину, свободу выхода изъ общины и образованіе личной крестьянской собственности.

Теченіе, представляемое Чернышевскимъ, выдвигало впередъ преимущественно экономическіе интересы народа, какъ земледѣльческаго класса; оно основывалось на уваженіи къ народу и на нѣкоторой идеализаціи его. Чернышевскій протягивалъ руку передовымъ славянофиламъ, вѣрилъ въ „народныя начала“—общину, артель. Отъ этого теченія нѣсколько отличается другое теченіе общественной мысли, представляемое Писаревымъ, котораго Овсяннико-Куликовскій называетъ „разновидностью *додролобовскаго* типа“. Писаревъ совершенно чуждъ былъ какой бы то ни было идеализаціи народа и народныхъ устоевъ, въ которыхъ онъ не находилъ ничего достойнаго уваженія¹⁾.

Отъ народничества Чернышевскаго и Писарева, которое можно назвать реалистическимъ и критическимъ, отличается народничество не-критическое, идиллическое. Это теченіе, получивъ импульсъ отъ реформы 19-го февраля 1861 года, особенно усилилось въ концѣ 60-хъ годовъ и достигло апогея въ 70-е годы, когда оно вылилось въ общезвѣстную форму— „хожденія въ народъ“²⁾. Будучи, такъ сказать, идеологіей „кающагося дворянина“, идиллическое народничество въ основѣ своей имѣло идею расплаты съ народомъ, чувство смиренія и умиленія предъ нимъ³⁾. Сознаніе долга предъ на-

¹⁾ Характеристика этихъ двухъ теченій общественной мысли и ихъ взаимныхъ отношеній, представляющихъ любопытный моментъ въ умственномъ и политическомъ развитіи нашего общества, дана г. Богучарскимъ въ его книгѣ „Изъ прошлаго русскаго общества“. Сиб. 1904 г. стр. 353. Поправка въ эту характеристику внесена проф. Овсяннико-Куликовскимъ. Ibid. 352—54.

²⁾ „Хожденіе въ народъ“, какъ видно изъ офціальнаго документа, началось съ 1872 года и продолжалось около 6 лѣтъ. Андреевичъ, 326—239.

³⁾ Типъ „кающагося дворянина“, впервые опредѣленный Михайловскимъ, встрѣчается и раньше, еще въ 40-хъ годахъ, по выступилъ на спеціи общественной жизни и сдѣлался силой „кающійся дворянинъ“ въ 60-хъ годахъ. Овсяннико-Куликовскій, 333 стр.

родомъ заставляло идти „въ народъ“ и служить ему; а унаслѣдованная отъ славянофиловъ вѣра въ народъ переходила въ умиленіе и преклоненіе предъ нимъ. Вѣру въ народъ и народныя начала—общину и *артель*—идиллическое народничество довело до крайнихъ предѣловъ: народъ съ его міросозерцаніемъ, съ его общинно-земледѣльческимъ бытомъ изъ идеала оно превратило въ идола. Этому идолу поклонилась интеллигенція, ему служила литература. Произведенія писателей-народниковъ, особенно, напр., Златовратскаго, представляютъ изъ себя хвалебный гимнъ народу, панегирикъ общинному быту. Изъ этого культа народа и народной жизни развилась и знаменитая теорія „опрощенія“ гр. Толстого, утрированная его послѣдователями, которая имѣла въ своей основѣ стремленіе слиться съ народомъ, съ его міросозерцаніемъ и общинно-земледѣльческимъ бытомъ. По словамъ Андреевича, это стремленіе—чисто нравственное и развилось на почвѣ евангельскаго ученія. „Оно—одно изъ воплощеній христіанскаго идеала. Въ глубинѣ опростительныхъ стремленій—идеаль первобытнаго христіанскаго братства. Въ русской крестьянской общинѣ опростители нашли наилучшее его воплощеніе“ ¹⁾. Это мнѣніе можно принять съ ограниченіемъ: вѣдь толстовцы понимали и понимаютъ христіанство своеобразно (христіанство безъ Христа); другіе же народники стояли на атеистической точкѣ зрѣнія и въ общинѣ видѣли осуществленіе началъ равенства и братства. Но, проповѣдуя отреченіе отъ своего „я“, отъ личной жизни и личнаго счастья во имя народнаго блага и общаго счастья, народники, безсознательно или малосознательно, проповѣдывали по существу христіанскіе идеалы и, во всякомъ случаѣ, стояли на этической точкѣ зрѣнія. Ихъ конценція по своему характеру сходна съ религіозно-этической конценціей славянофиловъ. Особенно близко къ послѣднимъ Достоевскій, ко-

¹⁾ Андреевичъ, *Ibid*, 45, 47.

торый стоялъ на почвѣ православно-христіанскаго ученія. Достоевскій, подобно другимъ народникамъ, вѣрилъ въ народъ и народныя начала; онъ вѣрилъ, что народу, а не интеллигенціи, предстоитъ сказать новое слово, которое спасетъ не только Россію, но и Европу ¹⁾). Онъ проповѣдывалъ самоотреченіе, подавленіе эгоизма во имя братства, которое осуществитъ православный русскій народъ. „Россію спасетъ Господь, говоритъ Достоевскій устами старца Зосимы, какъ спасалъ уже много разъ. Изъ народа спасеніе выйдетъ, изъ вѣры и смиренія его... неустанно еще вѣруеть народъ нашъ въ правду, Бога признаеть, умирительно плачетъ... Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство, и сіе поймутъ лишь у насъ. Были бы братья, будетъ и братство, а раньше братства никогда не раздѣлятся. Образъ Христовъ хранимъ, и возсіяетъ какъ драгоценный алмазь всему міру“ ²⁾). Достоевскій и Толстой—эти титаны художественной мысли—въ сферѣ соціально-экономической не были оригинальны: они были эпигонами народничества ³⁾).

Самымъ же виднымъ представителемъ народничества въ 70-е и слѣдующіе годы былъ Михайловскій, который является выразителемъ послѣдняго фазиса въ развитіи народническаго міровоззрѣнія—такъ называемаго критическаго народничества. Онъ соединилъ въ своемъ міровоззрѣніи философско-историческій элементъ системы Герцена и соціально-экономическій элементъ системы Чернышевскаго. Михайловскій, какъ и его идейные предки, вѣрилъ въ общину и защищалъ ее отъ нападенія какъ либераловъ—эпигоновъ западничества, такъ и консерваторовъ—эпигоновъ славянофильства. Первые признавали общину тормазомъ для капиталистическаго развитія въ области сельскаго хозяйства; вторые, вопреки традиціямъ

¹⁾ Объ этомъ Достоевскій говоритъ въ „Дневникѣ Писателя“ за 1877 и 1880 г. XI, 495, въ „Братяхъ Карамазовыхъ“ и въ „Пушкинской рѣчѣ“ (1880 г.).

²⁾ „Братья Карамазовы“, XII, 375—376.

³⁾ Ивановъ-Разумникъ, 11, 185.

первыхъ славянофиловъ, признавали общину опаснымъ факторомъ соціально-политической жизни, потому что считали принципъ общиннаго владѣнія отрицаніемъ личной собственности. Подобно Чернышевскому, Михайловскій не идеализировалъ общиннаго быта, не считалъ общины фетишемъ, но видѣлъ въ ней „надежное убѣжище для крестьянской личности отъ грядущихъ бѣдъ капиталистическаго порядка¹). Дѣйствительность, однако, заставила его пойти гораздо дальше Чернышевскаго и существенно измѣнить воззрѣніе послѣдняго, ибо на глазахъ Михайловскаго начался и продолжалъ развиваться процессъ разложенія общины. А. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воззваніе.

Въ селѣ Дерновѣ строится каменный храмъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Денегъ въ храмъ нѣтъ. Откликнитесь, благодѣтели, на мой зовъ, на мое всеусерднѣйшее прошеніе, помогите кто чѣмъ можетъ. Святитель Николай за Ваше усердіе не оставитъ Васъ своими молитвами предъ Престоломъ Бога Всевышняго. И мы, служащіе алтарю Господню, будемъ молить милосердіе Божіе оказать Вамъ милость на землѣ и на небѣ. Будьте милосердны!

Села Дернова Священникъ Александръ Тихомировъ.

Адресъ: С.-В. ж. д. ст. Мятлево, Калужской губерніи, въ село Дерново Священнику *Александру Аванасьевичу Тихомирову*, предсѣдателю ц.-пр. попечительства.

---

¹⁾ „Собраніе сочиненій“. т. IV, 451—2; 700; т. VI, 301.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 16-го января 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года января 28-го дня.

Содержаніе: I. Изъ разговоровъ о нашемъ религіозномъ возрожденіи.— II Современное „всеоружіе“ пастыря.— III. Итоги минувшаго года въ религіозно-правственномъ отношеніи и значеніе его для пастырства русскаго (окончаніе).— IV. Община и ея судьба (окончаніе).— Замѣтки: а) Примѣры, достойныя подражанія и б) О голодающихъ.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: Какія милости получили отъ Царя крестьяне въ минувшемъ году.

Изъ разговоровъ о нашемъ религіозномъ возрожденіи.

О черкѣ.

Безрелигіозность, нравственная расшатанность нашего общества невольнo заставляють истинныхъ ревнителей благочестія задумываться съ тревогой; кому же и какъ, наконецъ, суждено возстановить его, воскресить въ русскихъ сердцахъ угасающую вѣру? Съ однимъ мнѣніемъ по этому вопросу и знакомитъ читателя предлагаемая замѣтка въ той формѣ, какъ мнѣніе это было высказано однимъ изъ ревнителей церковно-религіознаго возрожденія.

Возможно ли такое возрожденіе? есть ли надежда на скорое торжество завѣтовъ Христовыхъ? вѣрные ли пути къ этому? тѣмъ ли людямъ суждено воскресить угасающую вѣру, на кого мы рассчитываемъ?

Мы, люди современной строго оформленной, регламентированной дѣйствительности, думаемъ возвратить утраченное сокровище вѣры, вдохнуть въ общество утраченную религиозность первыхъ вѣковъ христіанства обычными закономѣрными средствами и возлагаемъ это великое дѣло на корпорацію лицъ, формально-призванныхъ быть слугами Церкви—на наше служащее духовенство. Отсюда—наши заботы усилить, обновить и реформировать тѣ исторически-выработанныя формы и нормы религиозной христіанской жизни, отъ устарѣлости и несовременности коихъ мы готовы ставить въ прямую зависимость упадокъ вѣры. По нашему—необходимо созваніе собора (и потомъ—періодическое повтореніе его), церковныя реформы, усиленіе, оживленіе дѣятельности духовенства. Стоитъ осуществиться всему этому, и должна будетъ обновиться и религиозная нравственная жизнь общества. Но такъ ли?

Обратимся къ исторіи, къ соборному періоду Церкви Христовой. Соборы ли способствовали подъему религиозности, и не обратно ли—ея избытокъ, религиозная жизнь, не умѣщавшаяся въ существовавшія нормы церковнаго порядка и ученія, вызывала потребность соборовъ для ея урегулированія, введенія въ русло? Духовенство ли, какъ официальная, церковная корпорація, въ своемъ составѣ являлось главной вдохновляющей, возрождающей силой въ періодъ ослабленія религиозной жизни, упадка общественной нравственности? Не избранники ли, пророки своего рода, ничѣмъ не связанные и необязанные къ своей дѣятельности, кромѣ внутренняго религиознаго призванія? Хотя бы у насъ: Θεодосіи, Сергіи, Гермогены были ли официальными руководителями церковной жизни, когда вдохновляли князей, призывали народъ къ вѣрѣ, спасали своимъ пламеннымъ сло-

вомъ родную землю отъ гибели. Даже и въ Ветхомъ Заветѣ замѣчалось то же явленіе: при упадкѣ истинной вѣры и благочестія среди евреевъ не институтъ священства былъ главнымъ обличителемъ, учителемъ, вдохновителемъ и строгимъ карателемъ народа за отступничество, а лица особенныя, Богомъ посылаемыя, грозные и вдохновенные пророки Божіи, сильные своей независимостью.

И нынѣ надо ожидать спасенія отъ своего рода пророковъ, когда Господь опять посѣтитъ народъ Свой. Преимущество этихъ лицъ остается и теперь столь же необходимымъ для дѣла, какъ раньше: это свобода отъ семейныхъ, общественныхъ и служебныхъ узъ и условій, а отсюда дерзновеніе, стойкость. Современные пророки могутъ явиться въ средѣ же духовенства и составить общество, въ родѣ пророческихъ школъ, существовавшихъ у еврейскаго народа. Только не штатнымъ протоіереямъ соборовъ, не ключарямъ и членамъ консисторій и даже не настоятелямъ приходоу суждено выполнить великое дѣло обновленія жизни, воскресенія вѣры въ очерствѣвшемъ обществѣ; ихъ роль скромнѣе, обыденнѣе, зауряднѣе: они только регулируютъ и поддерживаютъ тѣ слабыя проявленія религіозной жизни, какія еще остались; ихъ дѣло вѣдать и слѣдить за тѣмъ, что есть.

Что не отъ систематическихъ, обдуманыхъ и строго взвѣшенныхъ реформъ и улучшеній въ строѣ церковной жизни слѣдуетъ ожидать намъ религіознаго оживленія и возрожденія, это и теперь видно по выяснившемся направленію „обновленческаго“ церковнаго движенія и по тому приему, какъ оно встрѣчено всѣми. Явная склонность къ формально-внѣшнему рѣшенію церковныхъ вопросовъ участниковъ этого движенія изъ лицъ официальныхъ и слабость, разнорѣчіе во взглядахъ частныхъ ревнителей церковнаго возрожденія не даютъ удовлетворенія и не подають надеждъ нашему измучившемуся маловѣріемъ обществу на плодотворные результаты и официальныхъ и частныхъ начинаній въ этомъ дѣлѣ.

Если гласъ архангела и труба Божія потребны будутъ, чтобы пробудить мертвецовъ въ день второго пришествія Христова, то и теперь необходимы, можетъ быть, подобныя же необычныя сильныя средства—возбудить въ насъ замершій религіозный духъ, разжечь въ яркій пламень еле тлѣющую, а то и совсѣмъ угасшую въ душахъ нашихъ искру вѣры!.. Эту необходимость энергическаго сильнаго воздѣйствія сознаетъ и само общество, требуя настойчиво отъ своихъ религіозныхъ руководителей особенныхъ личныхъ совершенствъ, желая видѣть въ каждомъ священникѣ пламеннаго, вдохновеннаго пророка. И теперь строгость подобныхъ требованій отъ служителей Церкви все усиливается; пусть они неосуществимы, ригористичны, но они подтверждаютъ нашу мысль. Общество само хочетъ сказать этимъ, что по его религіозной холодности только пророческій гласъ пастыря, его личный подвигъ довольны и достаточны для дѣйствительнаго возрожденія.

Однако, можно ли ожидать скорого появленія особенныхъ дѣятелей, облеченныхъ силою и духомъ пророчества по нынѣшнимъ временамъ? Думается—да. Ихъ вызвать къ жизни должно усиленіе въ современномъ обществѣ невѣрія, безнравственности, грѣха. Гдѣ усиливается послѣдній, тамъ для борьбы съ нимъ неизбежно явится и силѣ благодати въ лицѣ ревностныхъ возстановителей, глашатаевъ, борцовъ оставленнаго благочестія. Въ этомъ—наша надежда, наше утѣшеніе!.. И кто знаетъ,—этотъ духъ ревности пророческой не назрѣваетъ ли уже незримо въ душахъ избранныхъ, чтобы явить себя вскорѣ силою мноюю? Очень можетъ быть. И мы, признавая, что исцѣленіе общества придетъ именно такимъ путемъ, съ этой стороны, должны теперь быть особенно осторожны, чутки и внимательны къ проявленіямъ высокихъ свойствъ истинныхъ избранниковъ Божіихъ въ комъ-либо изъ христіанъ; должны помочь имъ въ святомъ дѣлѣ, расчистить предъ ними пути для широкой и свободной дѣятельности.

Такъ, въ общемъ, нашъ почтенный и искренній ревнитель религіозно-церковнаго возрожденія формулировалъ свой личный взглядъ; и кто не признаетъ въ немъ значительной доли правды и неподдѣльной искренности?..

Свящ. *А. Веселукий.*

Современное „всеоружіе“ пастыря.

Жизнь пастыря вообще не легка, въ виду того труднаго и отвѣтственнаго бремени-подвига, который онъ принимаетъ на себя, который есть приведеніе ко Христу, устройство спасенія душъ, ввѣренныхъ его водительству христіанъ. Но въ переживаемое нами время она еще болѣе затрудняется, она дѣлается положительно борьбою, отстаиваніемъ со стороны пастыря своихъ духовныхъ дѣтей отъ вредныхъ и губительныхъ элементовъ, которые со всѣхъ сторонъ готовы вторгнуться въ ихъ души, ниспровергнуть все то, чему учить пастырь, подточить и съ корнемъ исторгнуть тѣ основы, на которыхъ зиждется христіанско-церковная жизнь вѣрующихъ.

Гдѣ теперь не слышатся модныя слова и термины? Всюду проникаетъ періодическая печать; еле грамотный крестьянинъ уже читаетъ о демократіи, анархіи, всевозможныхъ „измахъ“ и политически-экономическихъ вѣяніяхъ, съ которыми нельзя не имѣть дѣла священнику, если ему дороги его прихожане, дорого ихъ благополучіе, вообще дорога истина. Сколько бы ни говорили о томъ, что ближайшая и важнѣйшая задача пастырской дѣятельности состоитъ въ уготованіи спасенія душъ, въ приготовленіи къ достойной смерти и блаженной вѣчности, но если священникъ встрѣчается съ недомысліемъ, неправдою, мыслями пасомыхъ, которыя, касаясь земнаго ихъ благополучія, въ то же время затрогиваютъ и высшіе духовные интересы, а слѣдовательно, соприкасаются съ вопросами религіи и нравственности христіанской, то ему надо быть всегда готовымъ дать отвѣтъ

вопрошающему на его недоумѣнія; ему надо умѣть дать со-
вѣтъ, доказать невѣрность мыслей, не только ссылаясь на
авторитетъ Слова Божія (это первѣе всего, конечно, но на
многое изъ современнаго мы не всегда можемъ найти пря-
мой, опредѣленный отвѣтъ въ Словѣ Божіемъ, дающемъ
основныя руководящія начала для этихъ отвѣтовъ), но зная
и понимая тѣ ученія, отрывки которыхъ, быть можетъ, часто
въ искаженномъ и неузнаваемомъ видѣ доходятъ до отдален-
ныхъ, глухихъ приходоу нашего отечества. Какая-нибудь
ничтожная брошюрка крайняго направленія изъ тѣхъ, которыя
теперь съ такою заботливостью распространяются даже по
глухимъ деревнямъ нашими крайними партіями, прочитанная
полуграмотнымъ, темнымъ крестьяниномъ, можетъ совер-
шенно перевернуть все его міросозерцаніе, вызвать такія
серьезныя думы, недоумѣнія и вопросы, которыхъ онъ не
можетъ рѣшить своею скудною мыслью. А между тѣмъ ка-
кою силою, какимъ авторитетомъ пользуется у невѣжествен-
наго люда печатное слово! Какъ же нужно священнику всегда
быть наготовѣ дать отвѣтъ „о словеси“ всякому вопроша-
ющему; какъ важно самому пріобрѣсть и умѣть ориентиро-
ваться въ томъ циклѣ новыхъ политико-экономическихъ те-
орій, соціально-политическихъ переустройствъ, той группы
философскихъ идей, которыя служатъ имъ основою и кото-
рыя грозятъ при своемъ осуществленіи въ жизни ниспро-
вергнуть весь нынѣ существующій жизненный строй, съ на-
чалами собственности и семейственности включительно.

Газетныя статьи, въ какомъ бы направленіи онѣ ни
писались, рассчитанныя на интересъ минуты, на популяр-
ность широкихъ кругоу читающей публики, не могутъ за-
даваться цѣлью—дать безпристрастно-объективное изложеніе
и спокойно-научную критику тѣхъ основоположеній, на ко-
торыхъ зиждутся эти теоріи. А какъ необходима эта кри-
тика, какъ необходимо знать тѣ возраженія, которыя выска-
зывались серьезными мыслителями по самымъ жгучимъ во-
просамъ современности, и которыхъ авторитетъ ничуть не

ниже, чѣмъ возведенныхъ въ кумиры современныхъ Марксовъ, Энгельсовъ, Ласалей и др. Не скроемъ, что современное „движеніе“, современный пересмотръ или, какъ часто выражаются языкомъ философа Ницше, современная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей могла застать и дѣйствительно застала многихъ пастырей врасплохъ въ силу незнакомства съ тѣмъ матеріаломъ, который теперь составляетъ почти постоянную атмосферу умственную читающей публики. Счастливы тотъ пастырь, въ которомъ искорка стремленія къ знанію всегда таится, которая въ благопріятныхъ случаяхъ, какъ переживаемое нами тяжелое время, разгорается въ свѣтлое и жаркое пламя,—который своимъ тонкимъ пастырскимъ чутьемъ, глубоко проникающимъ тактомъ уловить всю важность и опасность тѣхъ вѣяній, которыя проникаютъ въ среду его прихожанъ; изучить съ надлежащею основательностью всѣ ложныя направленія общественно-политической мысли, сумѣть разобраться въ нихъ и дать надлежащее освѣщеніе всѣмъ недоумѣніямъ, которыя могутъ сбить съ праваго пути слабую и колеблющуюся мысль его прихожанъ. Читайте, изучайте всѣ эти вѣянія и мысли, дорогіе сопастыри, сумѣйте найти истинное освѣщеніе имъ подъ угломъ зрѣнія Слова Божія, которое изучайте прежде всего въ правильномъ толкованіи, ибо защитники всякихъ „измовъ“ не преминутъ и слова Библіи истолковать въ свою пользу и согласно съ своимъ вѣроучіемъ, примѣровъ чему встрѣчается не мало.

На стражѣ придется стоять пастырю еще и съ другой стороны, которая также выдвигается современными условіями жизни. Съ измѣненіемъ законовъ о печати и цензурѣ книжный рынокъ наводнился массою такихъ изданій, которыя до послѣдняго времени могли читаться только немногими (ибо написаны на иностранныхъ языкахъ), а нынѣ совсѣмъ не могли быть издаваемы (напр. философско-богословскія сочиненія гр. Толстого). И если на Западѣ, гдѣ многія сочиненія рационалистически-отрицательнаго направленія давно уже прочитаны, подвергнуты критикѣ, а идеи наполовину

забыты, или по крайней мѣрѣ потеряли интересъ и привлекательность повизны, эти сочиненія и идеи не могутъ быть опасными, то для нашего средняго русскаго читателя Штраусы, Ренаны, Фейербахи, Гарнаки, Толстой ¹⁾ будутъ, конечно, чѣмъ-то совершенно новымъ, чѣмъ будутъ зачитываться, увлекаться. Какіе результаты получаютъ для религіозно-церковной мысли и жизни отъ такого широкаго распространенія раціоналистически-отрицательныхъ сочиненій, понять не трудно. Средними читателями дѣло не ограничится, конечно; раціоналистически-отрицательныя идеи распространятся въ широкомъ кругу читателей, пойдутъ въ народъ, какъ это вообще происходитъ съ идеями всякаго рода, а съ крайними идеями тѣмъ болѣе, ибо агенты ихъ не преминутъ воспользоваться всѣми средствами къ возможно-широкому распространенію. Придется пастырю перебрать весь тотъ антираціоналистическій запасъ, которымъ его могла снабдить *alma mater*; этотъ запасъ не особенно богатъ, а быть можетъ, и недостаточно основателенъ. Сочиненія раціоналистическія ему необходимо прочесть въ полныхъ переводахъ, необходимо проитудировать критическую литературу, которая разбѣяна по многимъ богословско-философскимъ періодическимъ изданіямъ, или представляетъ собою отдѣльныя монографическія работы ²⁾.

Наша мысль невольно устремляется къ благочинническимъ библіотекамъ, которыя, при правильной организаціи, могли бы заключать въ себѣ всѣ важнѣйшія сочиненія, посвященныя вопросамъ современной христіанской апологетики.

¹⁾ Журналъ „Всемирный Вѣстникъ“ въ настоящемъ году даетъ читателямъ въ качествѣ приложенія полное собраніе „философско-богословскихъ“ сочиненій г. А. Толстого.

²⁾ Сочиненіе Ренана „Жизнь Иисуса“ критически разобрана въ сочиненіи французскаго философа Каро „Идея Бога и ея новѣйшіе критики“ изъ серіи апологетическихъ изданій подъ общимъ заглавіемъ „Въ защиту идеаловъ разума“, выходящей подъ редакціей проф. А. Введенскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нашему духовному взору представляется приходъ, снабженный, благодаря заботамъ и стараніямъ зоркаго и на стражѣ интересовъ своей паствы стоящаго пастыря, цѣною коллекціей брошюръ и листовъ добраго христіанскаго направленія, въ которыхъ разъяснялись бы все волнующіе прихожанъ вопросы и недоумѣнія. Этимъ матеріаломъ должны въ обиліи владѣть народныя читальни; брошюры и листки эти надо читать на чтеніяхъ народныхъ, ихъ раздавать прихожанамъ при выходѣ ихъ изъ храма въ богослужebные дни и при всякомъ другомъ удобномъ случаѣ¹⁾).

Отовсюду слышатся толки о необходимости оживленія приходской жизни во внутреннемъ и внѣшне-жизнейскомъ отношеніи. Но жизнь нужно вдохнуть, нужно, чтобы было лицо, около котораго сцентрализовалось бы это оживленіе, которое бы, не будучи связано по рукамъ и ногамъ матеріально, стѣсненными положеніями, имѣло бы надлежащій досугъ, силу и бодрость духа, чтобы послужить важнѣйшему дѣлу, которое иначе уйдетъ въ другія руки. Если не нашъ православный пастырь возьметъ въ свои руки это дѣло, то найдутся другіе, непризванные, учителя и руководители, за которыми пойдетъ не нашедшая себѣ сочувствія, не могшая напитаться даваемыми ей крохами, паства.

II. К—іі.

---

¹⁾ Слава Богу, идутъ слухи изъ епархій, что духовенство озабочено какъ организаціей благотворительныхъ и окружныхъ библіотекъ, такъ и составленіемъ каталоговъ и подборомъ книжекъ, желанныхъ для народа. Сельскому духовенству придется, конечно, на помощь свою энергією и средствами и духовная власть.

Итоги минувшаго года въ религіозно-нравственномъ отношеніи и значеніе его для пастырства русскаго.

(Окончаніе ¹⁾).

Религіозно-нравственное развитіе русскаго народа—священная наша обязанность, вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ духовной радости и утѣшенія, какъ для пахаря—нива, для пастуха—стадо. И чѣмъ же мы можемъ, не скажемъ—хвалиться, но радоваться? Если быть искреннимъ, не скрывать дѣйствительности, то должны сказать, что рѣшительно ни чѣмъ. Вліяніе Церкви на жизнь народную значительно ослаблено; *центр тяжести замѣтно для каждаго изъ религіозно-нравственной сферы переносится въ сферу правовыхъ и политическихъ отношеній*; надъ Церковью Русскою собираются зловѣщія тучи, которыя несутъ съ собою не дожди благодатные и плодоносные, а ураганы и грозы. Опасности Церкви Православной грозятъ не только внутреннія, но и внѣшнія,—отъ тѣхъ, кто откололся отъ Церкви въ безвѣріе, а также и отъ иновѣрія. Въ народъ брошена такая масса книгъ, брошюръ, листовъ анти-церковнаго и анти-религіознаго направленія, которую онъ не скоро переваритъ, а вѣдь это еще цвѣточки, начало, такъ какъ мысли общества теперь почти всецѣло сосредоточены на политической борьбѣ. Что же будетъ дальше? Свобода вѣроисповѣданія, ложно истолкованная, отъ которой ожидали блага для Церкви, пока принесла лишь одно зло. Десятки тысячъ людей перешли въ католичество, а сколько же мы ввели въ лоно Православной Церкви? Скажутъ и говорятъ: нечего жалѣть объ отпадшихъ: они и до отпаденія не были твердо преданы православію. Но развѣ это утѣшеніе или оправданіе для насъ? Сектантство и расколъ... и отсюда радостныхъ вѣстей намъ, можетъ

¹⁾ См. „Руков. для сельск. паст.“ за тек. годъ, № 3-й.

быть, не дожидаться; напротивъ, возможны съ этой стороны сильныя выступленія противъ православія, и если мы не видимъ ихъ теперь, то потому, что сектанты и старообрядцы еще не пришли въ себя отъ переменъ ихъ положенія и, по нашимъ наблюденіямъ, не выразумѣли еще вполне дарованныхъ имъ правъ...

Что принесъ прошлый годъ духовенству, какъ сословію, призванному осуществлять пастырскія цѣли въ русскомъ народѣ? Можно ли сказать, что народное довѣріе къ намъ усилилось, что нравственная связь съ нимъ болѣе чѣмъ прежде окрѣпла? Далеко нѣтъ. Всколыхнувшаяся народная жизнь, возвѣщенный манифестомъ свободы, новыя политическія явленія, какъ и слѣдовало ожидать, застигли духовенство, какъ и весь русскій народъ, неподготовленнымъ; духовенство не высказало своего яснаго и опредѣленнаго взгляда на политическія событія и явленія нашей жизни. Растерянность, неустойчивость и нерѣшительность правительства сказались и въ духовномъ мірѣ. На первыхъ порахъ это сказалось въ томъ, что духовенство весьма часто объявляло себя внѣ партійнымъ и это въ то время, когда отъ насъ настойчиво требовали отвѣта о нашемъ политическомъ credo. Внѣпартійность плохо насъ укрывала и оказала плохую услугу. Насколько мы были робки и нерѣшительны, видно хотя бы изъ того, что самаго невиннаго свойства руководяція указанія, какъ быть и какъ дѣйствовать, рассылались секретными указами. Указы на другой день попадали въ печать съ надлежащими комментаріями, а для духовенства получался одинъ конфузъ. При отсутствіи общаго, твердаго, единогласнаго мнѣнія или рѣшенія по политическимъ вопросамъ, при полномъ невѣдѣніи общества о томъ, что думаетъ Церковь, приобрѣтали значеніе отдѣльные голоса и поступки отдѣльныхъ лицъ, при чемъ носили нерѣдко совсѣмъ нежелательный характеръ. За истекшій годъ престижъ нашъ въ обществѣ не поднялся, и сами мы не приложили къ тому усилій, какъ

будто были равнодушны къ чести и доброму имени своихъ собратьевъ.

Наконецъ, истекшій годъ пустилъ въ оборотъ нѣсколько такихъ идей относительно Церкви и духовенства, осуществленіе которыхъ въ будущемъ не можетъ не тревожить и не заставить задуматься всякаго, кому дороги ихъ интересы. Осуществленіе этихъ идей ожидать въ ближайшемъ будущемъ нельзя, но сѣмена для будущаго брошены въ народъ, и кто можетъ сказать, чѣмъ они взойдутъ и какія плоды принесутъ въ будущемъ? Подъ вліяніемъ жалобъ на тяжелую опеку государства въ церковныхъ дѣлахъ, не мало теперь говорятъ и пишутъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства. Крайнія лѣвыя партіи этотъ тезисъ выставляютъ въ своихъ партійныхъ программахъ, въ подпольныхъ листкахъ. Мы не знаемъ, какъ рѣшается этотъ вопросъ съ научной точки зрѣнія, но съходячимъ его и рѣшеніемъ въ головахъ обывателя приходилось знакомиться. Одно рѣшеніе (наивное) состоитъ въ томъ, что правительство дескать совершенно откажется отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, но сохранить за собою пріятное обязательство поддерживать Церковь, давать ей матеріальныя средства и т. д.... Такъ рѣшаютъ вопросъ люди, къ Церкви расположенные. Другіе вопросъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства рѣшаютъ на французскій ладъ и, съ легкой руки покойницы—первой Государственной Думы, дѣлятъ въ своемъ воображеніи церковныя и монастырскія земли, а затѣмъ и капиталы, при чемъ капиталы эти, подъ вліяніемъ лживыхъ подпольныхъ листовъ и газетъ, представляются въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, въ какихъ, кажется, на Руси нѣтъ и денежныхъ знаковъ...

Къ такимъ же тревожнымъ предположеніямъ мы относимъ и разговоры о сосредоточеніи въ однѣхъ рукахъ народныхъ школъ (читай: объ отобраніи у духовенства церковно-приходскихъ школъ). Для духовенства съ достаточной ясностію выяснилось, что во всѣхъ кривотолкахъ о нашей школь, коренная причина нападокъ на нихъ—не плохая постановка

дѣла¹⁾), такъ какъ ясно, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего,—а тотъ духъ, каковой въ нихъ парить, церковность въ ущербъ якобы практическимъ и освободительно-просвѣтительнымъ цѣлямъ. Самые уже слухи объ отнятіи церковно-приходскихъ школъ, которымъ мы отдали не мало труда, и заботъ, вредны, такъ какъ ослабляютъ энергію, заставляютъ опускаться руки болѣе слабыхъ. Осуществленіе же указаннаго проекта крайне вредно отозвется не только на религіозномъ, но и на общемъ образованіи народа, такъ намъ церковныхъ школъ никто не замѣнитъ. Финансы государства прошлой войной крайне истощены, и ожидать на школы большихъ кредитовъ нельзя; а что касается земствъ, то они сами теперь питаются отъ щедротъ казны.

Мы были бы несправедливы и односторонни, если бы отмѣтили одни только печальныя и тревожныя явленія истекшаго года: есть въ немъ и отрадное, что подастъ радостныя надежды въ будущемъ. На первомъ планѣ здѣсь должна быть поставлена работа предсоборной комиссіи. Соборъ, соборная форма жизни, о которой мы забыли думать, не только ею жить, будетъ воскрешена въ нашей жизни. Уже предсоборная комиссія подробный отчетъ о которой печатается въ „Церковныхъ вѣдомостяхъ“, глубоко затронула самыя разнообразныя проявленія церковной жизни; ею вскрыты многіе недуги нашего церковнаго организма. Соборъ, безъ сомнѣнія, не мало внесетъ улучшеній въ нашу церковно-общественную жизнь и положитъ твердыя основанія болѣе плодотворной жизни. Говоря о соборѣ, нельзя не высказать нѣсколько пожеланій, навѣянныхъ наблюденіями въ приходѣ. Плоды собора будутъ благодѣтельны въ томъ случаѣ, если имъ будетъ живо заинтересовано все православное населеніе. Несмотря на дѣятельность предсоборной комиссіи, православное населеніе, 90% его, не имѣютъ о немъ ни малѣйшаго предста-

¹⁾ Чего, впрочемъ, во многихъ случаяхъ нельзя отрицать и не только относительно церковной, но и вообще всякой начальной школы.

вленія; это мы предлагаемъ провѣрить не только на сельскомъ, но и на городскомъ населеніи. Пока еще есть время, необходимо духовенству ознакомить населеніе съ задачами и цѣлями собора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терпѣливо прислушаться къ тому, чего жаждетъ отъ Церкви православный народъ. Не беремъ обобщать своихъ наблюденій, но намъ кажется, что отъ собора народъ прежде всего ожидаетъ улучшенія чисто нравственныхъ отношеній, оставаясь глубоко равнодушнымъ къ правовымъ пормамъ и каноническимъ, которыми въ настоящее время главнымъ образомъ занято предсоборное присутствіе. Борьба съ народнымъ пьянствомъ, защита святости праздничныхъ дней, широко поставленная борьба съ развратомъ, съ семейными неурядицами—все это, по нашему, неотложныя задачи, которыя не можетъ обойти молчаніемъ предстоящій соборъ.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ прошлаго года въ его значеніи для вѣры православной и, въ частности, для духовенства, какъ общественной единицы. Стоя у дверей великихъ церковныхъ событій и широкихъ общественныхъ теченій выскажемъ нѣсколько пожеланій и сильныхъ соображеній о нашей дѣятельности въ грядущемъ году. Первый вопросъ, какимъ теперь занято общество,—вопросъ социальный и политическій; на него слѣдуетъ намъ въ новомъ году обратить вниманіе и при томъ не единолично каждому, а всѣмъ вмѣстѣ. Въ прошломъ мы вели себя слишкомъ робко, неопредѣленно, а вѣдь могли, въ силахъ были многое сдѣлать въ этой сферѣ. Совершеннымъ органомъ, который будетъ выражать голосъ нашей Церкви, явится конечно соборъ, но и теперь, путемъ пастырскихъ собраній, епархіальныхъ съѣздовъ, мы имѣемъ возможность реагировать на общественныя явленія крупнаго значенія. Не политиканства, не партійности мы желаемъ отъ духовенства, а лишь твердаго, яснаго и опредѣленнаго голоса по вопросамъ общественнымъ нравственнаго значенія. Рѣшеніе можетъ быть и не единогласнымъ, но есть же и общія, принципиальныя поло-

женія, въ которыхъ согласится большинство. Молчаніе намъ мало помогаетъ, угодить всѣмъ всѣмъ мы тѣмъ меньше можемъ, такъ—не лучше ли быть намъ самими собою и не прятать голову, какъ страусъ? Что дѣйствительно мы слабо откликались на общественныя явленія, всего лучше доказываетъ, на примѣръ, наше отношеніе къ прошлой Государственной Думѣ. Въ основныхъ положеніяхъ законопроекта о свободѣ совѣсти Государственная Дума желала, чтобы въ Россіи была свобода пропаганды рѣшительно всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и сектамъ, за исключеніемъ изувѣрныхъ, требовала полной свободы для атеизма; въ 7-мъ пунктѣ Дума требовала свободы и равенства всѣхъ вѣроисповѣданій. Аграрная комиссія той же Думы въ первомъ пунктѣ своего законопроекта постановила: „Для расширенія площади землепользованія трудового земледѣльческаго населенія обращаются пригодныя для сельско-хозяйственнаго промысла земли: а) казенныя, удѣльныя, кабинетскія, церковныя и монастырскія². Не говоря о томъ, что указанные законопроекты касаются самыхъ основаній общественной жизни, они касаются существенныхъ интересовъ самой Церкви. И тѣмъ не менѣе духовенство, какъ сословіе, призванное оберегать интересы Церкви, рѣшительно ничѣмъ не отозвалось на такіе существенные вопросы, не сдѣлало попытки выразить свой взглядъ на эти вопросы, какъ будто дѣло вовсе насъ не касалось. Думскіе законопроекты, съ роспускомъ ея, потеряли свое значеніе, но предложенія ея все же проникли въ народъ, а какъ смотреть на нихъ духовенство въ массѣ своей, этого никто и доселѣ не знаетъ.

Удѣляя часть своего времени на общеполитическія и гражданскія дѣла, мы должны быть болѣе внимательны къ тому, что творится въ религіозной жизни русскаго народа. Обязанности наши въ этомъ отношеніи еще увеличались, такъ какъ внѣшней поддержки, при объявленной свободѣ вѣроисповѣданій, у насъ уже не будетъ. При быстромъ темпѣ общественной жизни, при сильно растущей грамотности,

всякое вредное явленіе и направленіе будетъ отрывать отъ насъ тысячи членовъ Церкви. Со стороны духовенства необходима бдительность, энергичная работа и не только со стороны простыхъ рядовыхъ работниковъ, но и со стороны умственныхъ интеллигентныхъ нашихъ силъ. Не только въ городѣ, но и по селамъ въ настоящее время ведется усиленная пропаганда социализма и безбожія. Въ настоящее время городской мастеровой за рубль закупить массу брошюрочекъ, которыя запутають его кругомъ, перевернуть вверхъ дномъ весь его небольшой багажъ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. А что же мы дали въ качествѣ противоядія, много ли написали и распространили среди рабочаго люда книжекъ и брошюръ?

Въ настоящее время, по сообщеніямъ священниковъ, даже въ селахъ появился Ренанъ, съ его кощунственною книгою: „Жизнь Иисуса“. На Западѣ книга Ренана давно уже перестала быть новинкой, забыта, у насъ нѣтъ на нее даже популярной критики.

Новыя требованія, новыя задачи, какія открываются предъ нами, не измѣняютъ однако нашей первой обязанности прежде всего самимъ, своею жизнію служить примѣромъ доброй жизни для паствы. Вопросъ это вовсе не старый, какъ думаютъ нѣкоторые. Намъ пришлось быть на одномъ пастырскомъ собраніи. Обсуждался вопросъ о томъ, чѣмъ можно усилить наше пастырское вліяніе на паству. Предсѣдатель обратился къ одному очень скромному, робкому священнику, человѣку высокой жизни, стремящемуся осуществить въ жизни образъ добраго пастыря. Я... я...“ заикаясь заговорилъ застигнутый въ распахъ о. Н, „я думаю, что прежде всего намъ самимъ надо стать лучше“...—„Объ этомъ что и говорить“, отозвался предсѣдатель, и рѣчь перевели на другой предметъ. И насколько намъ приходилось знакомиться съ постановленіями и резолюціями духовенства по съѣздамъ, собраніямъ, вопросъ о поднятіи нашего собственнаго пастырскаго духа рѣшительно вездѣ обходили молчаніемъ, потому

ли что этотъ вопросъ для всѣхъ ясенъ, или потому, что наша жизнь въ упрековъ—рѣшать не беремъ. Нужно ли говорить о томъ, что наша высокая обязанность и словомъ и, что особенно важно, личнымъ примѣромъ пасти Церковь Христову, наставлять людей върѣ и нравственности, воспитывать и создавать чадъ Божіихъ, не только не облегчилась, но еще болѣе затруднилась. Не будемъ падать духомъ, опускать безсильно руки, но удвоимъ нашъ трудъ въ этомъ самомъ первомъ и самомъ важномъ дѣлѣ. Не будемъ, какъ рабы неключимые, ссылаться на тяжелыя обстоятельства кругомъ, или жить одними надеждами на лучшее будущее, когда широкія реформы будто бы совсѣмъ облегчатъ и нашъ трудъ и нашу жизнь, такъ какъ всякій потерянный для Божія дѣла день—есть нашъ грѣхъ. Не будемъ создавать себѣ изъ ожидаемыхъ реформъ въ церковной жизни какого-то кумира, который все исцѣлитъ, все поправитъ. Пусть придутъ желанныя, разумныя, для блага Церкви полезныя реформы, но не станемъ забывать того, что всѣ реформы, безъ реформы духа, ничего не дадутъ; и всѣ самыя лучшія начинанія, законы, улучшенія безъ нравственной опоры въ нашихъ сердцахъ будутъ лишь роскошной одеждой на плечахъ прокаженного. Пожелаемъ нашей Православной Церкви, чтобы она въ новомъ году не скудѣла, но обогащалась тѣми людьми, которыми создавалась и крѣпла сама Церковь и наша родина: свѣтильниками въры, высокой жизни, самоотверженной любви къ человѣку: только они *одни* способны будутъ вести насъ къ лучшему будущему, только они одни въ силахъ зажечь яркій пламень новой жизни.

Священникъ *Василій Пестряковъ*.

Община и ея судьба.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ 60-хъ годахъ діалектика жизни на смѣну натурального хозяйства дореформенной Россіи выдвинула денежное, хищническое. Эпоха реформъ была эпохой зарожденія промышленнаго капитализма и появленія торгово-промышленной буржуазіи. На арену русской жизни выступилъ „хищникъ“, появленіе котораго отмѣтили Некрасовъ и особенно Салтыковъ-Щедринъ ²⁾. „Хищникъ“, писалъ Щедринъ въ 1873 году,—вотъ истинный представитель нашего времени, вотъ высшее выраженіе новаго типа новаго человѣка... Хищникъ—это дикій, въ полномъ смыслѣ этого слова; это человѣкъ, у котораго на языкѣ нѣтъ другого слова, кромѣ слова „отнять“. Въ 60-хъ годахъ купецъ-хищникъ получилъ право пріобрѣтенія земельной собственности въ деревнѣ. Онъ скушалъ имѣнія помѣщиковъ, все разоряя и расхищая, и забиралъ въ свои руки крестьянъ, создавая изъ нихъ своими кабальными записями новыхъ крѣпостныхъ рабовъ для себя ³⁾. Крѣпостное право помѣщиковъ, канувшее въ вѣчность, смѣнилось ‘закрѣпощеніемъ кулака-хищника. „Идетъ чумазый!“ желчно пронизировалъ Салтыковъ: „идеть, и на вопросъ: что есть истина?—твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: расливочно и на выносъ?“ ⁴⁾. Онъ вносилъ въ деревню развратъ своей „дешевкой“, своими денежными расчетами и хищническими инстинктами и расхищалъ поэзію и красоту самобытной жизни ⁵⁾. Подъ вліяніемъ новыхъ условій экономической жизни община разлагалась, „міръ“ разложился на бо-

¹⁾ См. № 3-й за 1907 г.

²⁾ Поэма Некрасова „Современники“. Салтыкова-Щедринъ: „Дневникъ провинціала“, „Убѣжище Монрепо“.

³⁾ Андреевъ, 323.

⁴⁾ „Убѣжище Монрепо“ 1878—9 г.

⁵⁾ Андреевъ, 322.

гатыхъ и закабаленную массу; въ деревнѣ появились буржуа—„мірофды“ и пролетаріи—батраки. Представители критическаго народничества, какъ Салтыковъ-Щедринъ, Глѣбъ Успенскій и Михайловскій, ясно видѣли этотъ процессъ разслоенія деревни и разложенія общины ¹⁾). Сознвая опасность грозящую общинѣ со стороны усиливающагося капитализма, Михайловскій сталъ настаивать на необходимости „широкаго государственнаго вмѣшательства, первымъ актомъ котораго должно быть законодательное закрѣпленіе поземельной общины“ ²⁾). Такимъ образомъ Михайловскій совершенно разошелся съ Чернышевскимъ, который былъ противъ государственнаго вмѣшательства и закрѣпленія общины. Но и эта мѣра не могла-бы предотвратить неизбежнаго процесса пролетаризаціи крестьянства, чего такъ боялись народники и чего они не могли простить Европѣ. Суровая дѣйствительность безжалостно разбивала главную мечту народничества; послѣднее теряло свой *raison d'être*—и умирало. Вѣра въ народъ, въ общину и артель угасала въ душѣ интеллигенціи, въ которой загорѣлась новая вѣра—въ пролетаріатъ. Старый кумиръ долженъ былъ уступить мѣсто новому ³⁾). Въ 80-хъ годахъ у насъ появился марксизмъ. Эта доктрина, имѣвшая прецедентъ въ теоріи Лаврова-Миртова, нашла для себя удобную почву, подготовленную революціоннымъ народничествомъ, привилась и дала обильные всходы въ умахъ и сердцахъ нашей интеллигенціи.

Въ 90-хъ годахъ марксизмъ далъ пышный цвѣтъ; онъ сдѣлался модной доктриной и „новой вѣрой“ русской интеллигенціи. Эта „новая вѣра“ вступила въ конфликтъ съ старой вѣрой—народничествомъ. Съ новой силой возгорѣлся

¹⁾ Глѣбъ Успенскій въ своихъ произведеніяхъ изображалъ народную жизнь въ процессѣ разложенія ея.

²⁾ „Собраніе сочин.“, т. I, 704, ср. т. IV, 1160.

³⁾ У Глѣба Успенскаго трагедія народничества обратилась въ личную трагедію его души. Михайловскій же до конца стоялъ на своемъ посту, отстаивая умирающее народничество.

старый споръ между марксизмомъ—этимъ какъ бы новымъ западничествомъ, и народничествомъ, взявшимъ на себя роль прежняго славянофильства,—споръ объ особомъ пути развитія Россіи, объ общинѣ и ея значеніи.

Марксисты, исходя изъ основоположеній теоріи „научнаго социализма, доказывали всю неосновательность и утопичность теоріи народничества объ особомъ (не-капиталистическомъ) пути развитія Россіи. Перейдя отъ натурального хозяйства къ денежному, товарному, Россія, говоритъ Плехановъ, вступила на путь капитализма и потому не можетъ избѣжать ни господства крупной буржуазіи, ни образованія пролетаріата, „такъ какъ сама объективная логика товарнаго производства заботится о превращеніи мелкихъ индивидуальныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ съ одной стороны и буржуа предпринимателей съ другой“¹⁾.

Самъ Плехановъ въ 80-хъ годахъ, признавая неизбежность для Россіи капиталистическаго пути развитія, не отрицалъ нѣкотораго своеобразія въ области земельныхъ отношеній; слѣдуя Марксу и Энгельсу²⁾—отцамъ нѣмецкаго марксизма, Плехановъ—вождь русскаго марксизма, допускалъ, при социалистической организаціи національнаго производства, возможность перехода поземельной общины въ высшую коммунистическую форму³⁾.

¹⁾ Плехановъ Г. Брошюра „Наши разногласія“ гл. IV, I.

²⁾ Эту возможность допускали Марксъ и особенно Энгельсъ, что они и высказали въ предисловіи къ русскому переводу своего „Манифеста“ (1882 г.). Ивановъ-Газумчикъ, 329.

По мнѣнію извѣстнаго профессора Масарика, Энгельсъ эту идею у Герцена. См. „Философскія и социологическія основанія Марксизма“. Этюды по социологическому вопросу. Москва. 1900 г., стр. 326.

³⁾ Плехановъ *ibid.* гл. V, 2.

Точка зрѣнія Плеханова приближается къ точкѣ зрѣнія Чернышевскаго, выводы котораго принималъ Плехановъ, отвергая однако возможность скачка черезъ капиталистическій фазисъ развитія. „Наши разногласія“, Введеніе, 4.

Но марксисты 90-х годовъ, вопреки мнѣнію Маркса, Энгельса и Плеханова, рѣшительно отвергали возможность уклоненія Россіи отъ западно-европейскаго пути развитія хотя бы въ области земельныхъ отношеній. П. Струве доказывалъ, что Россія въ своемъ развитіи не можетъ уклониться отъ всеобщаго экономическаго и соціологическаго закона и необходимо пойдетъ по пути западно-европейскаго капитализма; капиталистическое производство и денежное хозяйство ведетъ къ обезземеленію крестьянъ и разложенію общины. Этотъ процессъ разложенія общины и расчлененія крестьянства Струве признавалъ естественнымъ и неизбѣжнымъ; а кулака и кабатчика, не смотря на всѣ ихъ отрицательныя стороны, считалъ высшимъ типомъ человѣческой личности¹⁾. Плехановъ-Бельтовъ также долженъ былъ признать, что община не развивается въ высшій типъ, а разлагается²⁾.

Другіе марксисты научными данными—цифрами экономической статистики—доказывали пролетаризацію и фактическое разложеніе сельской общины³⁾. Наиболѣе прямолинейные марксисты даже настаивали на необходимости обезземелить крестьянство и всячески содѣйствовать разложенію поземельной общины для успѣховъ соціалистическаго движенія въ крестьянской средѣ⁴⁾. Противъ этой теоріи насильственной пролетаризаціи крестьянскаго населенія особенно возставали народники. Но по кардинальному вопросу о значеніи общины въ спорѣ съ марксистами народники были разбиты. Наука и сама жизнь свидѣтельствовали противъ нихъ. Ни государственное закрѣпленіе общины, котораго такъ желали и требовали народники и которое было осуществлено

¹⁾ Струве П. В. „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ Сиб. 1894 г.

²⁾ Бельтовъ „Къ вопросу о развитіи монастическаго взгляда на исторію“. Сиб. 1895.

³⁾ Эти данныя приводятся у Волгина („Обоснованіе народничества въ трудахъ В. Воронцова“. 1896 г.).

⁴⁾ Ивановъ-Разумицкѣ, 329, 331.

закономъ отъ 14-го декабря 1893-го года, ни отмѣна круговой поруки, тормозившей развитіе общины, закономъ отъ 12-го марта 1903-го года,—не могли остановить процесса разложенія общины ¹⁾).

Споръ между марксистами и народниками совершенно не прекратился; въ послѣднее время онъ былъ перенесенъ на реальную почву и отразился въ аграрныхъ программахъ марксистскихъ и возродившихся народническихъ партій. Законъ 9-го ноября положилъ конецъ этому великому спору о русской поземельной общинѣ, длившемуся съ 40-хъ годовъ.

А. М.

---

¹⁾ Эти законы будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей статьѣ. Авторъ. См. статьи Бернадкаго М. въ „Образованіи“ и Ленина Н.—тамъ же, Валентинова Н., Маслова П., Каутскаго К.—въ „Правдѣ“,—которые направлены противъ статей Пѣшехова—въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1906 года.

ЗАМѢТКИ.

а) Примѣръ достойный подражанія.

10 декабря 1906 года, прихожане с. Девятина, Дмитровскаго у., (Орл. губ.) провожали на другой приходъ своего священника о. Григорія Грабовскаго, и вотъ какъ при этихъ проводахъ обнаружилась любовь, какою пользовался среди прихожанъ ихъ пастырь. Вотъ идетъ мать, ведущая своего сына; слышно, какъ онъ говоритъ: „мама, а батюшка мнѣ копеечку дать“?—„Дать, сыночекъ, дать“! „Ма, я его люблю“. „Люби, люби его, милый“, а у самой слезы на глазахъ. Тяжела ей и сыну разлука съ батюшкой. Вотъ толпа крестьянъ: „говорить нечего, хорошъ былъ наставникъ! Бывало, онъ тебѣ всю семью содержитъ, коли узнаеть, что тамъ идетъ ругань и хотять дѣлиться,—явится онъ живо и начнетъ: „да что вы! одумайтесь, взгляните на св. иконы-

¹⁾ Эти законы будутъ разсмотрѣны въ слѣдующей статьѣ. Авторъ.

См. статьи Бернадскаго М. въ „Образованіи“ и Ленина Н.—тамъ же, Валентинова Н., Маслова П., Каутскаго К.—въ „Правдѣ“,—которыя направлены противъ статей Пѣшехова—въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1906 года.

давайте помолимся! и сейчас тебѣ расскажетъ, какъ надо жить въ семьѣ и хозяину, и хозяйкѣ, и сыну, и невѣсткѣ. Уйдетъ, какъ съ собою все унесетъ, и пошла въ семьѣ тишь, да гладь, да Божья благодать“. Вотъ толпа женщинъ: „и, милая, погорѣли мы тутъ-то, ничего у насъ не осталось, въ чемъ были, въ томъ и вышли; а хозяева наши въ ту пору въ лѣсѣ были. Приѣхаль онъ съ крестомъ на пожаръ. Мы всѣ ревмя режемъ, а онъ насъ цѣлуетъ и самъ плачетъ и ублажаетъ насъ, чтобъ мы не плакали: обѣщаетъ намъ и то, и то дать и просить за насъ,—не вернулись еще наши хозяева изъ лѣсу, а у насъ ужъ отъ него прислана и перемѣна бѣлья и хлѣбъ. Дай Богъ ему много лѣтъ пожить!“ Къ нимъ подходитъ плачущая женщина: „уходитъ отъ насъ нашъ родимый батюшка, какъ-то мнѣ горемычной вѣкъ свой коротать: помогаль мнѣ онъ, всѣмъ добромъ помогаль“. Вотъ толпа ребятишекъ сбилась возлѣ школы, а одинъ изъ нихъ ораторствуетъ: „слышите, какъ только онъ изъ церкви, такъ мы прямо ему въ ноги и будемъ просить, чтобъ онъ не уѣзжалъ“. Изъ толпы голоса: „да, да, а то напишемъ архіерею, чтобъ не пускаль его отъ насъ“. И къ какой бы вы толпѣ ни подошли, вездѣ слышали бы подобные разговоры, со слезами на глазахъ: тамъ толпа толкуетъ, какъ по его молитвѣ саранча пропала, какъ онъ Анисьи на похороны мужа помогъ; тамъ, какъ Теофану хлѣба на погорѣлое далъ, какъ онъ уговорилъ Ивана водку бросить пить, какъ Марью убѣдилъ выбросить ея чародѣйскія зелья и т. д. Любилъ о. Григорій своихъ прихожанъ, и услуги его для прихода неисчислимы. Счастливъ тотъ пастырь, котораго такъ любилъ приходъ, но вдвое счастливъ тотъ приходъ, который имѣетъ такого пастыря (Орл. еп. вѣд. № 4 1907 г.).

в) О голодающихъ.

— Теперь у насъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ голодь со всѣми его послѣдствіями. Не благовременно ли было бы монастырямъ, а съ ними и всѣмъ обезпеченнымъ соборамъ и церквамъ оказать возможную помощь бѣдствующимъ? Разсудить о помощи можно было бы на предстоящихъ еп. сѣздахъ. По вопросу о помощи собственно духовенству неурожайныхъ мѣстностей данъ хорошій примѣръ въ Тамбовской епархіи. Здѣсь выяснилось, что число священно-церковно-служителей епархіи, нуждающихся въ помощи на прокормленіе себя и семействъ, весьма значительно и что настоять нужда въ пособіи имъ довольно крупномъ по размѣрамъ. Полагая, что собратіямъ пострадавшихъ слѣдуетъ сообщи разсудить о помощи бѣдствующимъ и объ изысканіи средствъ для сего, тамбовскій епископъ нашель необходимымъ собрать 20 января вторичный епарх. сѣздъ духовенства, на которомъ вопросъ о помощи голодающимъ долженъ быть основнымъ и центральнымъ. (Церк. Вѣстн. № 1 1907 г.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 23-го января 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года февраля 4-го дня.

Содержаніе: I. Русскія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православ-
ной.—II. Отъ словъ къ дѣлу.—III. Митиугъ въ селѣ Незнамовѣ.—
IV. Замѣтки: а) Проектъ просвѣтительныхъ курсовъ для духовен-
ства.— б) Ремесленная школа для дѣтей духовенства.

Русскія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православной.

До изданія манифеста 17-го октября русская жизнь не знала политическихъ партій; если онѣ и были знакомы ей, то лишь изъ заграничной жизни и сообщеній заграничныхъ газетъ. Съ изданіемъ манифеста о Государственной Думѣ Россія вступила на путь парламентаризма и, какъ это бываетъ во всякомъ парламентарномъ государствѣ, подѣлилась на группы и партіи, борющіяся за преобладаніе и власть въ парламентѣ. Какъ въ идейномъ, такъ и практическомъ отношеніи партійныя программы стремятся выразить нужды и интересы какъ всего населенія страны, такъ особенно отдѣльныхъ группъ его, наиболѣе нуждающихся въ благоже-

лательномъ отношеніи и покровительствѣ имъ законодательства; наиболѣе жизненными партіями оказываются конечно, тѣ, которыя объединяютъ наибольшій кругъ лицъ, ясно выражаютъ ихъ мысли, желанія и настроенія, вообще имѣютъ свои корни и основанія въ самой народной жизни. За послѣдніе два года на Руси появилось нѣсколько десятковъ партій. Въ „Полномъ сборникѣ платформъ всѣхъ русскихъ политическихъ партій“ (изданіе II. II. Ш.) приведены программы 16 партій, но въ этотъ перечень не вошли польскія и еврейскія партіи, которыя, добиваясь своихъ національныхъ цѣлей, все же не могутъ не отзываться и на запросы русской жизни; оущены въ сборникѣ и нѣкоторыя изъ правыхъ партій. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ партій не имѣютъ жизненнаго значенія и въ недалекомъ будущемъ распадутся, а члены ихъ разойдутся по другимъ партіямъ. Немногочисленныя по составу партіи въ огромномъ государствѣ практическаго значенія не имѣютъ, а потому естественно осуждены на умираніе; такая участь постигла, напр., торгово-промышленную партію.

Наконецъ, практическія жизненныя задачи, особенно предвыборная партійная борьба, ведетъ къ тому, что мелкія партіи стремятся войти въ блокъ съ партіями, сродными по направленію, что поведетъ ихъ къ дальнѣйшей нивелировкѣ, такъ что можно думать, что въ концѣ концовъ количество русскихъ политическихъ партій сведется къ небольшому числу.

До настоящаго времени, т. е. въ эпоху зарожденія и образованія, политическія партіи еще не имѣли существеннаго рѣшающаго значенія для русской жизни. Вліаніе ихъ будетъ расти и укрѣпляться съ ростомъ у насъ парламентаризма, черезъ Государственную Думу. Такой крупный, можно сказать, универсальный факторъ и личной и общественной жизни, какъ религія, естественно не можетъ быть замолчанъ ни въ одной изъ политическихъ партій: онѣ должны такъ или иначе выразить въ своихъ программахъ отношеніе къ

Церкви, а такъ какъ пастырю Церкви знать это не только не лишне, но прямо полезно, то мы и остановимся своимъ вниманіемъ на русскихъ политическихъ партіяхъ именно въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи ихъ къ Церкви и вѣрѣ православной. Предварительно слѣдуетъ однако сказать, что въ партійныхъ программахъ, назначенныхъ для распространенія въ широкой публикѣ и при томъ въ программахъ, гдѣ часто на одномъ листкѣ изложена вся соль партіи, мы не можемъ найти полнаго и подробнаго раскрытія ихъ взглядовъ на Церковь; всего чаще дѣло ограничивается нѣсколькими краткими тезисами.¹⁾

Одна изъ сильныхъ и довольно многочисленныхъ такъ называемыхъ лѣвыхъ партій есть социаль-демократическая партія. Насколько эта партія чувствуетъ себя сильной, можно видѣть изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, въ Москвѣ и Варшавѣ, она гордо отказалась отъ всякихъ блоковъ и соглашеній въ предвыборной кампаніи, надѣясь вполне самостоятельно провести своихъ кандидатовъ въ Государственную Думу. Какъ показываетъ уже одно названіе этой партіи, она не есть созданіе русской народной жизни; то же отлично доказываетъ и литература этой партіи. Законодателями и пророками русскихъ социаль-демократовъ являются иностранцы: Бебель, А. Бернштейнъ, Марксъ, Либкнехтъ, Каутскій и др. Въ „библіотекѣ социаль-демократа“, изданной Платономъ Лебедевымъ, гдѣ систематически изложена социаль-демократическая литература, русскія имена авторовъ весьма рѣдки, да и тѣ главнымъ образомъ передѣлываютъ и компилируютъ иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе, социаль-демократическія идеи, а равно и самая партія, не

---

¹⁾ Не можемъ категорически утверждать, что отношеніе русскихъ политическихъ партій въ дѣйствительности будетъ буквально такое же, о какомъ говорятъ ихъ партійныя программы. Очень возможно, что жизнь, особенности нашего народа и его исторіи будутъ видоизмѣнять это отношеніе, особенно въ партійныхъ цѣляхъ и интересахъ, но духъ этихъ партій все же виденъ и изъ ихъ программъ и едва-ли радикально будетъ мѣняться въ отношеніи къ Церкви.

смотря на заграничное ихъ происхожденіе, все же пользуются у насъ на Руси значительнымъ успѣхомъ и развиваются главнымъ образомъ среди городского фабричнаго люда. Главная причина успѣха среди русскаго рабочаго класса соціалъ-демократическихъ идей заключается въ томъ, что соціализмъ беретъ подъ свою защиту рабочій классъ и обѣщаетъ перестроить общественныя отношенія такъ, что господиномъ, владыкой положенія сдѣлается самъ рабочій, въ настоящее время эксплуатируемый представителями капитала.

Въ настоящее время, говорятъ соціалъ-демократы, капитализмъ сталъ въ Россіи господствующимъ способомъ производства; съ ростомъ капитализма возрастаетъ и общественное неравенство, увеличивается разстояніе между имущими и неимущими; растутъ необезпеченность и лишенія широкихъ слоевъ трудящихся массъ. „Основной задачей рабочихъ партій является достиженіе соціализма, т. е. такого экономическаго строя, когда всѣ орудія производства (земля, фабрики, заводы, машины) будутъ принадлежать всему обществу. Производствомъ будутъ руководить не отдѣльныя лица, а все общество“.¹⁾ „Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя плановѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою. Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ. Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историче-

¹⁾ Библіотека соціалъ-демократа, 17 стр. Программа максимумъ соціалъ-демократин.

скую миссію, международная соціалъ-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, руководить всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи“.¹⁾ Обѣщаніемъ не только новыхъ лучшихъ матеріальныхъ условій, но и прямого господства во всѣхъ сферахъ жизни, соціалъ-демократическая партія не можетъ не подкупать рабочихъ массъ, преимущественно тамъ, гдѣ капиталъ особенно широко развилъ свою предпримчивость, и гдѣ борьба между нимъ и рабочимъ классомъ значительно обострилась,—въ этомъ заключается причина ея успѣха, и можно думать, что и у насъ въ Россіи, съ ростомъ капиталистическаго производства, будетъ развиваться указанная партія.

Какъ созданіе международной жизни, соціалъ-демократическая партія въ Россіи о православіи не говоритъ ни слова, и въ своей программѣ по отношенію къ религіи повторяетъ тезисы международной соціалъ-демократіи. Вотъ эти тезисы: „Россійская соціалъ-демократическая партія ставитъ своей ближайшей задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его демократической республикой, конституція которой обезпечивала бы:

5) Неограниченную свободу *совѣсти*, слова, печати, собраний, стачекъ и союзовъ.

7) Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола, *религии*, расы и національности.

13) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви.

Вотъ и все, что говоритъ соціалъ-демократическая партія объ отношеніи своемъ къ Церкви. Краткіе тезисы эти, —

---

²⁾ Сборникъ платформъ русскихъ политическихъ партій. Соціалъ-демократы, стр. 13.

собственно пунктъ 13-й, становятся понятнѣе въ освѣщеніи партійной литературы социаль-демократовъ.

Большинство социаль-демократовъ сознаетъ, что христіанство пустило глубокіе корни въ жизнь народовъ, поэтому нѣкоторые изъ нихъ стараются доказать, что социализмъ нисколько не противорѣчитъ христіанству, находится даже съ нимъ въ связи.

Отсюда стремленіе нѣкоторыхъ представить Христа, какъ социальнаго реформатора. Христосъ терпѣть не могъ богатыхъ и власть имущихъ,¹⁾ такъ что, съ христіанской точки зрѣнія, социализмъ есть лучшая форма правленія. Христіанство въ первоначальномъ своемъ видѣ есть социальное явленіе, отраженіе классовой борьбы въ римскомъ государствѣ, выраженіе протеста интернаціональнаго пролетаріата противъ неправды общественной жизни. Въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ евангельскаго Иисуса то громче, то тише социаль-демократія слышитъ голосъ глубочайшаго социального ожесточенія, отзвукъ того гнѣва противъ всѣхъ высокопоставленныхъ и богатыхъ, какой мы наблюдаемъ почти у всякаго агитатора, вышедшаго изъ низшихъ слоевъ народа.²⁾ Въ лицѣ Христа многіе социаль-демократы видятъ своего предшественника, а въ жизни Его первыхъ послѣдователей—зачатки коммунизма, того социального строя, къ которому и стремится социаль-демократія, съ той лишь разницей, что коммунизмъ первыхъ христіанскихъ общинъ былъ потребительнымъ (босыескимъ, по выраженію Каутскаго), а не производственнымъ.³⁾ По мнѣнію Каутскаго, ни одно современное движеніе не стоитъ такъ близко къ духовному христіанству, какъ социалистическое, такъ какъ оба они пролетарскаго происхожденія, и пролетарское стремленіе устранить классовыя различія близко подходитъ къ евангельскому уче-

¹⁾ Рихардъ Кальверт. Христіанство и социаль-демократія, 19 стр.

²⁾ Иисусъ и социализмъ. В. фонъ-Шнеевъ. 5 стр.

³⁾ Католич. церковь и социаль-демократія. Каутскаго, 6 стр.

нію христіанства. 1) Стремленіе соціалізма сблизиться съ христіанствомъ нельзя однако назвать вполне искреннимъ, и вызывается оно практическими соображеніями, о чемъ нѣкоторые изъ соціалістовъ откровенно и сознаются. „Вездѣ, пишетъ Антонъ Паннекоёкъ, извѣстный слой христіанскихъ рабочихъ оказываетъ нашей пропагандѣ самое упорное противодѣйствіе. Пастыри этихъ рабочихъ, боясь потерять своихъ овецекъ, рассказываютъ имъ, что религія и соціалізмъ представляютъ собою несоединимыя противоположности, что соціалізмъ, въ сущности, есть лишь разновидность атеизма, и главная цѣль его стремленій состоитъ въ томъ, чтобы отнять у рабочихъ ихъ вѣру. Въ нашихъ собственныхъ рядахъ потребность побороть недовѣріе этихъ рабочихъ и скорѣе проникнуть къ нимъ порождаетъ стремленіе затушевать наши основныя воззрѣнія и во имя временнаго успѣха жертвовать ясностію мысли и чувства нашихъ собственныхъ товарищей“. 2)

Свящ. В. Пестряковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Ibid. 11,

2) Религія и соціалізмъ. Антонъ Паннекоёкъ. Введеніе. Курсивъ нашъ.

ОТЪ СЛОВЪ КЪ ДѢЛУ.

Хорошихъ, золотыхъ словъ, всякихъ благихъ желаній въ области усовершенствованія жизни на началахъ евангельской любви, благоустройствъ и обновленіи приходской жизни весьма много. Не мало словъ было посвящено этому послѣднему вопросу и на предсоборномъ присутствіи; конечно, нѣсколько страннымъ представляется, что рѣчь идетъ о приходѣ, а нѣтъ того, кто ближе всего стоитъ къ приходу деревенскому, нѣтъ рядового, опытнаго пастыря, который могъ бы много повѣдать присутствію такого, чего ни въ какихъ

---

¹⁾ Ibid. 11,

²⁾ Религія и социализмъ. Антоць Паннекоёкъ. Введеніе. Курсивъ нашъ.

наукахъ не значится; онъ сообщилъ бы плоды своихъ наблюдений надъ живою дѣйствительностью, съ которою хорошо знакомъ, съ которою сжился всѣмъ своимъ существомъ, за которую не разъ болѣлъ сердцемъ въ теченіе своего многотруднаго и многолѣтняго пастырскаго служенія. Епархіальные органы, отражающіе интересы духовной жизни разныхъ уголковъ нашего отечества, тоже говорятъ объ оживленіи прихода, о необходимости единенія пастыря съ народомъ, о необходимости отрезвить нищенствующій, спившійся деревенскій людъ; говорятъ даже о необходимости по этому послѣднему вопросу рѣшительно заявить правительству, какою высокою цѣною, быть можетъ, послѣднихъ грошей и безъ того тощаго крестьянскаго достатка обогащаетъ оно свою казну. За предсоборнымъ присутствіемъ, на которомъ весьма много вопросовъ затрогивалось и съ разныхъ сторонъ освѣщалось, послѣдуетъ, вѣроятно, созваніе помѣтнаго собора Русской Церкви, на который будетъ возложена великая и важная задача—выработать рядъ мѣръ, законовъ, положеній о переустройствѣ, реформированіи, измѣненіяхъ въ различныхъ областяхъ жизни и проч. Однако же, какъ ни цѣнны задачи этого собора, какъ ни обильны тѣ золотыя слова, которыя приходится читать въ періодическихъ изданіяхъ по поводу ожидаемыхъ отъ него проектовъ улучшенія и усовершенствованія жизни Церкви, все время не покидаетъ васъ вопросъ: что же теперь *дѣлается?* или въ ожиданіи того, пока эти планы и проекты будутъ уяснены и освѣщены со всѣхъ сторонъ по всѣмъ даннымъ науки, и жизнь будетъ ожидать? Нѣтъ, она не ждетъ, и пока мы будемъ рисовать планы, возлагать надежды, говорить хорошія слова, а не участвовать дѣятельно, со всею возможною энергіей въ самомъ усовершенствованіи жизни теперь же, неотложно, почва все болѣе и болѣе будетъ ослабѣвать подъ нами, члены прихода, не сконцентрированные тѣсно и плотно около представляющагося намъ авторитетнымъ и любовнымъ для народа пастыря, будутъ дальше и дальше отступать отъ него.

Мы хотимъ посвятить нѣсколько словъ организаціи тѣхъ учреждений, которыя, казалось бы, должны при надлежащей и правильной постановкѣ сыграть чрезвычайно-важную роль въ дѣлѣ объединенія прихожанъ вокругъ своего пастыря и въ дѣлѣ объединенія самихъ пастырей; такое объединеніе съ точки зрѣнія евангельской заповѣди и любви могло бы быть весьма дѣйственнымъ средствомъ въ дѣлѣ морально-религіознаго прежде всего, а затѣмъ и матеріально-экономическаго оживленія приходской жизни. Уже болѣе года прошло съ тѣхъ поръ (18 ноября 1905 г.), какъ опубликованы были опредѣленія Св. Синода по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни, объ общихъ церковно-приходскихъ собраніяхъ и совѣтахъ. Кому же не интересно было бы знать, что же въ епархіяхъ явилось вслѣдствіе этого синодальнаго опредѣленія? за годъ кое-что могло бы создаться, сказаться и дать плоды, или, наоборотъ, встрѣтить затрудненія и препятствія; могло бы за это время выясниться, каковы эти препятствія, чѣмъ и какъ они устраимы и т. д. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что нѣкоторые епископы, согласно этому синодальному опредѣленію, издали предписаніе городскимъ и сельскимъ благочиннымъ объ устроеніи приходскихъ совѣтовъ и пастырскихъ собраній. 4-го іюня минувшаго 1905-го года преосвященный орловскій Серафимъ далъ предложеніе орловской консисторіи такого содержанія: „предписываю городскимъ и сельскимъ благочиннымъ, въ виду необходимости объединенія духовенства и обмѣна мыслей и предположеній по вопросамъ возрожденія ц.-приходской жизни въ христіанскихъ общинахъ, неукоснительно собирать ежемѣсячныя пастырскія собранія и по возможности совместно съ приходскими совѣтами. Главное вниманіе должно быть обращено на распредѣленіе обязанностей между членами совѣта,—чтобы эти совѣты помогли объединенію прихожанъ съ пастырями. Однимъ надо поручить заботы о храмѣ, другимъ—о церковно-приходской школѣ; всѣмъ поручить смотрѣніе за приходомъ, для чего раздѣлить его на участки.

Смотрѣніе съ христіанской и братской точки зрѣнія должно состоять въ наблюденіи за ихъ нуждами, скорбями, душевнымъ и духовнымъ состояніемъ. Члены совѣта должны немедленно сообщать обо всемъ священнику, дабы онъ могъ во-время посѣтить, по своей пастырской обязанности, скорбящихъ и нуждающихся въ совѣтѣ, нравственной поддержкѣ и иной помощи. Пока пастыри не начнутъ эту дѣятельность, не приблизятся къ своимъ прихожанамъ и не сдѣлаются ихъ друзьями и дорогими наставниками, до тѣхъ поръ не прекратятся современныя нареканія, недовольство на духовенство и враждебныя отношенія изъ-за матеріальныхъ вопросовъ. Приходскимъ совѣтамъ слѣдуетъ поручить разборъ всѣхъ мелкихъ жалобъ и недоразумѣній между причтомъ и прихожанами... Постепенно крестьяне станутъ обращаться за разборами своихъ претензій къ приходскому совѣту и перестанутъ писать жалобы и доносы епархіальному начальству. Только пастыри должны разъяснить совѣтамъ, что они, какъ стоящіе во главѣ приходской общины, обязаны на всѣ жалобы смотрѣть исключительно со стороны духовной и заботиться объ одномъ: проводить всѣхъ къ миру и любви". Тѣмъ же предложеніемъ преосвященный Серафимъ обязываетъ, кромѣ ежемѣсячныхъ благотворительныхъ собраний, устраивать разъ въ годъ уѣздныя пастырскія собранія по взаимному согласію городского и сельскихъ оо. благотворительныхъ.

Нужно отдать должное энергіи и настойчивости орловскаго архипастыря въ попыткѣ организовать столь живое и благотворное дѣло. Архипастырь принялся и примѣръ подавать своими разъѣздами по епархіи, собирая при разъѣздахъ по уѣзднымъ городамъ пастырей и мірянъ и заявивъ на одномъ изъ нихъ, что это уже его 15-е собесѣдованіе, и что его примѣръ, вѣроятно, будетъ заразителенъ для благотворительныхъ. Дѣло сначала туго прививалось: это можно видѣть изъ того, что преосвященный заявляетъ на собраніи духовенства и мірянъ въ г. Ельцѣ (30 мая минувшаго года), что еще цѣлая

половина епархіи не открыла у себя приходскихъ совѣтовъ; видимо, не находили нужнымъ спѣшить съ этимъ дѣломъ, какъ самъ преосвященный заявилъ тогда же въ Ельцѣ: „говорятъ, что я, вѣроятно, какъ бывшій военный, вопросъ объ учрежденіи совѣтовъ пустилъ, что называется, съ мѣста въ карьеръ, иначе—что не было нужды спѣшить съ этимъ дѣломъ. Священники иные указывали, что они сами многого не понимаютъ, что надо еще многое изучать; другіе указываютъ на трудность своего служенія, на массу обязанностей—хозяйственныхъ, письменныхъ, отчетныхъ, на заботы о духовно-нравственномъ состояніи своихъ пасомыхъ, а тутъ еще прибавляются совѣты.“ Бесѣда на собраніи пастырей и мірянъ въ г. Болховѣ 27-го іюня уже включаетъ въ себѣ слова преосвященнаго, что *возрожденіе церковно-приходской жизни* началось, за исключеніемъ, впрочемъ, одной трети приходовъ.

Таковы мысли, планы и цѣли преосвященнаго орловскаго, безъ сомнѣнія, обязанныя своимъ появленіемъ самымъ чистымъ, идеально-христіанскимъ побужденіямъ внести жизнь въ нашъ забытый и заглохшій приходъ. Повторимъ, нельзя не отдать должнаго энергіи и одушевленію преосвящ. Серафима. Здѣсь—не слово только, а и дѣло. Но зачѣмъ предписаніе чрезъ консисторію? Мы представляемъ себѣ, какъ зашевелился приходской муравейникъ во главѣ съ пастырями, чтобы исполнить во чтобы то ни стало пришедшую изъ консисторіи „бумагу“. Къ такимъ предписаніямъ духовенство уже въ достаточной мѣрѣ привыкло; „бумага“ получается, занумеровывается, что-то дѣлается для ея исполненія, „очищенія“, какъ говорятъ канцелярскимъ языкомъ, и дѣло кончено. Это „предписаніе“ преосвященнаго живо напомнило намъ „предоставленіе“ духовенству по проекту 1884-го года о церковно-приходскихъ школахъ открывать ихъ; И. С. Аксаковъ подчеркивалъ тогда это выраженіе проекта „предоставить“, а не предписать, справедливо полагая, что въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ школа, всякое предписаніе въ состояніи только совершенно убить и уничтожить его. По

опытъ показаль, и „предоставленіе“ не оправдало возлагавшихся на него надеждъ. Многіе члены духовенства, въ душѣ не желая церковной школы и не прилагая къ ея развитію силъ, привыкли на словахъ прославлять ее. Это выразалось въ „хорошихъ“ отчетахъ, въ численномъ ростѣ школъ, въ трогательныхъ статьяхъ о томъ, какъ населеніе любитъ именно церковную школу, а не земскую. И въ то же время школа—въ сырой, грязной, угарной сторожкѣ, а па-негиристь ея не ходитъ въ нее даже для преподаванія Закона Божія. Официальное прославленіе школы идетъ рядомъ съ равнодушіемъ къ ея дѣйствительному положенію. Мы не хотѣли бы допустить, чтобы подобная участь постигла „предписаніе“ орловскаго преосвященнаго, мы полагаемъ, что процессъ возрожденія церковно-приходской жизни болѣе сложенъ и длителенъ, чтобы для него достаточно было предписанія чрезъ консисторію.

Правда, мы видѣли, что преосвященный не ограничился „предписаніемъ“, дѣятельно работаетъ, объѣзжаетъ епархію, бесѣдуетъ, воздѣйствуетъ примѣромъ; но откуда вдругъ всплывутъ новые пастыри, на которыхъ рассчитано осуществленіе этихъ проектовъ? Самимъ преосвященнымъ брошена вскользь мысль, что нужно пройти рядъ скорбей и испытаній, чтобы быть пастыремъ по призванію. Избранники Божіи рѣдки, но необходимо, чтобы молодые люди, избирающіе духовный путь, были вѣрующіе и воспитанные люди“. Откуда появятся вдругъ, какъ *deus ex machina*, полные инициативы и энергіи пастыри? какая школа взлелѣяла ихъ и воспитала? кто выбираль изъ оканчивающихъ семинарію тѣхъ, кто не посрамилъ бы дѣла Божія при поступленіи на приходъ? кто снабжалъ юныхъ пастырей, только что оставившихъ школьную скамью, духовно-пастырскимъ опытомъ¹⁾? Да нелегко, думаемъ, соби-

¹⁾ Намъ думается, что мысль о необходимости руководствованія опытными, пзвѣстными своимъ авторитетомъ пастырями молодыхъ, начинающихъ должна бы найти полное сочувствіе; если мы учимъ свя-

рать на приходскіе совѣты и прихожанъ, которымъ это дѣло было чуждо до сихъ поръ; крестьяне, какъ оказывается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испугались совѣтовъ, увидѣвъ въ нихъ посягательство на ихъ благосостояніе. Картина получилась бы совѣтъ иная, если бы мы предположили, что священники по личной инициативѣ, по ясному сознанію долга, по любви къ пастырскому дѣлу и прихожанамъ основываютъ союзы, въ которые свободно, съ охотой и радостью вступаютъ лучшіе члены прихода, а дѣятельность его уже не требуетъ „предписанія“, (можетъ быть, достаточно было бы толчка и руководства): она всецѣло создается особенностями мѣстныхъ условій, нуждъ, интересовъ.

Итакъ, какое же дѣло настоятельно необходимо намъ теперь же?

Необходимо духовнымъ вождямъ народнымъ оживиться духовно и силою пастырскаго вліянія вызвать въ народѣ еще неутраченныя имъ сокровища мощнаго духа и вѣры. Все дѣло—въ пастырской ревности, въ самоотверженной любви къ пастырскому дѣланію. Глубокая вѣра въ Бога и искренняя любовь къ паствѣ послужатъ прочнымъ основаніемъ для тѣснаго единенія между пастыремъ и приходомъ. Полюбите народъ со всею его сѣренькою, сумрачною жизнью, проникнитесь его интересами, стремленіями и желаніями, и народъ полюбитъ васъ, будетъ внимать каждому вашему слову, пойдетъ за вами. Пройдите по деревнѣ, обойдите всѣ избы, всмотритесь въ эту жизнь, въ эти кошмары суевѣрія, жестокости, въ затаенные уголки горячей вѣры, любви, и вы заговорите такъ, что васъ будутъ слушать, хотя бы вы были косноязычны. Вы не перемѣнитесь, конечно, сразу, но вашу душу заполнятъ тѣ самыя темы и вопросы, какими живутъ люди въ этихъ самыхъ избахъ съ узенькими окнами. Въдъ жизнь

шенно-служебнѣю практически, то почему не можетъ быть практической школы пастырскаго искусства, котораго не дастъ ни настоящая школа, ни книга?

народная начинается; первые лучи зари обновленія уже скользнули на родную землю; богатырь—народъ русскій отъ вѣковой спячки пробуждается (Херс. еп. вѣд. № 24-й). Вотъ штрихи, которыми опредѣляется самая суть пастырской трудной, но благодарной работы; при этомъ основномъ условіи всѣ организаціи, клонящіяся къ подъему нравственно-религіозному, умственному и экономическому прихода, выростутъ сами собою, органически—возникнутъ ¹⁾).

II. К—ій.

---

¹⁾ Мы съ большимъ интересомъ будемъ слѣдить за дѣятельностью „Копринскаго (Яросл. епар.) православно-церковнаго кружка ревнителей обновленія пастырства и паствы на неизблемыхъ началахъ Евангелія и завѣтовъ Вселенской Церкви“. Кружокъ не ограничивается предѣлами одного какого-либо благочинія: въ члены его могутъ вступить священники не только разныхъ благочиній, но и уѣздовъ. Цѣль кружка содѣйствовать рѣшенію всѣхъ жгучихъ христіанскихъ и церковныхъ вопросовъ, идти на встрѣчу запросамъ времени и потребностямъ общества.—Въ Орловской же епархіи намѣчается „содружество“ проповѣдниковъ, которое ставитъ цѣлью уяснить задачи современной проповѣди, охранить ее отъ уклоненій ненормальныхъ, пролить мужество въ сердца слабыхъ служителей слова и вызвать на дѣло самыхъ апатичныхъ изъ нихъ.

Митингъ въ селѣ Незнамовѣ.

(О черкъ).

Стоялъ жаркій іюльскій день. На улицахъ села Незнамова было тихо и пустынно. Уже начинались полевые работы, и многіе изъ мужиковъ были въ полѣ. Мѣстами вдоль дороги играли ребятишки, черные отъ загара и пыли и мокрые отъ пота. То тамъ, то здѣсь у входовъ въ избы сидѣли съ маленькими дѣтишками старухи и бабы за разными работами: однѣ „катали“ и свертывали холсты, другіе шили, или чинили мѣшки для хлѣба. У выѣзда изъ села, въ пожарномъ сараѣ два дежурные мужика налаживали телѣгу и между дѣломъ лѣниво тянули разговоръ.

¹⁾ Мы съ большимъ интересомъ будемъ слѣдить за дѣятельностью „Копринскаго (Яросл. епар.) православно-церковнаго кружка ревнителей обновленія пастырства и паствы на неизблемыхъ началахъ Евангелія и завѣтовъ Вселенской Церкви“. Кружокъ не ограничивается предѣлами одного какого-либо благочинія: въ члены его могутъ вступить священники не только разныхъ благочиній, но и уѣздовъ. Цѣль кружка содѣйствовать рѣшенію всѣхъ жгучихъ христіанскихъ и церковныхъ вопросовъ, идти на встрѣчу запросамъ времени и потребностямъ общества.—Въ Орловской же епархіи намѣчается „содружество“ проповѣдниковъ, которое ставитъ цѣлью уяснить задачи современной проповѣди, охранить ее отъ уклоненій ненормальныхъ, пролить мужество въ сердца слабыхъ служителей слова и вызвать на дѣло самыхъ апатичныхъ изъ нихъ.

— Жара то какая,—говорилъ одинъ, выглядывая въ ворота сарая и поправляя сбившіеся на лобъ мокрые волосы:—долго ли до бѣды! Вотъ нонѣ зарево-то было. Видѣль? Сказываютъ, Талино сгорѣло. Сушилку, дескать, подожгли у барина. Анъ, поднялся вѣтеръ, да и весь дворъ барскій сгорѣлъ, всѣ службы сгорѣли, а потомъ и село все. 200 дворовъ сгорѣло, почитай, какъ единая свѣчечка.

— Вѣрно ли еще?—проговорилъ другой, оставляя работу и набивая трубку:—много теперь разныхъ басней распускаютъ. Развѣсь только уши-то...

— Вотъ, чудакъ. Кому антиресь врать? Али выгода? Про что другое, а тутъ... что жъ? Да ты смотри самъ осторожно съ трубкой. Бѣда. Какъ разъ...

— Оно пускай,—началь вслухъ раздумывать собесѣдникъ:—въ Талинѣ народъ бѣдовый. Сдѣлаетъ тебѣ такое, что только ахнешь. Озорникъ народъ... Гм... Талинскіе? Они, пожалуй, и подожгутъ. Вѣдь вотъ говорятъ все—тамъ жгутъ, въ другомъ мѣстѣ жгутъ. И въ газетахъ, говорятъ, прописываютъ все это же. Ну, вотъ, слышались талинцы да и туда же: „давай, дескать, и мы... Чѣмъ хуже“? Вѣрно, вѣрно... Талинцы это могутъ. Вотъ и въ Собакинѣ тоже. Въ субботу Семень въ Теткино на базаръ ѣздилъ. Слышалъ что ли? Нѣтъ? Такъ ѣдетъ, слышь, оттуда Собакинымъ-то, подъ вечеръ, знамо дѣло,—ѣдетъ, а подъ Собакинымъ изподъ моста,—это у рощицы то, знаешь?—какъ выбѣгутъ двое какихъ-то, а потомъ еще одинъ, да еще одинъ.—„Тпру! Стой!“—„Что такое?“—„А что, говорятъ, везешь“.—„Яблоки“.—„Такъ вотъ, говорятъ, сынь“. И мѣшокъ съ ими. Все какъ слѣдуетъ.—„А деньги, говорятъ, есть? Давай, говорятъ, и деньги“. Ругаются. Семень хотѣлъ было какъ-нибудь отдѣлаться, да куда тутъ! Того и гляди, самого подъ мостъ сбросятъ. Вонъ побирохинскій мужикъ попался этакъ-то. Всего, какъ линку, ободрали. Почитай, начисто. Кафтанъ и тотъ сняли. Мужикъ сталъ было отбивать кафтанъ-отъ—новый былъ—а они съ его же воза взяли веревку, связали,

да въ сторону отъ дороги въ рожь и бросили. Одно слово—разбой.

— Чу... Никакъ таратайка какая-то зазвенѣла. Мотри, управляющій въ поле поѣхалъ. Мужикъ подошелъ къ выходу и, приложивъ руку къ глазамъ, сталъ вглядываться въ проѣзжавшую по дорогѣ таратайку.

— Да никакъ къ намъ заворачиваетъ,—удивился онъ:—кто бы это? Батюшка развѣ?... Да нѣтъ. Какой батюшка! Это баба. Что такое? Митюха, глянъ-ка!

Къ сараю подъѣхала таратайка, изъ которой быстро и легко выпрыгнула молодая барышня дѣтъ 17—18, поспѣшно вынула изъ портмонэ какую-то монету и сунула ее своему возницѣ.

— Спасибо!—благодарила она его:—лихо ѣхали. Спасибо. А отсюда меня ужъ еще кто-нибудь довезетъ. До свиданья.

Возница посмотрѣлъ на монету, снялъ и опять надѣлъ шапку, хлестнулъ по лошади и, не говоря ни слова, повернулъ обратно за околицу.

— Здравствуйте!—весело обратилась барышня къ мужикамъ:—караулите? Смотрите, время опасное. Того и жди, что вспыхнетъ гдѣ нибудь.

— Да ужъ что и говорить!—отвѣчали мужики, съ любопытствомъ и недовѣрчивостью осматривая посѣтительницу.

— Да, да... Но дѣло; собственно, не въ этомъ. Дѣло вотъ въ чемъ,—начала опять пріѣзжая, замѣтно понижая голосъ, вслѣдствіе чего мужики насторожились больше:—мнѣ, видите ли, нужно спросить у васъ, кто тутъ въ Незнамовѣ (вѣдь, это Незнамово?) Кто тутъ у васъ... какъ бы это сказать? ну, читаетъ что ли побольше, газету какую-нибудь получаетъ, вообще это смекаетъ, что и какъ?

Барышня усмѣхнулась, видя, что она совсѣмъ просто и хорошо говорить съ мужиками.

— Да есть у насъ молодецъ такой,—проговорили мужики: —и газетка у него есть и толкуеть это онъ на счетъ разныхъ штукъ; мужиковъ, значить, смущаетъ.

— Смущаетъ?—непріятно удивилась барышня: —почему-жь непременно смущаетъ? Такое слово... Ну, такъ гдѣ же мнѣ найти вашего грамотника? Какъ зовутъ его? Фамилія-то?

— Да зовутъ его Егоръ Григорьичемъ. Вотъ онъ тутъ недалече живетъ. Дворовъ десять—пятнадцать отселѣ. Вотъ какъ пойдешь тутъ, вдоль по этой улицѣ, спросишь,—всякій тебѣ скажетъ. Спроси только Егоръ Григорьича. Да тебѣ, не разсердись, пожалуйста, зачѣмъ его, Егоръ-то Григорьича. Да тебѣ, не разсердись, пожалуйста, зачѣмъ его, Егоръ-то Григорьича-то ишь? Газеты-то, чай, и у тебя есть. А если ужъ что, такъ къ батюнкѣ зашла бы. У него книгъ ли, разговоровъ ли этихъ—сколько хопь...

— Нѣтъ. Къ батюшкѣ... зачѣмъ же? Это слишкомъ высоко для насъ. Мы такъ... между собой... попроще.

— Да ты изъ какихъ сама-то?

— Я учусь. А теперь изъ N—ска. И хочу вотъ тутъ потолковать у васъ немножко... На счетъ, на счетъ земли это... и прочее...

— Учишься? Гм. И что-жь это? Сюда-то ты прямо со станціи, али какъ?

— Нѣтъ, я давно уже здѣсь разѣзжаю. Въ Талинѣ, вотъ, была (мужики переглянулись), въ Собакинѣ, въ Чайкинѣ, а сайчасъ изъ Рѣдкина. Вотъ и здѣсь сходку собрать мнѣ надо бы было. Митингъ, митингъ устроить... Слышали слово-то такое?

— Слыхать, какъ не слыхать! Слыхали. Только ужъ оченно много понѣ словъ-то такихъ пошло. Страсть. Ухо-то, значить, слышитъ, а ужъ разумъ-то—не обезсудъ, не осливаетъ. Вотъ Егоръ Григорьичъ какъ начнетъ сыпать этой мудростью, какъ начнетъ сыпать,—слушаешь—слушаешь да и махнешь себѣ рукой—не нашего, моль, ума дѣло.

— Ну, какая тамъ мудрость. Пустое. Я вотъ вамъ разъясню. Только скажите: можетъ Егоръ Григорьичъ собрать мнѣ сходку?

— Да собрать собереть какъ ни на есть. Только трудно это. Время-то вѣдь рабочее начинается. Въ полѣ много народу.

— Это а знаю. И, когда полемъ ѣхала, останавливалась и звала народъ сюда. Обѣщались придти. Да вотъ никакъ они и идутъ.

Дѣйствительно, въ околицу съ поля одинъ за другимъ шли крестьяне. Они оживленно между собою говорили и, видя стоящую у сарая барышню, торопливо направлялись къ ней.

— Такъ вотъ они тебя и проводятъ къ Егоръ Григорьичу,—посовѣтовали мужики—караульщики.

— Вы знаете Егоръ Григорьича?—обратилась барышня къ подошедшимъ.

— Какъ не знать! Этакого-то свѣтилу! Чай это у насъ по всѣмъ частямъ заправило. Почитай, Аладьинь...

— Ну, такъ идемъ къ нему,—бодро крикнула барышня и отошла отъ сарая.

Толпа двинулась за ней.

— Эхъ, царя-я,—говорилъ одинъ изъ караульщиковъ въ сараѣ. Антиресно. Толковать будетъ. Ловкая, смотри, дѣвка-то. Юркая. Вишь, и въ полѣ ужъ усѣбла сказать. Догадливая. Право, антиресно.

— Такъ что-жь? Бѣги, скажи ей, чтобъ у сарая, здѣсь вотъ устроила сходку. А то намъ нельзя будетъ уйти отсюда. Исловко. Карауль, скажутъ, оставили. Бѣги.

Собесѣдникъ побѣждалъ догонять барышню. Она согласилась устроить митингъ у сарая.

Егоръ Григорьичъ, видя движущуюся по улицѣ толпу, снялъ съ плечъ плетюху съ сѣномъ, какую онъ несъ съ сѣновала на дворъ, и пошелъ къ толпѣ навстрѣчу.

— Что такое? Что случилось?—спрашивалъ онъ встрѣчныхъ.

Ему сказали, что пріѣхала какая-то ученаѣ барышня и хочетъ устроить сходку „мятинкѣ“, а теперь идетъ къ Егорю Григорычу за газетами.

Егоръ Григорычъ былъ очень польщенъ, что ему оказывается такая честь, хотя вмѣстѣ и струсилъ: какъ бы не ударить лицомъ въ грязь, а потомъ вѣдь и неизвѣстно еще, что за дѣло къ нему; хорошо, если только „за газетами“ или поговорить, а если больше? При всей своей расторопности Егоръ Григорычъ не могъ похвалиться особенной храбростью. Подѣлиться со „стариками“ вычитанною въ газетахъ новостью, „пофорсить“ иностраннымъ, никому, не исключая и самого Егора Григорыча, непонятнымъ словомъ, пройтись по селу на виду у всѣхъ съ учителемъ или писаремъ изъ помѣщичьей конторы, чтобы всѣ видѣли, что Егоръ Григорычъ можетъ говорить и съ образованными людьми и ничѣмъ сравнительно съ ними не хуже,—все это любилъ Егоръ Григорычъ, но когда приходилось взяться за какое-нибудь отвѣтственное дѣло, Егоръ Григорычъ спѣшилъ заблаговременно укрыться. Не такъ давно на его глазахъ урядникъ избилъ на ярмаркѣ ни въ чемъ неповиннаго парня, но когда потомъ Егоръ Григорыча пригласили въ свидѣтели, онъ сказалъ, что слышалъ, какъ урядникъ кого-то громко окрикнулъ, но чтобы онъ билъ кого,—этого Егоръ Григорычъ не видѣлъ. Односельчане часто попрекали Егора Григорыча этимъ случаемъ, но Егоръ Григорычъ только презрительно отмалчивался.

— Такъ вы, господа. подождите здѣсь гдѣ-нибудь,—обратилась барышня къ сопровождавшимъ ее крестьянамъ:— да подзовите еще кого изъ пароду. А я пока съ Егоромъ Григорычемъ поговорю.

Егоръ Григорычъ самодовольно улыбулся, схватился за закрученный усъ и пригласилъ барышню войти къ нему въ избу.

Барышня вошла.

Чтобы не вводить ее въ заблужденіе относительно своей „образованности“, Егоръ Григорычъ сейчасъ же поспѣшилъ ввести ее въ кругъ своихъ познаній, и заговорилъ съ ней на свои избитыя и давно всѣмъ подоѣвшія темы.

— Дума... Какая собственно была у насъ Дума? Чисто совѣщательная институція. Развѣ это Дума? Вела себя тише активнаго дѣла и вотъ даже ее „разогнали“. Вѣдь это ужасно. Провокація? Народъ возмущенъ до самой глубины! Что теперь остается дѣлать народу? И онъ знаетъ, что ему нужно дѣлать. Онъ себя покажетъ. Пѣтъ только руководителя. Выступалъ я тутъ у себя. Да что? Народъ—тьма. Трудно съ нимъ сговориться,—жаловался Егоръ Григорычъ, не замѣчая въ своихъ словахъ противорѣчія.

Барышня любезно подакивала.

— А скажите, пожалуйста,—не останавливался Егоръ Григорычъ:—тутъ у насъ недавно съ псаломщикомъ разговоръ вышелъ. Князь Трубецкой своей смертью умеръ, или же его отравили! Я упираю, что его отравили. Какъ вы думаете?

— Да какъ вамъ сказать?—слегка смутилась барышня:—мнѣ кажется, что онъ своей смертью умеръ. Отъ разрыва сердца.

— Гм. Не знаю. Мнѣ что-то подозрительно,—качалъ головою Егоръ Григорычъ и опять сыпалъ, какъ горохомъ:—а Толстой-то, Толстой-то... Какъ улитка... Не отзывается на горе народное... А скажите: кто у насъ президентомъ академіи наукъ? Не Толстой?

Барышнѣ становилось не по себѣ отъ безтолковой начитанности деревенскаго политика. Между тѣмъ время шло, и она сочла нужнымъ приступить къ дѣлу.

— Вы уже слышали, конечно, Егоръ Григорычъ? Митингъ я тутъ у васъ хочу устроить. Но устроить-то его вѣдь это только половина дѣла. Какъ вотъ въ случаѣ опасности? Нельзя ли будетъ гдѣ у васъ тутъ укрыться въ случаѣ чего?

Барышня окинула взоромъ избу.

По лицу Егора Григорьича пробѣжала замѣтная тѣнь.

— Здѣсь? У меня? Да гдѣ же здѣсь? Право, я ужь и не знаю.

Барышня боялась потерять въ глазахъ Егора Григорьича кредитъ своей трусливостью и сейчасъ же начала оправдываться.

— Конечно, арестъ какой-нибудь не страшенъ. Что такое арестъ за святое дѣло? Арестами меня ужь не разъ и попугивали. Это пустое.

— Понятно, понятно, — поддерживалъ Егоръ Григорьичъ: — намъ ли бояться. „На бой кровавый—святой и правый“... Хе-хе...

— Да, да, — продолжала барышня: — объ арестѣ я забываю. Но дѣло въ томъ, что мнѣ нужно еще много проѣхать по уѣзду. Такъ мнѣ назначено. Арестъ же долженъ будетъ задержать меня. Пренятствіе, значить. Поэтому и хотѣлось бы устроить все это такъ... понадежнѣе...

— Да что и говорить! — подхватывалъ Егоръ Григорьичъ: — только гдѣ же бы укрыть-то васъ? Вотъ если бы учитель былъ дома. Посовѣтоваться бы съ нимъ по крайности. Да нѣтъ его... На родину поѣхалъ. Въ N—скій уѣздъ. Гм... А у меня? Въ подвалѣ развѣ спрятать васъ? Хе-хе. Ну, да что, впрочемъ, разсуждать? Какъ-нибудь сдѣлаемся. При томъ же народъ... Онъ будетъ за васъ. Конечно, конечно. Какъ одинъ человекъ. Онъ возмущенъ. До самой глубины, можно сказать. Небось, заступится, не выдастъ... Это какъ есть. А тамъ и я... Въ крайнемъ случаѣ ужь я...

Между тѣмъ народъ къ дому Егора Григорьича все прибывалъ и прибывалъ. Подходили мужики, женщины, дѣти и старики. Всѣ были полны нетерпѣливаго любопытства.

— Дѣвка, говоришь? — слышалось въ толпѣ.

— Почитай, лѣтъ шестнадцать.

— Ахъ, родненькая! И не боится?

— Да откудова она?

— Изъ губерніи, баюють. Изъ самой губерніи. Сама, быдто, давеча въ полѣ сказывала.

— Знаеть все, что ни на есть и распишетъ тебѣ что на ладони.

— Смотри-ка, смотри!—показывалъ кто-то въ окно:— вонъ она. Малюсенькая—малюсенькая; да щуплая какая! Господи...

— Эхъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ галченочк! Вотъ потѣха-то!

Нѣкоторые смѣялись.

— Что вы зубы то скалите?—останавливали болѣе серьезные:—а вы бы караулили лучше, чтобы урядникъ не нагрязнулъ или что...

— Уря-ядникъ! Боялась урядника, такъ не поѣхала бы сюда. Какъ полемъ ѣхала, сказывала, что ни урядника, ни стражниковъ тутъ быть не можетъ. Это, говорить, мнѣ доподлинно извѣстно.

— Ну-съ, идемъ!—крикнула барышня, выходя изъ избы Егора Григорьича.

Толпа направилась слѣдомъ за ней.

Мальчишки тѣснымъ кольцомъ окружали барышню, забѣгали впередъ ея, заглядывали ей подъ шляпу. Барышня хотѣла казаться крестьянамъ простой и доступной и начала заговаривать съ дѣтьми, шутить. Ребятишки со смѣхомъ и гиканьемъ бросались отъ барышни въ разныя стороны. Нѣкоторые же разыгрались до того, что показывали ей языки. Отъ этого въ толпѣ многіе громко смѣялись. Егоръ Григорьичъ негодовалъ.

— Чернь! Невѣжество несчастное!—оправдывался онъ передъ барышней.

Барышня хотѣла сдѣлать снисходительную улыбку, но у нея выходила дѣланная улыбка человѣка, желающаго скрыть чувство обиды.

Егоръ Григорьичъ чувствовалъ нѣкоторую неловкость положенія и ускорялъ шаги, чтобы скорѣе достигнуть мѣста назначенія и приступить къ дѣлу.

— Вотъ и наша площадь,—проговорилъ онъ, подходя къ мѣсту, гдѣ стоялъ пожарный сарай:—сейчасъ здѣсь устроимъ вамъ каеэдру... Вотъ, вотъ... Сю минуту... Ребята!—обратился Егоръ Григорьичъ къ толпѣ:—туть гдѣ-то старыя дроги стояли. Видали? Давайте-ка ихъ сюда. Барышня на нихъ станеть, чтобъ виднѣй было.

Немедленно появились дроги. На нихъ положили нѣсколько досокъ, и получилась „каеэдра“. Барышня съ улыбкой, но и не безъ смущенія поднялась на нее.

— Вишь, вишь!—загудѣли въ толпѣ.

— Тише!—повелительно крикнулъ Егоръ Григорьичъ.

— Тише, тише... Тшш.—вторили Егору Григорьичу.

Лицо барышни стало блѣднымъ и серьезнымъ.

Николай Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Проектъ просвѣдительныхъ курсовъ для духовенства.

Въ „Пенз. еп. вѣд.“ напечатана программа того, что должно сдѣлать духовенство для своего саморазвитія. „Пенз. еп. вѣд.“ прежде всего рекомендуютъ духовенству въ разныхъ пунктахъ епархіи организовать просвѣдительные курсы, на которые пригласить извѣстныхъ ораторовъ изъ профессоровъ духовныхъ академій, университетовъ и др. Курсы эти, придерживаясь извѣстной программы, могли бы при участіи талантливыхъ профессоровъ не только пробудить самозонаніе духовенства, но и вывести его мышленіе изъ инертнаго со-

стоянія и изъ весьма органиченнаго кругозора на путь творчества и болѣе широкихъ обобщеній. Курсы должны дать толчекъ мысли духовенства, привести его къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ запросамъ, указать лучшія сочиненія, на которыхъ воспитывается чувство и формируется самосознаніе и здоровое цѣльное мирозерцаніе; все же дальнѣйшіе культурное развитіе его должно приобрѣтаться уже личными усиленіями духовенства чрезъ взаимообщеніе на пастырскихъ собраніяхъ и помощію библіотекъ. Настоящее время неотступно требуетъ отъ духовенства, чтобы оно неотложно и серьезно занималось на благотворительныхъ, окружныхъ и епархіальныхъ съѣздахъ детальною разработкой вопроса объ изысканіи постоянныхъ средствъ на организацію, заведеніе и поддержаніе болѣе или менѣе солидныхъ благотворительныхъ и окружныхъ библіотекъ. Безъ этихъ библіотекъ духовенство останется въ роли слѣпыхъ вождей народа и вынуждено будетъ попрежнему шествовать впереди мертвыхъ, но не впереди и во главѣ живыхъ. Никакой реформы оно не будетъ въ состояніи провести въ жизнь, если не будетъ знать тѣхъ началъ, на которыхъ создается эта жизнь, и тѣхъ формъ, въ которыя она выливается.

в) Ремесленная школа для дѣтей духовенства.

Стремясь облегчить участь дѣтей-сиротъ, не прошедших школы по малоуслѣбности, духовенство Симбирской епархіи проектируетъ устроить ремесленную столярно-иконостасную школу. Курсъ обученія рассчитанъ такъ, чтобы желающіе получили его въ объемѣ, установленномъ для ищущихъ псаломщической должности. Въ теченіе 3 лѣтъ преподаются: Законъ Божій, русскій языкъ, арифметика, географія, русская гражданская исторія, чистописаніе, церковный уставъ и пѣніе. Кромѣ того, преподается: черченіе примѣнительно къ иконостасному мастерству и иконописное, чеканное и столярное ремесла. Можно пожелать духовенству Симбирской епархіи полного успѣха въ осуществленіи его проекта, такъ какъ тяжелое положеніе дѣтей-сиротъ ихъ духовной школы несомнѣнно требуетъ отъ духовенства, чтобы оно пришло къ нимъ на помощь. (Кишин. еп. вѣд. № 42, 1906 г.)

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29-го января 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вой Семинаріи.

1907-го года февраля 11-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Розанова „Семья и Церковь“.—II. Русскія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православной (продолженіе).—III. Митингъ въ селѣ Незнамовѣ (продолженіе).—IV. Забѣтка: Жертвуйте на голодающихъ.—Отъ редакціи.

Нѣсколько словъ по поводу статьи г. Розанова „Семья и Церковь“

Извѣстный сотрудникъ „Новаго Времени“ г. Розановъ въ недавно напечатанной статьѣ „Семья и Церковь“ (Нов. Вр. 1907 г. № 11073 отъ 9 янв.) съ удивительною развязностью заявляетъ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ въ Россіи будетъ введенъ гражданскій бракъ, принятый теперь повсюду не только въ западныхъ католическихъ странахъ, но и во всѣхъ православныхъ странахъ Востока: Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Чтобы убѣдить читателя въ вѣрности своего пророчества, г. Розановъ приводитъ слѣдующія якобы историческія данныя.

Онъ указываетъ, что гражданскій бракъ есть древняя первоначальная форма христіанской семьи: до половины 4-го вѣка только она и существовала у христіанъ (въ Византіи и Италіи), потомъ отъ 4-го до 10-го вѣка къ церковному вѣнчанію прибѣгали по желанію вѣрующіихъ, безъ всякаго принужденія къ этому Церкви или государства, и только въ 10-мъ вѣкѣ государство потребовало законодательными распоряженіями византійскихъ императоровъ Алексія Комнена и Льва VI Философа, чтобы міряне вѣрующіе не смѣли вступать въ бракъ безъ церковнаго благословенія. На Западѣ безусловное требованіе вѣнчанія было проведено только Тридентскимъ соборомъ, т. е. сравнительно совершенно недавно. Итакъ, заключаетъ г. Розановъ, христіанство всѣ эти вѣка цвѣло, благоухало, развивалось; люди вѣрили, молились, ни малѣйше не подозревая, что этому сколько-нибудь мѣшаетъ институтъ гражданского брака, ничуть не смущаясь, что молодые люди вступаютъ въ бракъ, любятъ, рожаютъ дѣтей, не спрашиваясь у священника... При Николаѣ чудотворицѣ, по словамъ публициста, люди вѣнчались гражданскимъ бракомъ; вѣнчалась его паства, его овцы, т. е. они не вѣнчались въ церкви, вступая въ бракъ. Отчего же мы, среди которыхъ уже нѣтъ такихъ чудотворцевъ, мы, которые умѣемъ только молиться на его иконы, будто бы „оскорбимъ Бога и Церковь“, возстановивъ этотъ древній, древнѣйшій способъ христіанской семьи, христіанской семейной жизни?—Что сказать по поводу приведенныхъ разсужденій развязнаго публициста „Новаго Времени“?—Не входя въ разсмотрѣніе догматической основы таинства брака, достаточно извѣстной читателямъ нашего журнала, мы позволимъ себѣ привести на справку рядъ историческихъ данныхъ, удостоверяющихъ насъ въ томъ, что институтъ *церковнаго брака* существовалъ уже съ давнихъ поръ христіанской жизни, а не съ 4-го вѣка, какъ это утверждаетъ г. Розановъ. Обращаясь къ древне-церковной практикѣ относительно брачнаго сожителства христіанъ, вотъ

какія цѣнныя для насъ свѣдѣнія объ этомъ почерпаемъ мы въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви.

Мужъ апостольскій св. Игнатій Богопосецъ, епископъ антиохійскій, правившій Церковію въ теченіе сорока лѣтъ въ 1-мъ вѣкѣ христіанской эры (пострадалъ 20-го дек. 107 г.); въ своемъ посланіи Поликарпу, епископу Смирнскому, преподаетъ слѣдующее важное по затронутому нами вопросу правило: „Желающимъ жениться и выходящимъ замужъ надлежитъ творить бракъ *съ вѣдома* (μετά γνώσεως) епископа, чтобы бракъ былъ о Господѣ, а не по похоти. Все да будетъ во славу Господа“¹⁾. Изъ этихъ словъ св. Игнатія Богоносца несомнѣннымъ представляется то, что на первыхъ же порахъ въ христіанской Церкви заключеніе брачныхъ союзовъ всецѣло подлежало вѣдѣнію іерархин, безъ вѣдома или согласія которой не долженъ былъ совершаться никакой христіанскій бракъ. Кромѣ того, выраженія св. Игнатія: „чтобы бракъ былъ о Господѣ, а не по похоти; все да будетъ во славу Господа“, естественно приводятъ къ той мысли, что брачующіеся должны были обращаться къ епископу не за полученіемъ только его согласія, а и благодатно-молитвеннаго благословенія, дабы бракъ ихъ получилъ высокорелигіозный характеръ и глубокое нравственное значеніе.

Другой мужъ апостольскій, св. Ермъ, касался брака по слѣдующему частному, относящемуся къ нему, вопросу. „Если мужъ или жена умретъ, и кто-либо изъ нихъ вступить въ бракъ, то совершаетъ ли вступающій въ бракъ“?—Съ этимъ вопросомъ св. Ермъ обратился къ пастырю (ангелу) и получилъ отъ него такой отвѣтъ: „не совершаетъ, но если останется самъ по себѣ, то пріобрѣтетъ себѣ большую славу у Господа“²⁾. Отсюда видно, что въ вѣкѣ апостольскихъ мужей второй бракъ не почитался грѣхомъ, и что подобные

¹⁾ Epist. ad Polycarp. c. 5.

²⁾ Pastor. lib. De mandat. IV, 4.

брачные вопросы признавались въ Церкви подлежащими ея вѣдѣнію и рѣшенію, а не власти гражданской.

Въ ряду другихъ свято-отеческихъ произведеній (св. Иустина философа, Иринея Ліонскаго) особенную цѣнность имѣютъ для насъ творенія писателя 2-го в. Тертулліана. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, обращенныхъ „къ женѣ“ своей, увѣщавая послѣднюю не вступать по смерти его во второй бракъ, Тертулліанъ въ то же время въ случаѣ нужды (если кто не въ состояніи вынести подвига вдовства) и не возбраняетъ сего брака, требуя только какъ отъ своей жены, такъ и отъ всякаго вступающаго во второй бракъ одного, чтобы этотъ бракъ былъ не иначе, какъ *o Господѣ*. Чтобы показать, что значить вступать въ бракъ *o Господѣ* и вмѣстѣ побудить своихъ читателей ко вступленію въ него съ церковнаго благословенія, онъ рисуесть слѣдующую картину церковнаго вѣнчанія. *Откуда, говоритъ онъ, взять силъ, чтобы описать счастье того брака, который заключаетъ Церковь, скрываетъ приношеніе, запечатлѣваетъ благословеніе, ангелы свидетельствуютъ, Отець утверждаетъ*¹⁾. Все эти черты такого свойства, что естественно заставляють видѣть въ изображаемомъ здѣсь вѣнчаніи не простой церковный обрядъ, а таинственно-благодатное священнодѣйствіе, сообщающее брачующимся благословеніе и особенную благодать Божию. Въ другомъ мѣстѣ Тертулліанъ это же самое подтверждаетъ, когда бракъ поставляетъ на ряду съ таинствами: крещеніемъ, муропомазаніемъ и евхаристіей, въ слѣдующихъ своихъ словахъ: „діаволь, стараясь низвратить истину, подражаетъ въ языческихъ мистеріяхъ самымъ даже божественнымъ таинствамъ: онъ и креститъ нѣкоторыхъ, какъ своихъ послѣдователей, обѣщая имъ очищеніе грѣховъ чрезъ купель, и запечатлѣваетъ потомъ на челѣ воиновъ своихъ, и торжественно совершаетъ приношеніе хлѣба... и даже поставляетъ верховнаго жреца при бракѣ“²⁾.

¹⁾ Ad uxor. lib. 11, c. 9.

²⁾ De praescript. haeret. c. 40.

Писатель 3-го вѣка Климентъ Александрійскій въ опроверженіе ложныхъ гностическихъ ученій о грѣховности брачныхъ союзовъ съ особеннымъ вниманіемъ занимается выясненіемъ высокаго значенія и святости христіанскаго брака. Такъ, касаясь перваго брака, который собственно и почиталъ идеальнымъ христіанскимъ бракомъ, онъ говоритъ: „бракъ есть первый союзъ мужа и жены по закону для рожденія законныхъ дѣтей... Если же бракъ (совершенный) по закону есть грѣхъ, то я не знаю, какимъ образомъ говорить, что знаетъ Бога тотъ, кто утверждаетъ, что повелѣніе Божіе есть грѣхъ? Если законъ святъ, то и бракъ святъ. Посему апостоль возводитъ это таинство къ Христу и къ Церкви. Бракъ (поэтому) должно сохранятьъ отъ всего оскверняющаго, какъ священный предметъ“¹⁾. Въ твореніяхъ Климента Александрійскаго мы встрѣчаемъ намекъ и на то, что освященіе брачующимся ихъ брачнаго союза и чадородія получалось отъ нѣкотораго церковнаго акта. Такъ, изъясняя слова Христовы: *идѣже еста два или тріе собранни во имя Моє, ту есмь посреди ихъ* (Мт. 18, 20), вотъ что онъ между прочимъ говоритъ; „кто тѣ двое или трое, собранные во имя Христово, посреди которыхъ Господь. Не называетъ ли Онъ трема—мужа, жену и дитя, поелику Богъ соединяетъ жену съ мужемъ“²⁾. Это мѣсто нельзя толковать въ смыслѣ вообще благословенія Божія раститься и множиться, даннаго нашимъ прародителямъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ потомкамъ, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о „собранныхъ во имя Христово“, слѣдовательно о благословеніи брака въ христіанской Церкви. Если Богъ соединяетъ „собранныхъ во имя Христово“, скрѣпляя ихъ союзъ въ тотъ моментъ, когда происходитъ ихъ собраніе во имя Христово, то можно думать, что этому же моменту Климентъ приписывалъ и благодатное освященіе брачующихся. Святость брачнаго союза Климентъ доказывалъ еще и тѣмъ, что бракъ совершается въ связи

¹⁾ Strom. lib. 11. 111.

²⁾ Ibid.

сь евхаристіей: извѣстно, что брачующіеся приобщались за литургіей Божественнаго Тѣла и Крови Христовыхъ. Указаніе на церковное освященіе брака можно находить и въ слѣдующихъ словахъ того же писателя, осуждающаго обыкновеніе женщинъ носить фальшивые волосы (пашьоны): „да кому же священникъ будетъ преподавать свое благословеніе? Въ такомъ случаѣ (при возложеніи рукъ) онъ будетъ преподавать его не этой женщинѣ, а волосамъ посторонней другой женщины“.

Указанія на освященіе Церковію брачнаго союза мы находимъ и у писателя 3-го вѣка, знаменитаго учителя Церкви Оригена, а также у многочисленныхъ отцовъ и учителей Церкви періода вселенскихъ соборовъ, какъ напр. у св. Василія Вел., Амвросія Медиоланскаго, Григорія Богослова, въ особенности Іоанна Златоустаго и др. Думаемъ, что и приведенныхъ нами свидѣтельствъ древне-христіанскихъ писателей достаточно, чтобы видѣть, что на бракъ своихъ членовъ христіанъ Церковь съ самыхъ первыхъ поръ своего существованія смотрѣла, какъ на предметъ религіозно-правственнаго, подлежащій полному ея вѣдѣнію, а никакъ не гражданской власти.

Напрасно и совершенно не кстати ссылается г. Розановъ на св. Николая чудотворца, якобы мпривнагося съ существованіемъ гражданского брака въ его время. Кому не извѣстенъ случай изъ житія св. угодника, когда онъ чудесно спасъ отъ безчестія трехъ дочерей обнищавшаго родителя ихъ! Это безчестіе, грозившее тремъ дѣвицамъ, въ своей сущности и было тѣмъ гражданскимъ бракомъ, о которомъ такъ хлопочетъ г. Розановъ. При томъ нѣтъ сомнѣнія, что св. Николай чудотворецъ, присутствовавшій на 1-мъ Всел. соборѣ, принималъ дѣятельное участіе въ разсужденіяхъ по затронутому вопросу о церковномъ бракѣ и рѣшалъ этотъ вопросъ, нужно думать, въ совершенно иномъ духѣ и направленіи (чисто церковномъ), чѣмъ приписываетъ ему нашъ публицистъ. Что касается ссылокъ г. Розанова на законо-

дательныя распоряженія императоровъ Алексія Комнена и Льва VI Философа, которыми якобы впервые узаконенъ бракъ церковный для вѣрующихъ мірянъ, то эти ссылки ничего не доказываютъ. Византійскіе императоры парочитыми указами *поствердили только* (а не вновь ввели) практику относительно церковнаго брака древне-христіанской Церкви.

Помимо историческихъ невѣрностей въ освѣщеніи затронутаго вопроса, отъ статьи г. Розанова вѣтъ не хорошимъ—болѣе того—не христіанскимъ духомъ: въ ней плоть объявляетъ войну духу и всему духовному... Подобныя статьи и ихъ пиннуціе не возвышаютъ, не облагораживаютъ личности человѣка, но, къ сожалѣнію, „принижаютъ, низводя послѣдняго въ состояніе естественнаго человѣка“, чуждаго христіанства съ его благодатнымъ воздѣйствіемъ на всѣ стороны жизни его (человѣка).

Іерей.

---

¹⁾ См. № 5-й за 1907 г.

Русскія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православной.

(Продолженіе ¹⁾).

Соціалистическое ученіе есть плодъ новѣйшей философіи, такъ какъ столпы этого ученія, Марксъ и Лассаль, были послѣдователями гегельянской философіи, въ ея радикальныхъ истолкованіяхъ; корни и основы этого ученія содержатся въ философскомъ матеріализмѣ, а поэтому и въ области религіи опъ, по выраженію Энгельса, „наслѣдникъ нѣмецкой философіи“, и если нужно охарактеризовать однимъ словомъ отношеніе соціализма къ христіанству, то его нужно назвать отрицательнымъ, а порою кощунственнымъ. Происхожденіе религіи и частныхъ видовъ ея соціализмъ объясняетъ экономическими причинами; происхожденіе понятія о

---

¹⁾ См. № 5-й за 1907 г.

сверхъестественной силѣ объясняется непониманіемъ дѣйствительныхъ и естественныхъ силъ, управляющихъ жизнью общества, когда человѣкъ, не находя удовлетворенія въ окружающемъ, долженъ искать избавленія въ области сверхъестественныхъ явленій, не имѣющихъ за собою никакого реального значенія; самое понятіе о Богѣ человѣкъ создаетъ сообразно своей жизни, вкусамъ, привычкамъ и социальному строю своего общества. Отрицая христіанскую догматику, социализмъ отрицаетъ затѣмъ и христіанскую нравственность. „Если правда, что не богъ создалъ человѣка, а человѣкъ—своего бога, то и мнимая божья воля къ добру есть человѣческая воля, и божій гнѣвъ при видѣ зла—человѣчeskій гнѣвъ. Къ этимъ сомнѣніямъ, почерпнутымъ изъ области философіи и опытной науки, присоединяется еще одно, а именно—что наше современное нравственное чувство не находитъ ничего достойнаго называться нравственностію въ этой морали послушанія, жаждущей себѣ награды или опа-сающейся наказанія“¹⁾.

Къ религіи социализмъ относится отрицательно и христіанству вовсе не отводитъ мѣста въ будущемъ социальномъ строѣ. Бебель говоритъ: „Великій социальный переворотъ отличается отъ всѣхъ, ему предшествующихъ, тѣмъ, что онъ не ищетъ новыхъ религіозныхъ формъ, но отрицаетъ религію вообще“. — Первое слово религіи, писалъ Фридрихъ Энгельсъ, есть ложь“. — „Понятіе Бога, говоритъ Марксъ, необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизаціи“²⁾. Отъ христіанства если и останется, то лишь одно воспоминаніе о Христѣ, какъ объ идеальномъ человѣкѣ, принесшемъ безсмертную идею равенства и братства людей. „Придетъ время, когда не будутъ больше стоять на колѣняхъ передъ изображеніемъ Христа, но его трогательный сказочный образъ будетъ вѣчно жить и

¹⁾ Религія—дѣло совѣсти каждаго. Фридрихъ Штампферъ, 43 стр.

²⁾ Исусъ Христосъ и социальный вопросъ. Пибоди, стр. 13.

тѣмъ лучезарнѣе сіять, чѣмъ лучше онъ будетъ очищенъ отъ варварской нечисти его лицемѣрныхъ почитателей. Какъ человѣкъ, которому не были чужды человѣческія ошибки, онъ все-таки будетъ болѣе святъ, чѣмъ какъ непогрѣшимый богъ¹⁾. Отрицая религію и въ частности христіанство, социаль-демократія естественно не можетъ поддерживать его и, если тернить его, то лишь постольку, поскольку оно не противоборствуетъ социальнымъ теченіямъ. Ни о какой государственной поддержкѣ христіанству не можетъ быть и рѣчи; однако, социализмъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ официальныхъ программахъ, не говоритъ открыто о государственной борьбѣ съ религіей. „Намъ никогда не удастся получить довѣріе пролетарскихъ слоевъ, откровенно пишетъ Каутскій, *если мы станемъ требовать отъ государства насильственныхъ мѣръ противъ Церкви*. Пролетаріатъ, какъ низшій изъ всѣхъ классовъ, питаетъ какое-то инстинктивное отвращеніе ко всякому угнетенію и горячо симпатизируетъ каждой угнетенной націи или угнетенному религіозному сообществу“²⁾. Сознавая полную невозможность, при наличныхъ условіяхъ, бороться открыто съ религіей, социаль-демократія объявляетъ религію дѣломъ совѣсти каждаго, требуетъ отъ государства полного невмѣшательства въ религіозную сферу; вмѣстѣ съ тѣмъ она „не знаетъ никакихъ признанныхъ закономъ религіозныхъ обществъ; она также не можетъ защищать церквей, какъ таковыхъ, ни ихъ догмъ и учрежденій отъ словесныхъ нападокъ; наконецъ, она не можетъ допустить, чтобы матеріальныя потребности Церкви удовлетворялись за счетъ государства, такъ какъ государственные доходы взимаются принудительнымъ путемъ и съ невѣрующихъ“³⁾.

Приведенные нами взгляды высказаны иностранными социаль-демократами, такъ какъ социаль-демократическое уче-

¹⁾ Штампферъ. 61 стр.

²⁾ Католическая церковь и социаль-демократія, стр. 45.

³⁾ Штампферъ. Религія дѣло совѣсти каждаго, стр. 75.

ніе есть явленіе международное, и такъ какъ русская партія итается и поддерживается интернаціональной соціалъ-демократіей, то взгляды у нихъ на религію общіе; кто знакомъ съ прокламаціями соціалъ-демократовъ, тотъ знаетъ, какъ часты въ нихъ грубыя выходки, глумленіе и оскорбленія надъ религіей.

Такъ какъ въ религіи и ея представителяхъ соціалъ-демократическое ученіе не встрѣчаетъ у насъ поддержки, то и къ духовенству наши соціалъ-демократы относятся съ нескрываемою враждой, что опять таки подтверждается воззваніями этой партіи. Впрочемъ, какъ мы видѣли, нѣкоторые изъ соціалъ-демократовъ не прочь были бы встрѣтить себѣ поддержку и сочувствіе со стороны представителей религіи и потому стараются представить Христа, какъ соціального реформатора, но изъ того, что соціалъ-демократія въ корнѣ отрицаетъ божественный характеръ и происхожденіе христіанства, ясно видно, что единенія здѣсь нѣтъ, что такое единеніе можетъ быть лишь временнымъ, вызваннымъ практическими соображеніями той или другой стороны. За послѣднее время въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго духовенства образовалось такъ называемое „обновленческое“ направленіе, одной изъ цѣлей котораго является сближеніе христіанства съ социализмомъ, стремленіе освѣтить и подкрѣпить соціальное движеніе съ христіанской точки зрѣнія, поддержать его авторитетомъ Христова ученія. Движеніе это, проводимое нѣкоторыми обновленческими органами печати, встрѣтило себѣ на дняхъ весьма характерную оцѣнку на страницахъ соціалистическаго органа, заслуживающую самаго серьезнаго вниманія какъ со стороны обновленцевъ, такъ и со стороны всего духовенства.

Въ газетѣ „Товарищъ“ помѣщена была статья г. Философова по поводу новаго обновленческаго органа „Вѣкъ“. Это безпощадная, злая иронія надъ самой сущностію обновленчества. „Сущность программы обновленчества, пишетъ Философовъ, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ

въ Россіи началось „освободительное движеніе“, такъ какъ положеніе старой Церкви, благодаря внѣцерковному движенію, начало колебаться, то мы, члены братства, и слѣшимъ отказать отъ старыхъ господъ, противъ которыхъ мы никогда открыто не возставали, и присоединяемся къ новымъ. Главное, чтобы успѣть, хотя бы и „бочкомъ“, пѣтушкомъ, но успѣть за колесницей освободительнаго движенія. Такова наша цѣль“. Программа обновленцевъ, по отзыву Философова,—чисто социалистическая.

„Все то, что братство включило въ свою программу въ качествѣ пресловутой „христіанской политики“,—все это оно попросту „позанимствовало у социалистовъ. Но социалисты въ своихъ выводахъ строго послѣдовательны; они объединены; они объединены не только общимъ социальнымъ идеаломъ, но и общимъ міросозерпаніемъ, тогда какъ наши христіанскіе социалисты, оставляя неприкосновенной старую православную метафизику, изъ модернизма примазались къ социализму, не имѣя на то никакихъ внутреннихъ основаній“. Отъ священниковъ, желающихъ присоединиться къ освободительному движенію, г. Философовъ требуетъ немного—отказаться отъ Церкви и христіанства и, конечно, отъ священнаго сана. „Вопросъ не въ освободительномъ движеніи и не въ прикомандированіи къ нему нашихъ даже самыхъ либеральныхъ священниковъ, а въ самомъ понятіи христіанской Церкви. Оставаясь въ старой хотя бы и реформированной Церкви, въ колесницу (освободительнаго движенія) не попадешь. Это слишкомъ ясно... Гораздо честнѣе попросту, безъ затѣи присоединиться къ нехристіанскому общественному движенію, присоединиться къ нему въ партикулярномъ платьѣ, которое куда практичнѣе, чѣмъ длиннополая, византійскія одежды“¹⁾.

Этимъ мы и ограничимъ характеристику социаль-демократической партіи въ ея отношеніи къ Церкви и христіанству. На ученіи социаль-демократовъ мы остановились болѣе

¹⁾ См. о томъ же болѣе подробно газету „Колоколъ“ № 246. 1906 годъ.

подробно на томъ основаніи, что отношеніе его къ религіи является типичнымъ для всѣхъ такъ называемыхъ лѣвыхъ партій; въ социаль-демократіи оно лишь яснѣе и опредѣленнѣе формулировано и обосновано. Такъ напримѣръ, социаль-революціонная партія въ своей программѣ о церкви съ буквальной точностію повторяетъ то, что мы находимъ и у социаль-демократовъ. „Партія социалистовъ-революціонеровъ. говорится въ ихъ программѣ, будетъ отстаивать, поддерживать или вырывать своей революціонной борьбой слѣдующія реформы:... прямое, тайное равное, всеобщее право голосованія безъ различія пола, религіи и національности; полную свободу совѣсти..., полное отдѣленіе Церкви отъ государства и объявленіе религіи частнымъ дѣломъ каждаго“¹⁾.

Конституціонно-демократическая партія памятна Россіи по первой Государственной Думѣ. Непонятая вначалѣ правительствомъ въ ея цѣляхъ и намѣреніяхъ, партія эта передъ первой Думой получила полную свободу дѣйствій и, благодаря широко поставленной агитаціи, составила въ первой нашей Думѣ большинство. Безрезультатность первой Думы, характеръ ея преній и самый роспускъ ея Высочайшей волею всецѣло лежить на отвѣтственности конституціонно-демократической партіи. Не входя въ подробный критическій разборъ праграммы этой партіи, стремившейся поддержать революцію чужими руками и спинами, даже руками самого правительства, съ его милостиваго согласія и даже при его содѣйствіи, мы лишь замѣтимъ, что и эта партія по существу есть социалистическая, лѣвая. Во многихъ пунктахъ она до буквальности повторяетъ программы лѣвыхъ партій, но мѣстамъ либо затушевывая, либо замалчивая боевые вопросы своихъ лѣвыхъ друзей. Истинный характеръ партіи особенно рельефно сказался въ такъ называемомъ выборгскомъ воззваніи и въ блокахъ, какіе охотно заключаетъ она съ партіями, стоящими лѣвѣй ея.

¹⁾ Полный сборникъ платформъ. Программа партіи социалистовъ-революціонеровъ, стр. 25.

Въ отношеніи къ Церкви Православной конституціонно-демократическая партія не заходитъ такъ далеко, какъ партіи социалистическія; отношеніе это мягче, но далеко не благожелательное или покровительственное. Вотъ какъ опредѣляетъ партія свое отношеніе къ религій и Церкви. „Каждому гражданину обеспечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не допускаются. Отправленіе религіозныхъ и богослужебныхъ обрядовъ и распространеніе вѣроученій свободно, если только совершаемыя при этомъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо общихъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Православная Церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки“¹⁾.

Сравнительно съ социалистическими партіями конституціонно-демократическая отличается въ слѣдующемъ: въ программахъ ея и партійной литературѣ нѣтъ открытаго отрицанія всякой вообще религіи. Партія не объявляетъ открыто о полномъ отдѣленіи Церкви отъ государства и не требуетъ объявленія религіи лишь частнымъ дѣломъ.—Краткіе тезисы к.-демократической партіи станутъ нѣсколько опредѣленнѣе, если просмотримъ законопроектъ первой Думы, такъ какъ въ нихъ нашли себѣ выраженіе взгляды большинства, какимъ въ Думѣ и была указанная партія. Законопроектъ Думы о свободѣ совѣсти изложенъ въ 7 пунктахъ²⁾.

¹⁾ Конституціонно-демократическая партія, съѣздъ 12—18 октября 1905 года, стр. 10.

²⁾ Вотъ основныя положенія думскаго законопроекта о свободѣ совѣсти:

1. Каждому гражданину Россійской имперіи обеспечивается свобода совѣсти. Посему пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ вѣроисповѣданія, и никто не можетъ быть преслѣдуемъ и ограничиваемъ въ какихъ бы то ни было правахъ за убѣжденія въ дѣлахъ вѣры.

Пунктъ 7 указаннаго законопроекта важенъ въ томъ отношеніи, что онъ всѣ религіи, исповѣдуемыя населеніемъ Россіи, въ томъ числѣ и православіе, ставитъ на одну доску, объявляетъ ихъ равенство; указываетъ, что кадетская Дума не требовала полнаго отдѣленія Церкви отъ государства, разъ она за послѣднимъ признавала право издавать особыя узаконенія, опредѣляющія преподаваніе вѣроученія. Объяснительная записка къ указанному законопроекту требуетъ права пропаганды для всѣхъ вѣроученій, права для всякаго быть

Примѣчаніе. Всѣ узаконенія, ограничивающія гражданскія и политическія права лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ или инымъ вѣроисповѣданіямъ, отмѣняются.

2. Всѣ существующія и вновь образующіяся въ Россійской имперіи вѣроисповѣданія пользуются въ одинаковой мѣрѣ свободой богослуженія и отправленія религіозныхъ обрядовъ, а также проповѣдыванія и распространенія своихъ ученій, *поскольку при осуществленіи этой свободы не совершается дѣяній, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами.*

3. Никто не можетъ быть силой государственной власти принужденъ принадлежать къ какому-либо исповѣданію, или исполнять обязанности, вытекающія изъ принадлежности къ какому-нибудь вѣроисповѣданному обществу, или совершать религіозныя дѣйствія, или участвовать въ обрядахъ какого-нибудь вѣроисповѣданія.

4. Никто не можетъ отказываться въ силу своихъ религіозныхъ убѣжденій отъ исполненія гражданскихъ или политическихъ обязанностей, кромѣ случаевъ, точно въ законѣ указанныхъ.

5. Всякій, достигшій 17-ти лѣтняго возраста, можетъ выйти изъ состава вѣроисповѣднаго общества, къ которому онъ принадлежитъ; несовершеннолѣтній, не достигшій сего возраста, воспитывается въ томъ вѣроисповѣданіи, въ коемъ пожелаютъ его воспитывать родители.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если родители принадлежатъ къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, отъ ихъ соглашенія зависитъ выборъ вѣроисповѣданія, въ коемъ воспитываются ихъ дѣти. Если такового соглашенія достигнуто не будетъ, то дѣти мужскаго пола воспитываются въ исповѣданіи отца, дѣти женскаго пола—матери.

6. Особый законъ опредѣляетъ порядокъ веденія актовъ гражданского состоянія.

7. Особія узаконенія опредѣляютъ преподаваніе вѣроученія. Эти узаконенія не должны противорѣчить началамъ свободы и равенства вѣроисповѣданій.

атеистомъ, не принадлежать ни къ какой вѣрѣ. Эти „благодѣтельные“ для Церкви Православной законопроекты въ объяснительной запискѣ прикрыты желаніемъ „процвѣтанія, благоденствія и мощи Россіи, поднятія авторитета Православной Церкви, такъ какъ Православная Церковь, пользующаяся вѣншимъ привилегированнымъ положеніемъ, но сдвленная государственной опекой и не обладающая той свободой, которая есть „едино на потребу“ для носительницы религіозной истины и преемства вѣроученія, только страдать отъ этого режима.“

Аграрная комиссія Государственной Думы приняла первый пунктъ аграрнаго законопроекта въ такомъ видѣ: „Для расширенія площади землепользованія замлѣдѣльческаго населенія обращаются пригодныя для сельскаго хозяйственнаго промысла земли казенныя, удѣльныя, кабинетскія, *церковныя и монастырскія*.—Изъ приведенныхъ выдержекъ программы конституціоно-демократической партіи, а равно изъ законопроектовъ кадетской думы, видно, что указанная партія не сознавала ясно того положенія, какое занимало православіе въ разноплеменной и разновѣрной Россіи въ ходѣ ея историческаго развитія, и тѣмъ меньше склонна поддерживать его (православіе); вѣдъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать искренно расположенной къ Церкви ту партію, которая единственными нуждами Церкви признаетъ широкую пропаганду ученій, ей враждебныхъ, до атеизма включительно, и отнятія у монастырей и церквей земельной собственности ¹⁾).

Свящ. В. Нестряковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Каково было отношеніе первой Государственной Думы къ религіи, показываютъ слѣдующіе факты. „На молебнѣ, который совершался предъ открытіемъ думскихъ засѣданій, большинство членовъ не пожелало присутствовать; многіе стояли спинами къ совершителямъ богослуженія;

Митингъ въ селѣ Незнамовѣ.

(Продолженіе¹⁾).

— Граждане!—начала барышня,—не о мирѣ и радостяхъ буду говорить я съ вами, потому что нѣтъ среди насъ мира и нѣтъ радостей въ землѣ нашей. Горе и слезы, слезы и горе,—вотъ что видимъ мы среди насъ и вокругъ насъ. Вся наша жизнь—сплошное горе и слезы. Кх, кх...

— Вотъ и поперхнулась,—шептались въ толпѣ:—а голосистая какая! Не гляди, что маленькая.

— Граждане? Хо-хо—смѣялся кто то:—Васька! Слышь? Граждане! Христіане православные, а она—граждане.

— Тише вы!—окрикивали шутниковъ!—слушали бы лучше. Худу не научить. Дурачье...

— Впрочемъ, не о всякой жизни я говорю,—продолжала барышня:—а о жизни именно нашей, о жизни бѣдныхъ людей тружениковъ. *Эта* жизнь горька и плачевна. Жизнь же нѣкоторыхъ другихъ людей не знаетъ горя и слезъ. Наоборотъ, жизнь нѣкоторыхъ другихъ людей вся полна счастья и радостей. Тамъ, въ той жизни, на всемъ веселый блескъ, тамъ постоянный смѣхъ, вѣчный праздникъ... Да... Вотъ я шла сюда мимо вашего незнамовскаго барскаго дома. И что же я видѣла?—Высокіе терема, огромныя окна, богатыя службы. На каждомъ шагу разныя приспособленія: паровая

нѣкоторые смѣялись, громко разговаривали и даже курили; нѣкоторые члены Думы рѣзко осуждали самое служеніе молебна, „навязанное правительствомъ, стѣсняющее ихъ религіозную совѣсть“. Верхъ кощунства доказала Дума, когда не захотѣла внести въ отвѣтный адресъ на привѣтственное слово Государя ни призыва Божьяго благословенія на Царя и царство, ни даже простого упоминанія имени Божія. (См. болѣе подробно: „Государственная Дума и Православно-русская Церковь“, стр. 5). Кощунственные выходы Аладьина и Рамишвили въ Думѣ, какъ извѣстно, протестовъ ни съ съ чьей стороны не вызвали.

¹⁾ См. № 5-й за 1907 г.

молотилка, сушилка (одинъ пожарный караульщикъ толкнуть въ бокъ другого), мельница и прочее... А какія орудія! Плуги...

— Да. Вѣрно, вѣрно!—перебили барышню:—баринъ у насъ могущій. Можно сказать, богатѣющій баринъ.

— А лошади?—продолжала барышня:—породистыя, рослыя, сильныя.

— До всего дошла,—говорилъ кто то въ толпѣ:—вотъ пройдоха! Ну, и дѣла!

— Можно, небось, работать,—дѣлала выводы барышня:—можно хозяйство вести.

— Еще бы?—слышались замѣчанія:—кому же еще и можно?

— Ъхала я и полями барскими,---постепенно воодушевляясь, рассказывала прѣзжая:—сколько ихъ, полей этихъ! Глазомъ не окинуть! Мнѣ кажется, ихъ достало бы на прокормленіе всѣхъ васъ, сколько ни есть васъ въ селѣ. Не правда ли?

— Да, пожалуй, отвѣчали голоса.

— Обязательно достанетъ.

— Безъ сумнѣнія.

— Достало бы,—продолжала барышня:—а между тѣмъ... между тѣмъ всѣми этими полями пользуется лишь одна семья, одинъ хозяинъ. Да и какъ пользуется! Что этотъ хозяинъ самъ обрабатываетъ свою землю, самъ пашетъ ее, боронуетъ, засѣваетъ и т. д.? Ничуть не бывало. Все это онъ дѣлаетъ чужими, вашими трудовыми, мозолистыми руками, бросая вамъ за вашу работу жалкіе, нищенскіе гроши. И понятно теперь... Какъ при такихъ условіяхъ не имѣть стада лошадей, не заводить разныхъ машинъ и орудій, не строить теремовъ! Какъ не жить, какъ не веселиться! И вотъ, повторяю, тутъ рядомъ съ нами, подъ бокомъ, только рукой подать—довольство, веселье, сплошная масленица. А здѣсь? У насъ? Вотъ ваши избы...

Барышня показала рукой на село и продолжала:

— Еле видны отъ земли, черныя отъ старости, съ прогнившей соломой вмѣсто крышъ и съ заклеенными то бумагой, то бычачьимъ пузыремъ окнами.

— Чѣмъ заклеены? Гришка! Чѣмъ, говорить, заклеены? спрашивалъ кто-то въ толпѣ.

— Слышь, бумагой, грамотой, то нѣсь.

— Нѣтъ, а еще-то чѣмъ?

— Бычачьимъ, говорить, пузыремъ.

— Пузыремъ! Хмъ! Да гдѣ это! у кого?

— А я почему знаю. Я не видывалъ. Ну, да ладно. Молчи. Не мѣшай.

— А каково въ избахъ?— восклицала барышня:— была я въ нихъ и сейчасъ только что изъ избы. Ни свѣту въ вашихъ жилищахъ, ни воздуху, полная запущенность въ убранствѣ, нечистота, плѣсень.

Егора Григорьича такое замѣчаніе неприятно покоробило. Онъ не думалъ, что его жилье съ портретами Аладына, Жилкина и Аникина на стѣнѣ не будетъ выдѣлено пріѣзжей изъ ряда другихъ.

— И таково въ вашихъ жилищахъ теперь, лѣтомъ;— продолжала барышня:— каково же будетъ въ нихъ зимой, когда въ нихъ вмѣстѣ съ вами ютятся и овцы, и телята и поросята?..

Въ толпѣ засмѣялись. — „Поросята!“ — хохотали многіе: „ха, ха, ха! Ахъ, чтобъ тебѣ!.. Выдумаетъ-же“...

— И когда, — продолжала между тѣмъ барышня: — чуть не вровень съ крышами заваливаетъ васъ снѣгъ, тогда уже еще больше темноты и тѣсоты въ вашихъ избахъ, еще меньше здороваго воздуху. Тепла же почти совсѣмъ нѣтъ. Гдѣ взять вамъ тепла, если лѣсъ стоитъ вотъ рядомъ, а за одно прикосновеніе къ никѣмъ непосаженному, никѣмъ невыхоженному дереву вамъ грозитъ чуть ли не смерть отъ побоевъ и увѣчій разныхъ лѣсничихъ...

— Да лѣсъ рубить запрещають,—слышались голоса:— это ты правильно. Запрещають.

— А по какому праву?—громко крикнулъ кто-то:—не имѣють никакого полнаго права. Лѣсъ Божій, какъ, значить, птица, али рыба. Все равно.

Въ толпѣ опять засмѣялись.

— Лѣсъ, рыба... Все равно... Дуракъ... Рыба плаваетъ... въ водѣ, а...

— Отъ холода же и тѣсноты въ вашихъ хатахъ,—не останавливалась барышня:—отъ этого всѣ ваши недомоганія, болѣзни и смерть едва увидѣвшихъ свѣтъ дѣтей вашихъ... Теперь возьмемъ ваше хозяйство. Хозяйство!—усмѣхнулась барышня:—да можно ли говорить о какомъ вашемъ хозяйствѣ? Не деревянными ли сохами ковыряете вы эти свои крохотные надѣльчики? Не деревянными ли боровами бороните? Не ломаете ли рукъ своихъ на молотбѣ простыми цѣпами. Вѣдь у васъ нѣтъ молотилокъ, нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ приспособленій, никакихъ порядочныхъ орудій... Лошади ваши—горе, а не лошади. Заморенныя, словно не живыя клячи.

— А сейчасъ все спасибо сказывала мужику, что привезъ,—шенталь пожарный дежурный своему сосѣду:—„лихо, слышь, ѣхали. Спасибо“. На клячѣ-то, небось, лихо-то не поѣхала бы...

— Знамо дѣло, разные есть лошади,—отвѣчали пожарному: вонъ у Ваньки хромого... Развѣ это лошадь?

— Эхъ,—горько воскликнула барышня:—да что и говорить! Какое можетъ быть у васъ хозяйство, если земли-то намъ на семью приходится меньше, чѣмъ барину на грядки подь огурцы. Да, господа, вотъ какая у насъ правда-то, вотъ какая справедливость!

— Совсѣмъ пу—ухнемъ съ голоду,—прогорлаилъ кто-то пьянымъ голосомъ:—барышня! Не будетъ ли твоя милость на соточку.

— Невъжа! — набросился Егоръ Григорьичъ на пьянаго:— успѣлъ ужъ нахлестаться.

— Несытая его утроба,—подакнули въ толпѣ.

— Уведите его, братцы.

— Гони въ шею.

— Дай ему здоров'яе. Хе, хе...

— Пухнемъ не пухнемъ,—поправилъ кто-то пьянаго:— а иной разъ брюхо здорово подводить.

— Да, землицы у насъ недостатокъ.

— Есть земляца, да еще не мѣшало бы.

— Землицы-то бы, вотъ землицы.

— Можно сказать,—оправилась послѣ происшедшаго инцидента барышня:—можно сказать—совсѣмъ нѣтъ у насъ ни правды, ни справедливости.

— Волкъ съѣлъ!

— А оттого-то и печально, черна наша жизнь. Оттого-то для однихъ вѣчный праздникъ, а для другихъ вѣчныя слезы. Да, да... Слезы и слезы. Вѣдь изъ васъ всѣ, кто только можетъ, тянуть боки, васъ какъ бы намѣренно обезсиливаютъ, пригнетаютъ къ землѣ, изо дня въ день заботливо готовятъ васъ къ смерти. И потому поистинѣ можно сказать, что для васъ каждый день есть день не жизни, а постепеннаго, можетъ быть, медленнаго, но вѣрнаго умира- нія. Да... А другіе... другіе ликуютъ при вашемъ страдаль- ческомъ смертномъ одрѣ и съ сытымъ, довольнымъ видомъ обшариваютъ ваши карманы и вытаскиваютъ оттуда послѣд- нія ваши потомъ и кровью добытыя копейки и на нихъ, на эти копейки, за вашу смерть—да, да... смерть—гибель... пьютъ шампанское... Гдѣ же правда? Гдѣ справедливость? И можно ли мириться съ такими порядками? Можно ли дальше такъ жить? Нѣтъ, нѣтъ! Конечно, нѣтъ! Мирились раньше, жили раньше, но теперь—довольно! Насилію, про- изволу и неправдѣ долженъ быть положенъ конецъ. Теперь люди сознали, что солнце для всѣхъ свѣтитъ, а не для бо-

гатыхъ только, воздухъ здоровый для всѣхъ полезенъ и необходимъ, лѣса для всѣхъ растутъ, земля для всѣхъ одинаково предлагаетъ свои блага. „Раститесь и множитесь и наполните землю и владѣйте ею“, сказано въ Писаніи... Да, да... Довольно старыхъ порядковъ! Довольно гнета богатыхъ. Мы пострадали, они попользовались. И вотъ всѣ мы, каждый изъ насъ должны встать за свои поруганныя права, должны вооружиться на возстановленіе правды и справедливости, нужно выразить неудовольствіе, протестъ, какъ говорятъ, противъ насильниковъ и беззаконниковъ. Вотъ что нужно теперь всѣмъ и каждому. Нужно бороться за право и „въ борьбѣ обрѣтемъ мы право свое“.

— Что, что нужно? — засуетились въ толпѣ:—что, она говорить, нужно дѣлать?

— Слышь, говорить: вооружиться надоть. Возстань, говорить: требуется.

— Готовы, готовы!—кричали другіе.

— Вооружиться? Да чѣмъ ты вооружишься? Вилами нешто?

— А что-жь, если и вилами? Небось, ежели умѣючи, тутъ много дѣловъ можно надѣлать.

Извѣстно, у тебя вилы, у меня вилы, у третьяго топоръ, а инъ пѣтушка пустить. Вотъ тебѣ и оружие.

— Одно слово, бастовка, бунтъ...

— Слышь, гдѣ-то въ аронежской губерніи лошадей языки повырѣзали, деревья въ садахъ поломали... Нешто не сумѣемъ.

— Какія же средства нашей борьбы?—продолжала бабышня; средства эти ясно указаны въ программахъ, какія я оставляю вамъ у Егора Григорыча.

Егоръ Григорычъ побѣдоносно повелѣлъ глазами на толпу.

— Теперь же я не буду говорить объ этихъ средствахъ. Скажу только, что прежде всего нужна вамъ забастовка, какъ это дѣлается въ другихъ добрыхъ мѣстахъ.

Толпа насторожилась.

— Вот наступило рабочее время. Барину вашему нужны рабочія руки. Да еще дешевыя...

— Вѣрно, вѣрно,—соглашалась толпа.

— А вы вотъ соберитесь да сговоритесь: „не хотимъ работать по старымъ цѣнамъ! Давай намъ такую-то цѣну!“ Назначайте цѣну сами, какъ захотите. Чѣмъ выше будетъ цѣна, тѣмъ лучше для васъ. Баринъ, конечно, заартачится. Вѣдь ваша забастовка для него дѣло новое.. Онъ привыкъ, чтобы вы только шапку передъ нимъ ломали, гнули спины на его поляхъ да своимъ каторжнымъ трудомъ ту же набивали ему карманы... Заартачится баринъ, будетъ вести съ вами переговоры, а хлѣбъ тѣмъ временемъ будетъ стоять неубранымъ, переспѣетъ, будетъ сориться, портиться. И пусть сорится и портится. Пусть баринъ убираетъ его самъ, если хочетъ. А нѣтъ, не хочетъ,—пусть даетъ вамъ цѣну, какую захотите, а тамъ и всю землю пусть отдаетъ. И отдастъ! Непремѣнно отдстъ! Потому что какая же будетъ ему выгода отъ земли при высокихъ цѣнахъ за работу? И такъ, забастовка! Пока забастовка! А потомъ еще поговоримъ. Бастуйте сами и другихъ товарищей, сосѣдей вашихъ, убѣждайте, подговаривайте. Чѣмъ дружнѣе будетъ забастовка, тѣмъ скорѣе дѣло устроится. Помѣщики и правительство испытаютъ на себѣ гнѣвъ народа, поймутъ, что окончились времена ихъ опустошительнаго владычества, и сами отдадутъ намъ и землю, и волю, и власть.

— Эхъ, и здорово! Гришка! Слышь!

— Ну, молодчина! Какъ, вѣдь, рѣжетъ! И власть и все...

— Не будемъ же бояться!—призывала барышня:—до сихъ поръ мы храбро сражались съ нашими виѣшними врагами. Не обратимся же въ бѣгство предъ врагами внутренними, предъ помѣщиками и правительствомъ. Впередъ, рабочій народъ!

— Впередъ, впередъ!— выкрикивалъ кое-кто въ слѣдъ за Егоромъ Григорьичемъ.

— Да и что устроить насъ?— спрашивала барышня: казаки? Но вѣдь и казаки такіе же русскіе люди, какъ и мы. И они страдаютъ отъ возложенной на нихъ правительствомъ тяжелой, невыносимой службы. Темного умѣнья, и казаки могутъ быть на нашей сторонѣ. И ихъ можно склонить въ нашу пользу. Если же нѣтъ, если склонить казаковъ не удастся, и если они обратятъ противъ насъ свое оружіе, то и мы по возможности сумѣемъ дать имъ отпоръ...

— Знамо дѣло! Въ колья примемъ.

Вилъ нешто пѣтъ?

Сила-то тоже некупленная.

Конницу свою составимъ. Хе-хе Кони-то есть. Слава Тебѣ, Господи!

Итакъ, заключала барышня: пока забастовка! Понимаете?

— Какъ не понять!

— Спасибо, родимая!

Мы и сами ужъ думали, какъ бы на счетъ землицы-то постараться.

— Страшно только... Совѣстно какъ-то...

— Страшно! Чужады! Въ другихъ мѣстахъ бастуютъ же. Тамъ не страшно. И не совѣстно. Ишь ты... О совѣсти тоже заговорилъ.

— Что же всѣмъ такъ всѣмъ ужъ на это дѣло идти. Чего тутъ?

Забастовка! Идемъ, братцы! Не робѣй только.

— Идемъ, идемъ!

— Идемъ! Хоть сейчасъ! Потерпѣли! Будеть!..

— Идемъ!..

Толпа гудѣла, разбившись на кучки.

Николай Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Жертвуйте на голодающихъ.

Красный Крестъ съ самаго начала нынѣшней продовольственной кампаніи принялъ широкое участіе въ борьбѣ въ голодомъ въ неурожайныхъ губерніяхъ и, независимо отъ поступающихъ въ его кассы пожертвованій, ассигновалъ уже 3 мил. рублей изъ своихъ средствъ, изъ коихъ 2 мил. р. взяты изъ запаснаго капитала на нужды военнаго времени. Дальнѣйшее отчисленіе изъ этого капитала, на проценты котораго содержатся многочисленныя благотворительныя учрежденія Краснаго Креста: больницы, амбулаторіи, общины сестеръ милосердія, поставило бы эти учрежденія въ самое затруднительное положеніе. Между тѣмъ содержаніе большого числа открытыхъ уже столовыхъ Краснаго Креста въ неурожайныхъ губерніяхъ обезпечено лишь на ближайшее время. Если не явятся обильныя пожертвованія, то дѣятельность Краснаго Креста неизбѣжно должна будетъ сократиться, а это оставитъ безъ нищи тысячи дѣтей, стариковъ и женщинъ, получающихъ въ столовыхъ Краснаго Креста свое дневное пропитаніе.

Во имя любви къ ближнему, состраданія къ бѣднымъ дѣтямъ и къ ихъ несчастнымъ матерямъ жертвуйте, кто сколько можетъ, на поддержаніе этихъ учреждений, жертвуйте хотя бы копейки, потому что 4—5 коп. стоитъ прокормъ въ день одного человѣка въ столовыхъ Краснаго Креста.

Кассы Краснаго Креста открыты постоянно.

Кружки Краснаго Креста имѣются повсюду. (Нов. Вр. № 11070).

Отъ Редакціи.

Вмѣстѣ съ однимъ изъ ближайшихъ №-овъ будетъ разосланъ подписчикамъ листокъ для народа подъ заглавіемъ: „Какъ хотять воспитывать дѣтей теперь и какъ воспитывали ихъ древніе христіане“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 5-го февраля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года февраля 18-го дня.

Содержаніе: I. Можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ?—II. Рус-
скія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православной (оконча-
ніе).—III. Митингъ въ селѣ Незнамовѣ (окончаніе).—IV. Епар-
хіальная жизнь.—Замѣтка. Дѣятельность приходскихъ совѣтовъ.

Къ этому № прилагается листокъ для народа: „Какъ хотѣть
воспитывать дѣтей теперь, и какъ воспитывали ихъ древніе христіане“.

Можетъ ли христіанинъ быть социаль-демокра- томъ?

Въ Эрфуртской программѣ германской социаль-демократіи
§ 6 основныхъ положеній гласить: *объявленіе религіи част-
нымъ дѣломъ*. Это положеніе явилось результатомъ тактиче-
скихъ соображеній вождей партіи, знавшихъ о набожности
народныхъ массъ и поэтому не желавшихъ стѣснять свободу
религіозныхъ вѣрованій. Социаль-демократія, сознавали
они, потеряла бы очень много членовъ, если бы стала тре-
бовать исповѣданія атеизма. Вслѣдствіе этого пріемъ лицъ
съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ въ среду этой партіи со
стороны руководителей ея не встрѣчаетъ препятствій. Но

нѣтъ ли такихъ препятствій со стороны самого христіанина? Можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ, не измѣняя христіанству и не становясь въ противорѣчіе съ основными социальными-философскими идеями? партіи—вотъ вопросъ, часто задаваемый въ настоящее время.

Для рѣшенія этого вопроса необходимо имѣть въ виду главнѣйшія направленія социализма. Изслѣдуя въ этомъ отношеніи социалистическія теоріи, мы, прежде всего, должны отмѣтить социализмъ религіозный, представители котораго выводятъ конечныя цѣли социализма изъ религіозныхъ идей. По ихъ ученію, для полнаго осуществленія завѣтовъ Христа необходима совмѣстная жизнь людей, отрекшихся отъ частной собственности. Такъ какъ Христосъ ничѣмъ не обладалъ для себя, но все, что было у Него, предназначалось для насъ то и всѣ члены земной общины Христовой не должны обладать ничѣмъ преходящимъ. Богъ не далъ людямъ ничего въ собственность. Кто собираетъ для себя, тотъ дѣйствуетъ противъ воли Господа. Для доказательства согласія основныхъ взглядовъ христіанства съ идеями социализма обычно приводятся сотни библейскихъ изреченій. „Кто пожелаетъ“, говоритъ пасторъ Тодтъ, „понять социальный вопросъ и содѣйствовать его разрѣшенію, тотъ долженъ окружить себя справа и слѣва сочиненіями по политической экономіи и научной литературой социалистовъ, предъ собою же онъ долженъ всегда держать раскрытымъ Новый Завѣтъ“¹⁾. Тотъ не понимаетъ евангельскаго духа, кто утверждаетъ, что социалистическая идея о превращеніи частной собственности на землѣ въ общую есть идея преступная и фанатическая; она, наоборотъ, является слѣдствіемъ божественнаго слова: „И благословилъ

¹⁾ См. его сочиненіе: „Германскій радикальный социализмъ и христіанское общество“. (Опытъ изложенія социального содержанія христіанства и социальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи Нового Завѣта). Не смотря на то, что названное сочиненіе появилось въ печати въ 1877 году, оно и до настоящаго времени можетъ служить типичнымъ произведеніемъ христіанскаго социализма въ нѣмецкой литературѣ.

ихъ Богъ и сказалъ: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...“ (Быт. 1, 28). Соціализмъ, по словамъ представителей его, долженъ явиться на землѣ полнымъ осуществленіемъ „новаго христіанства“ (С. Симонъ). „Не страшась людей, христіанство“, по замѣчанію Д. Мориса, священника англиканской церкви, должно заявить, что экономическія основы соціализма являются также и основами Библии“¹⁾).

Полную противоположность христіанскому соціализму представляетъ соціализмъ атеистическій, типическимъ представителемъ котораго является Робертъ Оуэнъ. Враждебно настроенный противъ религіи, онъ видѣлъ въ ней препятствіе для соціальнаго прогресса, считалъ ее силою, разобщающею общество. Всякая религія, по его мнѣнію, основывается на невѣжествѣ, противорѣчитъ законамъ природы и является источникомъ всѣхъ пороковъ и нищеты. Поэтому всѣ религіи Р. Оуэнъ желалъ замѣнить какою-то туманною религіею любви.

Если религіозный соціализмъ стремится быть въ родствѣ съ христіанствомъ и на немъ обосновать свою доктрину, а соціализмъ атеистическій, наоборотъ, представляетъ изъ себя силу, явно враждебную христіанской вѣрѣ, то современный соціализмъ, примыкающій ко взглядамъ Маркса и Энгельса, относится къ религіи, повидимому, безъ вражды, нейтрально. Но это только повидимому. Въ дѣйствительности же, при ближайшемъ знакомствѣ съ марксистскимъ соціализмомъ оказывается, что въ немъ и въ слѣдно слѣдующей за нимъ социаль-демократіи христіанство имѣетъ непримиримаго и опаснаго врага, неустанно и искусно ведущаго подкопы подъ самыя основы христіанской религіи.

По христіанскому ученію, вѣра въ Бога вложена въ челоуѣка Самимъ Творцомъ вмѣстѣ съ другими высшими и

¹⁾ К. Диль, проф. Кенигсб. унверс.: „Соціализмъ, религія и бракъ“. Книгоизд. „Живое Слово“, стр. 62.

благороднѣйшими потребностями его духа и имѣть начало въ первобытномъ Божественномъ откровеніи, данномъ нашимъ прародителямъ. Поэтому религіозная вѣра отвѣчаетъ тому влеченію къ вѣчности, которое всегда присуще человѣку и не могло быть уничтожено въ немъ никакими человѣческими усиліями. Въ груди человѣка, по выраженію поэта, обитаютъ двѣ души и хотятъ отдѣлиться одна отъ другой: „одна съ сильною привязанностью держится за міръ крѣпкими органами, — другая сильно порывается къ благоухающимъ полямъ горняго міра“ (Гетэ, Фаустъ). И когда человѣкъ, порабщенный грѣхомъ, близокъ былъ къ нравственной гибели, его помраченная душа была просвѣщена свѣтомъ Божественной истины и любви, принесенной на землю Сыномъ Божиимъ. Глубочайшее значеніе христіанства заключается не просто въ его ученіи, но въ живомъ явленіи спасенія для всѣхъ, въ вочеловѣченіи Божественнаго Слова, въ дѣйствительно совершенной Голгоетской жертвѣ. Вѣра Христова принесла съ собою поворотъ въ міровой исторіи и обновленіе творенія.

Не такъ смотритъ на религію марксизмъ и примкнувшая къ нему социаль-демократія. Идея Бога не есть ни врожденная, ни апріорная идея, но идея *à posteriori*, какъ и всѣ остальные идеи, такъ какъ, по ихъ воззрѣнію, человѣкъ можетъ мыслить, только приходя въ опредѣленные столкновения съ явленіями реального міра, которыя онъ и объясняетъ, какъ можетъ ¹⁾. Божество, т. е. содержаніе религіи, исповѣдуютъ социаль-демократы, не имѣть постоянного, вѣчнаго характера, а представляется преходящимъ и временнымъ ²⁾. Сущность религіи заключается въ томъ, чтобы олицетворить тѣ явленія природы и частной жизни человѣка, которыя, сообразно времени и обстоятельствамъ, приобрѣта-

¹⁾ Лафаргъ. Вѣра въ Бога. Спб. 1906. Книгоизд. „Колоколь“, стр. 6.

²⁾ І. Дитценъ. Религія социаль-демократіи. Перев. С. М. Комланѣйца. Спб. 1906, стр. 27.

ють значеніє. Не Богъ создалъ человѣка, но всегда и во всѣ времена человѣкъ создавалъ по своему подобію боговъ. Смотри такъ на религію, соціалъ-демократы естественно должны отрицать и Божественное откровеніе. Если бы, по ихъ словамъ, дать наши священныя книги какому-либо племени, отдѣленному отъ насъ безграничнымъ пространствомъ, обитающему хотя бы на лунѣ, но обладающему здравымъ смысломъ, то оно приметъ ихъ не какъ даяніе небеснаго бога, а объяснитъ ихъ той степенью культуры, на которой стоятъ создавшіе ихъ люди ¹⁾. „Демократическое познаніе“ въ концѣ концовъ должно придти къ тому, что „нѣтъ ничего божественнаго, и въ то же время свято все то, что оказываетъ человѣку неоцннимыя услуги“. Такому откровенному признанію мы не можемъ отказать въ правдивости и искренности потому, что оно является результатомъ матеріалистическаго пониманія исторіи, благодаря чему, говоритъ Энгельсъ, изъ нея, какъ изъ послѣдняго убѣжища, совершенно изгнанъ идеализмъ ²⁾. Согласно этому пониманію, появленіе міровой религіи—христіанства объясняется чисто экономическими причинами. Когда, вслѣдствіе возникновенія римской имперіи, погибли всѣ прежнія національности, исчезли и національныя божества. Міровой имперіи соотвѣтствуетъ и міровая религія—христіанская. Первоначальное христіанство съ его Богочеловѣкомъ, умершимъ и потомъ воскресшимъ, съ его Дѣвой Матерью, его Св. Духомъ, догмами, чудесами, моралью и обрядами только собрало воедино и организовало въ одну религію „идеи и миѣы, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ уже циркулировали въ античномъ мірѣ“ ³⁾. Исусъ Христосъ, какъ живая Ипостасная личность, какъ Богочеловѣкъ,—одна „фантазія“. Онъ „миѣической основатель хри-

¹⁾ Ibid., стр. 28.

²⁾ К. Диль. Сущность и главныя направленія соціализма. Книгоизд. „Живое слово“ 1906, стр. 17.

³⁾ Слова Гранта Аллена. См. „Вѣра въ Бога“, цитов., стр. 7.

стіанской религіи“ (Бебель). Такъ въ горделивомъ самообольщеніи соціаль-демократы думаютъ вычеркнуть изъ міровой исторіи имя Того, Кто въ миллионы сердець влагалъ и влагаетъ искры священнаго огня любви и истины, въ Комъ совершилось новое твореніе въ полномъ и собственномъ смыслѣ слова,—это возрожденіе всей вселенной. „Мы, заявляютъ они, не признаемъ ни божественной, ни человѣческой истины,—мы знаемъ одну только—эмпирическую. Поэтому положеніе: „человѣкъ долженъ имѣть религію“, они переводятъ на „разумный“ языкъ такъ: „человѣкъ долженъ имѣть систему“. Опытъ, система и факты служатъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для христіанъ Евангеліе, т. е. источникомъ истины. Они не терпятъ авторитетовъ, не любятъ и І. Христа, предъ Которымъ съ благоговѣніемъ преклоняются христіане. Они твердо надѣются, что съ развитіемъ культуры и съ грядущимъ измѣненіемъ экономической жизни христіанство идетъ само собою. Этой то надежды и не можетъ раздѣлять христіанинъ, вѣрующій въ своего Спасителя и въ то, что никакія враждебныя силы, злыя какъ самъ адъ, не могутъ одолѣть Его Церковь (Матѣ. 16, 18). Пусть духовная культура идетъ все болѣе и болѣе впередъ, пусть естественныя науки растутъ во всю ширину и глубину, пусть развивается умъ человѣческой, какъ онъ хочетъ, но выше высоты и нравственной культуры христіанства, какъ оно свѣтитъ въ Евангеліи, человѣкъ никогда не поднимется. Таково глубокое убѣжденіе христіанина.

Мы спрашиваемъ: можетъ ли истинный христіанинъ, вѣрующій въ живого Бога, въ своего Искушителя и въ св. Евангеліе быть соціаль-демократомъ? Нѣтъ, безусловно нѣтъ. Совершенно справедливо выраженіе одного изъ главарей социализма — Бебеля: христіанство и социализмъ враждебны другъ другу, какъ огонь и вода“.

Христіанинъ вѣруетъ въ Бога и распятаго за грѣхи всего міра Христа.

„Мы ни въ какого Бога не вѣруемъ“, говорятъ социаль-демократы (Штейнбахъ на Гамбургскомъ съѣздѣ).

Христіанинъ, сынъ небеснаго Отца по благодати, ревнуетъ о славѣ Его, молится, чтобы святилось имя Его, и совершалась воля Его на землѣ.

Социаль-демократы провозглашаютъ: „наша обязанность— тщательное искорененіе вѣры“ (Либкнехтъ).

Христіанинъ исполненъ благодарности Богу за Его благодѣянія къ Своему слабому созданію. Въ молитвенномъ порывѣ онъ взываетъ къ Нему:

„Научи меня, Боже, любить
 Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
 Чтобъ и душу Тебѣ посвятить
 И всю жизнь съ каждымъ сердца біеньемъ;
 Научи Ты меня соблюдать
 Лишь Твою милосердную волю,
 Научи никогда не роптать
 На свою многотрудную долю...“

Социаль-демократы въ пѣсняхъ поютъ:

„Проклятіе Богу, предъ Кѣмъ мы съ мольбою
 Склоняемся въ холодъ и голодъ зимою!
 Напрасно мы ждали надежды полны,
 Онъ насъ обмануль, одурачены мы“.

Эти пѣсни различаются между собою болѣе рѣзко, чѣмъ день и ночь, которые все же сходны тѣмъ, что составляютъ опредѣленный моментъ безграничнаго времени... Съ невольнымъ изумленіемъ приходится послѣ этого отнестись къ недоумѣніямъ защитниковъ социаль-демократіи, которые спрашиваютъ, почему именно социаль-демократовъ такъ „злобно и громко поносятъ, какъ враговъ религіи“. вмѣсто того, чтобы по достоинству оцѣнить характеръ своей проповѣди, они приписываютъ эти обвиненія невѣжественнымъ народ-

нымъ массамъ, „находящимся подъ вліяніемъ служителей Церкви и думающимъ въ простотѣ душевной, что невѣріе есть изобрѣтеніе этихъ злыхъ соціалъ-демократовъ“¹⁾).

М. Григоревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ См. соч. Фр. Штампфера „Религія—дѣло совѣсти каждаго“. Разъясненіе шестого пункта Эрфуртской программы. Книгоизд. „Правда“. Кіевъ. 1906, стр. 37. Разсмотрѣвъ христіанское и соціалистическое міровоззрѣніе, Штампферъ ставитъ вопросъ: можетъ ли христіанинъ быть соціалъ-демократомъ? На этотъ вопросъ онъ не даетъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, замѣняя его туманными разсужденіями о томъ, что религія должна быть дѣломъ совѣсти каждаго, и что соціалъ-демократы не требуютъ отъ своихъ послѣдователей опредѣленныхъ религіозныхъ или антирелигіозныхъ сужденій (39 стр.). Впрочемъ, онъ не скрываетъ, что религія, которая борется съ политическими и экономическими требованіями соціалъ-демократіи, такая религія (=христіанство)—врагъ соціалъ-демократіи, съ которымъ должно бороться. На вопросъ: можетъ ли христіанинъ подавать свой голосъ за соціалъ-демократа? Штампферъ отвѣчаетъ: рабочій-христіанинъ, подавая голосъ за соціалъ-демократа, „дѣйствуетъ въ духѣ христіанской нравственности“. Стр. 37 и 40.

²⁾ См. № 6-й за 1907 г.

³⁾ Сборникъ платформъ русскихъ политическихъ партій. Союзъ 17-го октября 100 стр.

Русскія партіи въ ихъ отношеніи къ Церкви Православной.

(Окончаніе ¹⁾).

Союзъ 17-го октября—партія русскаго центра—въ своей политической платформѣ о Церкви почти ничего не говоритъ, кромѣ подтвержденія въ числѣ гражданскихъ правъ обезпеченія свободы вѣроисповѣданія, при чемъ партія не раскрываетъ и не объясняетъ, какъ она понимаетъ эту свободу ¹⁾, Но въ предвыборномъ воззваніи къ избирателямъ союзъ удѣляетъ нѣсколько словъ и нуждамъ Православной Церкви.

¹⁾ См. соч. Фр. Штампфера „Религія—дѣло совѣсти каждаго“. Разъясненіе шестого пункта Эрфуртской программы. Книгоизд. „Правда“. Кіевъ. 1906, стр. 37. Разсмотрѣвъ христіанское и социалистическое міровоззрѣніе, Штампферъ ставитъ вопросъ: можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ? На этотъ вопросъ онъ не даетъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, замѣняя его туманными разсужденіями о томъ, что религія должна быть дѣломъ совѣсти каждаго, и что социаль-демократы не требуютъ отъ своихъ послѣдователей опредѣленныхъ религіозныхъ или антирелигіозныхъ сужденій (39 стр.). Впрочемъ, онъ не скрываетъ, что религія, которая борется съ политическими и экономическими требованіями социаль-демократіи, такая религія (=христіанство)—врагъ социаль-демократіи, съ которымъ должно бороться. На вопросъ: можетъ ли христіанинъ подавать свой голосъ за социаль-демократа? Штампферъ отвѣчаетъ: рабочій-христіанинъ, подавая голосъ за социаль-демократа, „дѣйствуетъ въ духѣ христіанской нравственности“. Стр. 37 и 40.

²⁾ См. № 6-й за 1907 г.

³⁾ Сборникъ платформъ русскихъ политическихъ партій. Союзъ 17-го октября 100 стр.

Свои пожеланія касательно нужд Церкви Союзъ въ предвыборномъ воззваніи формулируетъ слѣдующимъ образомъ ¹⁾).

13. „Реформа управленія дѣлами Православной Церкви на началахъ соборности и въ интересахъ освобожденія ея отъ бюрократической опеки. Улучшеніе быта православнаго духовенства“. Такимъ образомъ, хотя въ воззваніи этомъ и не говорится о положеніи Православной Церкви въ отношеніи ея къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, но, сравнительно съ лѣвыми партіями, высказывается нѣсколько пожеланій о давно назрѣвшихъ въ церковной жизни нуждахъ, ясно сознанныхъ какъ правящею Церковью, такъ и обществомъ. Есть ли приведенное положеніе октябристовъ вполнѣ искреннее или же только предвыборный маневръ, съ цѣлью превлечь на свою сторону такую сильную предвыборную группу, какъ духовенство,—рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ здѣсь цѣнно вниманіе, удѣляемое имѣнно православію.

Чѣмъ правѣе стоитъ партія въ политическомъ отношеніи, тѣмъ благожелательнѣе относится она къ Церкви Православной.

Говоря вообще, отношеніе всѣхъ правыхъ партій къ Православной Церкви одинаково; разница только въ частности. Такъ, на примѣръ, партія правового порядка свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ и Церкви формулируетъ кратко слѣдующимъ образомъ. Она желаетъ...

8. Признанія свободы вѣроисповѣданія за всѣми гражданами съ сохраненіемъ однако первенствующаго положенія Церкви Православной, подъ сѣнью которой выросъ русскій народъ и сложилось Русское государство ¹⁾).

Въ программѣ партіи, какъ и у октябристовъ, есть пунктъ, говорящій о необходимости улучшенія матеріальнаго положенія православнаго духовенства.

¹⁾ Кіевскій областной комитетъ для Юго-западнаго края, Воззваніе къ избирателямъ.

¹⁾ Воззваніе партіи.

Голосъ такъ называемыхъ правыхъ политическихъ партій по вопросамъ церковнымъ нашелъ свое выраженіе въ партійныхъ программахъ и въ постановленіяхъ трехъ всероссійскихъ съѣздовъ людей земли Русской. Въ этихъ постановленіяхъ не только нѣтъ неясностей, а тѣмъ болѣе враждебности по отношенію къ Церкви, но, напротивъ, слышенъ твердый и опредѣленный голосъ въ защиту Православной Церкви, какъ великаго единственнаго религіозно-воспитательнаго фактора русской жизни.

Въ этомъ сходятся всѣ правыя партіи. Основное и первое положеніе „Русскаго Собранія“ гласитъ: „Православная Церковь должна сохранить въ Россіи господствующее положеніе, какъ хранительница исповѣдуемой царемъ и народомъ вѣры, какъ основа народнаго воспитанія, нравственнаго самосознанія и творчества... Союзъ русскаго народа признаетъ вѣру православную, исповѣдуемую всѣмъ кореннымъ русскимъ населеніемъ, основою русской жизни, господствующею въ Россіи; ей должно быть предоставлено первенствующее и господствующее въ Россіи положеніе“. Союзъ русскихъ рабочихъ въ своей программѣ ставитъ для союза и для каждаго въ отдѣльности члена въ безусловную обязанность вездѣ и всегда хранить и защищать православную вѣру, Православную Церковь и ея интересы. Кіевская русская монархическая партія принимаетъ въ основаніе свой программы (пунктъ 2) возвеличеніе Русской Православной Церкви въ истиннохристіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи (первенство ея, какъ свободной и достойной духовной руководительницы русскаго народа).

По многимъ вопросамъ правыя партіи повторяютъ положеніе славянофиловъ. „Церкви Православной, по уставу „Русскаго Собранія“, должна принадлежать свобода самоуправленія и жизни, понимая въ томъ числѣ и свободное управленіе имуществами. Голосъ ея, по древнимъ канонамъ, долженъ быть выслушиваемъ властію во всѣхъ государственныхъ вопросахъ, дабы власть освящалась и опиралась на нравствен-

ный авторитетъ Церкви Православной. Устройство прихода, какъ правоспособной и дѣеспособной церковно-гражданской общины, должно быть положено въ основаніи всего дальнѣйшаго церковнаго и государственнаго строенія и служить связующимъ ихъ звеномъ“¹⁾. Правыя партіи далеки отъ того, чтобы идеализировать прошлое нашей церковной жизни и не желать въ ней никакихъ улучшеній и усовершенствованій; обличеніе нестроеній церковной жизни у нихъ звучитъ порою даже рѣзко. Казанскій отдѣлъ „Русскаго Собранія“ въ братскомъ обращеніи къ 3-му съѣзду русскихъ людей въ Кіевѣ пишетъ, что „православіе въ Петербургѣ (петербургскій періодъ нашей исторіи) утратило свою мощь и красоту... Къ такимъ послѣдствіямъ привело насъ такъ называемое господство, а на самомъ дѣлѣ униженіе православія, т. е. тотъ періодъ исторіи Русской Церкви, когда въ ея управленіи на самомъ то дѣлѣ господствовали синодальные прокуроры. Подъ искусственною охраною закона, православіе стало служить политикѣ и вмѣсто мощнаго голоса проповѣди и обличенія, оно говорило только то, что угодно было предрержащей власти и волѣ болѣе сильнаго министра. Единственная добродѣтель, которая цѣнилась въ нашихъ іерархахъ, — это неприкословное послушаніе, за которое послѣдніе и получали обильныя награды и пользовались вышнимъ почетомъ... Миссія, обслуживаемая чиновниками и наемниками, лишенная силы духа, сдѣлалась вовсе безсильна не только въ распространеніи православія, но и его охранѣ. Богословская творческая наука, за ничтожными исключеніями, совершенно перестала расти и быть оригинальною и питается лишь переводами съ иностранныхъ источниковъ“. Истинное преимущество православной Церкви предъ другими вѣроисповѣданіями, по мнѣнію Казанскаго отдѣла, должно состоять въ томъ, „что Церковь должна получить отъ государ-

¹⁾ Программа Русскаго Собранія.

ственной власти право обличенія тѣхъ или другихъ ея ошибокъ ¹⁾). Пожеланія о возстановленіи въ нашей церковной жизни соборной формы управленія, возстановленія прихода, какъ церковно-гражданской и юридической единицы, мы слышимъ и отъ Русскаго Собранія и отъ союза русскаго народа.

Правыя партіи удѣляютъ не мало вниманія и нашему вѣковому большому вопросу о старообрядчествѣ, о розни его съ Церковью господствующею-православною. „Русское Собраніе“ въ основныхъ своихъ положеніяхъ заявляетъ, что оно „любитъ только Православную Церковь, любовью своею обнимая и тѣхъ русскихъ людей, которые, разнствуя въ буквѣ и обрядѣ, не отступили однако отъ Христова слова; клятвы собора 1667 года положены лишь на „хулящихъ Церковь“. Уставъ „Союза русскаго народа“ также высказывается за соединеніе православія со старообрядчествомъ, но въ разныхъ редакціяхъ устава пунктъ этотъ излагается не одинаково. Такъ въ одной редакціи программы говорится: „Православной Церкви..., которая должна состоять изъ православныхъ, единовѣрцевъ и воссоединенныхъ съ ними на одинаковыхъ правахъ старообрядцевъ, должно быть представлено первенствующее и господствующее положеніе“. Другую редакцію того же самаго вопроса нельзя признать особенно удачною. Вотъ она: „Союзъ признаетъ вѣру Православную... господствующей въ Россіи, не дѣлая въ Православіи никакого различія между послѣдователями стараго и новаго обряда“.

Неудачной эту редакцію нужно признать потому, что понятіе „стараго обряда“ обнимаетъ въ себѣ массу старообрядческихъ толковъ, изъ которыхъ нѣкоторые крайне враждебно относятся не только въ Господствующей Церкви и

---

¹⁾ Подробный отчетъ о третьемъ всероссійскомъ съѣздѣ людей земли русской въ Кіевѣ. Москва. Изданіе газеты „Голосъ русскаго“.

правительству, но и другъ къ другу. Опреѣленіе православныхъ, какъ послѣдователей „новаго обряда“, также нельзя признать справедливымъ и точнымъ, такъ какъ Православная Церковь хранить тѣсную неразрывную связь съ апостольскимъ и вселенскимъ предаіемъ не только по догматамъ вѣры, но также и въ обрядовой сторонѣ своей жизни. Трехвѣковая почти разнь между православіемъ и старообрядчествомъ настолько раздѣлила насъ, что не дѣлать различія между старымъ и новымъ обрядомъ нельзя; это можетъ быть только пожеланіемъ, не имѣющимъ практическаго значенія. При объявленной свободѣ вѣроисповѣданія, старообрядцы однако еще не сдѣлали никакихъ шаговъ для воссоединенія съ православіемъ; напротивъ, они стремятся къ развитію самостоятельной и отдѣльной христіанской общины, стоящей внѣ общенія съ Православной Церковью. Пусть скорѣе осуществится пожеланіе всѣхъ русскихъ людей о томъ, чтобы русскій народъ былъ единымъ стадомъ Христовымъ; пусть скорѣе разрѣшится миромъ наше несогласіе со старообрядцами, но рѣшить этотъ больной вопросъ нашей церковной жизни можно голосомъ и разумомъ всей Церкви и ея органа—помѣстнымъ соборомъ, а не партіей. Справедливо заявляютъ объ этомъ положенія, защищаемыя православными монархическими русскими партіями: „Соборъ долженъ выяснить и разрѣшить церковныя нужды Русскаго народа и обезпечить въ будущемъ возстановленіе соборнаго начала и правильное теченіе религіозной жизни Русской Православной Церкви, столь тѣсно и живо связанной съ гражданской жизнью Русскаго народа. При такихъ условіяхъ, можно уповать, все искреннее, религіозное, честное и истинно-церковное и народное, что есть въ православныхъ христіанахъ стараго обряда, по прискорбнымъ недоразумѣніямъ отдѣлившимся отъ Церкви, возвратится и соединится нею на радость и на благо всего русскаго народа“¹⁾.

¹⁾ Ibid. 160.

Правыя партіі обращають вниманіе и на реформу православнаго богослуженія; не требуя радикальной ломки богослужебныхъ чиновъ и установленій, онѣ высказываютъ пожеланіе о постепенной замѣнѣ темныхъ, неудобопонятныхъ славянскихъ выраженій и оборотовъ рѣчи въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвословіяхъ вполнѣ ясными и понятными словами на славянскомъ языкѣ, объ изданіи богослужебныхъ книгъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ для народнаго употребленія, о сохраненіи и возстановленіи правильнаго общаго пѣнія¹⁾. Изъ того, что правыя монархическія партіи отстаиваютъ, какъ православные люди, вѣковую нашу святыню—Православную Вѣру, не слѣдуетъ однако того, какъ нѣкоторые думаютъ, будто эти партіи къ другимъ вѣроисповѣданіямъ относятся съ враждой или нетерпимостію, что—вообще говоря—и не въ характерѣ русскаго народа. Это подтверждаютъ программы указанныхъ партій. „Русское Собраніе“ ко всѣмъ исповѣданіямъ относится съ уваженіемъ; „Союзъ Русскаго народа“ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ относится съ полной вѣротерпимостію и не препятствуетъ людямъ иного вѣроисповѣданія молиться по своему“. То же, почти буквально, повторяютъ и другія монархическія организации.

Противъ правыхъ партій (объединяемыхъ лѣвой печатью подъ общимъ именемъ „черной сотни“) и высказываемыхъ ими взглядовъ на Церковь Православную приходится слышать и читать не мало упрековъ и возраженій. Такъ, нѣкоторые обвиняютъ эти партіи въ неискренности и говорятъ, что православіе ими выдвигается только по политическимъ соображеніямъ, съ цѣлью привлеченія къ себѣ простаго народа, въ общемъ преданнаго вѣрѣ.

Возраженія эти не заслуживали бы никакого вниманія, если бы въ подтвержденіе ихъ не приводились кое-какіе факты.

²⁾ Дѣянія первыхъ двухъ всероссійскихъ съѣздовъ русскихъ людей, стр. 9. Постановленія 2-го съѣзда.

Кто имѣлъ возможность наблюдать жизнь правыхъ партій, ихъ собранія, тотъ видѣлъ искреннее неподдѣльное религиозное воодушевленіе многихъ и многихъ членовъ. Громкій голосъ въ защиту Церкви—общій всѣмъ монархическимъ правымъ партіямъ (всѣхъ отдѣловъ до 509); нельзя же думать, что сотни тысячъ, милліоны людей, освящающихъ свои политическіе шаги и дѣятельность, обманываютъ Бога и людей. Въ упрекъ правымъ партіямъ и въ доказательство ихъ искренности ссылаются на нѣсколько печальныхъ случаевъ столкновеній представителей указанныхъ партій съ іерархическими лицами Православной Церкви; особенно много шума надѣлало открытое письмо доктора Дубровина къ петербургскому митрополиту Антонію. Не входя въ частное разсмотрѣніе такихъ печальныхъ случаевъ, слѣдуетъ твердо помнить лишь одно: представители правыхъ партій если иногда и нападаютъ (литературно, разумѣется), то на отдѣльныхъ лицъ, на ихъ дѣятельность, а это вовсе не то, что быть враждебнымъ къ Церкви и ея установленіямъ, колебать ея основанія.

Если на голову духовенства и его отдѣльныхъ представителей лѣвой печатью сыплется столько обвиненій, и мы ничѣмъ на нихъ не откликнулись, то почему же намъ не выслушать (пусть даже и несправедливаго) слова укоризны справа, отъ людей, которые ревнуютъ о славѣ Церкви, о чемъ открыто и заявляютъ?

Нѣкоторые называютъ правыя партіи реакціонными какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи на томъ основаніи, что онѣ будто бы желаютъ, чтобы въ церковной жизни все осталось по старому, защищаютъ мертвый застой. Упрекъ не справедливый, если вчитаться въ ихъ программы. Эти партіи жаждутъ реформъ и улучшеній въ церковной жизни и строѣ, но желаютъ разумнаго возрастанія, естественнаго развитія, а не коренной ломки, весьма опасной въ церковномъ дѣлѣ.

Свящ. В. Пестряковъ.

Митингъ въ селѣ Незнамовѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

— Стойте-ка, братцы, я вотъ немного съ барышней поговорю,—раздался вдругъ внушительный, но ласковый голосъ всѣмъ извѣстнаго, набожнаго, умнаго старика Андрея Никитича:—два слова я скажу. Слушай-ка, пожалуйста, милая барышня. Скажи—такъ это не ложно, по совѣсти, значить:—въ Бога-то ты вѣруешь али нѣтъ?

Этотъ вопросъ заставилъ толпу стихнуть, а барышню смутиться. Отъ сильнаго и замѣтнаго смущенія барышня невольно сдѣлала движеніе, чтобы сойти съ своего возвышенія. Но народъ стоялъ вокругъ такой плотной стѣной, что пока сдѣлать это было невозможно.

— Вѣрую, сказала барышня, сконфуженными глазами осматривая толпу.

Взоры всѣхъ были обращены къ вопрошавшему.

— Въ Иисуса Христа?—продолжалъ онъ.

— Да.

— И въ слово Его божественное вѣруешь, въ ученіе то есть?

— Вѣрую.

Барышня говорила тихо, но каждое слово ея исповѣди слышалось отчетливо. Такъ внимательно настроилась толпа.

— Вѣруешь?—переспрашивалъ Андрей Никитичъ:—какъ же ты на такое дѣло насъ зовешь? Вооружиться, говоришь, надо, бороться, забастовку устроить, возмущенье и прочее. Какъ же такъ?

— А что же?—робко проговорила барышня:—что тутъ такого?..

Въ толпѣ стало еще тише.

¹⁾ См. № 6-й за 1907 г.

— Что же?—продолжалъ старикъ:—можетъ быть эти твои слова дѣйствительно еще не особо страшны, да какъ понимаютъ-то ихъ? Народъ какъ понимаетъ? Вотъ въ чемъ дѣло... Говоришь, забастовка... Ну, хорошо... Устроимъ забастовку. „ Не хотимъ, молъ, работать. Давай такую-то цѣну“. Ладно... Скажемъ этакъ то... Ну а дальше-то что?.. Вѣрнѣе всего, думаю я, придутъ казаки. Придутъ—начнутъ свою расправу. Расправа же у нихъ извѣстная. Склоняй—не склоняй—все едино. Что намъ тогда дѣлать? Ты говоришь, отпоръ нужно дать. Что же? И отпоръ будутъ давать. Но вѣдь кто сильнѣе-то—мы съ пустыми руками или казаки съ ружьями да съ нагайками. Кто сильнѣе-то? А?

Барышня молчала.

— То-то. Съ казаками не справимся, а злость, что не удалось дѣло устроить, злость-то въ сердцѣ будетъ. Вотъ и пойдутъ тогда грабежи да поджоги. Противъ барина злость свою направимъ. Слышишь, тутъ прямо такъ и говорятъ: „вилы, говорятъ, возьмемъ, пѣтушка пустимъ“ и прочее такое. Видишь, какъ народъ-то тебя понимаетъ? А это ужъ и страшно. Это ужъ не по-христіански. Христось-отъ грабить-то да жечь не учить. Такъ что ли? Потому и спросилъ я про вѣру-то твою.

— Дѣдушка!—стала защищаться барышня:—я же не говорила, что нужно непременно жечь да грабить. Я говорю только, что нужно вспомнить о своихъ правахъ, заявить о нихъ.

— Да и я не говорю, что ты прямо сказала: „идите, да грабьте, да бейте“. Не говорю я этого, да народъ—отъ тебя такъ понимать хочетъ. Вотъ что. А почему такъ хочетъ народъ понимать тебя? Потому—намекаешь. Вишь: „тамъ, говоришь, терема, а у васъ въ родѣ какъ хлѣва; тамъ плуги, а у васъ деревянные сохи; тамъ поля, а у васъ грядки“ и прочее. Прямо видать,—розжечь хочешь народъ. Много ли ему нужно. Легковѣрный онъ, народъ-отъ. Темный. Съ толку сбить его не мудрено. На добрый путь наставить

его трудно, а на худой—это всякому, пожалуй, будетъ подъ силу. И вотъ хочу я отъ тебя доподлинно узнать: хочешь ты, что бы мы грабили и рѣзали, или же по-христіански чтобы жили, въ кротости и мирѣ. Узнать, видишь, хочется, какой ты есть человѣкъ. Къ Богу насъ вести хочешь, къ доброму, значить, дѣлу, или же отъ Бога совсѣмъ хочешь отвести?

Барышня молчала. Молчаніе царило и въ толпѣ.

— Ежели къ Богу и добру, то такъ и скажи, что буде, моль, старики, живется вамъ дюже плохо, добивайтесь, моль, себѣ житья лучшаго, но добивайтесь тихо, благородно, по-христіански. Не жгите, не грабьте, не рѣжьте. Дѣлайте все по совѣсти, по Божьему. Сказала бы такъ-то да умерла бы на эти слова. Вотъ тогда бы сумлѣнія у насъ не было, что съ Богомъ ты къ намъ пришла, а то какъ же такъ? Забастовка, говоришь. Требуйте, чтобы платы вамъ прибавили. Что жъ? Если плата дѣйствительно мала, то отчего же не попросить прибавки? Это дѣло не грѣшное. Ну, а если въ прибавкѣ намъ откажутъ? Что тогда? По-твоему-то что? Буянить? Грабить? Мстить? Такъ народъ-отъ чуялъ изъ твоихъ словъ. А по-моему не такъ тутъ надо дѣло вести. Попросилъ разъ—отказали?—Проси другой разъ, третій. Говори, почему просишь, толкуй, доказывай, разъясняй, умоляй, наконецъ. Ужели когда-нибудь не уважатъ просьбу? Чтожъ? Совѣсти въ людяхъ нѣтъ что ли? Не можетъ этого быть. Христосъ въ самой что ни на есть каменной, разбойничьей душѣ совѣсть находилъ и въ самыхъ тяжкихъ грѣшникахъ святую душу пробуждалъ. А чѣмъ? Силой нешто? Да добромъ только, однимъ только добромъ, кротостью, любовью Своей. А мы-то что же? Совсѣмъ ужъ развѣ не можемъ добромъ противъ зла идти? Ужели теперь добро такъ совсѣмъ безъ всякой силы осталось? Или въ людяхъ совѣсть совсѣмъ замерла, такъ что и не пробудить ее намъ добромъ своимъ? Нельзя вѣрить въ это. Нельзя. А ежели даже и такъ,—встряхнулъ головою старикъ:—ежели который человѣкъ и

совѣсьмъ совѣсть потеряль, такъ ужели потому и я долженъ стать безсовѣстнымъ? Ужели—меня обижаютъ, и я долженъ обижать? Да теперь пока у меня совѣсть есть, пока я никого не обижаю, я, по крайности, знаю, что меня обижаютъ не по справедливости, не по праву, могу защищаться отъ обидчиковъ, могу хотъ просить ихъ: „не обижайте, моль, меня, пртому я-то васъ не трогаю“. Ну а ужъ ежели самъ я стану обижать другихъ, признаю это дѣломъ законнымъ, тогда всякій будетъ обижать меня по праву, на законномъ основаніи. Ты, дескать, самъ грабишь, или тамъ убиваешь, такъ почему же, дескать, я не могу снять съ тебя послѣдній кафтанъ или голову тебѣ отрѣзать. Да. А ужъ до этого дѣло дойдетъ, тогда, почитай, прямо житья на свѣтѣ не будетъ. Брать на брата пойдетъ. Кто сильнѣе, тотъ и правъ будетъ. Одно слово — поднимется самая настоящая грызня, совѣсьмъ по звѣриному заживемъ. Теперь хотъ впереди можно ожидать лучшаго. Потому, если одинъ позволяетъ себѣ обижать ближняго, то другой считаетъ это грѣхомъ. А ужъ ежели всѣ мы признаемъ, что обижать другъ друга дѣло законное, тогда говори — свѣтопреставленіе, смерть. Чай, не этого желалъ ты намъ?

Лицо барышни выражало тяжелую муку.

Старикъ замѣтилъ это.

Можеть, обижаю тебя, сердешную?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Говорите,—упавшимъ голосомъ отвѣчала барышня:—говорите...

— То-то.

Народъ переводилъ глаза съ барышни на старика и обратно, какъ бы стараясь угадать, кто же изъ нихъ правъ. Мрачное лицо барышни говорило не въ ея пользу, и потому вниманіе народа все болѣе и болѣе сосредоточивалось на старикѣ.

— Потому-то и сказано въ Евангеліи, — продолжалъ онъ:—взявшій мечъ мечемъ и погибнетъ. Нѣтъ, барышня. Что грѣхъ, то грѣхъ. Такъ и говори. Не смущай насъ, не

вводи во искушеніе слабый народъ. Да и не грѣхъ только всѣ эти погромы да бунты, а и вредъ отъ нихъ какъ разъ выйти можетъ. Вотъ, говорятъ, въ Талинѣ подожгли барскую сушилку, анъ и все село сгорѣло.

— Какъ? Въ Талинѣ? — испуганно вскрикнула барышня:—не можетъ быть!

— Этакъ сказываютъ. Будто, вѣрно.

— Вѣрно!—выкрикнулъ изъ толпы пожарный караульщикъ:—а што?

По барышня уже сходила съ своей каедры.

— Нѣтъ, постой, барышня,— остановилъ ее старикъ:— еще хочу сказать немного.

Барышня опять поднялась на каедру, блѣдная, взволнованная, и всѣмъ было ясно, что побѣда на сторонѣ старика.

— Вотъ что,—заговорилъ старикъ:— очень ужъ жизнь-то нашу ты оконфузила. Хлѣва, говоришь, у васъ вмѣсто домовъ, деревянные бороны и все такое. Право, это уже зря. Чай не скоты мы въ самомъ дѣлѣ. Работаемъ все-таки. Сама же говоришь. Такъ неужели отъ нашихъ трудовъ ровно ничего не выходитъ? То вѣрно, конечно, что хуже бары мы живемъ. Хуже. Слово нѣтъ. И иной разъ совсѣмъ плохо намъ приходится—неурожай или что. Плохо, но все жъ таки не этакъ плохо, какъ по-твоему выходитъ. Жить все-таки можно. И ину пору хорошо даже жить можно, при благословеніи, значить, Божиѣмъ. Зачѣмъ Господа Бога гнѣвить... Деревянные бороны, говоришь. А спроси — у кого тутъ у насъ деревянные бороны? Да ни у кого нѣтъ! Слава Тебѣ, Господи! Ни на одномъ дворѣ не найдешь деревянной. Да и желѣзной кое-какой, плохой-то не найдешь. Ребята! Есть ли у кого деревянные бороны.

— Какія тамъ деревяшныя! Чай, и видомъ не видали.

— Зачѣмъ поклещъ на себя возводить! Нѣтъ у насъ такихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ...

Видишь!—обращался старикъ къ барышнѣ: — тоже и на счетъ сохъ. Есть сохи у насъ, да не деревянные же, а самыя что ни на есть сподручныя, совершенствованныя желѣзныя сохи. Есть и плуги. Не мало и плуговъ. Хаты? Смотри. И пятистѣнные есть, и каменные и желѣзомъ крытыя. Вотъ, все это на виду. Не чисто въ хатахъ? Спорить не буду. Вѣрно это. Да не отъ бѣдности одной эта нечистота, а и отъ лѣни нашей, отъ неряшливости. Такъ не привыкли и не привыкли еще къ опрятности. Темнота еще все невѣжество. Пользы опрятности не понимаемъ. Школъ бы вотъ намъ побольше. Это нужно бы намъ было. Очень нужно бы. Насчетъ земли ты еще говорила. Грядки, говоришь, у васъ. Ну грядки не грядки, а то правда, что не мѣшало бы намъ землицы и побольше. Это всякій скажетъ. И царь-то вотъ тоже говорить: „забочусь, говорить, о васъ, крестьянское населеніе“. А ужъ онъ, батюшка, принялъ на себя такую заботу, такъ ужель обойдетъ насъ какой ни на есть милостью! Знамо дѣло, что ужъ не обойдетъ. Только когда исполнится надежда наша? Скоро ли, нѣтъ ли? Ужъ вѣстимо, что чѣмъ скорѣе бы, тѣмъ лучше. Да вѣдь скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Телѣгу захочешь сдѣлать, да и то времени сколько нужно: лѣсу добыть, обдѣлать, то да се. А тутъ вѣдь такое дѣло—ублаготворить крестьянское населеніе. Тоже подумать нужно, поразсудить... Какъ говорится? Семь разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь. А намъ ужъ... что же? Подождать надо... Да... Подождать... Столько времени ждали, ужели теперь на разбой пойти? Столько времени въ Христовой вѣрѣ жили, ужели теперь противъ Христа идти? Да зачѣмъ же, выходить, мы и вѣровали раньше, зачѣмъ Евангелію учились? Зачѣмъ и церковь, храмъ Божій строили, потъ, кровь, гроши свои въ него вкладывали? Разобрать, выходить, ужъ и его нужно да ризы святыя раздѣлить. Жребій бросить, кому, значить достанется... На это ли пойдемъ, христіане православныя?—обратился старикъ къ толпѣ.

— Что ты, что ты, дѣдушка!—загудѣла толпа:—Господь съ тобой. Этакое дѣло! Да, чай, спаси и помилуй, Царица Небесная.

— Такъ вотъ и говорю я,—продолжалъ старикъ!—по совѣсти да по Божьему надо всякое дѣло дѣлать. Этому мы учены, на это сызмальства наставляемся...

Барышня совсѣмъ растерялась. Не знала, что дѣлать, что говорить.

Вдругъ въ толпѣ произошелъ переполохъ.

Раздались крики: „стражники!... Урядникъ!... На барскомъ дворѣ... Сейчасъ сюда... Сюда“...

Женщины суетливо начали собирать своихъ дѣтей и слѣшили бѣжать отъ опаснаго мѣста. Мужики тоже стали одинъ за другимъ расходиться, растерянно оглядываясь на барышню и не зная, что предпринять по отношенію къ ней.

— Егоръ Григорычъ!—окликнула барышня, но отвѣта не было.

— Ийдемъ въ мою избу!—предложилъ ей Андрей Пикитичъ:—Я вотъ тутъ рядомъ живу. Ко мнѣ никто не зайдетъ.

Барышня немного недовѣрчиво посмотрѣла на старика, но, видя его добрые, улыбающіеся глаза, пошла за нимъ.

— Дѣдушка!—говоритъ она дорогой:—Отсюда я хотѣла ѣхать въ Мертовщину. И лошадь одинъ человѣкъ обѣщался мнѣ прислать, да... нѣтъ... я ужъ не поѣду...

— Что такъ?—добродушно засмѣялся старикъ.

— Да такъ...—тоже съ простой, почти дѣтской улыбкой говорила барышня:—уже надоѣло... Да и то правда—много нужно умѣнья вести такое дѣло. А то какъ разъ вмѣсто добра худо сдѣлаешь.

— То-то. Молодость вѣдь. Понимаемъ мы это. Хочется хорошее сдѣлать. Да такъ хочется, что хоть на смерть. А спросить, зачѣмъ и смерть, если она безъ пользы да, почитай, по одному задору молодому? Ближнимъ только горе, да душѣ погибель. Родные есть что ли у тебя?

— Есть, есть. Къ нимъ и поѣхала бы теперь. Не знаютъ они, гдѣ я. Ищутъ, вѣроятно, съ ногъ сбились. Мнѣ бы только до станціи теперь доѣхать. Дѣдушка! Какъ бы мнѣ насчетъ подводъ тутъ дѣло устроить? Лошадь гдѣ бы достать? Не знаете ли вы?

— Да у меня одна лошадь дома. Такъ себѣ стоитъ, ушами только поводить. Если хошь, сейчасъ тебя парнишка на станцію отомчить.

— Вотъ это хорошо бы было, дѣдушка! Большое, большое спасибо сказала бы вамъ.

— Ну, что тамъ!—махнулъ рукой старикъ, входя въ избу:—Эй, Ванюха!—крикнулъ онъ подростку, старательно раскалывавшему у печи полѣно на лучину:—что это ты дѣлаешь? Лучину? Бросай, а ступай да запрягай скорѣе „Бураго“. Барышню, вотъ, до станціи довезешь. Живо! А какъ у тебя самоваръ-отъ? Не остылъ еще. Да ты садись, барышня. Вотъ тутъ, вотъ тутъ,—очищаль старикъ мѣсто на лавкѣ въ переднемъ углу:—прошу покорно.

— Подогрѣваль я его безъ тебя,—отвѣчалъ мальчикъ. Вишь, кипить, паромъ исходить.

— Кипить? Такъ давай его сюда. На столъ. Барышня чашечку выпьешь на дорогу. Я было давеча хотѣлъ выпить чайку-то,—обратился старикъ къ барышнѣ:—да со сходкой-то твоей не успѣлъ. А теперь, вотъ, и компанія образовалась. Садись-ка, пожалуйста.

Барышня сѣла за чай.

Между тѣмъ толпа продолжала расходиться, и когда на улицѣ проѣзжали стражники, то слѣдовъ митинга почти уже не было.

— Вотъ и стражники проѣхали,—проговорилъ старикъ, заглядывая въ окно. Теперь спокойно можешь ѣхать. Да ты пей еще. Ну, пожалуйста. Чашечку еще. На память. Пока еще Ванюха съ лошадью управится да стражники подальше уѣдутъ—пей себѣ на здоровье. Ну вотъ спасибо. Не брезгуешь нами...

— Готово!—выкрикнулъ Ванюха, входя въ избу.

Барышня допила чай, еще поблагодарила старика и уѣхала.

Долго старикъ стоялъ у воротъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Славный все-таки человѣкъ-оть, думаль онъ:—добра хочеть людямъ, добру хочеть служить. Да съ Богомъ вѣдь только дѣлать-то это, можно, съ Богомъ... А безъ Бога что же и за добро?

Николай Колосовъ.

Епархіальная жизнь.

Приходскіе совѣты. Прешятствія на пути къ ихъ открытію. Проекты и правила дѣятельности приходскихъ совѣтовъ. Вѣрны ли обвиненія духовенства въ лѣни и нерадѣніи? Курьезныя средства для „оживленія“ прихода.

Опредѣленіе Св. Синода отъ 18 ноября 1905 г. объ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ, повидимому, плохо прививается въ жизни. По признанію, напр., курскаго преосвященнаго, совѣты хотя и открываются въ Курской епархіи, но въ общемъ дѣло здѣсь идетъ довольно туго (Курск. епарх. вѣд. № 50, 1906 г.). То же установлено на казанскомъ и таврическомъ епархіальныхъ съѣздахъ, на которыхъ отчасти выяснены и причины этого. Изъ сообщеній большинства казанскихъ оо. благочинныхъ о дѣлѣ открытія церковныхъ совѣтовъ обнаружился тотъ фактъ, что попытки къ организаціи этихъ учрежденій и замѣна ими существующихъ попечительствъ породили сильныя опасенія разъединенія прихожанъ съ своими пастырями, и вотъ почему. Во многихъ приходахъ очень успѣшно дѣйствуютъ приходскія попечительства, состояція подъ предсѣдательствомъ уважаемыхъ прихожанъ, которые способствуютъ дѣятельности попечительства своими личными, подчасъ крупными пожертвованіями. Но вотъ открываетъ священникъ вмѣсто попечительства церковно-приходской совѣтъ, гдѣ, по правиламъ, онъ долженъ председа-

тельствовать; прежній приходскій благотворитель такимъ образомъ устраняется, а вмѣстѣ съ нимъ уходятъ и его пожертвованія. Въ результатѣ—симпатіи прихожанъ на сторонѣ бывшаго предсѣдателя попечительства, а на священника—одно нареканіе.

Другою причиною, препятствующею открытію церковно-приходскихъ совѣтовъ, по мнѣнію причтовъ, служитъ неправильное пониманіе самаго устава совѣтовъ и въ частности обязанностей членовъ его. Сбиваетъ съ толку приходскихъ дѣятелей большей частью то, что въ свѣтскихъ органахъ печати высказывается понятіе о дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ, идущее въ разрѣзъ съ синодальными постановленіями по этому предмету.

Признано также, что прихожане, преимущественно въ селахъ, опасаются устройства означенныхъ совѣтовъ по той причинѣ, что съ нихъ стануть спрашивать новыхъ и новыхъ денежныхъ обложеній.

Таврическій епарх. съѣздъ указалъ еще одну сторону дѣла. Въ опредѣленіи Св. Синода членамъ церковно-приходскаго совѣта предоставлено участіе въ завѣдываніи церковнымъ имуществомъ. Право и способъ этого участія въ опредѣленіи ясно не выражены, и это повело на практикѣ къ нежелательнымъ явленіямъ. Были случаи, когда по открытіи священникомъ церковно-приходскихъ собраній и совѣтовъ эти послѣдніе заявляли свое притязаніе на церковные доходы и не позволяли пользоваться ими на удовлетвореніе общепархіальныхъ нуждъ.

Въ виду такихъ затрудненій оба съѣзда—казанскій и таврическій—сдѣлали почти одинаковыя постановленія. Вводить организацію церковно-приходскихъ совѣтовъ съ осмотрительностію и постепенно. Тамъ, гдѣ существуютъ и успѣшно дѣйствуютъ попечительства, оставить таковыя въ полной силѣ, вводя въ ихъ дѣятельность постепенно тѣ функціи, которыя возложены на церковно-приходскіе совѣты (формулировка

казанскаго съѣзда). Для оживленія приходской жизни нужно пользоваться существующимъ положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ и уставомъ братствъ, обращая вниманіе преимущественно на просвѣтительную и благотворительную стороны. Собранія же и совѣты рекомендуется открывать съ мудрою осторожностію (формулировка таврическаго съѣзда). Таврическимъ преосвященнымъ прямо было высказано, что примѣненіе въ настоящее время опредѣленія о приходскихъ совѣтахъ должно быть только въ случаяхъ дѣйствительной нужды и при существованіи для этого вполне благопріятной почвы.

Не смотря, однако, на затрудненія и указанныя постановленія объ открытіи приходскихъ совѣтовъ, мысль о послѣднихъ занимаетъ духовенство. Въ печати нерѣдко публикуются разныя правила и проекты дѣятельности этихъ совѣтовъ, и нѣкоторые изъ нихъ (правиль и проектовъ) рекомендуются духовенству, какъ образцовые и вполне пригодные для возрожденія приходской жизни. Таковъ, напр., проектъ правилъ о приходскихъ собраніяхъ и приходскихъ совѣтахъ Московской епархіи, утвержденный подлежащимъ епархіальнымъ начальствомъ. Проектъ состоитъ изъ 6-ти отдѣленій и болѣе 40 §§ и касается рѣшительно всѣхъ сторонъ приходской жизни. Рѣдко, но все же встрѣчаются трогательныя, можетъ быть, преувеличенныя, извѣстія и объ открытіи приходскихъ совѣтовъ. Таково сообщеніе Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостей (№ 1). Хотѣлось бы вѣрить въ искренность обращенія къ покровительству Пресвятой Богородицы, о которомъ здѣсь говорится; хотѣлось бы, чтобы не самовосхваленіемъ звучало упоминаніе о рѣчи приходскаго священника, которая, по словамъ автора сообщенія, такъ прочувствованно была сказана, что одушевленіе проповѣдника „какъ электрическимъ токомъ передалось присутствующимъ, и всѣ отъ души молились, и чувствовалось, что Христосъ приближается къ намъ, и совершается что-то важное въ жизни прихода“. О если бы было такъ!

Мы видѣли, какія причины обусловливаютъ вялость насажденія церковно-приходскихъ совѣтовъ. Указываютъ еще одну. Въ статьѣ „Кто виноватъ“, помѣщенной въ Новгородскихъ епарх. вѣдомостяхъ (№ 2), виною всего выставляется „исконная, ничѣмъ непреоборимая лѣнь іереевъ въ дѣлѣ церковнаго и школьнаго учительства“. Слышишь мѣдъ звенящую и кимваль бряцающую, а не живое слово вѣры и любви. Извѣстно и законоучительство ихъ, состоящее только въ подписываніи класснаго журнала и въ полученіи жалованья.

Обвиненіе несправедливое, по крайней мѣрѣ, по отношеніи ко всему духовенству. Частные, можетъ быть, и нерѣдки случаи небрежнаго отношенія къ своимъ прямымъ обязанностямъ, конечно, встрѣчаются среди духовенства, но въ общемъ этого нельзя сказать. Смутное переходное время сильно возбудило энергію священниковъ и подвинуло ихъ къ лучшему устроению приходской жизни. Опредѣленіе, напр., Св. Синода объ организаціи настырскихъ собраній было сочувственно встрѣчено духовенствомъ и немедленно проведено въ жизнь. На собраніяхъ горячо обсуждаютъ всѣ стороны приходской жизни и ищутся способы для ея оживленія.

Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ не обошлось, впрочемъ, дѣло и безъ курьеза. На одномъ собраніи въ Кишиневской епархіи серьезно предлагалось священникамъ изучить топографію и приобрести „Ремингтонъ“ для оживленія приходской жизни... „Ремингтонъ могъ бы распространить настырскія увѣщанія въ сотняхъ экземпляровъ (?), могъ бы въ каждый домъ нести печатное слово священника. Желательно далѣе, чтобы каждая церковь хранила памятники литературно-проповѣднической дѣятельности мѣстныхъ пастырей, чтобы приходъ вѣчно пилъ ту „живую воду“, которая въ теченіе цѣлыхъ столѣтій могла бы струиться чрезъ листки въ разное время жившихъ пастырей, а это могъ бы сдѣлать только какой-нибудь пишущій аппаратъ, приобретенный на церковныя средства“... (Кишин. епар. вѣд. № 3).

ЗАМѢТКА.

Дѣятельность приходскихъ совѣтовъ.

Однимъ изъ благочинническихъ округовъ Новгородской епархіи слѣдующимъ образомъ была опредѣлена дѣятельность приходскихъ совѣтовъ: а) такъ какъ главнѣйшая цѣль открытія совѣтовъ есть единеніе пастыря съ пасомыми на почвѣ ученія святой нашей Прав. Церкви и такъ какъ единеніе можетъ быть достигнуто только довѣрчивымъ, теплымъ, отеческимъ отношеніемъ пастыря къ пасомымъ, а равно открытымъ, всестороннимъ, совмѣстнымъ обсужденіемъ всего того, что волнуетъ пастыря и его духовныхъ дѣтей, то признана необходимость обсуждения въ приходскихъ совѣтахъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ вопросовъ и событій, вызываемыхъ приходскою жизнію; б) передача въ вѣдѣніе приходскихъ совѣтовъ приходскихъ библіотекъ, находящихся въ вѣдѣніи приходскихъ попечительствъ, со включеніемъ въ составъ этихъ библіотекъ всѣхъ книгъ церковныхъ библіотекъ; в) наблюденіе за библіотеками и читальнями другихъ вѣдомствъ, въ особенности въ религіозномъ направленіи ихъ; г) организація публичныхъ чтеній въ приходѣ какъ религіозно-нравственныхъ, такъ и другого, напр., сельско-хозяйственнаго содержанія; д) устройство завѣдыванія и наблюденія въ приходѣ; е) образованіе при церквяхъ особаго благотворительнаго капитала и завѣдываніе имъ; ж) ходатайство предъ правительственными и судебными властями о лицахъ, понесшихъ незаслуженную кару и невинно осужденныхъ; з) участіе въ управленіи церковнымъ имуществомъ; і) право ходатайствовать предъ вѣдомствами, въ вѣдѣніи которыхъ будутъ находится низшія школы, о религіозномъ воспитаніи и обученіи дѣтей; и) заботы по обезпеченію причтовъ и ихъ сиротъ; к) избраніе кандидатовъ на освободившуюся вакансію священно-церковно-служительскихъ должностей при своемъ приходскомъ храмѣ и др. (Новг. еп. вѣ. № 49)

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 12-го февраля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года февраля 25-го дня.

Содержаніе: I. По поводу избранія въ Государственную Думу православныхъ епископовъ—Платона Чигиринскаго и Евлогія Холмскаго.— II. Можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ (окончаніе).—III. Наша епархіальная жизнь и нѣкоторыя черты религіозной жизни Америки.—IV. Замѣтки: а) Распоряженіе рязанскаго епархіальнаго начальства. Правила по охранѣ церквей отъ воровъ въ рязанской епархіи. б) Картина Нестерова „Святая Русь“.

По поводу избранія въ Государственную Думу православныхъ епископовъ — Платона Чигиринскаго и Евлогія Холмскаго.

Въ старину, когда только создавалась святая, единая Русь, въ государственномъ строительствѣ принимали активное участіе всѣ наличныя силы страны. Тогда наравнѣ съ боярами, служилыми, городскими, земскими людьми работали на политическомъ поприщѣ и митрополиты, епископы, архимандриты со всѣмъ духовнымъ чиномъ. Эти рядомъ сидѣли съ тѣми въ Боярской Думѣ и на земскихъ соборахъ.

Но позднѣе духовенство, по ходу нашей исторіи, было отстранено отъ активнаго участія въ государственномъ строительствѣ. Между служилыми людьми—съ одной стороны и духовенствомъ—съ другой утвердилось разграниченіе сферъ дѣятельности. Духовенство, какъ культурно - созидательная сила на политическомъ поприщѣ, было обезцѣнено; служба его забыта; духовенству предоставлены были только молитвы и нравственное воздѣйствіе на народъ. И такъ до послѣдняго времени.

Вотъ почему, когда въ Кіевѣ стали называть епископа Платона въ качествѣ кандидата на представительство въ Госуд. Думу, эта мысль въ нѣкоторыхъ кругахъ общества, утратившихъ пониманіе Русской исторіи, вызвала недоумѣніе. Какъ! Архіерей—церковникъ, по своему монашеству далекій отъ міра и—членъ Госуд. Думы, выразитель общественныхъ, городскихъ, земскихъ думъ и упованій!! Двѣ величины и двѣ сферы совершенно разнородныхъ! два служенія—не совмѣстимыхъ въ одномъ лицѣ! Такъ еще недавно казалась для многихъ не пріемлемою мысль о членѣ Госуд. Думы въ архіерейскомъ санѣ.

Однако-жъ идея непосредственнаго служенія духовенства на политическомъ поприщѣ, оказалось, не утрачена совершенно. Люди, воспитанные на завѣтахъ прошлаго, осмысливающие незыблемыя основы нашей исторіи, знаютъ, какъ въ критическіе моменты ея и скромные иноки выступали дѣятелями на политическомъ поприщѣ и являлись богатырями духа, мысли и дѣла. Русскіе люди знаютъ по опытамъ прошлаго, что въ то время, когда, казалось, все было повержено въ прахъ, погибала Россія, русскій народъ обращалъ взоры къ духовенству, какъ силѣ, способной поднять народную стихію, взывалъ къ своимъ архипастырямъ, искалъ достойныхъ среди нихъ, вызывалъ ихъ на гражданскіе подвиги, возлагалъ на нихъ свои упованія.

И вотъ вмѣстѣ съ благородными князьями, посадскими людьми, крестьянами—Пожарскими, Минниными, Сусанины-

ми, выступали мало кому извѣстные келари, архимандриты—Авраамій, Діонисій, епископы и патріархи—Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Ефремъ и друг., спасавшіеся до того времени въ тишинѣ своихъ келлій и монастырей,—выступали на гражданскіе подвиги и жизнь свою полагали за народъ свой.

Нѣчто подобное, хотя въ меньшей степени, случилось и въ настоящее время. Когда государство очутилось въ опасности и русскій народъ, вѣрный Царю и Церкви, сталъ собирать и организовать свои силы, онъ сталъ взывать и къ своимъ архипастырямъ въ личныхъ и письменныхъ обращеніяхъ къ нимъ, на съѣздахъ и собраніяхъ. Думается, что Кіевскій всероссійскій съѣздъ русскихъ патріотическихъ людей не для полноты только обстановки поднялъ кіевскихъ святителей, но изъ сознанія лежащаго на нихъ гражданского долга, въ ожиданіи отъ всего духовенства гражданскихъ подвиговъ. А когда „правое“ населеніе въ Кіевѣ очутилось по результату выборовъ при сомнительной побѣдѣ, въ критическомъ положеніи, равнымъ образомъ когда православное населеніе Холмской Руси оказалось въ угнетеніи отъ исконныхъ враговъ, тогда совершенно пробудилась и проявилась у русскихъ людей память объ исторической службѣ духовенства государству и народу въ опасные смутные моменты; и окрѣпла мысль, что и въ нынѣшнее смутное время пужно искать такихъ избранниковъ, у которыхъ было бы на лицо наибольше духовно-правственныхъ и историческихъ связей не съ партіей только, а и со всѣмъ русскимъ народомъ. Хорошо и удобно работать и заурядному лицу, когда все въ государствѣ идетъ спокойно. Но кто въ моменты опасности для всего государства счелъ бы себя столь сильнымъ, чтобы съ дерзновеніемъ взялъ на себя упованія всего патріотическаго народа и мужественно сталъ бы предстательствовать за него въ Государственной Думѣ, въ сознаніи великаго къ себѣ довѣрія отъ народа и великой своей отвѣтственности передъ нимъ?!

Мысль выборщиковъ въ Кіевѣ и Холмской Руси безъ колебанія остановилась на видныхъ православныхъ архипастыряхъ и такой выборъ въ высшей степени удовлетворилъ желанію населенія. Такъ въ историческомъ освѣщеніи оправдывается избраніе православныхъ архипастырей въ члены Государственной Думы.

Пресвященный Евлогій и пресвященный Платонъ—избранники тревожнаго политическаго момента, избранники не политическихъ только организацій, но всего православнаго патріотическаго населенія. На нихъ возложены упованія именно народа. Имъ не придется совершать подвиговъ Іова, Гермогена, Филарета: дѣло еще не дошло до того. Но пусть имена этихъ святителей-героевъ и патріотовъ вдохновляютъ нашихъ избранниковъ на предстоящемъ имъ политическомъ поприщѣ. По опасности для государства теперешняго времени русскіе люди, вѣрные Царю, родинѣ и вѣрѣ, будутъ ожидать отъ нихъ слова и дѣла, исполненнаго гражданскаго мужества и святительскаго дерзновенія за благо народа, и всякій ихъ шагъ въ этомъ направленіи будетъ оцѣненъ, какъ подвижъ. Если имя рядового священника въ первой Думѣ только за четыре слова, сказанныхъ не безъ ироніи, но мужественно, пронеслось съ честію по Россіи, то тѣмъ болѣе имена архипастырей русской народъ пронесетъ не только съ честію, но и съ благоговѣніемъ.

Выборщикъ свящ. Д. Стусаревъ

Может ли христіанинъ быть социаль-демократомъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ христіанской религіи нравственное ученіе тѣсно и неразрывно соединено съ христіанскими догматами (Колос. 3, 1—3). Всѣмъ христіанамъ путеводной жизненной звѣздой должны служить совершенства Отца небеснаго (Мате. 5, 48). Гдѣ является Христось, тамъ восходитъ сѣмя небесной жизни, тамъ Его твореніе—святые люди. Этою жизнію живутъ праведники, „друзья Божіи“, которые являются во всѣ вѣка, которыхъ рождаетъ Церковь, „эта плодовая мать святыхъ“. Ихъ тайная борьба и славная побѣда извѣстны только Богу. Нравственныя истины, возвѣщенные людямъ въ Слово Божіе, остаются неизмѣнными въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій. Для провѣрки своего поведенія христіанинъ имѣетъ Законъ Божій, съ указаніями котораго онъ и долженъ сформировать свои дѣйствія, и совѣсть,—этотъ внутренній голосъ Божій въ человѣкѣ, обличающій человѣка за его безнравственные поступки.

Такое ученіе о нравственности социаль-демократы считаютъ устарѣвшимъ. Они пытаются создать новое ученіе о нравственности, стоящее внѣ христіанства. Нравственнымъ является тотъ, говоритъ авторъ „Новаго ученія о нравственности“ ²⁾, кто приспособляется къ соотношеніямъ социальныхъ силъ, безнравственнымъ—тотъ, кто имъ сопротивляется. Такъ какъ соотношенія социальныхъ силъ мѣняются съ теченіемъ времени, то очень часто тѣ лица и поступки, которые сегодня служатъ предметомъ восхваленія, завтра вызываютъ отвращеніе и клеймятся позоромъ ³⁾. Никакого нравственнаго

¹⁾ См. № 7-й за 1907 г.

²⁾ Антонъ Менгеръ, перев. съ нѣмецк. проф. Рейснера. Сиб. 1906.

³⁾ „Новое ученіе о нравственности“, стр. 3.

идеала, о которомъ проповѣдуетъ христіанская религія, нѣтъ. Поэтому, говоря строго, не слѣдуетъ человѣку обращать серьезнаго вниманія на замѣчаемыя имъ среди людей уклоненія отъ нравственнаго закона. „На добродѣтели и пороки людей, говоритъ А. Менгеръ, мы будемъ смотрѣть, какъ на необходимыя проявленія природы, безъ удивленія, но и безъ нравственнаго негодованія. Обращаясь же къ тѣмъ людямъ, которые въ духѣ существующей нравственности расточаютъ по ихъ (добродѣтелей и пороковъ) адресу эти чувства, мы будемъ въ состояніи съ полнымъ правомъ воскликнуть: лицемеры или глупцы“! ¹⁾). Напрасно, по мнѣнію социаль-демократовъ, христіане ссылаются на совѣсть, какъ на неподкупнаго судью человѣческихъ дѣлъ. Совѣсть—это не голосъ Бога, ее нельзя сравнивать по прочности и неизмѣнности съ небесными звѣздами; она есть исторически обусловленное явленіе, принимающее въ пространствѣ и времени самыя разнообразныя формы ²⁾). Разъ добродѣтель заключается въ приспособленіи къ соотношеніямъ социальныхъ силъ, а грѣхъ и преступленіе—въ противодѣйствіи имъ, то совѣсть можетъ быть опредѣлена только какъ страхъ предъ дурными послѣдствіями подобнаго противодѣйствія ³⁾).

Христіанское ученіе о Богѣ, какъ идеалъ нравственнаго совершенства, къ подражанію Которому призываются всѣ вѣрующіе, социаль-демократами совершенно отвергается, такъ какъ начало нравственности они полагаютъ не въ Богѣ и вѣчности, а въ человѣкѣ и во времени. Нравственность, утверждаютъ они, ссыласть на профес. Германа, заражена въ самомъ корнѣ, какъ только въ основу нравственнаго убѣжденія положена мысль, которая, безъ сомнѣнія, свята для каждаго благочестиваго человѣка, а именно, что требованіе нравственности есть заповѣдь Божья ⁴⁾). Не отрицая возвы-

¹⁾ Ibid. стр. 77.

²⁾ Ibid. стр. 19.

³⁾ Ibid., стр. 16.

⁴⁾ Ф. Штампферъ, цитов. соч., стр. 44.

шеннаго характера христіанскаго нравоученія, представители соціаль-демократіи приписываютъ происхожденіе его не Божественному Учителю, а идеалистической философіи древнихъ грековъ. Вопреки несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ и истинѣ, они утверждаютъ, что это противорѣчіе не улучшило жизнь человѣчества. „Идеаль вознесся въ заоблачную высь и оставилъ печальную землю такой же, какой она была раньше“. Усвоивъ матеріалистическій взглядъ на нравственность, въ силу котораго нравственность не есть вѣчно неизмѣнное и вѣчное, а находится въ постоянномъ движеніи, почему каждая эпоха имѣетъ и свою опредѣленную нравственность, соціаль-демократы и въ новозавѣтной морали видятъ всецѣло отраженіе современной ей эпохи и не признаютъ за Евангеліемъ характера всеобщности и всемірности. Разсматривая христіанскія заповѣди о милосердіи (алчущаго напитать, жаждущаго напоить и т. д.) и не уясняя истиннаго смысла ихъ, они кощунственно замѣчаютъ, что „все это имѣло опредѣленный смыслъ для среднихъ вѣковъ, когда не было ни общественныхъ водопроводовъ и колодець, ни достаточнаго количества гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, ни благоустроенныхъ кладбищъ“ ¹⁾. Для нашего же „просвѣщеннаго“ времени онѣ мало примѣнимы...

Человѣкъ, по христіанскому ученію, имѣетъ богоподобную и бессмертную душу, созданную для вѣчности. По окончаніи земнаго бытія, для христіанина начинается другая, загробная жизнь, радостная или печальная въ зависимости отъ тѣхъ дѣлъ, какія совершилъ онъ во время своего земнаго существованія. Вѣра въ загробную жизнь дѣлала мужественными христіанскихъ мучениковъ въ перенесеніи ими жестокихъ мученій; она воодушевляла сонмы подвижниковъ въ ихъ великихъ подвигахъ; она же поддерживаетъ и даетъ силы вѣрующимъ безъ ропота переносить жизненные невзгоды, неизбѣжныя для человѣка въ юдоли земной. Для соціаль-де-

¹⁾ Ibid., стр. 54.

мократовъ не существуетъ ни загробной жизни, ни воздаянія за дѣла. „Небо, заявилъ Бебель въ германскомъ рейхстагѣ, мы уступаемъ ангеламъ и воровьямъ“. Мысль, что Богъ вознаграждаетъ за добро и наказываетъ за зло, взята, по воззрѣніямъ ихъ, изъ круга человѣческихъ понятій, относящихся притомъ къ тому времени, когда нравственность стояла на низкомъ уровнѣ развитія. Адъ, говоритъ Лафаргъ, могъ быть изобрѣтенъ только такими людьми, въ душѣ которыхъ клокотала ненависть и жажда мести. Богъ первыхъ христіанъ (столь ненавистный социаль-демократамъ,—прибавимъ отъ себя) является поэтому безжалостнымъ палачомъ (?), находившимъ особенное наслажденіе въ созерцаніи тѣхъ безконечныхъ мученій, которымъ подвергнутся невѣрующіе, эти враги Его (2 Тим. 1, 6—9) ¹⁾. Наше современное нравственное чувство, заявляютъ громко социаль-демократы, не находитъ ничего достойнаго называться нравственностью въ морали послушанія, ждущей себѣ награды, или опасющейся наказанія. ²⁾ Поэтому они стремятся вытѣснить изъ жизни вѣру и надежду на будущую жизнь, думая замѣнить ихъ независимыми отъ вѣры въ догматы матеріальными факторами, могущими будто бы создать болѣе высокую нравственность, чѣмъ христіанская (?). Къ христіанскому ученію о загробной жизни они относятся съ нескрываемою насмѣшкою. Загробная жизнь, по ихъ воззрѣнію, пріобрѣтаетъ характеръ несомнѣнности только для буржуазіи; только на небѣ, кощунствуютъ они, ея „добрый, справедливый и украшенный всѣми буржуазными (!) добродѣтелями Богъ, только тамъ можетъ вознаградить буржуа за всѣ его дѣянія и послать ему утѣшеніе и успокоеніе за всѣ перенесенныя имъ страданія. Тамъ передъ небеснымъ коммерческимъ трибуналомъ будутъ очищены всѣ счета, оставшіеся несведенными на землѣ“ ³⁾.

¹⁾ Лафаргъ, цитов. соч., стр. 21—22.

²⁾ I. Дигера. Религія социаль-демократіи, стр. 35.

³⁾ Лафаргъ, стр. 20.

Можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ?—спросимъ мы опять, ознакомившись со взглядомъ на нравственность вождей социаль-демократіи и отношеніемъ ихъ къ христіанской нравственности. *Можетъ*,—если только онъ отречется отъ *Иисуса Христа*, отъ св. евангелія, если онъ порветъ общеніе съ св. Церковію, хранительницею завѣтовъ Христа, и если „единое на потребу“ онъ ограничить одною экономикою. *Нѣтъ*,—если ему *дорогъ Искушитель міра*, Который непрестанно пребываетъ, живетъ и умираетъ на алтарѣ церкви, какъ нѣкогда на крестѣ. Повидимому, и социаль-демократы, не признающіе Божественное откровеніе и Иисуса Христа Богомъ, должны, если бы желали быть искренними, на поставленный вопросъ дать такой же отвѣтъ. Однако въ тактическихъ цѣляхъ, боясь отшатнуть отъ себя вѣрующихъ, они отдѣляются двухсмысленными выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: „самое поверхностное изученіе Библии убѣждаетъ насъ, что социаль-демократы говорятъ лишь то, что богъ обѣщаль въ самомъ началѣ“...; „придетъ время, когда не будутъ больше стоять на колѣняхъ предъ изображеніемъ Христа, но его трогательно-возвышенный *сказочный* (!?) образъ будетъ вѣчно жить и тѣмъ лучезарнѣе сіять, чѣмъ лучше онъ будетъ очищенъ отъ варварской нечисти (!) его лицемерныхъ почитателей. Какъ человекъ, которому не были чужды человѣческія ошибки, онъ все-таки будетъ „болѣе святъ“, чѣмъ, какъ непогрѣшимый богъ“¹⁾. Соглашаемся, что при такомъ пониманіи христіанства не только всякій христіанинъ можетъ быть социаль-демократомъ, но и всякій социаль-демократъ—христіаниномъ... „Внемлите“, заповѣдалъ Господь, отъ живыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы. Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ“ (Матѳ. 7, 15—16). Плоды ученія и дѣятельности социаль-демократовъ налицо; отъ горечи ихъ стонетъ и плачетъ Русская земля. Поэтому цвѣты краснорѣчія

¹⁾ Штампферъ, стр. 61.

и льстивыхъ словъ ихъ не могутъ ввести въ заблужденіе убѣжденнаго и вѣрующаго христіанина.

„Я утверждаю“, говоритъ Л. Brentano („Христіанское—соціальное движеніе въ Англіи“. 2 изд. въ Лейпцигѣ), „что миссія, для выполненія которой Богъ послалъ христіанскаго священника къ христіанскому народу, заключается въ томъ, чтобы проповѣдывать и распространять: *свободу, равенство и братство* въ самомъ полномъ, глубокомъ, широкомъ и простомъ значеніи этихъ трехъ великихъ словъ. Поскольку священникъ не дѣлаетъ этого, онъ не священникъ, а измѣнникъ противъ Бога и людей“¹⁾. Вожди социаль-демократовъ, привыкшіе произведенія человѣческой мысли ставить выше евангельскаго ученія, прикрываясь такими авторитетами, какъ Brentano, чрезвычайно гордятся тѣмъ, что они первые выдвинули въ практической жизни со всею силою идеи *братства* и *равенства*—самый могучій демократическій принципъ. Но если бы они отнеслись безъ предубѣжденія къ св. евангелію, то ясно увидѣли бы, что равенство имѣетъ глубокіе корни въ евангеліи. И если бы всѣ евангельскія зерна, справедливо замѣчаетъ проф. Леруа Болье, могли расти въ совершенно христіанской атмосферѣ, то уже давно равенство и демократія возникли бы изъ евангелія и христіанства, въ формахъ, далеко не похожихъ на современные²⁾. То же самое нужно замѣтить и относительно идеи братства, которая провозглашена Церковію, какъ христіанскій идеаль. Евангеліе учитъ, что господа должны быть рабами тѣхъ, кого они учатъ и къ которымъ они управляютъ. Оно открываетъ одинаковый доступъ къ общественнымъ должностямъ. Церковь всегда держалась этого принципа, и демократія, прилагая его къ гражданскому обществу, только „подражала обществу религиозному“³⁾. Но это подражаніе вышло неудачнымъ и для блага человѣчества едва ли полезнымъ. При осуществленіи въ жизни

¹⁾ Ibid, стр. 60.

²⁾ „Христіанство и демократія“. „Христіанство и социализмъ“. Перев. съ французск. С Тронцакаго. Спб. 1906, стр. 18.

³⁾ Ibid, стр. 19.

идей братства и равенства не видимъ ли мы, какъ беззастѣнчиво попираются права нашихъ ближнихъ? Не видимъ ли мы въ переживаемое нами тяжелое время, какъ въ стремленіи сдѣлать людей счастливыми и равными безъ всякаго разбора избиваются ни въ чемъ неповинные люди? „Братья“, прекрасно говоритъ Достоевскій, „идутъ откалывать головы братьямъ, чтобы получить гражданское учрежденіе братства“. И неудивительно, что „братья“ убиваютъ „братьевъ“, такъ какъ безъ религіи и совѣсти, а съ однимъ лишь „желудкомъ“ человекъ—братъ превращается въ звѣря---хищника, для котораго важно одно только удовлетвореніе животнаго аппетита. Христіанское ученіе, наоборотъ, идеѣ братства и равенства сообщаетъ религіозное освященіе: всѣ равны и братья, потому что всѣ имѣютъ одного небеснаго Отца, всѣ сдѣлались новымъ твореніемъ во Христѣ, примиренные съ Богомъ и некушленные отъ грѣховъ крестною смертію Спасителя. Задача Церкви Христовой на землѣ—постепенное перерожденіе людей, воспитаніе въ нихъ любви къ Богу и ближнимъ. И если бы зову Церкви были послушны всѣ ея чада, то безъ насилія и кровавыхъ жертвъ всѣ сдѣлались бы братьями. А „были бы братья, будетъ и братство; если же нѣтъ братьевъ, то никакимъ учрежденіемъ не получите и братства“. (Достоевскій).

Наконецъ, можно указать еще одинъ основной пунктъ, въ которомъ христіанская религія рѣзко расходится съ воззрѣніями социаль-демократовъ. По христіанскому ученію грѣхъ есть всеобщій удѣлъ человечества ¹⁾. Мрачная власть грѣха, подобно ночной тѣни, видимо проходитъ чрезъ всю исторію міра; нѣтъ ни одной пяди земли, которой бы грѣхъ не запечатлѣлъ своею печатью; нѣтъ ни одной страны, которая не была бы подчинена его владычеству. Грѣхъ и его спутники-бѣдствія, голодь, болѣзнь, нужда и смерть обозначаютъ путь всѣхъ народовъ, прошедшихъ по землѣ. Для искупленія

¹⁾ Быт. I, 21; 1 Юан. I, 7—8; 2 Петра II, 3, 18. Римл. 6, 12, 17 и др.

человѣчества отъ грѣха и заглаженія его вины предъ своимъ Творцомъ понадобилась величайшая жертва на Голгоѣѣ—смерть единороднаго Сына Божія.

Вѣра въ прирожденную неиспорченность человѣка и его природы есть одинъ изъ членовъ „Символа вѣры“ социалистовъ. Она вдохновляетъ, по словамъ Л. Болье, большинство демократовъ и демократическихъ обществъ; она приводитъ ихъ къ тѣмъ взглядамъ, которые вы встрѣтите почти у всѣхъ вожаковъ, руководящихъ толпой, у слѣпцовъ правящихъ слѣпцами, что человѣкъ не нуждается въ какой-нибудь уздѣ, особенно въ уздѣ религіозной, что нравственное зло совсѣмъ не зависитъ отъ человѣка и отъ природы человѣка, а только отъ общества и отъ его организаціи. Зло имѣетъ социальную природу. Слѣдовательно, чтобы подавить его, нужно только преобразовать общество, только измѣнить условія и тѣмъ самымъ подорвать его опоры ¹⁾ Это основное заблужденіе современной демократіи, и оно кореннымъ образомъ противорѣчитъ духу христіанства, духу религіи, противно и духу истинной философіи и даннымъ науки. Изъ этого заблужденія вытекають преувеличенныя надежды и горделивыя мечты социаль-демократовъ осчастливить человѣчество введеніемъ особаго социалическаго строя жизни, изгнавъ изъ него вѣру въ Бога и ненавистную имъ собственность. Но эти надежды и мечты чужды вѣрующему, который никогда не можетъ примириться съ тѣмъ, что „вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно, вѣрить въ царство небесное глупо, а вѣрить въ земныя утопіи умно“ ²⁾. Истинный христіанинъ не пойдетъ въ ряды социаль-демократовъ, не станетъ искать въ ихъ доктринѣ средства осчастливить страждущее человѣчество и измѣнить жизнь его къ лучшему. Онъ останется до конца своей жизни вѣрнымъ Тому, Кто вчера, сегодня и во вѣки Тотъ же (Евр. 13, 8), Кто подастъ нравственное успокоеніе и облегченіе страждущимъ и утружденнымъ горестями временной жизни (Матт. 11, 28).

М. Григоревскій.

¹⁾ Цит. соч. стр. 24

²⁾ Слова Герцена („Съ того берега“).

Наша епархіальная жизнь и нѣкоторыя черты религіозной жизни Америки.

Копринскій православно-церковный кружокъ и его задачи. Неодготовленность нашего духовенства къ новымъ порядкамъ церковно-общественной жизни и причина неподготовленности. Все ли осуществимо въ предначертаніяхъ кружка? „Боевыя воззванія крайнихъ партій“ и проповѣдь церковная (двѣ картины съ натуры). Книжные магазины съ изданіями противу-революціоннаго и религіозно-нравственнаго направленія. Какъ широко распространено Св. Писаніе въ Америкѣ. Религіозно-нравственная жизнь въ Америкѣ.

Пастырскія собранія, веденныя сначала неумѣло, получаютъ постепенно опредѣленность и по мѣстамъ становятся на твердую почву. Въ Ярославской епархіи эти собранія преобразованы даже въ пастырскій кружокъ съ утвержденнымъ уставомъ. Таковъ „Копринскій православно-церковный кружокъ ревнителей обновленія пастырства и паствы на неизблемыхъ началахъ евангелія и завѣтовъ Вселенской Церкви“, организованный группою священниковъ сель Рыбинскаго, Мологскаго и Мышкинскаго уѣздовъ Ярославской епархіи, расположенныхъ вблизи села Коприна. Главную своею задачею кружокъ ставитъ объединеніе пастырскій и ихъ дѣятельности на истинныхъ основахъ пастырства, примѣнительно къ задачамъ послѣдняго выдвигаемымъ временемъ, каковыми задачами являются: 1) оживленіе и поднятіе церковно-приходской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и 2) обновленіе нѣкоторыхъ сторонъ церковно-приходской жизни согласно запросамъ времени. На предварительныхъ собраніяхъ кружка были высказаны слѣдующіе мотивы для его учрежденія. Предстоящій церковный соборъ, какъ бы онъ ни былъ желателенъ и какія бы реформы ни выработалъ, все-таки не можетъ сдѣлать чуда и не преобразитъ моментально церковно-общественную жизнь безъ дѣятельнаго участія пастырства и паствы. Пусть высшая церковная власть вырабатываетъ мѣры и способы церковнаго обновленія; пастырямъ же надлежитъ на мѣстахъ приготовить благопріятную почву для проведенія

выработанныхъ реформъ въ жизнь. Пастырямъ предстоитъ новая очень отвѣтственная дѣятельность—оживить угасшую приходскую жизнь, превратить свои приходы изъ мертвыхъ единицъ въ маленькія живыя церкви. Это очень высокая и очень трудная миссія, и къ ней необходимо серьезно подготовиться самимъ пастырямъ, которые въ настоящее время не готовы еще къ новымъ порядкамъ церковно-общественной жизни. Одною изъ причинъ такой неподготовленности является то страшное разъединеніе, которое господствуетъ въ средѣ духовенства. Это разъединеніе ставитъ русскаго пастыря въ такія тяжелыя условія, какія едва ли найдутся въ какомъ-нибудь другомъ сословіи. Съ уничтоженія этого разъединенія и должны начать пастыри, желающіе послужить дѣлу обновленія приходской жизни.

Очень подробный уставъ Копринскаго кружка, официально утвержденный, можетъ быть смѣло рекомендованъ, какъ образецъ для уставовъ другихъ кружковъ, если таковыя гдѣ-либо возникнутъ. Онъ обнимаетъ все, съ чѣмъ соприкасается жизнь и дѣятельность пастыря: затрогиваетъ даже вопросъ о выработкѣ лучшихъ способовъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Впрочемъ, нѣкоторыя предположенія кружка едва ли осуществимы. Напр., онъ задается намѣреніемъ вводить повсюду однообразное богослуженіе и исправлять непонятныя выраженія въ молитвахъ. Дѣло хорошее, но для отдѣльныхъ лицъ весьма рискованное. Ереси и расколы съ этого и начинались. Остальные §§ устава заслуживаютъ полнаго вниманія, особенно относящіяся къ духовному просвѣщенію въ приходѣ. Много дѣльныхъ мыслей высказано и въ объяснительной запискѣ къ уставу. Здѣсь преимущественно предлагается духовенству серьезно отнестись къ приходской школѣ, къ миссіонерству въ широкомъ смыслѣ и къ проповѣди. (Ярославская епарх. вѣд. 1906 г. № 41—52 и 1907 № 1—3).

Въ настоящее смутное время не одинъ Копринскій кружокъ прилагаетъ заботы о проповѣднической дѣятельности

духовенства. Не безынтересную статью по этому вопросу находимъ въ Черниговскихъ епарх. вѣдомостяхъ (№ 2. „Современная смута и церковная проповѣдь). Въ статьѣ указываются причины неуспѣшности духовной проповѣди. Нельзя сказать, разсуждаетъ авторъ, что духовенство не исполнило своего долга, особенно въ послѣдніе два года, когда такъ называемое освободительное движеніе приняло очень рѣзкія формы; параллельно „боевымъ воззваніемъ крайнихъ партій“ раздавалось и слово духовенства, призывающее къ порядку и мирному труду. Но отчего же пастырское слово не имѣть успѣха, не имѣть даже теперь, когда общество такъ измучено всѣми пережитыми ужасами и само желаетъ порядка, обезпечивающаго ему мирный и спокойный трудъ? Причины—неискусство въ словѣ и отсутствіе единенія въ пастыряхъ Церкви. Вотъ—двѣ картины съ натуры. Первая. Улица большого города. Идутъ толпы рабочихъ, учащихся... Въ воздухѣ развѣвается красное знамя. Несутся зажигательные мотивы марсельезы, похороннаго марша и прочихъ нѣсенъ свободы. Настроеніе приподнятое. Наконецъ процессія выходитъ за городъ или на какую-нибудь большую площадь. На возвышенномъ мѣстѣ появляется ораторъ изъ мѣстныхъ „борцовъ за свободу“, или пріѣзжій, спеціально выписанный для этой цѣли. Видная фигура, громкій голосъ, отчетливая дикція, элегантные жесты. О чемъ говорить? Объ „угнетеніи народа“, о „великомъ будущемъ пролетаріата“,—словомъ, о всемъ, что можно прочесть въ любой радикальной газетѣ... но какъ говорить! Съ чувствомъ, увлеченіемъ, съ экспрессіей. Рѣчь живая, образная, одушевленная. Со многимъ въ его словахъ можно не согласиться, на многое возразить, но каждое слово его какъ-то бьетъ по нервамъ и сердцамъ слушателей. Такая рѣчь окончательно покоряетъ толпу, сообщаетъ душевному настроенію опредѣленное направленіе, нерѣдко такое, что толпа хоть сію минуту готова идти на баррикады.

Другая картина, довольно, впрочемъ, знакомая. Обширная благолѣпная церковь. Поетъ стройный, хорошо организованный хоръ. Служба идетъ чинно и торжественно, даже малорелигіозный человѣкъ, и тотъ, кажется, въ такой обстановкѣ можетъ успокоиться отъ житейскихъ тревоженій. Какая благодарная почва для сильнаго, одушевленнаго, живого слова проповѣдника! И что же? Въ концѣ литургіи выходитъ батюшка и начинаетъ... читать,—въ одной Церкви читаетъ по книжкѣ готовое поученіе, въ другой—по тетрадкѣ собственное. И въ томъ и другомъ случаѣ получается *чтеніе* проповѣди, а не проповѣдь, не живое слово. Углубленный въ чтеніе, батюшка на слушателей совсѣмъ не смотритъ, а если къ тому же съ слабымъ зрѣніемъ, такъ и вовсе наклонится надъ книгою и читаетъ... противъ современной смуты... читаетъ долго, не принимая въ расчетъ душевнаго настроенія слушателей. Въ третьей церкви проповѣдникъ говоритъ наизусть, но говоритъ не складно, запинаясь; при томъ у него такой слабый голосъ. Можно себѣ представить, какое нетерпѣніе, смущеніе и даже внутреннее раздраженіе овладѣваетъ слушателями, когда неразвязность языка оратора замедляетъ рѣчь, заставляетъ дѣлать остановки, поправки... проповѣдникъ становится просто жалокъ¹⁾...

По мнѣнію автора, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ настоящаго смутнаго времени живому слову уличныхъ ораторовъ, призывающихъ къ борьбѣ и безпорядку, прежде всего должно быть противъ поставлено живое же слово церковныхъ ораторовъ, призывающихъ свою паству къ спокойствію и мирному труду. А для этого надо учредить особую должность проповѣдниковъ: енархіальныхъ, уѣздныхъ, окружныхъ—изъ приходскихъ или безприходныхъ священниковъ и даже мірянъ. Нужно только, чтобы указанная лица дѣйствительно обла-

¹⁾ Авторъ статьи рисуетъ тяжелую картину. Бываютъ и противоположныя имъ, привлекательныя. Редакція.

дали даромъ слова. У насъ имѣются должности миссіонеровъ; почему бы не быть и должности особыхъ проповѣдниковъ? Насколько это осуществимо, трудно сказать, но польза въ большей или меньшей степени, несомнѣнно, была бы.

Могучимъ средствомъ для вліянія на всѣ слои общества, кромѣ живой рѣчи, служить книга. Худыя книги несутъ свою заразу, омрачаютъ сознаніе, глушатъ совѣсть, разстраиваютъ воображеніе. Особенно это замѣтно на молодежи, падкой на все новое. А какой теперь подборъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ и уличныхъ кіоскахъ? За нѣсколько копеекъ грамотный человѣкъ можетъ пріобрѣсти цѣлый рядъ брошюръ, подрывающихъ авторитетъ религіи. А тысячи книгъ и книжечекъ объ „Анархизмѣ“, „Соціализмѣ“, „Революціяхъ“ и т. п. изданій „Донской Рѣчи“, „Буревѣстника“, „Молота“ и мн. др., развращающихъ душу и подрывающихъ устои семьи и отечества... Одною изъ мѣръ для противодѣйствія развращающему вліянію антирелигіозной и соціалистической литературы было бы открытіе магазиновъ книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія и такихъ, которыя выясняли бы соціально-политическіе вопросы, являясь противомѣсомъ вышеуказаннымъ изданіямъ. Мысль объ открытіи такихъ магазиновъ, кажется, приводится въ исполненіе въ Архангельской губ. Въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ напечатанъ призывъ къ добрымъ людямъ посодѣйствовать этому дѣлу, причѣмъ высказывается надежда, что отзовутся и монастыри, которые сдѣлали бы великое дѣло, если бы взяли за распространеніе среди народа книгъ и брошюръ, религіозно-нравственнаго содержанія (Арханг. епарх. вѣд. № 1). Епископъ орловскій также предписалъ городскимъ благочиннымъ представить ему соображенія, какимъ родомъ устроить въ городахъ бібліотеки для народнаго пользованія. Одновременно съ этимъ имъ поручено начать печатать въ епарх. вѣд. списокъ образцовыхъ и недорогихъ книгъ и брошюръ, подходящихъ для чтенія народу въ приходскихъ собраніяхъ. Такіе списки уже напечатаны въ вѣдомостяхъ; параллельно съ этимъ

печатаются списокъ книгъ и брошюръ, подходящихъ для болѣе или менѣе интеллигентныхъ слушателей по вопросамъ вѣры и жизни, наиболѣе оспариваемымъ въ настоящее время.

Устройство магазиновъ и складовъ такихъ книгъ является насущною необходимостью, потому что нашъ народъ прямо безпомощенъ среди наводнившей села и города новѣйшей литературы. Вѣдь у насъ въ рѣдкомъ домѣ увидишь даже Евангеліе; иногда его не найдешь въ цѣлой деревнѣ. Въ этомъ отношеніи невольно бросается въ глаза яркій примѣръ С. Америки. Библия тамъ является не только настольно книгой, но положительно находится на рукахъ, въ мысляхъ и сердцахъ народа. Въ 1881 году въ Америкѣ появился въ свѣтъ новый переводъ Библии на англійскомъ языкѣ. Уже недѣли за двѣ до выхода его въ свѣтъ и въ газетахъ и въ обществѣ только и говорили объ этомъ переводѣ. И это не были пустые толки. Въ самый первый день его появленія въ продажѣ въ Нью-Йоркѣ его разошлось 300,000 экземпляровъ, на другой день 200,000 и т. д.

Одна газета въ городѣ Чикаго, отстоящемъ отъ Нью-Йорка на 2000 верстъ, чтобы поскорѣе познакомить своихъ многочисленныхъ читателей съ этимъ переводомъ, по телеграфу, въ видѣ корреспонденціи, напечатала все Евангеліе отъ Матѳея, а въ ближайшемъ воскресномъ выпускѣ напечатала весь Новый Завѣтъ въ полумилліонѣ экземпляровъ, которые и распроданы были въ теченіе одного дня. Невольно вспоминается при этомъ, съ какимъ равнодушіемъ былъ встрѣченъ нашимъ русскимъ обществомъ переводъ Библии на русскій языкъ.

Вообще американцы чрезвычайно ревностно и горячо охраняютъ все, что относится къ области религіозно-нравственной жизни. Американская молодежь первая поддается волнѣ религіознаго увлеченія, совершенно обратно нашей молодежи, даже обучающейся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Среди американскаго студенчества религіозная настроенность

весьма характерна. Во главѣ университетовъ и коллегій сплошь и рядомъ стоитъ ректоръ изъ духовныхъ лицъ. Вся система высшаго американскаго образованія привела бы въ ужасъ нашихъ марксистовъ и нитцшеанцевъ. На страницахъ американскихъ газетъ и журналовъ постоянно попадаются статьи по различнымъ богословскимъ, философскимъ и нравственнымъ вопросамъ, о которыхъ у насъ пишутъ только въ духовныхъ журналахъ, обыкновенно даже не просматриваемыхъ нашей интеллигенціей. Церковная проповѣдь въ Америкѣ пользуется величайшимъ вниманіемъ общества. Она является, безъ преувеличенія, огромной общественной силой. Лучшіе американскіе проповѣдники пользуются всеобщей извѣстностію. Проповѣди Бичера передавались по телеграфу во всѣ американскія газеты и даже въ Англию. Воскресныя школы густою сѣтью разбросаны по всей странѣ и играютъ громадную роль въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. (Лекціи профессора Озерова. изъ Полтав. епарх. вѣд. № 2).

Когда-то будетъ что-либо подобное у насъ на святой Руси?

ЗАМѢТКИ.

а) Распоряженіе Рязанскаго епархіальнаго начальства.

Правила по охранѣ церквей отъ воровъ въ Рязанской епархіи.

- 1) При церквахъ долженъ быть караулъ изъ благонадежныхъ сторожей.
- 2) Сторожа должны быть съ безпорочнымъ прошлымъ, трезвы и физически крѣпки.
- 3) При наймѣ сторожей приходомъ или старостою и настоятелемъ заключается съ нанятыми письменный договоръ, въ которомъ изъясняется обязанности сторожа какъ общія,

такъ въ особенности по охранѣ храма отъ воровъ и пожарныхъ случаевъ.

4) При наймѣ сельскимъ обществомъ сторожей для караула села настоятель и церковный староста дѣлаютъ обществу представленіе, чтобы сельскимъ сторожамъ вмѣнялось въ обязанность обходить мимоходомъ и храмъ и прибѣгать на помощь церковнымъ сторожамъ при сигналахъ со стороны послѣднихъ.

5) Продолжительное отсутствіе попытокъ къ воровству въ окрестности ослабляетъ бдительность церковныхъ сторожей. Поэтому священники и церковный староста (Инстр. цер. стар. § 22, п. 7) время отъ времени разясняютъ сторожамъ правила караула и контролируютъ ихъ чрезъ ночное посѣщеніе сторожки. А въ монастыряхъ старшіе изъ братій монастыря—іеромонахи и іеродіаконы должны поочереды контролировать ночные караулы при монастырскихъ церквахъ и хранилищахъ, и вообще братія монастыря должны имѣть добросовѣстное и сердечное попеченіе о благосостояніи своей обители и днемъ и ночью.

6) Сторожку въ ночное время не нужно запираеть изнутри, когда въ ней остается одинъ сторожъ, а другой вышелъ на караулъ. Когда же въ сторожкѣ никого не остается, она должна быть запрошена снаружи, чтобы злодѣи, спрятавшись въ сторожкѣ или сѣняхъ при ней, не могъ внезапно напасть на сторожа при возвращеніи его въ сторожку.

7) Ночной благовѣсть долженъ быть признанъ дѣйствіемъ не важнымъ въ дѣлѣ охраны храма.—Онъ только удостовѣряетъ, что въ столько-то времени при храмѣ дѣло обстояло благополучно.—Для контроля сторожей благовѣсть часовой недостаточенъ, такъ какъ сторожа и въ промежуткахъ между боемъ часовъ должны выходить къ храму и прислушиваться.

8) Сторожка и комната очереднаго сторожа должны быть всю ночь освѣщены.—Чтобы не увлечься дремотой, сторожамъ рекомендуется во время караула заниматься рукодѣліемъ (плетеніемъ корзины, починкой сапоговъ, чисткой утвари и т. п.)

9) Часовой благовѣсть, гдѣ онъ признанъ потребнымъ, производится не иначе, какъ по обходѣ и осмотрѣ храма очереднымъ сторожемъ. Благовѣсть, производимый до обхода или безъ обхода, не только не полезенъ, но и весьма вреденъ, такъ какъ можетъ оказать услугу татямъ.

10) Въ этихъ соображеніяхъ, кромѣ обхода предъ боемъ часовъ, весьма желателенъ обходъ получасовой безъ благовѣста.

11) Ночь дѣлится между сторожами по частямъ. Первый сторожъ, закончивъ свои часы, пробуждаетъ череднаго и сдаетъ ему храмъ чрезъ совмѣстный обходъ храма и осмотръ запоровъ и рѣшетокъ храма.

12) Въ случаѣ обнаружившейся утромъ покражи изъ храма со взломомъ, сторожъ, благополучно сдавшій храмъ слѣдующему за нимъ, свободенъ отъ обвиненія и подозрѣнія въ небрежномъ караулѣ.

13) Упомянутый совмѣстный обходъ сторожей производится однимъ сторожемъ посолонь, а другимъ противусолонь до двухъ встрѣчъ, чтобы тати не могли укрыться отъ обхода, перебѣгая съ одного бока храма на другой.

14) При тѣхъ храмахъ, при которыхъ каждый обходъ выполняется двумя сторожами, тамъ всѣ обходы производятся сказаннымъ встрѣчнымъ порядкомъ.

15) Обходы какъ встрѣчные, такъ и одиночные, сторожа совершаютъ съ оружіемъ холоднымъ или огнестрѣльнымъ. При вооруженіи сторожей холоднымъ оружіемъ имъ даются сильные свистки.

16) Въ случаѣ замѣченнаго при одиночномъ или встрѣчномъ обходѣ поврежденія запоровъ, рѣшетки оконной или звена, замѣтившій поврежденіе сторожъ дѣлаетъ выстрѣлъ или сигнальный свистокъ для привлеченія товарища и другихъ людей, а самъ не отходить отъ поврежденнаго мѣста безъ замѣны себя кѣмъ-либо другимъ.

17) Чтобы быть бодрыми для ночного караула, сторожа наблюдаютъ правильное дежурство въ теченіе дня, такъ чтобы

каждый имѣлъ 2—3 или болѣе часовъ для дневного отдыха.

18) Въ этихъ же видахъ священнослужителямъ и старостамъ воспрещается употреблять сторожей для какихъ-нибудь личныхъ и домашнихъ услугъ. Но если священникъ почему-либо найдетъ нужнымъ временно воспользоваться услугами сторожей, то онъ долженъ помнить, что mogućия отъ этого произойти опущенія въ исполненіи сторожами ихъ прямыхъ обязанностей лягутъ на отвѣтственность его.

19) Предъ запоромъ храма на ночь члены причта осматриваютъ, всѣ ли рамы заперты приболами сверху и снизу. такъ какъ для тата удобнѣе отворить и затворить раму, чѣмъ разбить звено.

20) Ключи отъ храма и колоколни хранятся у настоятеля или очереднаго священника.

21) Церковные старосты не хранятъ въ храмахъ своихъ денегъ и вещей и не принимаютъ таковыхъ для хранения въ храмѣ отъ другихъ лицъ, такъ какъ молва о храненіи въ храмѣ цѣнностей, не одной только церкви принадлежащихъ, можетъ привлечь татей.

22) Церковный староста и настоятель прилагаютъ заботу, чтобы въ храмѣ безъ крайней необходимости не хранилось денегъ болѣе дозволеннаго по инструкціи, а всѣ излишнія суммы сдавались въ банковыя учрежденія.

23) Въ свѣчномъ ящикѣ хранятся деньги только мѣдныя и серебрянная мелочь для размѣна, болѣе же крупныя денежные знаки, золото и кредитки, а также важнѣйшіе церковныя документы хранятся въ тяжеломъ, запертомъ и внутреннимъ и наружными замками, желѣзномъ сундукѣ. Всего лучше, если для этой цѣли приобрѣтенъ будетъ нестараемый сундукъ или шкафъ. Въ такомъ шкафу можно имѣть отдѣленіе для болѣе цѣнной церковной утвари.

24) Окна въ нижнемъ ярусѣ должны имѣть крѣпкія желѣзныя или мѣдныя рѣшетки, хотя никакая рѣшетка не представляетъ для вооруженнаго небольшою англійскою пилой вора неодолимаго препятствія.

25) Двери церковныя должны быть желѣзныя или же изъ крѣпкаго дерева и окованы желѣзомъ съ надежными замками, нутрянными и всѣячими, и при томъ главныя двери должны отворяться непременно наружу (Ук. Св. Синода отъ 28 іюля 1864 г.).

26) Алтарныя двери должны быть непременно съ замкомъ (Ук. Св. Синода 28 сент. 1814 г. и 4 дек. 1830 г.), а царскія—запираются извнутри прочными крючками.

27) Если храмъ каменный, то для сторожей устраивается помѣщеніе или въ подвальномъ этажѣ, или подъ колокольней по правиламъ Строительнаго Устава.

28) Есть примѣры удачнаго примѣненія къ охранѣ храмовъ электрической сигнализациі съ подземными или воздушными проводами. Существенное при этомъ условіе, чтобы колокольчикъ издавалъ звонъ и при перерывѣ проводовъ.

29) Въ ночное время около храма должно зажигать не менѣе четырехъ хорошихъ фонарей.

30) Когда церковь ограблена, священникъ долженъ пригласить церковнаго и сельскихъ старостъ и членовъ причта, оцѣпить церковь понятыми и, удостовѣрившись въ количествѣ покраденнаго, дать знать о случившемся благочинному и полиціи (Ук. Св. Сип. 17 дек. 1865 г.). До составленія полицейскаго протокола не слѣдуетъ приводить въ порядокъ сдвинутыя или поврежденныя ворами вещи въ храмѣ. При составленіи протокола настоятель церкви наблюдаетъ, чтобы всѣ обстоятельства покражи, качество и цѣнность вещей были описаны подробно и точно. Если злоумышленникъ будетъ отысканъ и преданъ суду, настоятель обязанъ своевременно, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, предъявить въ томъ же судѣ гражданскій искъ къ обвиняемому.

---

¹⁾ Въ числѣ другихъ картинъ г. Нестерова на выставкѣ въ Петербургѣ находилась и эта—центральная.

в) Картина г. Нестерова „Святая Русь“¹⁾.

Зимній пейзажъ, точно символъ нашего сѣвера. Налѣво изъ воротъ деревянной обители выходитъ Христосъ, сопровождаемый тѣми именно угодниками, которыхъ привыкла чтить Русская земля—Николаемъ чудотворцемъ, Сергіемъ Радонежскимъ, Георгіемъ Побѣдоносцемъ. Сюда, къ этой обители стекаются простые русскіе люди съ ихъ горемъ и печальми,

---

¹⁾ Въ числѣ другихъ картинъ г. Нестерова на выставкѣ въ Петербургѣ находилась и эта—центральная.

заботами и сомнѣніями, ища тутъ успокоенія и поддержки. Они не ожидали встрѣтить у дверей этой скромной обители самого Христа и заступниковъ земли Русской. Чѣмъ болѣе поражены они этой неожиданностью, тѣмъ болѣе укрѣпляется ихъ вѣра, поддерживается ихъ духъ. Ко Христу-Царю въ студеную зимнюю пору притекла вся богомольная подвижническая Русь. Здѣсь и схимница, и скитникъ-старичекъ въ родѣ св. Серафима Саровскаго, и „дѣвочка-снѣгурочка“ и „мужичекъ съ ноготокъ“, отморозившій себѣ носъ, и недужная боярышня, и странникъ, и богомолки бабы рязанскія, и много еще кое-кого. Царь-Христосъ смотритъ величаво и благостно. Онъ благословляетъ и словно провидитъ тѣхъ, кто идетъ за этимъ, еще и еще... И вдругъ одна фигура: мальчикъ-послушникъ. Онъ глаза скосилъ и этотъ шустрый, черный глазъ такъ и буравить.

Картина производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе своей ясностью, простотою и глубокимъ чувствомъ: все это такъ вѣрно, правдиво, такъ говоритъ нашему сердцу эта бѣдная, но могучая, вѣрующая Русь.

Одна эта картина уже можетъ возбудить неудовольствіе нашихъ радикаловъ. Имъ хотѣлось бы „сознательнаго“ крестьянина. А вотъ тутъ художникъ, перебивавшій во всѣхъ дальнихъ уголкахъ Россіи, начиная отъ Соловокъ до Кавказа, исколесившій ее вдоль и поперекъ, даетъ намъ крестьянскую душу совсѣмъ иной, чѣмъ намъ хотятъ ее представить. Какъ тутъ не разсердиться на него, тѣмъ болѣе, что и вся выставка производитъ впечатлѣніе демонстраціи въ пользу правой стороны. Ни о какой демонстраціи, конечно, Нестеровъ не думалъ. Онъ заносилъ на холстъ только то, что видѣлъ, и не его вина, если зеркало отразило дѣйствительность въ иномъ видѣ, а не въ томъ, въ какомъ хотѣлось бы видѣть прогресистамъ. („Нов. Время“ № 11072).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го февраля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года марта 4-го дня.

Содержаніе: I. Думы о Думѣ.—II. Вниманію духовенства (библіографическая замѣтка).—III. Какъ устранить неблагочиніе въ храмахъ во время богослуженія.—Замѣтка. Какъ живутъ социалисты.—Извѣщеніе.

Думы о Думѣ ¹⁾.

Въ настоящій несомнѣнно важный моментъ нашей исторической жизни помыслы всѣхъ сосредоточены на Думѣ. На нее обращены взоры всего культурнаго міра; по особенно внимательно присматривается и прислушивается къ ней сосѣдняя Европа, болѣе культурная и политически опытная, давно пережившая то, что мы мучительно переживаемъ. Въ болѣзненномъ перерожденіи устарѣвшаго политическаго строя старая Европа хочетъ найти намекъ, еще неясный, на будущее, которое она пытается разгадать. Для насъ же, не имѣющихъ возможности разсматривать все происходящее вокругъ насъ въ исторической перспективѣ, Дума имѣетъ не

¹⁾ Редакція не раздѣляетъ мыслей автора о Думѣ, въ частности—ни его характеристики партіи „народной свободы“ и нравыхъ, ни розовыхъ надеждъ на первую изъ нихъ. Даемъ мѣсто статьѣ, какъ *одному* изъ мнѣній о Думѣ и партіяхъ въ ней. *Ред.*

теоретическій, но жизненно-практической интересъ. Будетъ ли вторая Дума долговѣчна, или раздѣлитъ судьбу первой: отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть? Умиротворитъ ли она все еще бушующую стихію, или сама будетъ смыта ею и погибнетъ въ ея волнахъ? И что будетъ дальше?..

Вотъ вопросы—неотвязные вопросы, занимающіе сознание, волнующіе сердце. Что же отвѣтить на нихъ?

Мы не желаемъ пророчествовать и не будемъ гадать объ отдаленномъ будущемъ: попытаемся разобраться въ настоящемъ.

Характеръ дѣятельности Думы и отчасти самая судьба ея, кромѣ другихъ внѣшнихъ причинъ, опредѣляется и обуславливается составомъ Думы, который въ настоящій моментъ достаточно уже выяснился.—По своему составу вторая Дума, какъ и первая,—по преимуществу крестьянская; по настроенію—оппозиціонная. Но если первое опредѣленіе говоритъ много, то второе, само по себѣ, мало говоритъ и очень мало опредѣляетъ характеръ дѣятельности Думы.

$\frac{2}{3}$ состава Думы принадлежитъ къ оппозиціи; по вѣдъ разстояніе и идейное различіе между крайними точками оппозиціи—„большевиками“ (с.-д.) и мирнообновленцами—не менѣе, если не болѣе, чѣмъ между крайними правыми и октябристами, одинаково относимыми къ правительственной, правильной сказать—министерской партіи. Оппозиціонное настроеніе не есть еще революціонное: революціонное—необходимо оппозиціонное, но не наоборотъ (партія мирнаго обновленія, напримѣръ ¹⁾). Эта неопредѣленность и неточность терминологіи, которой пользуются наши офиціозы для опредѣленія политической фізіономіи членовъ Думы, заставляетъ насъ внимательно присмотрѣться къ партійному составу Думы,

¹⁾ Терминъ „оппозиція“ у насъ неправильно отождествляется съ терминомъ „революція“ даже въ офиціальныя циркулярахъ и офиціозныхъ сообщеніяхъ Сиб. Телеграфнаго Агентства. См. объ этомъ остроумную статью кн. Е. Н. Трубецкого въ „Москов. Ежен.“ № 4, стр. 7.

чтобы уяснить занимающій насъ вопросъ о характерѣ дѣятельности послѣдней. Уже первый взглядъ заставляетъ признать, что настоящая Дума по партійному составу своихъ членовъ разноцвѣтнѣй и многограннѣй первой. Партійная группировка членовъ Думы носить не только болѣе разнообразный, но и болѣе опредѣленный характеръ: Дума окрашена ярче. Впрочемъ, окончательная партійная дифференціація со всѣми ея оттѣнками, тонами и полутонами, произойдетъ не сразу и опредѣлится позднѣе. Но и теперь невольно въ глаза бросаются ярко-красныя и черныя линіи, которыхъ не было замѣтно въ спектрѣ первой Думы.

Въ настоящей Думѣ есть правый и лѣвый фланги, которыхъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не было въ первой. Составъ праваго фланга довольно пестрый. Ядро и незыблемую основу его составляютъ „чистые монархисты“, т. е. непримиримые враги Думы и ярые сторонники *ancien régime'a*, который они надѣются возстановить(?). Но процентъ „чистыхъ монархистовъ“, по показанію офиціознаго агентства, незначителенъ. Вокругъ этого ядра группируются концентрическими кругами безпартійные правые, правопорядцы и далѣе—умѣренные элементы: члены народившейся „партіи центра“ и октябристы; послѣдніе, собственно тѣ изъ нихъ, которые не забыли окончательно манифеста 17-го октября, принципиально расходятся съ „чистыми монархистами“ и, при дальнѣйшей дифференціи, отколются отъ нихъ.

Правому флангу соответствуетъ лѣвый, который состоитъ изъ членовъ соціалистическихъ партій: с.-демократовъ, с.-революціонеровъ, народ.-соціалистовъ, дашнакцутюнъ, трудовиковъ. Своею численностью крайняя лѣвая въ два раза превосходитъ правую. По составу своему крайняя лѣвая отличается, повидимому, такою же пестротой, какъ и правая; на самомъ же дѣлѣ, въ идейномъ отношеніи она болѣе однородна и болѣе организована, нежели правая; изъ образующихъ ее элементовъ только „трудовики“ представляютъ

не столько социалистическую партию, сколько не совсем еще разслоившуюся группу с социалистической окраской¹⁾.

Средину между правым и левым флангами занимает партия народной свободы с родственными ей партиями, — демократических реформ, эстонской прогрессивной и „достиженцев“; все эти партии стоят ближе к левому крылу. Мирнообновленцы, польские националисты и прогрессисты ближе к правому крылу. Из этих партий первая, вместе с родственными ей, превосходит послѣднія не только количественно, но и качественно — своею организованностью. Но в настоящей Думе она далеко не имеет того численного перевеса над другими партиями, какой имѣла в первой Думе; однако и в настоящій моментъ она является самою силовною и самою солидною по своимъ силамъ партией. — Указавъ на группу неопредѣленныхъ и сомнительныхъ („народовцы“ и др.), мы исчерпаемъ составъ Думы и закончимъ партийную классификацію ея членовъ. Что же говорить намъ партийный составъ Думы, и къ какимъ выводамъ относительно характера дѣятельности Думы можетъ привести партийная классификація членовъ ея?

Съ объективной точки зрѣнія настоящій составъ, какъ болѣе разноцвѣтный и многозвучный, имѣетъ преимущество предъ прежнимъ составомъ, потому что полнѣе отражаетъ политическіе взгляды и настроенія страны. Но такой составъ, съ другой стороны, обуславливаетъ собою неизбежность болѣе интенсивной партийной борьбы. Конечно, партийная борьба неизбежна и всегда будетъ в нашей Думе, какъ всегда она была и есть в представительныхъ учрежденіяхъ Запада: взаимная критика различныхъ взглядовъ, сопоставленіе различныхъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

¹⁾ Дифференціація трудовой группы началась уже в послѣдніе дни первой Думы; продолженія ея (дифференціаціи) можно ожидать в настоящей Думе; по своей программѣ трудовая группа наиболѣе сближается съ н.-социалистическою партией.

способствуетъ всестороннему освѣщенію и болѣе глубокому уясненію извѣстнаго вопроса.

Опасность заключается въ томъ, что борьба изъ средства можетъ обратиться въ цѣль—и займетъ все время, поглотить всю энергію, необходимую для неотложной работы, для разрѣшенія давно уже назрѣвшихъ и ждущихъ своего рѣшенія вопросовъ. Увлечение партійной борьбой, доведенной до страстности, сдѣлаетъ Думу неработоспособной и ео ipso рѣшить ея судьбу. Мы не предсказываемъ второй Думѣ судьбы первой и не сгущаемъ намѣренно красокъ, но и не закрываемъ глазъ на дѣйствительность, указывая на грозящую опасность. Атмосфера настоящей Думы не менѣе, чѣмъ прошлой, насыщена электричествомъ, слѣдовательно, всегда возможна гроза, хотя это не значитъ, что она неизбежна. Скорѣе всего могутъ столкнуться два полярныя теченія—лѣвое и правое. Это столкновение скорѣе будетъ стихійнымъ столкновениемъ, чѣмъ партійною борьбой: болѣе борьбой настроеній и инстинктовъ, чѣмъ идей и программъ. Фанатизмъ и нетерпимость крайнихъ партій—правыхъ и лѣвыхъ—ясно показываютъ, что направленіе ихъ сводится, главнымъ образомъ, къ настроенію и опредѣляется не столько сознаниемъ и разумомъ, сколько воображеніемъ и чувствомъ. „Слѣное поклоненіе старинѣ безъ разсужденія о томъ, что достойно сохранения и что требуетъ измѣненія, на ряду съ этимъ инстинктивная ненависть къ свободнымъ проявленіямъ духа, скромнымъ наработкамъ культуры, потому что на нихъ нѣтъ штемпеля „самобытности“, фетишизмъ формъ въ ущербъ содержанію жизни“¹⁾,—таково(?) направленіе однихъ. Ему соотвѣтствуетъ — на противоположномъ полюсѣ—еще болѣе слѣное поклоненіе туманному будущему и безотчетная ненависть къ прошлому, страстное отрицаніе настоящаго — безъ различія дурнаго отъ хорошаго, презрительное отношеніе къ „буржу-

¹⁾ Трубецкой Гр., кн. „Утопизмъ и нигилизмъ“ „Москов. Еженедѣльн“, № 5, стр. 42.

азной“ культурѣ, безсмысленная жажда разрушенія ея: таково направленіе другихъ. Одни мыслями и желаніями живутъ въ прошломъ и какъ бы не видятъ и не хотятъ знать настоящаго, ибо не желаютъ его. Они хотѣли бы остановить теченіе времени и повернуть колесо исторіи назадъ. Другіе—живутъ въ будущемъ, перенеслись уже въ иную плоскость жизни и хотятъ всю нашу жизнь перебросить изъ одной плоскости въ другую—въ тѣ заоблачныя сферы, гдѣ витають они... „Тотъ же самый туманъ и даль и голубое небо“,—какъ у однихъ, такъ и у другихъ.

Вѣра однихъ въ „шелестящія мантии Карла Великаго и Фридриха Барбаруссы, сидящаго гдѣ-то въ каменномъ замкѣ“, находитъ себѣ полное соотвѣтствіе въ вѣрѣ другихъ, что, „при республиканскомъ строѣ, яблони будутъ расцвѣтать разъ въ маѣ, во второй разъ въ сентябрѣ и третій разъ въ декабрѣ“, и что „дѣти ихъ будутъ прямо выбѣгать на улицы и рвать плоды съ вѣтокъ въ январѣ, а кругомъ—цвѣточки“ (Розановъ). Голубое—тамъ, голубое—и здѣсь: и дальнія зори прошлаго и будущаго. Это — утопизмъ; но утопическія теоріи неотразимо дѣйствуютъ на воображеніе и чувство, чѣмъ и объясняется ихъ популярность среди полубразованныхъ и малосознательныхъ массъ.

Въ утопичности и ирраціональности направленія крайнихъ—ихъ сила и безсиліе, ибо эта сила можетъ обратиться противъ нихъ самихъ.

Въ стихійности борьбы крайнихъ какъ другъ съ другомъ, такъ и съ другими—главная опасность для Думы. Эта опасность можетъ быть парализована и предотвращена тѣми, которые руководятся въ политической дѣятельности не воображеніемъ и чувствомъ, а разсудкомъ и стоятъ на почвѣ реальной дѣйствительности. Партія народной свободы называетъ себя „партіей реальной политики“ (?); слѣдовательно, на ней прежде всего лежитъ обязанность сдерживать утопическіе порывы и революціонный пылъ крайнихъ и направлять Думу на путь реальной политики. Эта партія болѣе другихъ

имѣть шансовъ на осуществленіе этой трудной задачи, потому что она имѣетъ уже политическій опытъ и располагаетъ солидными силами. Правда, партія народной свободы не имѣетъ большинства голосовъ въ настоящей Думѣ; но если она твердо вступитъ на путь законодательной работы, не подчиняясь внушеніямъ слѣва, то привлечетъ къ себѣ многихъ изъ „умѣренныхъ“, безпартійныхъ и неопредѣленныхъ¹⁾; для этого ей рѣшительно необходимо отграничить себя слѣва и не поддаваться гишозу революціонныхъ иллюзій.

Смогутъ ли ка-деты сдѣлать такой шагъ и eo ipso осуществить диктуемую настоящимъ моментомъ задачу—не знаемъ. Думаемъ, что горькій опытъ прошлаго многому научилъ ихъ; но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что мы, русскіе, всегда были болѣе романтиками, чѣмъ реальными политиками; объясняется ли это свойствами славянскаго духа, или просто историческими условіями, но фактъ остается фактомъ: романтизмъ въ литературѣ, искусствѣ и политикѣ былъ болѣе дорогъ намъ, чѣмъ реализмъ. Романтизмъ въ политикѣ—грандіозность задачъ и несоразмѣрность ихъ съ реальными силами и средствами—принесъ уже не мало вреда намъ въ теченіе нашей исторической жизни; такую же печальную роль онъ можетъ сыграть и въ настоящій моментъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ побѣды революціонной романтики надъ реальной политикой будетъ роспускъ Думы.

Мечта о разгонѣ Думы живетъ въ душѣ крайнихъ правыхъ и лѣвыхъ, но особенно она мелѣтся первыми, у которыхъ эта мечта неразрывно связана съ другою затаенною мечтой—о возвратѣ къ прошлому(?). Но если даже первая мечта осуществится, и Дума будетъ распущена, то вторая мечта о *coup d'etat'* останется мечтой. Роспускъ Думы затормозитъ, но не остановитъ совершающагося съ стихійною не-

¹⁾ При дальнѣйшей неизбежной дифференціаціи и разгруппировкѣ партій партія народной свободы или близкая къ ней—образуетъ думскій центръ.

обходимостью процесса обновленія устарѣвшихъ формъ жизни: жизнь идетъ впередъ!..

А. М.

Вниманію духовенства.

(Библиографическая заметка).

Соціалистическое ученіе успѣло охватить въ настоящее время широкія народныя массы, потрясло общественно-бытовые устои народной жизни, производитъ въ народной душѣ этическое и религіозное опустошеніе. Соціализмъ ведетъ борьбу съ христіанствомъ и религіей вообще. Слова Маркса: „религія есть опиумъ для народа“—выражаютъ едва ли не общее убѣжденіе представителей современнаго радикализма и соціализма (проф. С. Булгакова „Неотложная задача“). Съ цѣлью вытравить вѣру у простаго народа, книжный рынокъ наводненъ сотнями соціалистическихъ изданій самаго возмутительнаго содержанія. И велико будетъ общерусское горе, если душою народа завладѣетъ соціаль-революціонная пресса и отторгнетъ его отъ Православной Церкви. „Шире дорогу! Свободная Русь идетъ“!..

Сознаетъ ли духовенство, особенно сельское, тяжелыя задачи, выдвинутыя временемъ? Понимаетъ ли оно, что необходима самая рѣшительная борьба съ антихристіанскимъ соціализмомъ исключительно духовными мѣрами, путемъ христіанскаго просвѣщенія народныхъ массъ и раскрытія того обмана и беззастѣнливой лжи, которыми наполнены соціалистическія изданія, предназначенныя для самаго широкаго распространенія? Думаемъ, что понимаетъ и сознаетъ. Изъ епархій доносятся вѣсти, что духовенство озабочено уже организаціей библіотекъ и подборомъ книгъ добраго христіанскаго направленія („Рук. для сельск. пастырей“, 1907,

№ 4, стр. 109). Это—положительное и главное средство. Но необходимо и другое,—необходимо для духовенства знакомство съ социалистической литературой для того, чтобы разоблачать и опровергать лживость ея. Желая съ этой стороны оказать посильную помощь сельскимъ пастырямъ, мы предлагаемъ списокъ брошюръ, изданныхъ въ послѣднее время для „просвѣщенія“ православнаго русскаго народа.

1. *Лафаргъ. Происхождение религии. Спб. 1906. Книгоиздательство „Работникъ“.* 48 стр. Цѣна 7 коп. Основную мысль этой брошюры можно выразить такъ: идея о Богѣ не врождена человѣку, а явилась, а posteriori, какъ и всѣ другія человѣческія представленія, возникающія лишь послѣ того, какъ онъ сталъ сталкиваться съ явленіями дѣйствительнаго міра. Первобытный человѣкъ создалъ почву для идеи единаго Бога, исходя изъ ложнаго объясненія своихъ сновидѣній. Христіанство—религія буржуазіи, прикрывающей его маской свои матеріальные интересы. Загробная жизнь, рай и адъ—все это выдумка людей. Вѣра въ будущую жизнь исчезнетъ сама собою, когда буржуа изъ паразита превратится въ продуктивнаго работника. У рабочихъ, добывающихъ хлѣбъ своимъ трудомъ и стоящихъ на заводахъ лицомъ къ лицу съ могучими силами природы, теряется постепенно вѣра въ Бога. Это явленіе естественно и весьма желательно.

Та же брошюра книгоиздательствомъ „Колоколь“ издана подъ другимъ заглавіемъ: „*Вѣра въ Бога*“ (Спб. 1906. 38 стр. Ц. 8 к.)

II. *И. Дитценъ. Религія социаль-демократіи. Перев. С. Колманейца, Спб. 1906. 63 стр. Ц. 10 коп.* Авторъ считаетъ христіанство самою рабскою изъ рабскихъ религій. Слово принцъ, обращенный въ звѣря, бѣлый свѣтъ въ христіанскомъ представленіи превращенъ въ черную дѣйствительность. Искупительная жертва Христа—„фантазія“. Къ христіанскому ученію о воздержаніи, смиреніи, о загробной жизни Дитценъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

и насмѣшкой и считаетъ его непригоднымъ для жизни. Мѣсто христіанскаго міровозрѣнія должно занять ученіе социаль-демократовъ, на сторонѣ которыхъ „принципіальное превосходство силъ“. Отвергая божественную и человѣческія истины, демократъ признаетъ только то, что добыто „при посредствѣ разума изъ опыта“. Вѣра въ сверхъестественное—удѣлъ глушцовъ и простецовъ.

Какъ первая, такъ и вторая книжка насквозь пропитана враждою къ христіанству. Церковному религиозно-этическому воззрѣнію объявляется непримиримая война.

III. *Антонъ Паннекоёкъ. Религія и социализмъ.*

Фридрихъ Штампферъ. „Религія—дѣло совѣсти каждаго. (Обоснованіе 6-го пункта Эрфутской программы). Книгоиздательство „Правда“. Кіевъ 1906. Ц. 25 к. 84 стр.

Выясняя отношеніе социаль-демократическаго ученія къ христіанской религіи, Штампферъ ставитъ для рѣшенія вопросъ: можетъ ли христіанинъ быть социаль-демократомъ? На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно. Отвѣтъ странный, если принять во вниманіе матеріалистическое пониманіе исторіи, религіи и нравственности, составляющее основу социаль-демократіи. Пользуясь свидѣтельствами ученыхъ, Штампферъ не считаетъ христіанство единственно-истинной религіей, лишаетъ Христа Его божественности и силы творить чудеса. Не признаетъ онъ и христіанскаго ученія о нравственности. „Наше современное нравственное чувство не находитъ ничего достойнаго называться нравственностью въ морали послушанія, жаждущей себѣ награды или опасющейся наказанія“. Повиновеніе Богу приводитъ къ поступкамъ, которые Штампферъ признаетъ безнравственными. Примѣръ—жертвоприношеніе Авраамово. Неизмѣнныхъ нравственныхъ истинъ, о которыхъ учитъ христіанство, нѣтъ. Все движется и измѣняется. Нравственность подлежитъ тому же закону. Посему каждая эпоха имѣетъ и свою опредѣленную нравственность.

IV. *Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о нравственности.* Переводъ съ нѣмецкаго проф. М. Рейснера. Книгоиздательство „Дѣло“. Спб-1906. 92 стр. Ц. 30-коп. Ученіе Менгера о нравственности сходно со взглядомъ на нравственность, высказаннымъ Штампферомъ. „Нѣтъ большаго заблужденія, какъ говорить о вѣчно неизмѣнныхъ нравственныхъ законахъ“. „Нравственнымъ является тотъ, кто приспособляется къ соотношеніямъ соціальныхъ силъ, безнравственъ тотъ, кто имъ сопротивляется“. Источникомъ нравственности служатъ: государственный правовой порядокъ, церковь, профессиональныя группы, партіи и мнѣнія другихъ лицъ относительно дѣйствующаго лица. Божественное Откровеніе, какъ основа нравственнаго ученія, отвергается. Совѣсть—это не голосъ Божій, живущій въ человѣкѣ, а очень прозаическое явленіе: страхъ предъ тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собой противодѣйствіе соотношеніямъ соціальныхъ силъ. Вѣра въ загробную жизнь является излишнею. Съ постепеннымъ вытѣсненіемъ изъ жизни религіозныхъ представленій и надеждъ на будущую жизнь, — что такъ желательно Менгеру, — нравственность не потерпитъ никакого ущерба.

Новое ученіе о нравственности предоставляетъ, такимъ образомъ, полную свободу человѣку въ его дѣйствіяхъ. Пороки не должны никого возмущать, такъ какъ они „необходимое проявленіе природы“... Какихъ плодовъ можно ожидать отъ такой морали?

Объ этомъ безъ страха и тревоги за будущее нельзя и думать...

V. *В. Ф. Шнеепъ. Исусъ и социализмъ.* Кіевъ. 1906. Переводъ съ нѣм. Е. Слуцкаго. 19 стр. Ц. 6 коп.

Основная мысль Ф. Шнеепа: Исусъ предписалъ своимъ послѣдователямъ полное и безусловное отреченіе отъ всякой личной собственности. Коммунизмъ, который Онъ проповѣдывалъ и который древнѣйшая Іерусалимская община осуществила на дѣлѣ, представлялъ собою коммунизмъ потребленія и общаго благочестиваго ничего недѣланія. Христосъ

ни разу не сказаль о развращающемъ вліяніи праздности, ни разу даже символически не брался за работу. Работа для Него есть „проклятіе, наложенное Богомъ на людей, когда Онъ выгналь ихъ за непослушаніе изъ рая“. Христіане, чтобы быть истинными послѣдователями Христа, должны отречься отъ всей своей собственности. Считать Равви Иисуса изъ Назарета, не смотря на всѣ Его человѣческія свойства и односторонности, истиннымъ Богомъ—это большое заблужденіе.

VI. *Карлъ Каутскій. Изъ исторіи культуры. Платоновскій и древне-христіанскій коммунизмъ.* Переводъ Г. Львовича. Спб. 1905. 73 стр. Ц. 20 к. Авторъ ставитъ задачею доказать, что въ древне-христіанской общинѣ существовалъ коммунизмъ потребленія. Для доказательства своей мысли Каутскій приводитъ святоотеческія свидѣтельства. Защитникомъ коммунистическихъ идей является, по его мнѣнію, Іоаннъ Златоустъ, склонявшій къ коммунизму и своихъ слушателей. (По поводу взгляда Каутскаго см. ст. „Право собственности по ученію св. отцовъ“. „Рук. для сельскихъ пастырей“, №№ 37—38, 1906).

VII. *А. Гоффманъ. „Десять заповѣдей и имущеіе классы“.* Перев. съ нѣм. Канелюша. Книгоизд. „Мысль“. 56 стр. Ц. 20 к. (1906. Спб.). Авторъ имѣетъ въ виду поднести „зеркало десяти заповѣдей части имущеіихъ и господствующихъ классовъ и заявить ей: познай самаго себя“. Богатые превозносятся предъ народомъ дары религіи; на самомъ же дѣлѣ они, „закатывая глаза къ небу, играютъ лишь съ нимъ въ комедію“. Гоффманъ не жалѣетъ самыхъ яркихъ красокъ, чтобы изобразить пороки и грѣхи богачей противъ каждой заповѣди. Цѣль брошюры показать, что Церковь и религія стоятъ на сторонѣ имущеіихъ классовъ и не заботится о бѣдномъ народѣ. Одна лишь соціалъ-демократія заступаетъ за всѣхъ лишь униженныхъ и оскорбленныхъ. Поэтому послѣдніе должны бросить старое ученіе и стать въ ряды борцовъ за новос евангеліе, за евангеліе соціализма“.

VIII. *Танъ. Христосъ на земль. Фантазія.* Москва. 1906. Книгоиздательство Е. Мягкова. „Народная Мысль“. 8 стр. Ц. 1 коп. О характерѣ брошюры можно сразу заключить по эпитафю: „Если бы Христосъ снова пришелъ на землю, быть можетъ, я вынужденъ былъ бы арестовать Его“ (слова Полтавскаго губернатора). „Фантазія“ написана ясно и просто и предназначена для распространенія среди народныхъ массъ. Тенденція автора ясна: Христосъ на сторонѣ „освободителей“, хотя они и не щадятъ чужихъ жизней для успѣха своего дѣла. Онъ среди тѣхъ, кто заключенъ въ тюрьмы; заключенные—его апостолы, ревнители и ученики. Ни въ храмахъ, ни въ алтарѣ, ни среди священниковъ, воиновъ, богатыхъ, начальниковъ и т. д. нѣтъ Христа. „Владыки страны созрѣли и перезрѣли, какъ осенніе хлѣба, и беззаконія ихъ, какъ спѣлыя зерна, осыпаются на землю“. День гнѣва близко. „Если въ сельскихъ кузницахъ куютъ изъ плуговъ мечи и изъ серповъ кинжалы, Мое время близко,“—такая рѣчь влагается въ уста Спасителя. I. Танъ хочетъ революцію съ ея ужасами освятить именемъ Христа...

IX. *Тамение. Слово вѣрующаго.* Книгоизд. „Къ свѣту“ въ Ростовѣ на Дону. Ц. 6 к. 40 стр. Книга написана для „людей труда“, чтобы имъ, обремененнымъ тяготою жизни, она послужила тѣмъ же, чѣмъ въ полдень служить въ полѣ тѣнь дерева тому, кто работаетъ все утро подъ палящими лучами солнца“. Именемъ Христа и выраженіями, заимствованными изъ Слова Божія, авторъ старается оправдать современные требованія разнаго рода свободъ. „Приложите руку къ землѣ и скажите мнѣ, отъ чего она задрожала“. Въ мірѣ происходитъ что-то невѣдомое—это работа Бога“. Народовластіе—отъ Бога; „князья міра сего—порожденіе грѣха. Необходимо каждому бороться за власть, исходящую только отъ народа. Эшафоты, страданія, измѣны и т. д. не должны смущать борцовъ за свободу. „Истинно говорю вамъ! Если бы вы были положены, какъ Христосъ, во гробъ, то, какъ Христосъ, вы вышли бы изъ него на третій день побѣдите-

лями смерти и князей, и сильныхъ міра сего“. Книжка написана просто и общедоступно. XXII-й отдѣлъ ея посвященъ молодому солдату и можетъ служить для него своего рода катихизисомъ, поучающимъ его тому, что онъ долженъ дѣлать во время „добыванія“ свободъ.

Х. А. Бебель. „Христіанство и социализмъ“. Книгоиздательство „Утро“. Спб. 1906. 23 стр. Ц. 5 к. Брошюра Бебеля дышитъ непримиримою враждою къ христіанской религіи. Христосъ—туманная личность; Богочеловѣкомъ его стали почитать спустя долгое время послѣ смерти Его. Святую Троицу выдумало духовенство. Тоже случилось и съ поклоненіемъ святымъ. Евсевій и Хризостомъ—противники почитанія иконъ. Таинства крещенія и причащенія—позднѣйшее измышленіе духовенства. Вѣра въ загробную жизнь—идея нехристіанская. Библия не признается Бебелемъ Словомъ Божіимъ; она представляетъ сборникъ писаній различныхъ людей, имена которыхъ никогда не были даже извѣстны (!?). Христіанское ученіе „несовершенно и недостаточно“, оно „враждебно свободѣ и культурѣ“. Т. о., не считаясь ни съ исторіей, ни съ научными данными, Бебель желалъ бы уничтожить самое имя Христа, столь ненавистное для него и его послѣдователей. Для увлекающейся молодежи и для простаго народа брошюра Бебеля то же, что сильно дѣйствующая отравка для организма.

XI. Проф. А. Доделъ. *Моисей или Дарвинъ?* Переводъ съ 8 нѣмецкаго изданія. Книгоизд. „Трибуна“. 80 стр. Ц. 25 к. Библейскій рассказъ о происхожденіи міра и человѣка не можетъ быть признанъ истиннымъ, такъ какъ находится въ прямомъ противорѣчій съ данными естественныхъ наукъ. Поэтому Моисей долженъ уступить мѣсто Дарвину, ученіе котораго о происхожденіи животныхъ и растительныхъ видовъ принято всѣми научными авторитетами за несомнѣнную истину. Это основная идея книжки Додела.

XII. Кармелюкъ. *Новая пагорная провъдь*. Книгоиздательство „Пародное Дѣло“. 8 стр. Ц. 1 коп. Брошюрка пред-

ставляетъ кощунственное извращеніе девяти заповѣдей блаженствъ, изреченныхъ Спасителемъ въ нагорной проповѣди. Для примѣра укажемъ на передачу первой заповѣди. „Несчастливы нищіе духомъ, примирившіеся со своей нищетой и не возставшіе противъ неправды. Имъ не будетъ принадлежать царство небесное, ибо нѣтъ другого „царства небеснаго“, кромѣ царства правды на землѣ. Блаженны всѣ недовольные своимъ нищенствомъ духовнымъ и житейскимъ, всѣ возмущившіеся противъ своего невѣжества и униженія, ибо лишь такимъ суждено осуществить царство божье на землѣ“. Эпиграфъ брошюры: „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. Въ тысячахъ экземпляровъ разошлась брошюра среди учащихъся, рабочихъ, солдатъ; занесена она и въ самые глухіе уголки нашего отечества (напр., она распространена даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ, въ Архангельской губерніи).

Кромѣ перечисленныхъ брошюръ, вниманію духовенства можно рекомендовать изданныя недавно сочиненія Ренана („Жизнь Іисуса“, ц. 40 к., 60 к., и 1 р. 50 к. и „Апостолы“, ц. 60 к.), Гретца („Иисусъ Христосъ и христіанство“), Штрауса („Жизнь Іисуса“), собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой, графа Д. Толстого и его же мелкія сочиненія, изданныя разными книгоиздательствами по самой дешевой цѣнѣ (напр., „Обращеніе къ духовенству“, „О религіозномъ воспитаніи“ и др.).

Повторяемъ, что пастырь Церкви не можетъ теперь оставаться равнодушнымъ и безмолвнымъ, когда широкій потокъ антихристіанскихъ изданій, растлѣвающихъ душу народа, паводилъ и наши захолустныя деревни. Иначе, онъ отстанетъ отъ своего стада, а тѣмъ временемъ его овцы будутъ расхищены хищными волками. Г.

Какъ устранить неблагочиніе въ храмахъ во время богослуженія.

Въ настоящее время ожиданія кореннымъ реформъ нашего церковнаго строя поставленный въ заглавіи вопросъ— не первостепенный, но тѣмъ не менѣе не маловажный, заслуживающій полнаго вниманія со стороны духовенства, потому что духовенство обязано поддерживать и охранять въ своей паствѣ благоговѣнное настроеніе, и беречь свою Церковь отъ нареканій, а разные неурядки при богослуженіи и могутъ разрушать первое и вызывать вторыя.

Несомнѣнно, поддержаніе благочинія въ храмѣ зависитъ отъ благоговѣнія и воспитанности молящихся, но и духовенство въ этомъ случаѣ можетъ сдѣлать весьма многое. Духовенство, вѣдь, является распорядителемъ въ храмѣ, отчасти хозяиномъ, съ довольно широкими полномочіями и, слѣдовательно, многое можетъ сдѣлать, при доброй охотѣ и усердіи, въ заведеніи виѣшняго порядка при богослуженіи; особенно это достижимо въ приходсахъ немногочисленныхъ, съ болѣе или менѣе постояннымъ населеніемъ. Говоря— „духовенство многое можетъ сдѣлать“, мы разумѣемъ не только отдѣльныхъ его представителей, но и духовенство, какъ корпорацію, сословіе, которое можетъ относительно благочинія вырабатывать общія мѣры. Что же именно могло бы сдѣлать духовенство въ этомъ отношеніи?

Къ неурядкамъ нашего богослуженія мы относимъ прежде всего утрату древняго обычая, въ силу котораго мужчины и женщины въ храмѣ становились на разныхъ половинахъ его, причемъ существовали даже отдѣльный ходъ для мужчинъ и отдѣльный для женщинъ. Нельзя не пожалѣть объ утратѣ такого обычая. При многочисленствѣ и давкѣ, какая бываетъ въ нашихъ храмахъ, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, смѣшеніе половъ крайне неудобно и стѣснительно, чтобы не сказать больше. Въ городскихъ храмахъ, особенно многочисленныхъ, новый порядокъ по своему испол-

зовала городская молодежь, часто распущенная и невоспитанная. Храмъ нерѣдко дѣлается мѣстомъ радостныхъ встрѣчъ, свиданій, разговоровъ, шутокъ между молодыми людьми, что вызываетъ въ людяхъ пожилыхъ чувство негодованія и возмущенія, которое, однако, не всякій рѣшается высказать вслухъ.

Не мало поводовъ къ жалобамъ подають и дѣти школьнаго возраста; уличное воспитаніе и дѣтская шаловливость очень часто проявляется и въ храмахъ, выражаясь въ разговорахъ, смѣхѣ, частой перемѣнѣ мѣсть и хожденіи по храму, особенно въ городахъ. Какъ устранить этотъ непорядокъ?

Надзоръ за благочиніемъ при богослуженіи отлично поставленъ въ католическихъ храмахъ; тамъ за порядкомъ зорко слѣдитъ церковникъ; послѣ одного или двухъ замѣчаній онъ обыкновенно предлагаетъ не въ мѣру разговорчивымъ уйти изъ храма. Никто противъ этого не протестуетъ: тамъ публика такъ воспитана и знаетъ, что за ней есть надзоръ. Въ нашихъ храмахъ священнослужители и церковными и гражданскими законами обязываются внушать христіанамъ благоговѣніе къ службѣ Божіей и наблюдать, чтобы тишина и порядокъ въ храмѣ не были нарушаемы входящими. Инструкціей церковнымъ старостамъ, § 22 п. 10, на нихъ также возлагается обязанность слѣдить за соблюденіемъ молящимися тишины и порядка во время богослуженія и крестныхъ ходовъ. Но священнику наблюдать за благочиніемъ во время богослуженія неудобно: совершая богослуженіе, онъ на немъ исключительно долженъ сосредоточить все свое вниманіе; кромѣ того, стоя лицомъ къ горнему мѣсту, для наблюденія за молящимися онъ долженъ былъ бы оборачиваться назадъ къ молящимся, а это очень неудобно и нежелательно. Церковный староста, занятый свѣчнымъ ящикомъ, также не можетъ удѣлять много времени надзору за порядкомъ въ храмѣ. Тѣмъ болѣе сами молящіеся не всегда и не

каждый рѣшается защищать свой покой и благоговѣніе въ храмѣ, такъ какъ рискуетъ нарваться на непріятность и на вопросъ: „да вы кто, и кто вамъ далъ право смотрѣть за мною“? Кто же, въ такомъ случаѣ, могъ бы наблюдать за порядкомъ и тишиной въ храмѣ? На общемъ собраніи братчиковъ при церкви N этотъ вопросъ рѣшили такъ. Такъ какъ братчики—самые усердные посѣтители храма, то имъ и порученъ надзоръ за порядкомъ въ храмѣ, о чемъ постановлено оповѣстить всѣхъ прихожанъ. 10—12 человекъ, стоящихъ въ разныхъ мѣстахъ храма, достаточно для такого надзора. Такъ какъ въ приходѣ N есть нѣсколько школъ и много дѣтей школьнаго возраста, и такъ какъ дѣти въ храмъ часто являются безъ родителей и учителей, то братство для дѣтей отвело специальное мѣсто и для присмотра за дѣтьми назначаетъ двухъ—трехъ братчиковъ. Порядка въ храмѣ стало больше. Подобно этому можно было бы устроить и въ другихъ мѣстахъ; и каждый священникъ могъ бы воспользоваться для охраненія тишины и порядка въ храмѣ услугою самихъ же прихожанъ.

Пора обратить вниманіе на сборы, какіе совершаются въ нашихъ храмахъ, и упорядочить ихъ. Сборовъ практикуется не мало, и для cadaго изъ нихъ существуетъ отдѣльная кружка. Вслѣдствіе этого и получается картина,—наступаетъ опредѣленный моментъ богослуженія, и вотъ тянется по церкви вереница человекъ 5—6 съ кружками. Не проще ли было бы обнести одну кружку и изъ нея дѣлать отчисленія на тѣ нужды, какимъ удовлетворяютъ кружечные сборы, и о такихъ отчисленіяхъ *заблаговременно объявлять молящимся*: тогда по храму путешествовалъ бы всего только одинъ, много два человека, и не было бы надобности при давкѣ и тѣснотѣ въ храмахъ расталкивать и еще болѣе тѣснить молящихся. Нельзя не поскорбѣть и о томъ, что духовенство наше, нищенски обставленное, вынуждено и само прибѣгать къ собиранію въ храмѣ денежныхъ подаяній. Во многихъ храмахъ эти сборы практикуются въ

довольно широкихъ размѣрахъ особенно въ великій постъ: діако́нъ во время каждаго храма, церковникъ съ просфорой во время проскомидіи, затѣмъ псаломщикъ два раза обходитъ молящихся съ тарелкой (въ первый разъ конейки даются за молитву предъ причащеніемъ, во второй разъ за чтеніе благодарственныхъ молитвъ послѣ причащенія). Такъ какъ при многолюдствѣ причастниковъ нѣкоторые изъ нихъ уходятъ, не ожидая, напримѣръ, чтенія благодарственной молитвы, то сборы по мѣстамъ за чтеніе этихъ молитвъ практикуются авансомъ. Тяготу и унижительность такихъ хожденій духовенство, конечно, чувствуетъ весьма сильно и тяготеетъ ими: это видно изъ того, напримѣръ, что за сборами за чтеніе молитвы предъ причащеніемъ идетъ не одинъ изъ членовъ причта, читающій эти молитвы, а обыкновенно церковный сторожъ. Пора бы уже этотъ сборъ какъ-нибудь измѣнить или замѣнить ¹⁾.

Подачу свѣчей, просфоръ и записокъ на поминовеніе самими молящимися слѣдовало бы допускать только до богослуженія и ввести практику многихъ московскихъ церквей, гдѣ свѣчи и записки отдаются обыкновенно церковному старостѣ, а онъ записки относитъ въ алтарь, а свѣчи ставитъ на подсвѣчники.

Во избѣжаніе давки и толкотни, какія наблюдаются въ многолюдныхъ храмахъ при совершеніи исповѣди и причащенія, можно бы рекомендовать такой порядокъ, чтобы сначала къ этимъ таинствамъ допускались дѣти, затѣмъ женщины и, наконецъ, мужчины, какъ болѣе сильные и выносливые. При такомъ порядкѣ давки и тѣсноты въ храмахъ

¹⁾ Въ приходахъ Великороссіи практикуется такимъ образомъ,—по окончаніи литургіи и благодарственныхъ молитвъ священникъ даетъ причастникамъ цѣловать крестъ съ амвона; съ той стороны священника, куда отходятъ причастники, поцѣловавши крестъ, становится псаломщикъ или церковный сторожъ съ тарелкой; на нее-то и кладутъ причастники добровольныя привошенія за молитвы.

будетъ гораздо меньше. Маленькихъ дѣтей приобщать раньше другихъ прямо необходимо; крикомъ и шискомъ они заглушаютъ чтеніе и пѣніе; умиленные молитвы передъ причащеніемъ: „Вѣрую, Господи“ „Вечери Твоя тайныя“ слѣдуетъ читать уже послѣ приобщенія дѣтей, дабы молитвы отчетливо и ясно могли слышать всѣ взрослые, чему обычно мѣшаютъ дѣтскій плачь и крикъ.

Нельзя не признать справедливыми и жалобъ на поведение молящихся во время проповѣди. Обычное явленіе, что во время проповѣди поднимается шумъ и движеніе, при чемъ одни стремятся впередъ къ проповѣднику, а другіе къ выходу. Парализовать это печальное явленіе могло бы отчасти само духовенство. Въ большинствѣ храмовъ проповѣдь говорятъ обыкновенно противъ царскихъ вратъ лицомъ къ народу и очень часто въ обширныхъ храмахъ, при слабыхъ голосовыхъ средствахъ проповѣдниковъ, слышать ее могутъ только впереди стоящіе, остальнымъ же остается только догадываться, о чемъ говорятъ проповѣдникъ. Къ проповѣди публика будетъ болѣе внимательна при слѣдующихъ условіяхъ. Нужно, чтобы проповѣдь была не роскошью, допускаемою только въ особенно торжественныхъ случаяхъ, а систематической, непремѣнной принадлежностію богослуженія. Произносить проповѣдь необходимо въ обширныхъ храмахъ съ особой кафедрой, а въ обыкновенныхъ храмахъ съ амвона, поставленнаго среди храма. Тамъ, гдѣ проповѣдь произносится по особому расписанію, очередными священниками, должны быть нѣкоторыя ограниченія во времени. Теперь назначаютъ священника произносить проповѣдь разъ въ годъ въ кафедральный или соборный (разумѣемъ городъ) храмъ; естественно желаніе написать проповѣдь подлиннѣе да поумнѣе, но, къ прискорбію, часто такіе проповѣдники забываютъ о томъ, что вниманіе человѣка имѣетъ свои границы, и что даже самыя талантливыя ораторы считаются съ этимъ обстоятельствомъ. Лицъ съ слабымъ голосомъ и неотчетливою рѣчью, можетъ быть, хорошо было бы замѣнять другими безъ ука-

занныхъ недостатковъ, такъ какъ этими недостатками можно только отбивать въ молящихся вообще охоту къ слушанію проповѣди. Поучителенъ въ этомъ случаѣ примѣръ Амвросія, архіепископа харьковскаго. Въ послѣдніе годы своего служенія онъ, будучи слабымъ, обыкновенно поручалъ читать свои проповѣдническіе труды одному изъ священниковъ, даже и въ томъ случаѣ, когда самъ совершалъ богослуженіе.

Систематически воспитанная ясной воодушевленной (а не вялой и скучной) проповѣдью, паства, несомнѣнно, съ большимъ вниманіемъ будетъ относиться къ проповѣди, чѣмъ какъ мы наблюдаемъ это въ настоящее время; тогда несомнѣнно и порядка во время произношенія проповѣдей будетъ больше.

Въ пѣляхъ улучшеніяцерковнаго благочинія можно пожелать кое-что относительно церковнаго хора. Обыкновенно впереди молящихся стоитъ такъ называемый лѣвый клиросъ. Порядка на немъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше въ немъ будетъ наемныхъ пѣвцовъ. Лѣвый клиросъ всего лучше составлять изъ благочестиво настроенныхъ людей, любителей церковнаго чтенія и пѣнія. Отъ взоровъ молящихся слѣдуетъ закрывать пѣвцовъ, стоящихъ впереди, иконами. Тамъ, гдѣ существуетъ отдѣльное помѣщеніе для главнаго хора, входъ въ такое помѣщеніе (хоры) долженъ быть открытъ только для самихъ пѣвцовъ.

Заслуживаетъ вниманія чрезмѣрное увлеченіе, особенно городскихъ хоровъ, такъ называемыми духовными концертами, такъ какъ это увлеченіе мѣстами служитъ тоже причиною неблагочинія въ храмахъ и вотъ почему. Духовные концерты, нерѣдко съ свѣтскими отгѣнками въ мотивахъ, для религіознаго назиданія пользы приносятъ мало; частое повтореніе отдѣльныхъ словъ, неправильныя ударенія, вызываемыя музыкальными соображеніями, ведутъ къ тому, что содержаніе церковнаго пѣснопѣнія можетъ уловить только опытное ухо; въ результатѣ остается только эстетическое удовольствіе. Исполненіе духовныхъ концертовъ въ городахъ стало своего рода спортомъ, въ которомъ одинъ хоръ старается превзойти

другой. Концертное настроеніе хора выработало и воспитало особыхъ посѣтителей богослуженія любителей концерта. Не пропустить концерта—это главное для такихъ „богомольцевъ“; ко времени исполненія концерта они и стараются попасть въ храмъ, а по окончаніи концерта сейчасъ же гурьбой удаляются изъ храма, производя неизбежную при этомъ толкотню и шумъ.

Вопросъ о концертахъ при богослуженіи и о характерѣ пѣнія заслуживаетъ вниманія знатоковъ церковнаго пѣнія, мы же отмѣчаемъ въ нихъ лишь неудобную для церковнаго богослуженія сторону, такъ какъ исполненіе концертовъ вносить въ богослуженіе и закрѣпляетъ въ публикѣ привычки театра, въ которыхъ публика пѣнитъ часто отдѣльныя аріи, выдающіяся въ музыкальномъ отношеніи мѣста.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

---

¹⁾ Книжка продается въ Москвѣ. Епархіальный домъ, цѣна 35 к.

ЗАМѢТКА.

с) Какъ живутъ соціалисты.

Въ недавно вышедшей прекрасной книжкѣ о соціализмѣ, подъ заглавіемъ „Христіанство и соціализмъ“, приведена очень интересная справка ¹⁾ относительно образа жизни вождей соціализма.—Вотъ что извѣстно о нихъ. Соціалистъ Лассаль получалъ пожизненную пенсію въ 7000 марокъ въ годъ отъ графини Гацфельдъ, съ которой молва обвиняла его въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ. Умеръ онъ, убитый на дуэли изъ-за обладанія дѣвушкой, которая отказалась быть женою Лассалья, т.-е. послѣ исторіи, на которую способенъ самый ничтожный и пошлый человѣкъ. Не отличается добродѣтелью жизнь и другихъ соціалистовъ. Бебель живетъ въ роскоши и изъ токаря давно обратился въ собственника великолѣпнаго

¹⁾ Книжка продается въ Москвѣ. Епархіальный домъ, цѣна 35 к.

имѣнія подобно и нашему демократу Горькому; у Фольмара чудная вилла; Днищъ зарабатываетъ больше, чѣмъ Германскій канцлеръ; Либкнехтъ за одно редакторство газеты получалъ 7200 марокъ; оклады въ 5, 6 и 7 тысячъ—для дѣятелей социаль-демократіи обычная сумма; все это берется изъ сбора съ рабочихъ, который въ 1904 году достигъ 20 милліоновъ марокъ. Одно судебное дѣло обнаружило, что, напримѣръ, депутатъ Фохттеръ взялъ изъ кассы партіи 9 тысячъ марокъ на уплату своихъ частныхъ долговъ.

Въ типографіи извѣстной (соціалистической) газеты *Wogwärts—Впередъ!* (которую редактировалъ Либкнехтъ) не соблюдается ни 7-часовой трудъ, о которомъ социалисты такъ хлопчуть для другихъ, ни воскресный отдыхъ; работа не прекращается и на ночь; температура у ротационныхъ машинъ—до 28°; работу задають непосильную и часто постороннюю. Между тѣмъ газета даетъ въ годъ 600,000 марокъ чистой прибыли. Это—чисто капиталистическое предпріятіе подъ флагомъ социализма. Въ другихъ соціалистическихъ предпріятіяхъ работаютъ 18 часовъ въ сутки. Не слышно, чтобы въ русскихъ соціалистическихъ газетахъ, въ типографіяхъ рабочіе работали по 8 часовъ въ сутки, или чтобы рабочіе типографіи „Русскихъ Вѣдомостей“ или „Русскаго“ Слова“, „Дѣло Парода“ и друг. участвовали въ прибыляхъ редакціи въ равной долѣ.

Мастера принадлежащей социалистамъ въ Берлинѣ булочной, обанкротившейся вслѣдствіе дурного хозяйства, жаловались, что здѣсь съ ними обращаются хуже, чѣмъ гдѣ-либо, а въ такой же Гамбургской—пекари даже прекращали работу. Типографіи партій социаль-демократіи спокойно требуютъ субсидій: мастерская и потребительныя товарищества разоряются, въ принадлежащихъ партіи лавкахъ продается товаръ дороже и хуже, на что слышатся постоянныя жалобы. Въ Берлинской и Вѣнской больничныхъ кассахъ, которыя социалисты взяли въ свои руки, писцы получаютъ нищенское содержаніе, а члены совѣта—огромные оклады. Извѣстный

соціалъ-демократъ Зингеръ въ Берлинѣ, весьма богатый человекъ, платитъ мастерицамъ своего заведенія гроши, а въ отвѣтъ на требованія прибавки, мастерицамъ объявилъ, что дополнительное содержаніе они могли бы получать отъ мужчинъ... Совершенно то же повторилось во Франціи, въ Бельгій: доходило дѣло не разъ до судебныхъ разбирательствъ. (Костром. еп. вѣд.).

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ непродолжительномъ времени начнется печатаніе ряда статей извѣстнѣйшаго психіатра профессора кіевскаго университета П. Л. Сикорскаго по одному изъ живѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ пастырской дѣятельности и жизни народной—о пьянствѣ народномъ и средствахъ борьбы съ нимъ духовенства.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 25-го февраля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 10.** Подписка принимается въ редак-
пять руб., съ пересылкою **ШЕСТЬ** ции журнала, при Кіевской духо-
рублей. **рублий.** ной Семинаріи.

1907-го года марта 11-го дня.

Содержаніе: I. О составѣ приходскихъ собраній по проекту IV отдѣла предсоборнаго присутствія.—II. Приходъ и женщина.—III. Умѣстны ли иконы въ „непристойныхъ“ мѣстахъ.—IV. † Протоіерей М. М. Богдановъ.—Замѣтка. Симпатичное постановленіе съѣзда духовенства.

О составѣ приходскихъ собраній по проекту IV отдѣла предсоборнаго присутствія.

Однимъ изъ существенныхъ вопросовъ, на которомъ сосредоточила свое вниманіе предсоборная коммисія, является вопросъ о православномъ приходѣ. Ожидаемое возрожденіе прихода естественно предполагаетъ привлеченіе къ приходской дѣятельности всѣхъ членовъ православнаго прихода, а это послѣднее требуетъ яснаго указанія на то, кого нужно считать прихожаниномъ, членомъ той или другой приходской единицы, такъ какъ неясности въ данномъ отношеніи могутъ повести къ печальнымъ недоразумѣніямъ, спорамъ и непріятностямъ.

Предсоборная комиссія (четвертый отдѣлъ) составъ прихода опредѣляетъ такъ: „Приходъ составляется изъ приходскаго собранія и приходскаго совѣта. Въ приходскомъ собраніи участвуютъ всѣ прихожане, достигшіе 25-лѣтняго возраста, и клиръ. Не имѣютъ права участія въ собраніи лица, ограниченныя въ правахъ постановленіемъ церковнаго или гражданскаго суда, сектанты и люди, явно порочные. По дѣламъ имущественнымъ лица, не платяція приходскихъ налоговъ, права голоса не имѣютъ“.

Ясное съ перваго взгляда, опредѣленіе это, при внимательномъ къ нему отношеніи, не можетъ не вызвать нѣкоторыхъ недоумѣній.

Въ настоящее время, при самомъ крайнемъ разнообразіи теченій и направленій общественной мысли, даже среди признающихъ себя православными не всегда можно встрѣтить ясное понятіе о томъ, кого нужно считать православнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, одни—это изъ народа—исполняютъ всѣ христіанскія обязанности, бываютъ въ храмѣ, говѣютъ, держатся простой вѣры отцовъ, не мудрствуя лукаво; другіе—православные по метрикѣ; десятками годовъ не бывая въ храмѣ, они обращаются къ священнику только въ силу обычая, при бракѣ или смерти близкихъ; третьи открыто критикуютъ Церковь и ея установленія, не признаютъ постовъ, не чтутъ иконъ, знать не хотятъ духовенства. И тѣмъ не менѣе всѣ эти лица одинаково считаютъ себя православными.

Церковное хозяйство или матеріальную (и духовную также) сторону церковной жизни создаютъ, конечно, первые. своей трудовой лептой. Однако, всѣ указанныя лица, на равныхъ правахъ, приглашаются къ участію въ церковныхъ дѣлахъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что хозяевами и заправилами дѣла явятся не смиренныя, добрыя христіане, а крикуны, для которыхъ храмъ послужить лишь мѣстомъ сведенія личныхъ и партійныхъ счетовъ со священникомъ.

Можетъ выйти, такимъ образомъ, что вершителями су-

судебъ приходской жизни будутъ лица, менѣ всего причастныя къ ней.

Предсоборная коммисія не указываетъ и того, какой срокъ нужно прожить въ данномъ приходѣ для того, чтобы считаться прихожаниномъ его и имѣть связанныя съ нимъ права,—напримѣръ, право голоса въ приходскихъ собраніяхъ. Въ настоящее время прихожаниномъ считается каждое лицо, которое живетъ въ районѣ прихода въ данный моментъ. При новомъ строѣ, дающемъ широкія права прихожанамъ, смѣшивать и уравнивать коренныхъ жителей съ лицами, временно проживающими въ приходѣ, было бы не совсѣмъ справедливо въ отношеніи къ кореннымъ жителямъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ поддерживающимъ приходскій храмъ и служащее въ немъ духовенство. Указанный вопросъ не будетъ имѣть своей остроты въ приходяхъ сельскихъ, гдѣ населеніе болѣе или менѣе постоянное, гдѣ всѣ знаютъ одинъ другого. Совсѣмъ не то возможно въ приходяхъ городскихъ съ смѣшаннымъ, часто мѣняющимся населеніемъ. Отсутствіе указанія, и притомъ яснаго и опредѣленнаго, не допускающаго перетолкованій, поведетъ здѣсь къ появленію на приходскихъ собраніяхъ гастролеровъ, митинговыхъ ораторовъ, которые не мало будутъ мутить приходскую жизнь, особенно тамъ, гдѣ священникъ почему-либо не сумѣлъ всѣмъ угодить, что едва ли вообще и осуществимо.

Всякое право налагаетъ и извѣстныя обязанности, которыя по отношенію къ приходу, какъ религіозно-правственному институту, и опредѣляться должны не только, даже и не столько въ отсутствіи открытыхъ пороковъ и преступленій, сколько въ прямомъ исполненіи религіозно-нравственныхъ обязанностей. Вѣримъ и надѣемся, что всероссійскій соборъ обратитъ вниманіе на это и опредѣленнѣе изложитъ то, что въ видѣ намека, неясныхъ штриховъ мы находимъ въ опредѣленіи предсоборной коммисіи.

Предсоборная коммисія въ резолютивной части приведеннаго постановленія о приходѣ ни слова не сказала о томъ,

какое участіе въ приходскихъ собраніяхъ могутъ и должны принимать женщины. По самому характеру женской природы, онѣ обыкновенно (въ большинствѣ случаевъ) религіознѣе, чѣмъ мужчины, а поэтому и къ храму и его нуждамъ относятся съ большимъ интересомъ и участіемъ. Въ приходскомъ благоустроеніи это весьма дѣятельные члены, которыми игнорировать нельзя. Нужно принять во вниманіе и слѣдующее. Нѣкоторые храмы въ настоящее время и содержатся и украшаются богатыми жертвователницами, которыя вмѣстѣ съ приходскими священниками и даютъ направленіе и тонъ приходской жизни; прихожане лишь съ благодарностію принимаютъ щедрыя жертвы благотворительницъ на храмъ. Новый порядокъ церковной жизни не долженъ устранять такихъ лицъ отъ храма; такъ какъ это будетъ служить ему въ ущербъ и жертвователницамъ въ незаслуженную обиду. Нельзя, наконецъ, забывать и того, что во многихъ селеніяхъ Великороссіи, гдѣ населеніе занимается отхожими промыслами, приходскія собранія безъ женщинъ фактически, можетъ быть, и не осуществимы, такъ какъ мужское населеніе почти круглый годъ находится на сторонѣ.

Будемъ надѣяться, что предстоящій соборъ не пройдетъ мимо и этой стороны приходской жизни и въ благопріятномъ смыслѣ для прихода разрѣшитъ ее.

Священникъ *В. Пестряковъ.*

Приходъ и женщина.

Очеркъ—разсказъ.

I.

О. Митрофанъ Кротовъ, благодушный, средняхъ лѣтъ батюшка ничѣмъ особеннымъ незамѣчательнаго маленькаго прихода одной изъ внутреннихъ губерній, послѣднее время былъ положительно не въ духѣ, чувствуя глухое раздраженіе и неудовольствіе противъ своихъ же собратій—окружнаго духовенства. Такое состояніе было совсѣмъ необычно для о. Митрофана, почему особенно мучительно отзывалось на немъ; но вызвано было оно весьма глубокими причинами, и освободиться отъ него было не во власти миролюбиваго, кроткаго батюшки. Въ жизни, на службѣ онъ рѣдко обнаруживалъ раздражительность, вспыльчивость, а тѣмъ болѣе враждебныя чувства къ ближнему. Служа священникомъ на приходѣ болѣе двадцати лѣтъ, о. Митрофанъ научился любить человѣка вблизи—со всѣми его, часто отталкивающими, недостатками, грубостью, неблагодарностью, кажущимся безсердечіемъ; онъ умѣлъ въ каждомъ человѣкѣ, въ каждой душѣ цѣнить и угадывать, подъ внѣшнею порочностью и грубостью, образъ Божій—неискоренимые въ каждомъ задатки вѣчной правды, любви, стремленія къ свѣту. О. Митрофанъ вообще вѣрилъ въ человѣка, въ конечное торжество любви и правды надъ злобой и насиліемъ, а потому чувствовалъ себя уравновѣшенно—спокойно, взирая радостно, съ христіанскимъ упованіемъ, на міръ Божій и на свою сѣрую, крестьянскую, православную паству.

Но теперь его уравновѣшенное настроеніе было вконецъ нарушено и смѣнилось чувствомъ раздраженія и горькой обиды. И этотъ разладъ въ мирную душу батюшки былъ внесенъ никѣмъ инымъ, какъ его же собратіями священниками на недавнемъ, послѣднемъ пастырскомъ собраніи окружнаго духовенства. Тамъ, на этомъ собраніи, всѣми отцами

было, словно по уговору, встрѣчено холодно, а потомъ и совсѣмъ оставлено безъ вниманія, безъ должнаго обсужденія очень важное и жизненное предложеніе о. Митрофана. Самъ онъ придавалъ своему проекту—предложенію большую практическую цѣну, не мало потрудился надъ его разработкой, питая затаенную пріятную мысль, что его трудъ, его идея будутъ встрѣчены собраніемъ съ должнымъ сочувствіемъ, если только не восторженно. Но на дѣлѣ случилось нѣчто неожиданное и прямо-таки обидное для самолюбія о. Митрофана. Когда онъ выступилъ со своимъ предложеніемъ на этомъ людномъ и оживленномъ собраніи, гдѣ десятки другихъ второстепенныхъ вопросовъ и предложеній подхватывались горячо и обсуждались страстно,—въ это самое время отцы собранія его проектъ не удостоили ни должнаго вниманія, ни серьезнаго обсужденія. Просто, какъ-то пропустили его мимо ушей, забросили, обошли, какъ ненужную вещь! И поступили такъ обидно, такъ невнимательно почтенные отцы съ его любимымъ дѣтищемъ, взлѣдѣннымъ глубокой думой, провѣреннымъ жизненной пастырской практикой. Между тѣмъ въ проектѣ о. Митрофана, по крайней мѣрѣ на его собственный взглядъ, заключалось столько практической пользы, столько неисчислимыхъ благихъ послѣдствій для приходской жизни, если бы онъ былъ принятъ и осуществленъ на дѣлѣ. О. Митрофанъ въ своемъ предложеніи, въ самомъ дѣлѣ, касался весьма важнаго вопроса объ участіи женщинъ въ церковно-приходской жизни наравнѣ съ мужчинами. Какъ очевидно всякому, вопросъ о. Митрофана имѣлъ самъ по себѣ практически-жизненный смыслъ, и незаслуженный провалъ его на собраніи могъ естественно раздражить даже терпѣливаго, уравновѣшеннаго человѣка. Поэтому вполне естественно было и раздраженное состояніе о. Митрофана, который пытался облегчить свою душу, выражая свои горькія чувства обиды въ присутствіи матушки, умѣвшей тепло и близко раздѣлять горе и радость въ жизни своего супруга.

— У насъ всегда такъ водится, у русскихъ людей,— съ горечью жаловался батюшка на обидную невнимательность съѣзда по отношенію къ нему: что насъ совсѣмъ близко не касается и о чемъ насъ не спрашиваютъ, тѣмъ мы любимъ заниматься охотнѣе всего. Въ чужихъ дѣлахъ мы всегда первые судьи и критики, особенно сильны мы стали теперь въ разныхъ политическихъ вопросахъ,— судимъ тутъ смѣло и рѣшительно. А того, что происходитъ у насъ предъ глазами, мы не хотимъ замѣчать: непорядки въ приходской жизни, горе и бѣдность народная,—не тѣ, про которые толкуютъ политики, а наши приходскіе, насъ тревожатъ совсѣмъ мало. Какъ бы придти на помощь бѣдному прихожанину, привлечь весь народъ къ храму Божию,—одинаково и женщинъ и мужичковъ,—объ этомъ у насъ, пастырей, послѣдняя дума! Такъ-то и на нашихъ теперешнихъ собраніяхъ: послать сочувственную телеграмму любимцу-депутату въ думу за либеральныя рѣчи, выразить неумѣстное порицаніе правительству за смертную казнь,—на это насъ станеть. А вотъ внимательно обсудить свои домашнія приходскія нужды, сдѣлать что-нибудь существенное на благо прихода,—тутъ мы оказываемся и мало внимательны, и мало заботливы. Великая важность, что какой-то собратъ-священникъ приглашаетъ задуматься надъ тѣмъ, какъ бы привлечь темную, забитую женщину къ дѣятельному и разумному участию въ приходской жизни: у насъ есть вопросы поважнѣе, а съ этимъ и послѣ какъ-нибудь усядется!..

И долго еще не замолкала обличительная, полная упрековъ своимъ же собратіямъ, рѣчь о. Митрофана, не на шутку выбитаго изъ обычной душевной колеи неприятнымъ случаемъ на послѣднемъ пастырскомъ собраніи. Волей-неволей приходилось бѣдной матушкѣ, на половину наружно, показывать свое участіе къ разсужденіямъ раздраженнаго неудачей супруга... Впрочемъ, какъ возникъ совершенно случайно неудавшійся проектъ нашего батюшки, при какихъ обстоятельствахъ потерпѣлъ онъ крушеніе,—обо всемъ этомъ хотѣлось

бы рассказать подробнѣе. Намъ думается, что практически-жизненная и неотложно современная идея о. Митрофана вполне заслуживаетъ подобнаго отношенія къ себѣ.

II.

Въ одинъ воскресный день, послѣ литургіи и совершенія требъ, возвращался изъ своей церкви домой о. Митрофанъ, испытывая въ душѣ кроткое, умиротворенное настроеніе и пріятное чувство легкаго, умѣреннаго утомленія. Онъ дорогой уже предвкушалъ невинное удовольствіе чаепитія вдвоемъ съ матушкой Марьей Алексѣвной, обыкновенно сопровождавшагося задушевной супружеской бесѣдой. Разговоръ касался у нихъ обычно самыхъ близкихъ, занимающихъ ихъ думы, лицъ и предметовъ. Первое мѣсто здѣсь занимали дѣти—сынъ Володи, учившійся въ семинаріи, и дочь Оленька, бойкая епархіалка, нынѣ оканчивающая курсъ. Занимали супруговъ и приходскія дѣла: удачи и неудачи въ жизни прихожанъ, предстоящій урожай хлѣбовъ по приходу и множество другихъ фактовъ и событій изъ окружающей сельской жизни. Супружеская священническая чета жила уже не мало лѣтъ на настоящемъ приходѣ, знала наперечетъ почти весь народъ и, обладая доброй, сострадательной душой, близко къ сердцу принимала его радости и печали. Надо сказать, что и прихожане села Сосновки умѣли цѣнить доброту, непритязательность и попечительность о нихъ и о церкви своего батюшки; любили, уважали приходъ и матушку за ея доступность и простоту въ обращеніи. Особенно простыя деревенскія женщины съ полнымъ довѣріемъ шли къ Марьѣ Алексѣвнѣ со всевозможными нуждами, то за совѣтомъ, то за утѣшеніемъ. Марья Алексѣвна привѣтливо обходилась со всѣми, а съ нѣкоторыми женщинами изъ прихода у ней установились даже прямо-дружескія, сердечныя отношенія.

Вотъ и теперь именно изъ-за близкой дружбы ея съ деревенскими женщинами не удалось о. Митрофану побесѣдовать за

чайкомъ со своей матушкой. Уже въ прихожей батюшка услышалъ оживленный разговоръ, доносившійся изъ чайной, и долженъ былъ догадаться, что матушка успѣла уже пригласить кого-то изъ своихъ многочисленныхъ деревенскихъ пріятельницъ. О. Митрофанъ, разоблачившись, въ сѣромъ чистенькомъ подрясникѣ направился въ чайную, имѣвшую теперь особенно уютный, привлекательный видъ съ весело кипѣвшимъ на широкомъ столѣ самоваромъ, съ пезатѣйливой, но вкусной закуской, приготовленной руками самой матушки. Изъ-за самовара привѣтливо глянуло на о. Митрофана добродушное, полное лицо Марьи Алексѣевны, безъ словъ, однимъ взглядомъ приглашавшей его занять за столомъ обычное мѣсто. Сидѣвшая неподалеку отъ матушки гостя, по-праздничному одѣтая, видная еще изъ себя, съ умными карими глазами, пожилая крестьянка поспѣшила встать при появленіи хозяина и степенно припяла благословеніе. Это была Анна Сидоровна, жена зажиточнаго крестьянина изъ ближней деревни, Воробьихи, Поликарна Петровича; Марья Алексѣевна любила эту женщину за ея разсудительность, свѣтлый, практическій умъ, почему чаще другихъ приглашала ее къ себѣ, встрѣчаясь съ ней въ церкви. Такъ было и сегодня: отстоявъ обѣдню и направляясь дамой, матушка замѣтила въ толпѣ пріятельницу и зазвала ее на чай.

О. Митрофанъ, занявъ обычное мѣсто за столомъ, съ видимымъ удовольствіемъ отпивалъ большими глотками душистый чай изъ большого позолоченаго бокала, полученнаго имъ когда-то на память въ день ангела. Прерванный его появленіемъ, оживленный разговоръ между матушкой и Сидоровной какъ-то не клеился.

— Это о чемъ же толковали вы тутъ такъ громко передъ моимъ приходомъ, а теперь сразу смолкли? Ужъ не секретъ ли у васъ какой отъ меня?—шутливо заговорилъ батюшка, съ намѣреніемъ вновь оживить прерванную бесѣду женщинъ:—скажи-ка, Анна Сидоровна, хотя про домашнія новости: гдѣ, не видать было сегодня въ церкви твоего

Петровича, здоровъ ли онъ? По деревнѣ все ли благополучно, всѣ ли ладно живутъ?

— Намъ-то что, батюшка, дѣлается, пока Богъ хранить: живемъ помаленьку вашими молитвами! А Петровичъ мой поѣхалъ сегодня въ сосѣднюю деревню по крестьянскому дѣлу,—повела свою рѣчь въ отвѣтъ на слова о. Митрофана Анна Сидоровна, пѣвуче, по-деревенски растягивая слова.— А что про секретъ сказали вы, батюшка, такъ это, пожалуй, и правда. Только передъ вами,—хотѣла я пожаловаться на вашу милость матушкѣ, да вы тутъ-какъ-тутъ! Пришлось попримолкнуть поневолѣ...

— Такъ вотъ оно куда у насъ дѣло пошло! не мѣняя шутилаго тона, воскликнулъ, какъ будто обижаясь, хозяинъ:— прихожанки начинаютъ жаловаться на своихъ духовныхъ отцовъ; это ли не горько, это ли не обидно! А все-таки ты уже не скрывай отъ меня, Анна Сидоровна, чѣмъ я не угодила тебѣ, а, можетъ быть, и другимъ,—чѣмъ васъ обидѣлъ?

— Да что говорить много: есть эта обида нашей сестрѣ и—обида горькая; только не подумайте, что она отъ васъ однихъ. Давно терпимъ мы ее, деревенскія бабы, отъ своихъ духовныхъ, да вотъ только рассказать не умѣемъ, а обида эта горькая въ томъ по-моему,—ужь вы простите меня за прямыя слова,—что наше женское сословіе у васъ въ какомъ-то загонѣ; забываете вы нашу сестру, деревенскую бабу, отцы духовные: что есть мы на свѣтѣ, что нѣтъ,—вамъ все равно! Вспоминаютъ о насъ, пожалуй, и по отчеству величаютъ только при разныхъ сборахъ; тутъ и „ленку, Сидоровна, вынеси, и маслеца, и яичками одѣли“... А въ другое, прочее время ту же Сидоровну, глядишь, и забыли. Я вотъ часто своимъ женскимъ умомъ объ этомъ раскидываю, и таково-то горько, обидно станеть! Вездѣ у васъ, и въ церкви и въ приходѣ, на первомъ мѣстѣ мужикъ—мужчина. Кого батюшки поучаютъ въ церкви, съ кѣмъ бесѣдуютъ? Все больше съ ихнимъ братомъ про ихнія

дѣла; послушаешь-послушаешь: ни одного добраго слова на счетъ своего женскаго положенія такъ и не услышишь.

— Однако, не все же правда въ твоихъ словахъ, Сидоровна; много и лишняго вводишь ты на нашего брата, хотя бы на меня!—прервалъ словоохотливую гостью о. Митрофанъ,—ужь будто такъ небрежно, невнимательно относимся мы къ вамъ? Вспомни-ка, милая, про то, что слыхала ты въ церкви: развѣ я же не стараюсь учить и женщинъ, бесѣдовать съ вами, приглашать васъ на добрыя дѣла? Ты же часто ходишь въ церковь и можешь все понимать; грѣхъ вѣдь будетъ жаловаться напрасно, наговаривать на насъ лишнее!..

III.

Не робкая по характеру, при томъ же давно и коротко знакомая съ семействомъ Кротовыхъ, Сидорова ни мало не смутилась строгимъ замѣчаніемъ о. Митрофана; она, видимо, рѣшилась высказать прямо и до конца все, что лежало у ней на душѣ. Просто замѣтивъ, что она говорила не про него одного, а вообще—про другихъ прочихъ духовныхъ, гостя бойко продолжала свою прерванную обличительную рѣчь.

— Опять же и то сказать,—снова заговорила она:—развѣ не замѣчаетъ наша сестра, какъ совѣмъ ни во что ставить ее въ церковныхъ вашихъ дѣлахъ? Собираются у васъ церковные сходы, либо попечительскій совѣтъ, и обсуживаютъ тутъ всякія дѣла: выбрать ли новаго старосту, сдѣлать ли какую поправку по церкви, купить колоколь, другое ли что—обо всемъ спрашиваютъ, небойсь, совѣта нашихъ мужиковъ, а насъ тутъ и близко нѣтъ! И тутъ тоже, бываетъ, вспохватываются и насъ, когда надобно уложить какой-нибудь сборъ. Живо, безъ нашего спроса, порѣшаютъ: по стольку-то аршинъ холста или другого чего съ каждой женщины, и мы,—знай только, расплачивайся. Вотъ то-то и обидно, батюшка, что совѣмъ какъ будто въ сторонѣ сто-

имъ мы отъ церкви Божіей, вздыхаемъ да издали на нее поглядываемъ: словно-то она, матушка, не столь же дорога и нашему бабьему сердцу, какъ и мужицкому!.. А попробуй-ка наша сестра, попроси, чтобы ее допустили поближе ко храму Божию, чтобы спрашивали и ея совѣта въ Божьихъ церковныхъ дѣлахъ, — такъ что изъ этого выйдетъ? на смѣхъ подымутъ: „вишь, скажутъ, бабы чего захотѣли, туда же въ наши мужскія дѣла вмѣшиваются!“! И — больше ничего. Это вотъ ладно съ вами, батюшка и матушка, можно говорить обо всемъ по-просту, что есть на душѣ; вы-то напрасно не осудите, вы слушаете и простого человѣка, какъ вотъ я. Оттого легко и хорошо съ вами поговорить; безъ ласки, безъ добраго совѣта отъ васъ не уйдешь.

Анна Сидоровна была права: и о. Митрофанъ и Марья Алексѣевна внимательно, серьезно слушали ея порывистыя искреннія рѣчи, которыя гостя не забывала прерывать чаепитіемъ. Съ послѣдними словами Сидоровны, видимо, истощился запасъ ея мыслей, къ тому же и предложенное хозяйкой угощеніе подходило къ концу. Самоваръ простылъ, чай быть выпить, и гостя намѣревалась уже попрощаться съ милыми, радушными хозяевами. Но о. Митрофанъ, глубоко пораженный разговоромъ Анны Сидоровны, столь необычнымъ въ устахъ простой деревенской женщины, остановилъ ее на минутку и заставилъ снова присѣсть.

— А, вѣдь, много горькой правды высказала ты намъ по-просту, Анна Сидоровна, и спасибо тебѣ на томъ!.. Раскрыла глаза нашему брату: давно бы намъ духовнымъ самимъ слѣдовало до этого додуматься, хотя бы и мигъ. Сколько лѣтъ служилъ, ходилъ около самаго нужнаго дѣла, а самъ не могъ увидеть, пока не указали добрые люди.

— Что тутъ было много и указывать, о. Митрофанъ, — дѣло для всякаго ясное. Теперь и между нами каждая почти женщина понимаетъ и толкуетъ про это, каждая по-своему чувствуетъ обиду. Только какъ вотъ исправить бы этотъ не-порядокъ, — до этого еще не додумались. По-моему, вся сила

туть въ васъ же нашихъ отцахъ духовныхъ: захотѣть только вамъ, и повернете все дѣло по-доброму, по-хорошему. А какъ бы рады-то были тогда всѣ наши деревенскія бабы! Кому же, батюшка, и вправду нелестно видѣть, что и его, наконецъ, за человѣка почитаютъ... Однако, задержала васъ и долго со своими бабьими разговорами; прощенія просимъ; простите, матушка и батюшка, коли что не въ угоду вамъ, обидное молвила!

Поблагодаривъ хозяевъ за привѣтъ и за ласку, еще разъ извинившись предъ ними, Анна Сидоровна покинула радушный домъ священника. Необычное впечатлѣнiе осталось въ этотъ разъ отъ посѣщенiя и, особенно, отъ странныхъ разговоровъ гости въ душахъ обоихъ хозяевъ. Чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ отзывались рѣчи Сидоровны: и о. Митрофану и Марьѣ Алексѣевнѣ казалось одинаково удивительнымъ, откуда могла простая, деревенская женщина набраться такихъ современныхъ мыслей и взглядовъ и сумѣла ихъ высказать такъ ясно, смѣло и рѣшительно?

— Вотъ онъ что значить духъ-то времени, сила и влiянiе новыхъ идей! Слышала, матушка, что и какъ нынче поговариваютъ!—прервалъ отецъ Митрофанъ молчанiе, наступившее по уходѣ Анны Сидоровны:—идетъ равноправiя, требованiе участiя всѣхъ во всемъ, жалобы на прежнее униженiе и забитость распространяются, слышатся повсюду, отъ нихъ не ухранилась и глухая деревня. Откуда взяла свои разговоры наша Сидоровна, кто ее могъ научить, да и не ее одну, а, оказывается, чуть не всѣхъ деревенскихъ женщинъ? Просто,—до такого времени уже дожили: каждый сознаетъ себя человѣкомъ и хочетъ добиться своихъ правъ. И этого требуютъ теперь у насъ во всѣхъ областяхъ жизни. добрались, какъ видно, и до нашихъ церковно-приходскихъ порядковъ. Что же, и въ добрый часъ: намъ, духовнымъ, остается только выйти на встрѣчу справедливымъ народнымъ желанiямъ. По-моему, и къ тому, что говорила въ своей простотѣ и откровенности наша гостыя, слѣдуетъ непременно

отнестись серьезно, съ полнымъ вниманіемъ. Кромѣ большого спасибо, ей нельзя ничего и сказать: надоумила, указала на неотложное дѣло какъ-разъ во время. Я думаю теперь же заняться, какъ слѣдуетъ, этимъ дѣломъ и помочь посылно деревенскому бабьему горю.

По послѣднимъ энергичнымъ словамъ своего супруга Марья Алексѣевна могла безошибочно предположить, что теперь о. Митрофанъ безотлагательно займется разработкою идей, случайно высказанныхъ Сидоровной, а потомъ и практическимъ проведеніемъ ихъ въ жизнь своего прихода. И Марья Алексѣевна, хорошо знавшая характеръ своего супруга, не ошиблась въ своихъ предположеніяхъ.

IV.

О. Митрофанъ какъ по своимъ взглядамъ, такъ и по характеру своей дѣятельности былъ человѣкомъ практически-жизненнаго направленія. Онъ не любилъ увлекаться безпочвенными, идеальными мечтаніями до забвенія окружающей дѣйствительности съ ея насущными потребностями и, подчасъ, даже мелочными нуждами. Если бы о. Митрофану предстоялъ выборъ между рѣшеніемъ какого-нибудь отвлеченнаго мірового вопроса и маленькимъ практически-неотложнымъ дѣломъ, то онъ, не колеблясь, предпочелъ бы прежде исполнить это маленькое, но нужное дѣло, и потомъ бы только отдался рѣшенію идейной задачи. Впрочемъ, это ничуть не доказывало, чтобы батюшка былъ чуждъ здравой христіанской идейности; просто,—его практически-ясный, свѣтлый умъ не мирился съ бесплодной мечтательностью, которая часто губить русскаго человѣка, лишая общество полезныхъ дѣятелей. Естественно, при такомъ складѣ характера, сосновскій батюшка съ самаго поступленія на приходъ обратилъ свое вниманіе на ближайшія его нужды, на упадокъ и различныя нестроенія церковно-приходской жизни; въ эту сторону направлены были главныя усилія его дѣятельности и—не напрасно. Сосновскій приходъ могъ похвалиться передъ сосѣд-

ними приходами своей благоустроенностию: церковь отличалась исправнымъ видомъ и благолѣпиемъ; прихожане аккуратно посѣщали праздничныя и воскресныя службы; было давно открыто при церкви попечительство и даже имѣлась при семь церковная школа, но все, что предпринималось раньше о. Митрофаномъ для блага прихода, не выходило изъ рамокъ обычныхъ традиціонныхъ требованій церковной благоустроенности.

И вотъ теперь открывалась предъ нимъ какъ бы совершенно новая сторона церковно-приходской жизни, до сей поры не привлекавшая должнаго вниманія батюшки: это—положеніе въ ней женщины-прихожанки, ея религіозныя нужды и запросы, ея отношеніе къ церковнымъ дѣламъ. Все это какъ-то роковымъ образомъ ускользало отъ его пастырскаго вниманія и попечительности; нужно было откровенно и прямо о томъ высказаться простой женщиной, чтобы указать своему пастырю на такое важное опущеніе и невнимательность! Да, во чтобы то ни стало долженъ онъ, о. Митрофанъ, загладить допущенную оплошность, не малый грѣхъ предъ всѣмъ приходомъ. О. Митрофану именно видѣлся въ этомъ опущеніи не малый грѣхъ: въ современномъ, безправномъ, полузабытомъ положеніи женщинъ-прихожанокъ видѣлъ онъ прямое противорѣчіе духу Христову. Развѣ же, думалъ онъ, не призвалъ Самъ Господь женщину, наравнѣ съ мужчиной, въ Свое царство; развѣ среди Его приближенныхъ не были ученики и ученицы, и развѣ апостолы не подтвердили ясно, что въ царствѣ Христовомъ, въ Церкви Божіей, нѣтъ различія между мужескимъ поломъ и женскимъ? Далѣе вспоминалось о. Митрофану о томъ, какое видное и высокое мѣсто занимала женщина-христіанка въ Церкви въ первые вѣка... А теперь у насъ, въ православной Россіи, въ этомъ отношеніи какая странная, обидная для женщины-христіанки переменѣна: ей самой приходится напоминать пастырямъ о забвеніи завѣтовъ Христовыхъ, о возвращеніи себѣ достойнаго положенія въ Церкви! Нѣтъ, этого такъ оставить нельзя, надобно громко,

во всеуслышаніе, напоминать всѣмъ намъ, настыряемъ, объ общемъ нашемъ грѣхѣ невниманія къ духовнымъ запросамъ цѣлой половины нашихъ приходовъ; слѣдуетъ неотложно, общими силами, выработать мѣры къ измѣненію положенія женщины въ церковно-приходской жизни; должно непременно удовлетворить ея законныя требованія и запросы! И благо, есть теперь на то у насъ подъ рукой вѣрные пути и средства — наши современные пастырскіе съѣзды и собранія. На нихъ всего приличнѣе поднять этотъ важный вопросъ и всего легче сообща рѣшить его на благо Церкви, для нашего руководства въ пастырской дѣятельности.

Такимъ размышленіямъ предавался теперь о. Митрофанъ, и чѣмъ чаще онъ возвращался къ нимъ, тѣмъ яснѣе представлялись ему различныя стороны этого дѣла. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ его прихожанки, теперь полузабытыя и смиренныя, принимаютъ уже, наравнѣ со своими мужьями, живое, сознательное участіе въ церковной жизни и въ церковныхъ дѣлахъ своимъ совѣтомъ и матеріальными жертвами. Онъ видѣлъ уже мысленнымъ взоромъ тѣсно организованное при церкви женское попечительство, которое распространяетъ свою дѣятельность, полную христіанскихъ дѣлъ милосердія, на весь приходъ. Неисчислимыя добрыя послѣдствія, которыя должны были явиться отъ дѣятельнаго служенія женщины церковнымъ и приходскимъ нуждамъ, напередъ уже радовали сердце батюшки, побуждали его желать скорѣйшаго осуществленія его свѣтлыхъ пастырскихъ надеждъ. Не будь у нихъ на одномъ пастырскомъ собраніи сдѣлано постановленіе: вводить въ своихъ приходяхъ каждую новую пастырскую мѣру только послѣ общаго братскаго обсужденія и согласія, — онъ, кажется, сейчасъ же былъ бы готовъ произвести главныя и необходимыя перемѣны въ безправномъ и забытомъ положеніи своихъ прихожанокъ. Но теперь приходилось о. Митрофану идти общепринятымъ путемъ, предложить напередъ свои назрѣвшіе думы и планы на судъ ближайшаго

настырскаго собранія, и потомъ уже принятыя за настоящее дѣло.

Въ распоряженіи сосновскаго батюшки, до предстоящаго собранія, оставалось достаточно времени, чтобы основательно обдумать и оформить предположенія и планы по вопросу о привлеченіи женщинъ къ дѣятельному участию въ церковной жизни, объ организаціи, при церквахъ, женскихъ попечительствъ и тому подобныхъ предметахъ. Какъ всегда, о. Митрофанъ честно отнесся къ добровольно принятому дѣлу и чрезъ двѣ недѣли предсталъ во всеоружіи предъ братскимъ собраніемъ. Онъ не сомнѣвался почти, что его голосъ будетъ выслушанъ здѣсь со вниманіемъ, предложенный имъ вопросъ глубоко заинтересуетъ отцовъ новизной и жизненностію, и они тутъ же практически рѣшатъ его; но на этотъ разъ надеждамъ о. Митрофана не суждено было оправдаться: утомленные множествомъ другихъ дѣлъ и вопросовъ, которые предъ тѣмъ обсуждались отцами, они апатично отнеслись къ предложенію сосновскаго батюшки и тѣмъ ненамѣренно обидѣли его скромное самолюбіе!

Понятно для всякаго, что послѣ пережитой неудачи не скоро могъ о. Митрофанъ возвратить себѣ душевное равновѣсіе и сразу же побороть горькое, обидное для самолюбія, чувство. Это и вызывало съ его стороны пристрастныя сужденія о своихъ собратіяхъ-священникахъ; но дѣятельность по приходу, трудовая жизнь помогли ему опять войти въ обычную колею. Теперь, разсуждая хладнокровно, о. Митрофанъ рѣшилъ приступить къ практическому осуществленію своихъ благихъ намѣреній за собственный рискъ и страхъ. Прежде всего, онъ началъ готовить для этого почву путемъ живого слова, церковной проповѣди и бесѣдъ съ прихожанами. Какъ-разъ въ воскресный день за литургіей читалось евангеліе о женѣ хананейкѣ; батюшка умѣло воспользовался имъ, чтобы просто, отъ сердца, поговорить, побесѣдовать о томъ, какъ Господь приближалъ къ Себѣ достойныхъ

его милостей женщинъ, какъ женщины были Его ученицами и служили Ему. Много и еще говорилъ онъ въ томъ же духѣ, чтобы ободрить своихъ слушательницъ, и въ заключеніе сказалъ, что и онѣ могутъ быть такъ же близки по Христу и такъ же послужить Ему и добрымъ дѣломъ и матеріальными жертвами.

Это былъ первый шагъ со стороны о. Митрофана для привлеченія своихъ прихожанокъ къ церкви; потомъ частыми и настойчивыми бесѣдами въ церкви и по деревнямъ, обращенными по преимуществу къ женщинамъ, онъ подготовилъ ихъ настолько, что можно было рассчитывать въ скоромъ времени и на открытіе при церкви особаго женскаго попечительства. О. Митрофанъ имѣлъ въ виду для него и особенныя цѣли. ухаживать за больными, призрѣніе сиротъ, организацію яслей на лѣтнее время и много другихъ подобныхъ дѣлъ. Удастся ли осуществить сполна добрыя начинанія сосновскому батюшкѣ,—покажетъ будущее, но честь и похвала начинающему!

Священникъ Аѳанасій Веселичкій.

Умѣстны ли иконы въ „непристойныхъ“ мѣстахъ.

(З а м ѣ т к а).

Въ послѣднее время намъ нерѣдко пришлось встрѣчать какъ въ свѣтской, такъ и въ духовной повременной печати замѣтки, въ которыхъ выражается негодованіе по поводу того, что въ углахъ кабаковъ, трактировъ и другихъ питейныхъ и увеселительныхъ заведеній ютятся иконы. При этомъ иногда не забывается сдѣлать упрекъ духовенству, которое-де не обращаетъ на это явленіе серьезнаго вниманія. Вотъ что пишетъ, напр., студ.-политехн. А. Х. въ „Р. ен. в.“ по этому поводу.

„Сердце всякаго члена Православной Церкви не может не возмущаться, когда предметъ его благоговѣйнаго почитанія находится среди постоянной копоты табачнаго дыма, пыли, грязи, спиртныхъ паровъ, шума пьяной публики и кощунства. Между тѣмъ, нѣтъ ни одного питейнаго, увеселительнаго заведенія, гдѣ бы не было иконъ Спасителя и Богородицы. Такая унижительная для иконы обстановка глубоко обидна для православнаго христіанина. Неудобно даже представлять на видѣ факты проявленія издѣвательства и глумленія надъ иконами со стороны подгулявшей публики“.

„Этотъ вопросъ, требующій серьезнаго вниманія, почему-то совсѣмъ былъ игнорированъ на благочинническихъ сѣздахъ и на епархіальномъ соборѣ“ (№ 2. 1907 г.).

Нельзя, конечно, не порадоваться тому, что и среди „свѣтскихъ“ и даже среди учащейся молодежи встрѣчаются лица, въ которыхъ не угасло религіозное воодушевленіе. Но покоится ли это религіозное воодушевленіе въ данномъ случаѣ на истинно христіанскихъ началахъ? Не кроется ли здѣсь одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя даютъ поводъ обрушиться на духовенство съ незаслуженнымъ упрекомъ?

Чтобы дать правильный отвѣтъ на эти вопросы, необходимо разсмотрѣть, дѣйствительно ли иконы не должны имѣть мѣста въ „питейныхъ заведеніяхъ“.

Для чего вообще поставляются иконы въ храмахъ, домахъ и проч.? Не для того ли, между прочимъ, чтобы они напоминали людямъ о небесныхъ идеалахъ, о необходимости подражать тѣмъ, которые, одержавъ побѣду надъ страстями, достигли святости и вѣчнаго блаженства,—чтобы онѣ (иконы) напоминали находящимся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ о возможности получить благодатную помощь свыше? Если такое напоминаніе признается полезнымъ вообще для всякаго человѣка и во всякомъ мѣстѣ, то не тѣмъ ли болѣе оно полезно тамъ, гдѣ человѣку предстоитъ великое искушеніе, гдѣ онъ находится на краю глубокаго нравственнаго па-

денія? Врядъ ли кто согласится дать на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Мѣстами же наиболѣе соблазнительными, наиболѣе опасными для нравственности, безъ сомнѣнія являются вышеназванные притоны шумнаго разгула и пьяныхъ оргій. Сколько чистыхъ душъ здѣсь запятналось, сколько на вѣки погрязло въ пучинѣ грѣха?!

Почему же устранять отсюда то, что можетъ оказаться полезнымъ хотя бы для тѣхъ немногихъ, которые не утратили еще нравственной чуткости, въ которыхъ божественный огонь вѣры не погасъ еще окончательно?

Благодать, преизбыточествующая тамъ, гдѣ умножается грѣхъ (Рим. 5, 20), часто осбняетъ человѣка именно въ тотъ моментъ, когда онъ, повидимому, дальше всего отстоитъ отъ всего святаго. Въ житіяхъ святыхъ много примѣровъ подобнаго рода. Но такъ какъ благодать никогда не дѣйствуетъ противъ воли человѣка, то необходимо, чтобы согрѣшающій опомнился, пожелалъ раскаяться, чтобы въ немъ заговорила совѣсть.

Кто удержитъ человѣка, пошавшаго въ среду пьяницъ и развратниковъ, отъ окончательнаго паденія? Кто скажетъ ему: „довольно, опомнись“? Трудно ожидать подобнаго предостереженія со стороны безумствующихъ товарищей. Но вотъ его взглядъ случайно упалъ на маленькую, скромно пріютившуюся въ углу комнаты, иконочку, съ которой взираетъ на него скорбный ликъ,—въ немъ просыпается совѣсть, и онъ удаляется изъ омута, который уже готовъ былъ его поглотить. Развѣ подобные случаи рѣдки? Развѣ они не радуютъ Того, Который радъ всякому кающемуся грѣшнику?

Еще древніе египтяне, чтобы предотвратить чрезмѣрный разгулъ пирующихъ, поставляли въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для пиршествъ, муміи, которыя должны были напоминать о смерти и загробной жизни. Историки свидѣтельствуютъ, что это средство до извѣстной степени достигало своей цѣли.

Можетъ быть, нельзя выставлать иконъ въ „непристойныхъ мѣстахъ“ вслѣдствіе того, что чрезъ это наносятся оскорбленія 1) изображеннымъ на иконахъ лицамъ и 2) религиозному чувству вѣрующихъ?

Что касается перваго положенія, то врядъ ли оно имѣеть подь собою прочное основаніе. Врядъ ли пьяныя оргіи менѣе оскорбляютъ Всевышняго и святыхъ, если онѣ совершаются въ помѣщеніяхъ, не имѣющихъ иконъ. Въ какіе бы прогребѣ, въ какіе бы тайники ни укрывался грѣхъ, ему не укрыться отъ Всевѣдущаго, *предъ очима Котораго вся наша и объявлена* (Евр. 4, 13); грѣхъ не можетъ не опечалить и святыхъ, которые также вѣдаютъ земныя дѣла людей.

Второе положеніе, дѣйствительно, имѣеть нѣкоторое основаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что всякому вѣрующему человѣку больно видѣть, какъ передъ иконой совершаются безобразія, какъ овладѣвшій человѣкомъ грѣхъ не падить иногда и самой иконы. Однако въ требованіи, чтобы вслѣдствіе этого вынесены были иконы изъ „непристойныхъ мѣстъ“, нельзя не усмотрѣть нѣкотораго фарисейскаго самолюбія, подобнаго тому, какое заставило ревнителѣй закона Моисеева негодовать на Христа за то, что Онъ ѣлъ и пилъ съ грѣшниками и мытарями (Мѣ. 9, 10—13), и какое обнаружили ап. Іаковъ и Іоаннъ, когда хотѣли истребить самарянъ, не пожелавшихъ оказать гостепріимство Сыну Человѣческому (Лук. 9, 52—54). Если отъ фарисейскаго самолюбія не были свободны даже апостолы, то нѣтъ ничего удивительнаго, если не свободны отъ подобнаго самолюбія нѣкоторые ревнителѣи благочестія и въ настоящее время. И какъ тогда, такъ и теперь, эта ревность страдаетъ недостаткомъ христіанской любви къ падшимъ, недостаткомъ пониманія духа Евангелія. Всепрощающая любовь истиннаго христіанина должна перенести оскорбленіе, наносимое кощунственнѣмъ обращеніемъ съ иконами, чтобы не лишить руки помощи хотя одного изъ „малыхъ сихъ“, находящихся въ опасности.

Кощунству нерѣдко подвергаются иконы и въ церквахъ и въ частныхъ домахъ. Не могутъ же, однако, православные, вслѣдствіе этого отказаться отъ иконопочитанія вообще.

Надо помнить, что всякая святыня всегда является огнемъ поядающимъ для однихъ и огнемъ очищающимъ для другихъ,—для сыновъ царствія средствомъ спасенія, а для сыновъ погибели камнемъ преткновенія.

Какъ Христось и святые не могли отказаться отъ своей великой миссіи, не смотря на то, что имъ приходилось претерпѣвать гоненія и оскорбленія во время земной ихъ жизни, такъ и ихъ изображенія—иконы должны находить мѣсто всюду, чтобы напоминать людямъ объ ихъ истинномъ назначеніи и обязанностяхъ, хотя бы и подвергались кощунственному осмѣянію.

На обязанности же духовенства и всѣхъ ревнителей благочестія лежитъ долгъ не удалять иконы изъ „непристойныхъ мѣстъ“, а увѣщавать народъ къ достойному обращенію съ ними и объяснять ихъ необходимость.

И. Б.

---

† Протоіерей М. М. Богдановъ

16 февраля скончался старѣйшій священнослужитель г. Кіева, протоіерей Михаилъ Мартиновичъ Богдановъ, бывшій преподаватель Кіевской дух. семинаріи и дѣятельный сотрудникъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“. Почившій былъ уроженцемъ Орловской губерніи, родился въ 1820 году; первоначальное образованіе получилъ въ Орловской дух. семинаріи, затѣмъ обучался въ Петербургской академіи, оттуда перешелъ въ Кіевскую, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1845 г. со степенью магистра богословія. Въ томъ же году 20 сентября онъ былъ назначенъ преподавателемъ въ

Кіевскую семинарію на кафедрѣ догматическаго, основнаго и обличительнаго богословія. Служба его въ семинаріи продолжалась 30 лѣтъ, по истеченіи которыхъ онъ снова былъ избранъ еще на пятилѣтіе, но разстроенное здоровье принудило о. Богданова отказаться отъ дальнѣйшей педагогической дѣятельности. Какъ преподаватель, онъ оставилъ самое лучшее воспоминаніе у своихъ учениковъ своимъ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу и основательнымъ знаніемъ преподаваемыхъ предметовъ. Въ теченіе своей службы о. Протоіерей нерѣдко исполнялъ и другія обязанности въ семинаріи,— по званію секретаря и члена правленія, и. д. инспектора, предсѣдателя комитета по постройкѣ новыхъ зданій семинаріи и пр. и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ самое дѣятельное и непосредственное участіе въ изданіи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, редактированіемъ чужихъ статей и помѣщеніемъ своихъ собственныхъ. Ему принадлежатъ статьи: „Обрядъ избранія папъ“, „Преобразование церковнаго управленія въ приднѣпровскихъ княжествахъ“ (1865 г.), „О римско — католическомъ вѣроисповѣданіи“ (1871 г.) и масса мелкихъ статей и большое количество поученій, отличающихся живымъ слогомъ и теплотою чувства. По выходѣ въ отставку о. Протоіерей состоялъ цензоромъ журнала и так. обр. не прерывалъ живой связи съ прежнею средою. Въ 1895 г., когда исполнилось 50-ти лѣтіе его служебной дѣятельности, Кіевская семинарія поднесла ему сочувственный адресъ и икону Архистратига Михаила (Рук. д. с. п. 1895 г. № 48).

Въ санъ священника М. М. Богдановъ посвященъ въ 1855 г. къ Александро-Невской Церкви; черезъ четыре года переведенъ въ Софійскій соборъ, въ которомъ съ 1879 г. состоялъ ключаремъ. За штатъ онъ вышелъ въ 1886 г. по слабости здоровья, а съ 1897 г. совершенно отказался отъ всякой дѣятельности и въ продолженіе остальныхъ 10 лѣтъ жизни совсѣмъ не выходилъ изъ своей квартиры вслѣдствіе дряхлости.

Для полноты описанія дѣятельности почившаго упомянемъ еще, что онъ былъ наставникомъ въ женскомъ дух. училищѣ, законоучителемъ въ фельдшерской школѣ, членомъ дух. консисторіи, предсѣдателемъ цензурнаго комитета и пр. Можно сказать, что вся долготѣняя жизнь его была посвящена служенію Церкви и духовному образованію. Свѣтлый умъ и ясный взоръ были его отличительными качествами, а прямота, безпристрастіе и неподкупная честность были извѣстны всѣмъ, кто соприкасался съ дѣятельностію почившаго.

Вѣчная память труженику на нивѣ Господней!

ЗАМѢТКА.

Симпатичное постановленіе сѣзда духовенства.

На одномъ изъ сѣздовъ духовенства 2-го округа, Осинскаго уѣзда, Пермской епархіи, между прочимъ, постановлено: „1) въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ причта округа, отправлять о немъ заупокойную службу въ теченіе первыхъ 40 дней со дня смерти, поочередно причтами округа, по назначенію благочиннаго, и 2) въ пользу осиротѣвшей семьи собирать чрезъ благочиннаго: на семью умершаго священника—по 3 р. съ каждаго священника, на семью діакона—по 2 р. съ діаконовъ и на семью псаломщика—по 1 р. съ псаломщиковъ“ („Пермск. вѣд.“).

Нельзя не привѣтствовать такое симпатичное постановленіе и не пожелать распространенія сего добраго обычая среди духовенства, не только Пермской, но и другихъ епархій.

Редакторъ Рectorъ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ. 3-го марта 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Киевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года марта 18-го дня.

Содержаніе: I Бракоразводный процессъ и ожидаемыя измѣненія въ немъ по новому закону.—II. Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.—III. Наша енархіальная жизнь.—IV. Замѣтка. О сиротахъ духовенства.

Бракоразводный процессъ и ожидаемыя измѣненія въ немъ по новому закону.

Въ недалекомъ будущемъ предстоитъ изданіе новаго закона, который кореннымъ образомъ измѣняетъ постановку бракоразводнаго процесса въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ повліять и на бытовую сторону брака. Припомнимъ, какъ поставлено это дѣло у насъ. Разводъ безъ суда, по взаимному соглашенію, у насъ не допускается, если не считать того случая, когда оба супруга по взаимному соглашенію постригаются въ монашество. Но и тутъ еще возможны сомнѣнія въ томъ, есть ли это дѣйствительный разводъ, и въ частности, можетъ ли одинъ изъ такихъ супруговъ, оставившій монашество, вступить въ бракъ при жизни другого супруга монашествующаго? или должны ли они продолжать

сожителство, если оба выйдутъ изъ монашества? Согласно духу нашего современнаго законодательства слѣдуетъ дать на первый вопросъ скорѣе отрицательный, на второй—утвердительный отвѣтъ. По общему правилу наше законодательство допускаетъ разводъ лишь по суду, который долженъ констатировать наличность законныхъ основаній для развода, такъ называемыхъ поводовъ къ разводу. Ихъ очень не много.

Во-первыхъ, такимъ поводомъ является присужденіе одного изъ супруговъ къ каторжнымъ работамъ, късылкѣ въ Сибирь на поселеніе или на житье. Разъ такой фактъ удостоверенъ супругомъ-истцемъ, то духовный судъ обязанъ расторгнуть бракъ, предоставивъ супругу или даже супругамъ право вступать въ новый бракъ. Такъ какъ духовный судъ не имѣетъ права провѣрять справедливость приговора свѣтскаго суда, то участіе консисторіи въ данномъ случаѣ является въ сущности формальнымъ. Почти то же самое слѣдуетъ сказать относительно второго повода, т. е. безвѣстнаго отсутствія одного изъ супруговъ въ теченіе не менѣе пяти лѣтъ. Разъ этотъ фактъ установленъ путемъ публикацій и полицейскаго сыска, то участіе консисторіи сводится лишь къ формальному расторженію брака.

Гораздо болѣе дѣятельнаго участія предоставлено консисторіи въ двухъ другихъ случаяхъ, которые нашъ законъ именуетъ случаями развода въ тѣсномъ смыслѣ слова, а именно—по неспособности къ брачному сожитію и по оскорбленію святости брака прелюбодѣяніемъ. Они-то и затрогиваются новымъ законопроектомъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ на епархіальное начальство возлагается по дѣйствующему закону обязанность: 1) сдѣлать черезъ довѣренныхъ духовныхъ лицъ увѣщаніе супругамъ, чтобы они прекратили несогласіе христіанскимъ примиреніемъ и оставались въ брачномъ союзѣ. (Уставъ духовныхъ консисторій, повидимому, считаетъ архіерея слишкомъ высокою персоною, чтобы ему увѣщавать супруговъ лично) 2) произвести слѣдствіе и 3) поставить рѣшеніе на основаніи результатовъ этого слѣдствія.

Новый законопроектъ и предполагаетъ измѣнить порядокъ производства слѣдствія, поручивъ его не консисторіи, а свѣтскому суду. Въ такомъ проектѣ нѣтъ ровно ничего неожиданнаго, и такое рѣшеніе наболѣвшаго вопроса является и наиболѣе желательнымъ. Уже при составленіи устава духовныхъ консисторій было ясно, что консисторія не можетъ сама установить фактъ неспособности къ брачному сожитію: онъ возлагаетъ эту обязанность на врачебное отдѣленіе губенскаго правленія. Сообщение этого компетентнаго свѣтскаго медицинскаго органа предрѣшаетъ исходъ дѣла на духовномъ судѣ; консисторія, буде супруги не помирятся, должна расторгнуть бракъ. Казалось бы, что и въ вопросѣ о наличности прелюбодѣянія консисторія тоже должна была бы обращаться къ свѣдущему органу государственной власти, и такимъ компетентнымъ, скажемъ, экспертомъ слѣдовало бы признать уголовный государственный судъ. Но уставъ духовныхъ консисторій дѣлаетъ это лишь въ одномъ частномъ случаѣ прелюбодѣянія, именно, случаѣ двоебрачія. Супругъ, вступившій въ новый бракъ при существованіи прежняго, несомнѣнно совершаетъ прелюбодѣяніе по отношенію къ своему дѣйствительному супругу, ибо новый бракъ, при такихъ условіяхъ долженъ быть признанъ не за бракъ а за внѣбрачную прелюбодѣйную связь. Въ данномъ случаѣ и по уставу духовныхъ консисторій признаніе двоебрачія свѣтскимъ судомъ является безспорнымъ доказательствомъ нарушенія святости брака и въ глазахъ духовнаго суда. Но во всѣхъ прочихъ случаяхъ уставъ требуетъ чтобы фактъ нарушенія супружеской вѣрности былъ доказанъ не какимъ-либо инымъ судомъ, а только консисторскимъ. И тутъ дѣйствительнымъ мотивомъ было не столько недовѣріе къ свѣтскому суду (мы видѣли уже, что, вообще говоря, такого недовѣрія не замѣчается), сколько желаніе во что бы то ни стало поддержать бракъ, затруднивъ доказательство прелюбодѣянія въ мѣрѣ, совершенно недопустимой на свѣтскомъ судѣ

Достигалось это строжайшимъ приложеніемъ теоріи формальныхъ доказательствъ. По уст. дух. конс. разъ возникаетъ дѣло о разводѣ по прелюбодѣянію, то главными доказательствами послѣдняго признаются только два. Во-первыхъ, показаніе двухъ или трехъ очевидныхъ свидѣтелей, и во-вторыхъ, прижитіе дѣтей внѣ законнаго супружества, доказанное метрическими актами и доводами о незаконной связи съ постороннимъ лицомъ. При наличности одного изъ такихъ доказательствъ консисторія не имѣетъ права отказать въ удовлетвореніи иска о разводѣ. Законъ, правда, допускаетъ въ извѣстной степени и другія доказательства, которыя „тогда только могутъ имѣть свою силу, когда соединятся съ однимъ изъ главныхъ доказательствъ, или же въ своей совокупности обнаруживаютъ преступленіе“. По практика кансистерій, вопреки послѣдней оговоркѣ закона, обращала главныя доказательства въ доказательства единственныя; а въ дѣйствительности въ рукахъ консисторіи оставалось лишь доказательство, которое подлежало самостоятельному ея разбору, а именно, показанія свидѣтелей. Метрическіе же акты, разъ дѣло идетъ о замужней, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить доказательствомъ прижитія ея дѣтей внѣ законнаго супружества, какъ полагаетъ уставъ духовныхъ консисторій. Дѣти замужней женщины предполагаются дѣтьми ея мужа; только онъ одинъ, и никто иной, можетъ доказывать противное и при томъ лишь на гражданскомъ судѣ. Поэтому если бы священникъ, на основаніи показаній жены или иныхъ лицъ, записалъ ея ребенка внѣбрачнымъ, то такая запись, какъ незаконная, не можетъ имѣть никакой силы. Доказательствомъ прижитія дѣтей внѣ законнаго супружества въ данномъ случаѣ можетъ служить лишь рѣшеніе гражданскаго суда, очевидно, обязательное и для суда духовнаго.

Что касается до консисторскаго процесса, то онъ вполнѣ удовлетворительный, когда ему приходилось работать на основаніи матеріала; добытаго другими государственными учрежденіями, оказался не въ силахъ правильно разобраться

даже въ свидѣтельскихъ показаніяхъ въ томъ единственномъ случаѣ, когда это поручалось ему закономъ—при установленіи факта прелюбодѣянія. Духовный судъ требовалъ, чтобы свидѣтели были очевидцами самаго факта нарушенія супружеской вѣрности въ фізіологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. свидѣтелями того, что при нормальномъ порядкѣ можно развѣ подсмотрѣть, но нельзя видѣть. Дѣло усложнялось еще требованіемъ, чтобы эти свидѣтели-очевидцы видѣли этотъ фактъ вмѣстѣ или по крайней мѣрѣ одновременно; считалось недостаточнымъ, если бы одинъ свидѣтель былъ очевидцемъ одного факта нарушенія супружеской вѣрности, другой другого, хотя бы и со стороны одного и того же супруга. Съ точки зрѣнія современнаго права всѣ эти требованія, взятые въ совокупности, слѣдовало бы признать замаскированнымъ отказомъ въ правосудіи.

Является весьма естественный вопросъ; можно ли терпѣть такой порядокъ и на будущее время? Вопросъ этотъ сталъ ребромъ уже при изданіи судебныхъ уставовъ импер. Александра II, признавшихъ совершенную непригодность той теоріи формальныхъ доказательствъ, на которой построенъ былъ весь консисторскій бракоразводный процессъ. Тогда, къ сожалѣнію, рѣшили оставить бракоразводный процессъ въ прежнемъ видѣ, но сорокалѣтняя практика отомстила за то пожертвованіе интересами правосудія интересамъ церковной политики, какое было этимъ допущено. Прелюбодѣяніе на практикѣ каралось не духовнымъ судомъ, а свѣтскимъ, приговоръ котораго, однако, считался ничтожнымъ въ бракоразводномъ процессѣ. Если бы жена даже постоянно жила съ постороннимъ мужчиною не только въ одной квартирѣ, но въ одной комнатѣ и при полной супружеской обстановкѣ, то свѣтскій судъ заключалъ ее въ тюрьму, какъ прелюбодѣйку, а на основаніи его приговора консисторія налагала на нее покаяніе, но въ то же время отказывалась расторгнуть бракъ. За то она довольно легко расторгала бракъ въ тѣхъ случаяхъ, когда прелюбодѣяніе было лишь фиктивнымъ. Въ дѣйствительности

консistorскимъ разводомъ по прелюбодѣянiю прикрывался разводъ по взаимному соглашенiю, совершенно не допускаемый закономъ. Супруги, которымъ надоѣли брачныя узы, подыскивали такъ называемыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей, которые и показывали о яко-бы видѣнномъ ими фактѣ прелюбодѣянiя, совершенномъ однимъ изъ такихъ супруговъ. Послѣднiй, по предварительному соглашенiю съ другимъ, не отрицалъ этихъ показанiй, а консistorскiй судъ хотя и понималъ, что все это лишь недостойная комедiя, но былъ связанъ теорiею формальныхъ доказательствъ; показанiю, которое по внутреннему убѣжденiю онъ и призналъ бы лжесвидѣтельствомъ, онъ долженъ былъ вѣрить, разъ оно дано было по формѣ. Если прибавимъ къ этому, что такой процессъ на практикѣ связанъ былъ съ большими и при томъ очень неблаговидными расходами, то будетъ понятно, что онъ, нисколько не поддерживая святости брака, въ то же время совершенно уничтожалъ въ обществѣ всякое уваженiе къ церковному суду и расшатывалъ нравственное влiянiе Церкви. Въ глазахъ лицъ, даже очень серьезно относящихся въ браку, супруговъ, признанный виновнымъ на консistorскомъ судѣ, являлся не прелюбодѣемъ, а лишь лицомъ, взявшимъ на себя вину. Такимъ безъ вины виноватымъ чаще всего оказывался мужъ по весьма понятнымъ причинамъ: ему выгоднѣе добиться развода съ невѣрной женой, какою бы то ни было цѣною, чѣмъ переносить позоръ ея поведения.

Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ брала на себя вину жена, но совсѣмъ не потому, что она была дѣйствительно виновна. Силошь и рядомъ это бывали вполне достойныя женщины, которыя, видя, что ихъ семейное счастье разбито, не пожелали мѣшать счастью мужа и брали на себя вину съ цѣлю дать ему возможность жениться на особѣ по сердцу:

Можетъ ли государство спокойно смотрѣть на такiе порядки, которые всѣми, начиная съ епархiальныхъ начальствъ,

признаются никуда негодными? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательнымъ. Консисторскій судъ есть не только судъ чисто духовный, но и судъ государственный; въ брачномъ процессѣ его рѣшается не только вопросъ о церковной дисциплинѣ, но и вопросъ о гражданскомъ состояніи супруговъ, и государство въ правѣ и обязано требовать правильнаго разрѣшенія этого вопроса. Для этого вовсе не требуется трудной коренной реформы духовнаго суда, а лишь измѣненіе способа доказательства прелюбодѣянія. Несомнѣнно, что формальная теорія доказательствъ должна быть и здѣсь отвергнута, какъ отвергнута она во всѣхъ государственныхъ судахъ, тѣмъ болѣе, что и въ судѣ консисторіи она удерживается лишь по мотивамъ, ничего общаго съ правосудіемъ не имѣющимъ. Если же устранить эти мотивы, то, отпадетъ и самое основаніе непризнанія компетенціи гражданского суда въ установленіи юридическаго факта, какимъ является прелюбодѣяніе. Почему рѣшенія свѣтскаго суда всегда принимаются во вниманіе духовнымъ за исключеніемъ только этого случая? Дѣлоидеть не объ измѣненіи существующаго отношенія между свѣтскимъ и духовнымъ судомъ,—отношенія, противъ котораго со стороны Церкви протестовъ не подымается,—а лишь объ уничтоженіи этого неудачнаго изъятія, которое вызываетъ всеобщіе протесты противъ духовнаго суда. Для государства же такое рѣшеніе вопроса вызывается очень серьезными соображеніями. Во-первыхъ, консисторскій судъ есть судъ, по своему устройству дореформенный и, слѣдовательно, менѣе совершенный, чѣмъ реформированные гражданскіе суды. Это доказывается уже и тѣмъ, что сама Церковь высказываетъ желаніе по возможности реформировать свой судъ по образцу судовъ имп. Александра II. Уже этого одного достаточно, чтобы ограничить духовный судъ чисто духовными дѣлами, къ которымъ трудно отнести установленіе факта супружеской невѣрности. Во-вторыхъ, этотъ вопросъ при изданіи судебныхъ уставовъ Александра II въ 1864 г., рѣшенъ былъ иначе лишь потому, что предполагалась скорая реформа и

духовнаго суда. Но она не произведена и до сихъ поръ, а въ настоящее время при измѣнившихся отношеніяхъ между Церковью и государствомъ и съ уничтоженіемъ государственной принудительности православія, такая реформа возможна лишь въ одномъ направленіи: въ обращеніи консисторскаго суда въ судъ чисто дисциплинарный, т. е. совершенно не компетентный для рѣшенія вопросовъ о гражданскомъ состояніи. Тотъ новый проектъ измѣненія порядка бракоразводнаго процесса, о которомъ мы говоримъ, не идетъ такъ далеко, а ограничивается лишь безусловно необходимыми поправками: предполагается возложить установленіе факта импотенціи и нарушенія супружеской вѣрности на гражданскій судъ. Отъ такой перемѣны и духовный судъ можетъ только выиграть. За нимъ остается, какъ право нравственнаго воздѣйствія на супруговъ въ цѣляхъ поддержанія брака, такъ и окончательное рѣшеніе по иску о разводѣ; но теперь это рѣшеніе консисторія будетъ имѣть возможность поставить съ несравненно большею увѣренностію въ его основательности, чѣмъ прежде. Правда, по вопросу о наличности импотенціи перемѣна сводится, повидимому, лишь къ замѣнѣ врачебнаго отдѣленія окружнымъ судомъ. Но не слѣдуетъ забывать, что съ точки зрѣнія права безспорностію можетъ обладать лишь рѣшеніе суда, а не то сообщеніе врачебнаго отдѣленія, которое являлось безспорнымъ для консисторіи лишь въ силу формальной теоріи доказательствъ. Въ вопросѣ же о наличности прелюбодѣянія все сводится для консисторіи лишь къ замѣнѣ одного формальнаго доказательства другимъ; только прежде консисторія обязана была вѣрить показаніямъ лжесвидѣтелей; теперь она будетъ обязана вѣрить судебному рѣшенію, обставленному всѣми гарантіями правосудія. Уже одного этого достаточно, чтобы положить конецъ прежнему формализму консисторскихъ рѣшеній, если и самъ духовный судъ захочетъ съ нимъ разстаться. Уставъ духовныхъ консисторій почему-то не считаетъ нужнымъ дѣлать „увѣщаніе супругамъ“, чтобы они прекратили несогласіе христіанскимъ примиреніемъ

и оставались въ брачномъ союзѣ“, если просьба о расторженіи брака является результатомъ нежеланія слѣдовать за супругомъ, ссылаемымъ въ Сибирь, и консисторія, безъ попытокъ къ примиренію, прямо расторгаетъ такой бракъ. Согласно ли такое формальное отношеніе къ таинству съ достоинствомъ Церкви, и если нѣтъ, то не пора ли отрѣшиться отъ него, не дожидаясь новаго изданія устава духовныхъ консисторій?

Профес. Универ. *Ил. Соколовъ.*

Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.

(Къ 25 марта).

I.

Въ нынѣшнемъ году поклоненіе св. кресту, совершаемое въ третью недѣлю Великаго поста, совпадаетъ съ праздникомъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, и служба третьей недѣли В. поста будетъ правиться вмѣстѣ съ службой Благовѣщенію согласно указанію Марковой главы въ типиконѣ подъ рубрикой: „аще случится Благовѣщеніе въ недѣлю 3-ю постовъ“. Для любителя церковной старины обѣ службы—и служба третьей недѣли В. поста и служба въ честь праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы—представляютъ много интереснаго со стороны ихъ обрядовъ; это даетъ основаніе предпринять небольшой экскурсъ въ область церковныхъ древностей и освѣтить нѣкоторыя частности богослужебнаго послѣдованія на 25 марта текущаго года фактами литургической науки.

Обычай выносить крестъ для поклоненія ему вѣрующихъ въ третью недѣлю В. поста имѣеть, несомнѣнно, весьма древнее происхожденіе, хотя точно установить вѣкъ и мѣсто происхожденія этого обычая нѣтъ возможности. Почитаніе креста, какъ орудія смерти Спасителя, относится,

конечно, къ самымъ первымъ временамъ христіанства, но интенсивнѣе, такъ сказать, оно стало выражаться послѣ обрѣтенія подлиннаго креста Господня св. Еленою, матерью Константина В., въ 326 г. Въ память обрѣтенія было установлено празднованіе св. кресту сначала во второй день Пасхи, такъ какъ крестъ былъ обрѣтенъ около этого праздника, а затѣмъ, съ 335 года празднованіе было перенесено на 14 сентября. Отъ IV же вѣка сохранилось свидѣтельство Сильвіи Аквитанской, знатной западной паломницы въ Іерусалимъ къ его святынямъ, изъ какового свидѣтельства видно, что поклоненіе подлинному животворящему древу креста Господня бывало въ Іерусалимской церкви утромъ въ пятокъ Страстной седмицы. Сильвія Аквитанская подробно рассказываетъ объ этомъ поклоненіи въ пятокъ Страстной седмицы, но, что замѣчательно, она ни словомъ не намекаетъ о поклоненіи кресту въ срединѣ Четырдесятницы, хотя очень обстоятельно сообщаетъ о томъ, какъ іерусалимскіе христіане проводили Великій постъ, и какія богослуженія отправлялись въ іерусалимскихъ храмахъ вообще въ дни Великаго поста и въ частности въ дни субботніе и воскресные ¹⁾). На основаніи извѣстныхъ историческихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что въ IV вѣкѣ торжественное поклоненіе подлинному кресту Господню приурочено было въ Іерусалимѣ къ двумъ днямъ: къ 14 сентября, а ранѣе—къ второму дню Пасхи ²⁾), и къ пятку Страстной недѣли; поклоненіе кресту въ срединѣ Великаго поста еще не вошло тогда въ употребленіе. Какъ дѣлалось въ Іерусалимской церкви — матери всѣхъ прочихъ церквей, такъ, надо думать, дѣлалось и повсюду: поклоненіе образу креста Господня совершалось въ IV вѣкѣ дважды въ годъ. И у св. Іоанна Златоустаго есть

¹⁾ Peregrinatio ad ad loca sancta. Правосл. Палест. Сборникъ, 20 вып. Спб. 1889, стр. 150, 158.

²⁾ Сильвія уже не застала этого древнѣйшаго обычая совершать поклоненіе кресту во второй день Пасхи.

бесѣды, говоренныя имъ въ Великій пятокъ, въ которыхъ св. отецъ похваляетъ крестъ Господень и призываетъ вѣрующихъ поклониться ему ¹⁾).

Защитники происхожденія обряда поклоненія св. кресту въ средину Великаго поста отъ того же вѣка, когда вообще возникъ благочестивый обычай особеннаго торжественнаго чествованія древа животворящаго креста Господня, указываютъ на слова изъ одной бесѣды св. Иоанна Златоустаго, въ которыхъ св. отецъ высказываетъ, что „наступилъ у насъ каждый годъ повторяющійся день, всечестнѣйшая и свѣтоносная средняя недѣля святаго поста, когда приносится преблаженный и животворящій крестъ Спасителя нашего Иисуса Христа и предлагается для поклоненія, при чемъ поклоняющіеся ему съ чистымъ сердцемъ и съ непорочными устами освящаются и дѣлаются болѣе ревностными и болѣе бодрыми для послѣдующаго шествованія въ поприщѣ святаго поста“. Самая бесѣда озаглавлена какъ назначенная „на поклоненіе честному и животворящему кресту въ среднюю недѣлю Великаго поста“. Конечно, если бы эта бесѣда дѣйствительно принадлежала тому, чьимъ именемъ она надписывается, то мы имѣли бы самое ясное свидѣтельство происхожденія рассматриваемаго обычая отъ IV в., но дѣло въ томъ, что подлинность бесѣды отвергается и западными и русскими издателями твореній, Златоустаго; они помѣщаютъ бесѣду въ разрядѣ твореній приписываемыхъ Иоанну Златоусту, но несомнѣнно ему не принадлежащихъ (т. н. spuria) ²⁾.

Не принадлежность Иоанну Златоусту бесѣды на поклоненіе честному и животворящему кресту въ среднюю недѣлю

¹⁾ Три бесѣды о крестѣ въ Великій пятокъ см. въ т. 2, кн. 1 послѣдняго изданія твореній Златоустаго въ русскомъ переводѣ (Спб. 1896.), стр. 431—458.

²⁾ Причины, почему бесѣда не можетъ быть признана принадлежащей св. Иоанну Златоусту, изложены, напр., въ Моисеиконовскомъ изданіи твореній Златоуста: t. III, p. 819 (Parisii, MDCCXXI). Въ изданіи на русскомъ языкѣ см. бесѣду въ т. 3, стр. 909 (Спб. 1897).

великаго поста не лишаетъ ее, однако, характера большой древности, чѣмъ и объясняется, какъ намъ кажется, то, что бесѣда была назначена въ крестопоклонную недѣлю къ чтенію за богослуженіемъ утрени (послѣ поліелея) по типикону Еввергетидскаго (загородняго константинопольскаго) монастыря, основаннаго въ 1048 г. ¹⁾), и,—это особенно важно для насъ,—сохранила за собою имя Іоанна Златоуста: очевидно, она составлена была такъ давно, что имя настоящаго ея автора успѣло совершенно погибнуть. Къ какому же вѣку отнести бесѣду, надписываемую именемъ величайшаго церковнаго учителя?

Рѣшеніе этого вопроса, конечно, стоитъ въ связи съ вопросомъ о времени происхожденія обряда поклоненія кресту, такъ какъ бесѣда предполагаетъ уже установленнымъ этотъ обрядъ, и, значить, если бы намъ удалось найти положительное и непререкаемое свидѣтельство древности о времени возникновенія обычая поклоняться кресту среди Великаго поста, мы могли бы сказать, что бесѣда была составлена какимъ-то церковнымъ проповѣдникомъ, спустя нѣкоторое время послѣ установленія обряда. Но, къ сожалѣнію, послѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ IV вѣка о поклоненіи кресту, далѣе, до эпохи преп. Θεодора Студита, у изслѣдователя обнаруживается пробѣлъ за отсутствіемъ *фактовъ*, и онъ не можетъ сказать ничего достовѣрнаго.

Съ именемъ преп. Θεодора Студита († 826 г.)—великаго и славнаго борца за почитаніе иконъ—въ тріодяхъ постныхъ греческихъ и славянскихъ сохраняется и донинѣ законъ св. кресту на утрени въ крестопоклонную недѣлю, написанный размѣромъ пасхальнаго канона пр. Іоанна Дамаскина. Изъ этого канона можно совершенно ясно видѣть, что онъ былъ пріуроченъ авторомъ къ одному изъ великопостныхъ

¹⁾ Сохранившійся списокъ Еввергетидскаго типикона относится къ XII в. См. А. А. Дмитріевскаго „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ Правосл. Востока, т. I, стр. XXXVI, 527.

воскресеній, (см., напр., п. 3, троп. 1), и что въ этотъ воскресный день, который бывалъ за нѣкоторое время до Пасхи, Церковь совершала празднество въ честь св. креста и призывала вѣрующихъ поклониться кресту и испросить у Распятаго на немъ Господа милости благополучно достигнуть дней, когда воспоминаются спасительныя страсти Христовы (т. е.—дней Страстной седмицы) и прославляется животворящее Христово возстаніе—на Пасху (см. п. 3, троп. 2; п. 7, троп. 2)¹⁾. Не сомнѣваясь въ принадлежности преп. Θεодору Студиту канона на поклоненіе кресту въ недѣлю крестопоклонную, мы, тѣмъ не менѣе, далеки отъ мысли, что преподобному Θεодору Студиту принадлежитъ и честь установленія самаго поклоненія кресту среди Великаго поста. Въ особомъ словѣ его въ похвалу креста, произнесенномъ, какъ видно изъ надписанія и самаго содержанія слова, въ недѣлю крестопоклонную, нѣтъ даже намека на то, что поклоненіе кресту въ среднюю недѣлю Великаго поста обязано происхожденіемъ этому ревнителю почитанія церковныхъ святыхъ²⁾. Напротивъ, авторъ слова предполагаетъ обычай изнесенія креста на *средину храма* для поклоненія народа уже установившимся и опирается на этотъ обычай, какъ на наглядное свидѣтельство и голосъ самой Церкви въ пользу почитанія св. креста. Памятники IX—X в. дѣйствительно подтверждаютъ широкое распространеніе въ восточной Православной Церкви обычая поклоняться кресту среди Великаго поста.

¹⁾ Съ именемъ преп. Θεодора Студита въ *постной тріоді* связывается много пѣснопѣній и каноновъ, но, замѣчательно, что *Минь*, въ изданіи твореній преп. Θεодора Студита (*Patrologiae cursus completus. t. IC*), изъ всѣхъ нихъ взялъ только этотъ канонъ на поклоненіе кресту (v. col. 1758).

²⁾ Слово преп. Θεодора Студита въ *Curs. compl. Patrol. t. IC, col. 691—700*. Не излишнимъ будетъ замѣтить, что въ вышеуказанномъ Еввергетидскомъ титиконѣ это слово положено было читать послѣ третьей пѣсни канона, см. „Опис.“ стр. 528.

Не возникъ ли этотъ обычай въ самую раннюю пору иконоборческаго движенія, въ концѣ VII или началѣ VIII вѣка, когда иконоборчество только что начало враждебно заявлять свое отношеніе къ уставамъ Православной Церкви, и, такимъ образомъ, не оказывается ли рассматриваемый обычай однимъ изъ дѣйствій, употребленныхъ тогда Церковію для выраженія ея вѣры въ спасительную силу креста Господня, а съ тѣмъ вмѣстѣ—не является ли и одною изъ мѣръ Церкви къ поддержанію среди православныхъ уваженія къ „душеполезной“ Четырдесятницѣ, противъ которой, какъ и вообще противъ „монашескихъ“ постовъ, возставали иконоборцы? Ревность къ поклоненію креста въ предшествующее время могла быть возгрѣта радостнымъ для христіанъ событіемъ—возвращеніемъ въ Іерусалимъ изъ персидскаго плѣна животворящаго древа креста Господня въ 628 г. Радовалась этому Іерусалимская церковь, радовалась же этому и столица имперіи—Константинополь, хотя онъ не разлучался съ тѣми частицами отъ животворящаго креста, которыя были привезены изъ Іерусалима св. Еленою, хранились въ особомъ ковчегѣ при св. Софїи и износились иногда въ храмъ для поклоненія народу. ¹⁾

Сохранившійся отъ IX—X в. типиконъ св. Софїи константинопольской указываетъ уже составныя части крестопоклонныхъ великопостныхъ службъ (апостоль и евангеніе въ воскресеніе и тропарь „Кресту твоему поклоняемся, владыко“, въ четвергь *средней* недѣли В. поста) ²⁾, но подробностей службы въ крестопоклонную недѣлю мы должны искать не въ этомъ типиконѣ (онъ подробностями не всегда отличается),

¹⁾ Веда Достопочтенный въ сочиненіи *De locis sanctis*, написанномъ въ 720 г., между прочимъ, передаетъ, что ковчегъ съ частицами креста Христова выносился изъ сосудохранительницы храма св. Софїи для поклоненія народу въ Великій четвергь, В. пятницу и В. субботу. *Tobler—Itinera Hierosolymitana*, t. I, p. 233, 194. См. у А. А. *Дмитріевскаго* въ ст. „Святогробскій іерусаламскій типиконъ и типиконъ великой константинопольской церкви въ ихъ взаимномъ соподчиненіи“.

²⁾ „Опис.“ стр. 120—121.

а въ восполняющихъ его документахъ— „Обрядникъ византійскаго двора“—De cerimoniis aulae Byzantinae X в. и Апостолъ отъ X—XI в. изъ библ. Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Обрядникъ византійскаго двора передаетъ придворную богослужебную практику въ крестопоклонную недѣлю. Изъ обрядника видно, что сборъ чиновъ двора пазначался въ одномъ изъ примыкавшихъ къ двору храмовъ (Фарскомъ), куда во время утрени переносились изъ церкви св. Стефана (тоже придворной) три, намащенные благовоніями, креста. Одному изъ этихъ крестовъ, *по окончаніи утрени*, поклонялся императоръ, для того крестъ относился въ верхнее отдѣленіе храма—катикумены, куда и приходилъ изъ дворца императоръ; другой крестъ полагался для поклоненія народу въ самомъ храмѣ, а третій—обносился по другимъ придворнымъ церквамъ и оставлялся въ Софіи на поклоненіе народу до пятницы, когда снова возвращался въ придворную ризницу вмѣстѣ съ двумя другими крестами. ¹⁾ По этому памятику выходитъ, что поклоненіе кресту начиналось съ дворца и совершалось не во всѣхъ храмахъ византійской столицы, а только въ нѣкоторыхъ, куда приносились изъ дворца кресты. Въ Софію крестъ приносился изъ церкви св. Стефана только въ *понедѣльникъ* крестопоклонной седмицы, а до той поры въ Софіи поклоненія кресту не бывало. Но если обрядникъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ порядкѣ, какой наблюдался при поклоненіи кресту, когда оно начиналось съ дворца, то второй памятникъ—Апостолъ X—XI в. свидѣтельствуетъ, какъ выносился крестъ въ самой Софіи, когда она оказывалась почему-либо внѣ зависимости въ этомъ отношеніи отъ дворца. Въ воскресенье третьей седмицы поста творимъ поклоненіе честному древу, говорится въ названномъ памятникѣ. Когда начнется великое славословіе, священники облачаются, а архіерей беретъ ѳиміамъ и кадитъ святую трапезу и честной крестъ; затѣмъ онъ беретъ его въ руки и выходитъ; впередъ несутъ лам-

¹⁾ Геромонаха *Іоанна*—Обрядникъ византійскаго двора. М. 1895, стр. 161—162.

паду. И начинаемъ тропарь: „Спаси Господи, люди твоя“, а честный крестъ полагается предъ святыми вратами, и тутъ мы произносимъ: „Кресту Твоему поклоняемся Владыко“. И поклоняются по порядку братья; мы же поемъ стихиры самогласны, доколѣ не поклонятся всѣ. ¹⁾ Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ памятникѣ X—XI в. обрядъ поклоненія въ существенныхъ своихъ чертахъ имѣеть уже ту законченную форму, какая принадлежитъ ему и по настоящее время.

Можетъ возникнуть вопросъ, почему выносъ креста практикой великой константинопольской церкви приурочивается къ великому славословію, а не къ какой либо другой части утренняго богослуженія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ чинъ тѣхъ службъ, какія въ древности совершались въ константинопольской Софїи, — *пѣсенныхъ*. По чину пѣсенной утрени, великое славословіе всегда сопровождалось поднятіемъ креста, который бралъ въ руки одинъ изъ чтецовъ, возглашавшій начальныя слова великаго славословія: Слава въ вышнихъ Богу, и стоялъ съ этимъ крестомъ на амвоѣ во все время пѣнія славословія пѣвцами ¹⁾. Если по чину пѣсенной утрени в. славословіе соединялось съ такимъ явленіемъ креста, на амвоѣ, а крестъ этотъ долженъ былъ быть сначала изнесенъ изъ алтаря кѣмъ-либо изъ священнослужителей и передать чтецу, то выносъ креста для поклоненія народу, описанный въ нашемъ памятникѣ, является лишь продолженіемъ обычнаго утренняго обряда въ константинопольской Софїи съ незначительнымъ только видоизмѣненіемъ этого обряда и дополненіемъ къ нему.

Приведенныя свидѣтельства изъ византійскихъ памятниковъ даютъ полное, конечно, основаніе сказать, что когда

¹⁾ „Опис.“ стр. 120, примѣч. 1.

²⁾ „Чтець, возгласивъ: Слава въ вышнихъ Богу, беретъ на амвоѣ крестъ въ руки и становится на амвоѣ, а пѣвцы присоединяють великое словословіе“, говоритъ, напр., Симеонъ Солунскій при описаніи пѣсенной утрени. См. Писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, т. II. Сиб. 1856, стр. 498.

Русская Церковь приняла отъ Греціи христіанство и усвоила богослужебные порядки константинопольскаго патріархата, она должна была принять вмѣстѣ съ прочими богослужебными обрядами и обрядъ поклоненія кресту въ срединѣ Великаго поста, какъ онъ совершался въ константинопольской Софіи и другихъ церквахъ, находящихся подъ вліяніемъ тишикона великой соборной церкви. Памятниками этого обряда въ Русской Церкви служатъ сохранившіеся рукописные славянскіе уставы XI—XII в.в. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, мы должны еще указать на вышеназванный древній Евергетидскій тишиконъ, въ которомъ обряды выноса креста и поклоненія кресту изложены съ такою большою подробностію, какая не встрѣчается въ другихъ древнихъ греческихъ и первоначальныхъ славянскихъ тишиконахъ. Вечеромъ въ субботу, говоритъ Евергетидскій тишиконъ, предъ вечернею, вынесенный (изъ сосудохранильницы) честный крестъ полагается въ алтарь. Начинается вечерня, за нею слѣдуютъ: повечеріе, *паннихида* и утренья. На утрени, сообщаетъ Евергетидскій тишиконъ, когда мы поемъ „Слава въ вышнихъ Богу“, на то мѣсто, гдѣ стояли пѣвцы (*ὄμφαλός*¹⁾), ставится особый столъ на четырехъ ножкахъ (*τετραπόδιον*), покрытый наволкою (*βλαττίον*). Послѣ славословія и тропаря воскреснаго, начинаемъ: „Спаси, Господи, люди Твоя“. Какъ только начнется пѣніе этого тропаря, іерей поднимаетъ на главу животворящій крестъ вмѣстѣ съ ковчегомъ, въ которомъ онъ хранится, и направляется изъ алтаря лѣвыми дверьми къ приготовленному для креста мѣсту. Впереди іерея—діаконъ съ кадиломъ и два свѣщеносца съ выходными подсвѣчниками. Послѣ „Спаси Господи“ пѣвцы начинаютъ „Кресту Твоему“, а священникъ полагаетъ честный крестъ на столъ и открываетъ ковчегъ. Выходныя свѣчи на подсвѣчникахъ ставятъ около стола. Священникъ—первый творитъ поклоненіе кресту; за

¹⁾ *ὄμφαλός*—цвѣтной кругъ или овалъ, который вставляется въ полъ церкви.

нимъ—игуменъ, а затѣмъ въ порядкѣ старшинства, братія монастыря, попарно. Во время поклоненія поютъ „Спаси Господи“. Потомъ братія становится въ кругъ на особомъ мѣстѣ (χορός) и поетъ стихиры на поклоненіе кресту. Служба заканчивается ектепией и первымъ часомъ. На другой день въ воскресенье, по окончаніи литургіи Василия Великаго крестъ съ середины храма вносится на солею и здѣсь полагается. Въ теченіе всей седмицы уставъ назначаетъ службу кресту. Если среди седмицы случится большой праздникъ, то на утрени, по окончаніи хвалитныхъ стихирь, при пѣніи „Святый Боже“ и „Спаси Господи“, снова совершается поклоненіе кресту при обстановкѣ, очень напоминающей поклоненіе въ утреню воскресенія. Затѣмъ крестъ относится на солею, помѣщается тамъ съ правой стороны, и предъ нимъ до конца литургіи горитъ свѣча. Въ пятницу крестъ выносится на средину храма послѣ девятого часа при пѣніи „Помяни насъ Господи“, а послѣ изобразительныхъ, при пѣніи „Кресту Твоему“, кресту поклоняются монашествующіе и цѣлуютъ его. Во время преждеосвященной литургіи крестъ—на солеѣ съ правой стороны, а послѣ литургіи братія провожаетъ крестъ въ сосудохранильницу съ пѣніемъ тропаря „Спаси Господи“¹⁾.

II. Пальмовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Опис.“ стр. 527—533. По Синаксарю 1905 г. изъ Барберни. библ., крестъ, послѣ поклоненія вносился въ алтарь. Кромѣ воскресной утрени, поклоненіе кресту было положено въ среду: послѣ славословія, стихирь и крестобогородична слѣдовало Трисвятное, Отче Нашъ и стихира „Креста Твоего древо“. Въ пятницу по окончаніи поклоненія, скевофилаксъ при пѣніи „Вознесиися на крестъ“ относилъ крестъ для храненія въ скевофилаксію. Ibid. стр. 827—828.

Наша епархіальная жизнь.

Необходимость устройства библиотекъ, читаленъ, книжныхъ магазиновъ и кіосковъ съ изданіями анти-соціалистическаго и вообще аналогетическаго характера. — Открытіе Варшавской библіотеки-читальни. — Мѣра приходского попечительства въ г. Карачевѣ для облегченія пользованія библіотекою. — Необходимость библіотекъ для сельскихъ пастырей. Обсужденіе этого вопроса на епархіальныхъ сѣздахъ. Благочинническія библіотеки; ихъ неудовлетворительное состояніе. Возможность помощи со стороны духовныхъ академій въ составленіи книгъ и брошюръ противъ антирелигіознаго теченія нашихъ дней.

Мысль объ устройствѣ особыхъ епархіальныхъ библіотекъ и читаленъ, повидимому, начинаетъ получать широкое распространеніе и во многихъ мѣстахъ уже осуществляется на дѣлѣ. Иначе и не можетъ быть. Съ новымъ врагомъ Церкви — антихристіанской литературой — нужно бороться тѣмъ же оружіемъ. Въ Московскихъ епарх. вѣд. (№ 3) обращается вниманіе на статью проф. Вишера „Новые горизонты въ исторической наукѣ“, помѣщенную въ журналъ „Современный міръ“. Въ этой статьѣ наши евангелія представляются простымъ пересказомъ преданій вавилонской религіи, лишь приспособленнымъ къ Палестинѣ и къ иной исторической обстановкѣ. Положенія, развиваемыя въ статьѣ, грубы и бездоказательны, но настроеніе большинства читателей „передовыхъ журналовъ“ извѣстно. Эти читатели только ищутъ подобнаго слова о христіанствѣ, унижающаго и развѣчивающаго его. Вотъ сюда-то и особенно должна быть направлена борьба всѣхъ, для кого религія Христа — свѣтъ и жизнь. Въдь статьи, подобныя указанной, идеи, раскрытыя въ ней, несомнѣнно будутъ подхвачены волнами потока, увлекающаго теперь русское общество. Эти идеи сейчасъ же въ упрощенной формѣ, въ видѣ тоненькихъ брошюръ, будутъ пущены въ обращеніе проникнуть всюду, въ рабочую среду и въ народъ. Долгъ борьбы съ новыми врагами Христа лежитъ прежде всего на пастыряхъ Церкви. Пастыри должны организовать особыя издательскія комиссіи, привлечь въ нихъ всѣхъ изъ своей

среды и изъ людей, преданныхъ Церкви, всѣхъ, кто владѣеть перомъ, и издать рядъ книжекъ и брошюръ, направленныхъ противъ ученій, которыя владѣютъ теперь нашимъ обществомъ. Темы напраиваются сами собою, ихъ въ изобиліи даетъ современная „брошюрная“ литература. Но важно не только написать брошюру, книгу, но и распространить ее, дать возможность обществу узнать о ея существованіи. Необходимо создать магазины, кіоски для распространенія литературы, о которой идетъ рѣчь,—и непременно на людныхъ улицахъ, гдѣ постоянно движется волна людей. Если новый магазинъ устроить—дорого, можно организовать пока отдѣлы при существующихъ книжныхъ магазинахъ, гдѣ это возможно ¹⁾. Повидимому, все это мелочи, не заслуживающія серьезнаго вниманія. Но кто не знаетъ, что теперь въ обществѣ много людей неустойчивыхъ, колеблющихся, настроеніе и взгляды которыхъ опредѣляются послѣдней книгой или брошюрой, выставленной въ витринѣ книжнаго магазина. Вотъ этихъ-то колеблющихся церковно—общественная литература и могла бы еще удержатъ въ Церкви, или вернуть къ ней.

Изъ открытыхъ библіотекъ—читальни можно указать на Варшавскую, открытіе и освященіе которой происходило 2-го января. Открыта она, благодаря заботамъ и содѣйствію Высокопреосвященнаго Никанора, пригласившаго представителей приходскихъ церквей оказать посильную помощь задуманному дѣлу. Самимъ Владыкою пожертвованы были деньги на первоначальные расходы по устройству библіотеки, значительное количество научныхъ богословскихъ произведеній, выписано нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданій. Библіотека открыта ежедневно отъ 11 до 2 ч. дня и отъ 6 до 8 вечера. За пользованіе книгами и журналами платы

---

¹⁾ Все это говорится относительно городовъ. А въ селахъ достаточно объявить о библіотекѣ или совершить открытіе ея, чтобы о ней стало извѣстно.

не взимается. По временамъ въ ея помѣщеніи предполагается чтеніе рефератовъ на религіозно-нравственныя и историческія темы (Варш. епар. вѣд. № 2.)

Приходское попечительство при Казанской церкви въ г. Карачевѣ, для привлеченія прихожанъ къ пользованію устроенною при храмѣ бібліотекою и для большаго удобства такого пользованія, отдало въ печать каталогъ имѣющихся въ бібліотекѣ книгъ для раздачи его въ приходѣ (Орлов. епар. вѣд. № 6). Мѣра весьма цѣлесообразная, такъ какъ безъ подобнаго каталога пользованіе бібліотекою весьма затруднительно для прихожанъ.

Очень многіе указываютъ на то, что бібліотеки-читальни необходимы прежде всего для самихъ пастырей. Въ настоящее переходное время, когда жизнь выдвигаетъ на сцену столько важныхъ вопросовъ, пастырь Церкви непременно долженъ быть въ курсѣ дѣла, чтобы всегда быть готовымъ дать обстоятельный отвѣтъ всякому вопрошающему. Современная богословская литература, сознавая требованія времени, идетъ на встрѣчу нуждамъ пастырей, давая въ разныхъ органахъ печати основательную разработку многихъ животрепещущихъ вопросовъ. Возможно широкая освѣдомленность въ текущей богословской литературѣ дастъ православному пастырю средства съ успѣхомъ вести борьбу съ врагами вѣры и Церкви. Но тутъ является одно крупное затрудненіе,—выписывать одинъ богословскій журналъ весьма недостаточно для указанной цѣли, два—три дорого, тѣмъ болѣе, что необходимо еще имѣть подъ руками и газету. Совсѣмъ иное положеніе было бы при существованіи бібліотеки-читальни. Тогда при самыхъ скромныхъ взносахъ духовенство могло бы имѣть въ своемъ распоряженіи большинство періодическихъ органовъ богословской литературы, наиболѣе солидные свѣтскіе журналы—ежемѣсячники и нѣсколько ежедневныхъ газетъ. Во многихъ городахъ Россіи вопросъ объ учрежденіи бібліотекъ-читаленъ для духовенства обсуждался на епархіальныхъ съѣздахъ и всюду принимался съ большимъ сочувствіемъ. Нѣкоторые города,

какъ напр., Москва, Тверь, Калуга, и др. имѣютъ прекрасно обставленныя библіотеки, удовлетворяющія нужды цѣлой епархіи (Оренб. епар. вѣд. № 2). Особенно необходимы такія библіотеки для сельскаго духовенства, которое положительно лишено возможности знать современныя теченія и быть вообще въ курсѣ дѣла. Существующія окружныя благочинническія библіотеки совершенно не достигаютъ цѣли. Въ Новгород. епар. вѣд. (№ 6) одинъ священникъ уныло спрашиваетъ: когда положено начало этому на практикѣ бесполезному учрежденію? Постановка дѣла благочинническихъ библіотекъ такова, что польза ихъ ничтожна сравнительно съ затрачиваемымъ отдѣльными церквами на нихъ капиталомъ. Не лучше ли и не полезнѣе ли для всѣхъ было бы, если бы эти деньги употреблялись священникомъ на книги при своей церкви, по своему выбору или совѣту благочиннаго. Лучше имѣть при своей церкви маленькую библіотечку, чѣмъ отдавать деньги на окружную библіотеку, которою никто не пользуется.

Нѣкоторое затрудненіе можетъ возникнуть при выборѣ книгъ для библіотекъ, но при желаніи оно легко устранимо. Существующіе указатели даютъ достаточно матеріала. Наконецъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ учредители библіотеки могутъ получить свѣдѣнія у редакцій богословскихъ журналовъ или у знающихъ лицъ.

Относительно составленія книгъ и брошюръ противъ антирелигіознаго теченія одинъ священникъ Московской епархіи говоритъ, что въ этомъ дѣлѣ большую помощь пастырямъ могли бы оказать наши духовныя академіи. Профессора академіи имѣютъ и больше досуга для выполненія указанной задачи; имъ, кромѣ того, легче знакомиться со всѣмъ новымъ въ области богословія и боевой антихристіанской литературы, что появляется на Западѣ. Желательно также, чтобы студентамъ послѣдняго курса академій для кандидатской работы предлагалось побольше темъ, касающихся живой дѣйствительности. У насъ почему-то твердо установилось въ академической

практикѣ, чтобы „начинающіе ученые“ оперировали непре-
мѣнно надъ научно-богословскими „окаменѣлостями“. А вѣдь
съ „Эклогой Льва Исавра“, „Еврейскимъ днемъ очищенія“,
„Цезаремъ Аральскимъ“ этимъ студентамъ, быть можетъ, всю
жизнь не придется встрѣтиться въ ихъ скромной дѣятель-
ности, и у нихъ останется лишь горькое сознаніе, что работа
лучшаго года академическаго образованія потрачена была
напрасно. (Москов. с. в. № 3). Съ мыслию автора всецѣло
нельзя согласиться, такъ какъ разработка чисто научныхъ во-
просовъ имѣетъ свое серьезное значеніе, но появленіе книгъ
и брошюръ на современныя темы, исходящихъ изъ высшихъ
духовно-учебныхъ заведній, конечно, весьма желательно.

ЗАМѢТКА.

О сиротахъ духовенства.

С. Г. Ермигъ на страницахъ Вятскихъ еп. вѣдомостей (№ 34 т. г.) указываетъ на печальное положеніе сиротъ духовенства и призываетъ притти къ помощи къ нимъ прежде всего само духовенство, справедливо находя, что духовенство обладаетъ нѣкоторыми средствами или способами помощи, которые теперь же безъ особеннаго затрудненія могутъ быть использованы.

Необходимо, говоритъ авторъ: „1) Со все́мъ усердіемъ располагать какъ своихъ прихожанъ, такъ и другихъ лицъ къ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія; подавать при этомъ примѣръ должно первѣе всего самѣ духовенство, памятуя, что и у насъ самихъ дѣти могутъ остаться сиротами безъ всякихъ средствъ къ жизни. 2) Взносить ежегодно и обязательно все́мъ членамъ причтовъ епархій, независимо отъ единовременныхъ пожертвованій, особую сумму денегъ въ епарх. попечительство въ видѣ

ежегодныхъ членскихъ взносов, приглашая къ тому и другихъ лицъ. 3) Просить дух. контисторію или епарх. попечительство публиковать ежемѣсячно въ епарх. вѣдомостяхъ свободныя просфорническія вакансіи въ селахъ епархіи, которыя и замѣщать исключительно сиротами духовнаго званія. 4) Просить епарх. попечительство по возможности увеличивать сиротамъ размѣръ денежныхъ пособій. 5) Жалованіе за просфоропеченіе установить до 60 р. въ годъ изъ суммъ церкви и мѣстныхъ церк.-приходскихъ попечительствъ, гдѣ таковыя есть. 6) Дать просфорникамъ на весь годъ готовое отопленіе изъ тѣхъ же источниковъ, т. е. церковныхъ и мѣстно-попечительскихъ. 7) Удѣлять всѣмъ сиротамъ духовенства часть церк.-причтовой огородной земли для сажанія овощей въ томъ размѣрѣ, гдѣ какой возможенъ“.

Къ сказанному можно добавить, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ для увеличенія матеріальныхъ средствъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія установленъ особый денежный сборъ съ лицъ, удостоенныхъ награжденія знаками отличія какъ духовными, такъ и свѣтскими. Въ большихъ епархіяхъ такой сборъ можетъ давать ежегодно значительный доходъ въ пользу попечительства. Почему бы не установить такой сборъ, въ общемъ—не такъ уже обременительный для духовенства, и по всѣмъ епархіямъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 13-го марта 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года марта 25-го дня.

Содержаніе: I. На могилу почившаго Константина Петровича Побѣдоносцева.—II. За годъ работы въ Братствѣ.—III. Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.—VI. Забѣтки: а) Новое деревенское общество. б) Уличныя бібліотеки при церквахъ. с) Запасные священники.

На могилу почившаго Константина Петровича Побѣдоносцева.

10-го сего марта въ Бозѣ скончался бывшій оберъ-прокуроръ св. Синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Почившій былъ выдающимся государственнымъ мужемъ, стоявшимъ у кормила правленія въ теченіе трехъ послѣднихъ царствованій. Въ виду крупныхъ государственныхъ и церковныхъ заслугъ покойнаго, мы почитаемъ своимъ долгомъ привести на память читателямъ нашего журнала нѣкоторыя черты его выдающейся жизни и дѣятельности.

К. П. Побѣдоносцевъ родился въ Москвѣ въ 1827 году. Дѣдъ его былъ священникомъ въ Москвѣ, а отецъ профес-

соромъ въ Московскомъ университетѣ. Воспитывался онъ въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, по окончаніи котораго въ 1846 году поступилъ въ Московскіе департаменты Сената. Съ 1859 по 1865 гг. Константинъ Петровичъ занималъ кафедру гражданскаго права въ Московскомъ университетѣ. Плодомъ его научныхъ занятій былъ извѣстный въ наукѣ „Курсъ гражданскаго права“, выдержавшій нѣсколько изданій. Въ 1861 году Константину Петровичу поручено было преподавать законовѣдѣніе покойному Наслѣднику-Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ 1863 году онъ сопровождалъ Наслѣдника-Цесаревича въ его путешествіи по Россіи, которое описалъ въ книгѣ: „Письма о путешествіи Наслѣдника-Цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма“ (Спб. 1864 г.). По смерти Цесаревича Константинъ Петровичъ преподавалъ юриспруденцію великимъ князьямъ Александру Александровичу, впоследствии Императору Александру III-му, и Владиміру Александровичу. Одновременно съ этимъ принималъ дѣятельное участіе въ комиссіи по преобразованію судебныхъ уставовъ. Въ 1865 г. Константинъ Петровичъ назначенъ членомъ консультаціи Министерства Юстиціи, въ 1868 году—сенаторомъ, въ 1872 году членомъ Государственнаго Совѣта и, наконецъ, 14 апрѣля 1880 года оберъ-прокуроромъ св. Синода и членомъ комитета министровъ. Должность эту онъ занималъ по 19 октября 1905-го года.

Таковы внѣшніе факты жизни К. П. Побѣдоносцева. Важнѣе и интереснѣе факты внутренней жизни и дѣятельности почившаго.

Завѣтными принципами, которыми руководился почившій К. П. Побѣдоносцевъ въ своей многолѣтней государственной дѣятельности, были: „охраненіе самодержавія, поддержаніе Церкви Православной, вѣрность русскимъ національнымъ учрежденіямъ и обычаямъ, возрожденіе русской самобытности и русскаго самосознанія. Какъ бы ни оцѣнивали въ настоящее время эти великія начала церковно-государственной жизни

Россіи, нужно отдать полную справедливость почившему: онъ глубоко убѣжденъ былъ въ истинѣ ихъ самъ и со всею искренностію и прямою старался проводить ихъ въ жизнь подвѣдомыхъ ему лицъ и учреждений, а чрезъ печатное слово и всего русскаго народа.

Какъ оберъ-прокуроръ св. Синода, занимавшій этотъ высокій и отвѣтственный постъ въ теченіе четверти вѣка, К. П. Побѣдоносцевъ проявилъ рѣдкую подготовленность къ прохожденію этой должности, административныя дарованія и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую любовь и уваженіе къ Православной Церкви. Его любовь къ Церкви Православной весьма рельефно выражена въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ, сказанныхъ имъ на торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси: „что милѣе и любезнѣе, что дороже Церкви—всѣмъ намъ, и великимъ и малымъ; какая красота милѣе и сочувственнѣе церковной красоты для русскаго сердца? Церковь—мать родная и милая русскому человѣку,—всѣ мы дѣти ей, и если кто блуждаетъ отъ нея далече, тѣ, Богъ дастъ, вернутся еще въ родительскій домъ, къ матери. Храмъ нашъ—это домъ русскому человѣку, домъ самый ближній, гдѣ всѣ равны отъ мала до велика, всѣ имѣютъ и находятъ свое мѣсто, всѣ почерпаютъ одинаково радость и утѣшеніе. Тутъ наша сила, тутъ тайная сокровищница судебъ нашихъ, тутъ хранилище драгоценныхъ нашихъ преданій и родникъ силъ нашихъ, которымъ суждено еще явиться въ будущемъ, если въ будущемъ оправдаемъ мы дѣлами правды и любви всю истину нашей вѣры“.

Какъ истинный сынъ св. Православной Церкви, почившій К. П. Побѣдоносцевъ всегда обнаруживалъ особый интересъ къ вопросамъ богословскаго и церковно-историческаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ проявлялъ глубокія познанія въ этой области. Такъ уже въ 1863 г. онъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статью: „Тишендорфъ и Синайская Библия“. Особенною извѣстностью въ русской читающей средѣ пользуется его переводъ сочиненія Оомы Кем-

пійскаго „О подражаніи Христу“, появившійся впервые въ 1869 году и выдержавшій съ тѣхъ поръ много изданій. При своихъ разнообразныхъ занятіяхъ по должности оберъ-прокурора и члена Государственнаго Совѣта, почившій находилъ время для ознакомленія съ многочисленной русской и особенно иностранной богословской литературой и все, что находилъ только въ этой области заслуживающимъ вниманія и полезнымъ, дѣлалъ достояніемъ русскаго читающаго общества. Кому не извѣстны вышедшія не такъ давно многочисленные книги, брошюры и статьи, популярно изложенныя почившимъ, замѣчательныя по силѣ богословскихъ познаній, религіозному одушевленію и художественной отдѣлкѣ? Таковы его сочиненія: „Праздники Господни“, „Побѣда, побѣдившая міръ“, „Вѣчная память—воспоминанія о почившихъ“, „Исторія христіанской Церкви до раздѣленія церквей“ и др. Почившаго глубоко интересовало исправленіе текста русскаго перевода новозавѣтныхъ книгъ Свящ. Писанія, и это дѣло—можно сказать—явилось послѣднимъ въ его жизненномъ жребіи: незадолго до кончины вышелъ изъ печати въ Петербургѣ исправленный текстъ Евангелія отъ Іоанна на русскомъ языкѣ. Дѣятельность почившаго Константина Петровича по дѣламъ Церкви въ теченіе двадцати пяти лѣтъ служенія ей по должности оберъ-прокурора св. Синода такъ велика и многостороння, что ее не обнять въ краткихъ словахъ журнальной статьи. Она ждетъ своего безпристрастнаго историка, который и оцѣнитъ ее по достоинству. Несомнѣнно только, что все крупное, сдѣланное въ послѣднюю четверть вѣка, такъ или иначе причастно дѣятельности и вліянію Константина Петровича. Могутъ иные возразить, что не всегда благотворнымъ было такое или иное участіе его въ дѣлахъ Церкви, что подчасъ почившій налагалъ свою тяжелую руку на проявленія инициативы и дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, даже самихъ іерарховъ Церкви. Совершенно справедливо,—скажемъ въ отвѣтъ на такія возраженія,—такъ и бывало иногда; только не нужно забывать одного важнаго и существеннаго, по на-

шему мнѣнію, обстоятельства,—того, что почившій жилъ и дѣйствовалъ въ атмосферѣ сложившейся два вѣка тому назадъ системы церковнаго управленія, выработанныхъ ранѣе его правовыхъ нормъ и отношеній свѣтской и духовной власти. Весьма естественные и обычные дефекты въ жизнедѣятельности всѣхъ выдающихся дѣятелей въ значительной степени выкупаются въ дѣятельности почившаго оберъ-прокурора несомнѣнно привлекательными чертами его личности,—его искреннимъ благочестіемъ, высокою честностью, рѣдкою настойчивостью въ проведеніи намѣченныхъ цѣлей, удивительной энергіей, подвижностью и неутомимымъ трудолюбіемъ.

Въ заключеніе нашей краткой замѣтки на память о почившемъ мы постараемся отмѣтить, что собственно сдѣлано бывшимъ оберъ-прокуроромъ для духовенства.

Для поднятія образованія дѣтей духовенства при немъ были даны новые уставы въ 1884 г. духовнымъ академіямъ, семинаріямъ и училищамъ; съ теченіемъ времени испрошенъ рядъ ассигновокъ изъ казны на улучшеніе матеріальнаго положенія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (увеличеніе окладовъ жалованья и пенсій) и самихъ учащихся. Въ послѣдніе годы Константинъ Петровичъ былъ озабоченъ введеніемъ разныхъ улучшеній въ нашей школьной жизни, и въ центральномъ управленіи духовно-учебнаго вѣдомства произведены обширныя работы въ этомъ направленіи. Весьма важной мѣрой къ улучшенію матеріальнаго положенія нашего духовенства слѣдуетъ считать достигнутое великими трудами почившаго Оберъ-Прокурора *назначеніе жалованья* наиболѣе бѣднымъ причтамъ отдѣльныхъ епархій, распространяемое постепенно на все духовенство имперіи. Другимъ актомъ заботливости Константина Петровича о нуждахъ духовенства было изданіе въ 1902 году *устава о пенсіяхъ* духовенству. Какое это благодѣяніе для бѣдныхъ сельскихъ священниковъ и псаломщиковъ, ихъ вдовъ и сиротъ, объ этомъ излишне распространяться...

Самымъ важнымъ дѣломъ и какъ бы вѣнцомъ въ обширномъ зданіи мѣропріятій на пользу духовенства со стороны почившаго является безспорно *церковно-приходская школа*—это въ своемъ родѣ дѣтище Константина Петровича. Покойный отлично сознавалъ важное значеніе завѣдыванія духовенствомъ начальнымъ образованіемъ народа, и вотъ, благодаря его исключительнымъ стараніямъ, въ распоряженіе духовнаго вѣдомства даны изъ казны большія средства для развитія церковно-приходскихъ школъ и церковнаго просвѣщенія народа. Теперь, послѣ двадцатилѣтнихъ усилій духовныхъ дѣятелей, дѣло это прочно и широко развилось по всей Россіи.

Такова охарактеризованная нами вкратцѣ дѣятельность и таковъ образъ призваннаго Домовладыкою въ Свои вѣчные кровы труженика на нивѣ Христовой К. П. Побѣдоносцева. За самыя послѣдніе годы на его долю выпало множество насмѣшекъ и издѣвательствъ за его предыдущую дѣятельность. Но всѣ эти насмѣшки и издѣвательства—не иное что, какъ результатъ политическихъ страстей, такъ бурно и односторонне проявляющихся въ настоящее время. Взамѣнъ этихъ издѣвательствъ, послужившихъ, можетъ быть, очистительною чашей страданій для почившаго, мы, памятуя многочисленныя заслуги и труды его на пользу св. Православной Церкви, православнаго духовенства и нашихъ дѣтей, вознесемъ, достолюбезные отцы-собратія, теплую молитву къ Господу силъ, да упокоитъ Онъ преставляшагося раба Своего въ селеніяхъ праведныхъ, вкупѣ съ избранными Своими.

Герей.

За годъ работы въ Братствѣ.

(Изъ пережитого).

Въ январѣ настоящаго года наше Братство отпраздновало свою первую годовщину. Такъ какъ частный, даже не большихъ размѣровъ, опытъ въ столь важномъ дѣлѣ не лишень своего значенія и интереса, то и хотѣлось бы подѣлиться съ читателями впечатлѣніями, пережитыми за годъ въ Братствѣ.

Въ сравненіи съ понечительствомъ Братство, по нормальному уставу, имѣеть то преимущество, что предсѣдителемъ его является приходскій священникъ, а это ставить Братство въ самую близкую связь съ мѣстнымъ приходомъ и открываетъ священнику возможность самаго широкаго въ немъ участія и вліянія.

Самый приходъ нашъ, по составу своему, представлялъ и представляетъ нѣкоторыя какъ благопріятныя, такъ и неблагопріятныя условія и для первоначальнаго возникновенія и для дальнѣйшей жизни и дѣятельности Братства. Нашлось въ приходѣ 2—3 лица, для которыхъ работа въ братствахъ была уже знакома по другимъ приходамъ; ихъ-то инициативѣ и принадлежитъ учрежденіе Братства. Съ этой стороны положеніе было довольно выгодное и удобное, такъ какъ возникновеніе Братства шло отъ прихода и отъ него пускало свои корни въ стороны. Крайне неблагопріятнымъ какъ для Братства, такъ и вообще для пастырской дѣятельности, является въ пригородномъ приходѣ, каковъ нашъ, то, что въ немъ населеніе — самые разнородные элементы, и притомъ процентъ постоянныхъ коренныхъ жителей, не великъ; преобладаютъ временные жильцы: фабричныя, мастеровыя, заводскія рабочіе, часто мѣняющіе мѣста. У такихъ рѣдко устанавливается прочная связь съ приходомъ. Такова, намъ думается, участь большинства городскихъ приходоу. Тѣмъ труднѣе завлечь такихъ случайныхъ прихожанъ, всего чаще

крайне бѣдно обезпеченныхъ, въ члены Братства, что это сопровождается, хотя и небольшой, матеріальной жертвой.

Привлеченію членовъ въ наше Братство много помогъ печатный уставъ его, напечатанный въ числѣ 2 тысячъ экземпляровъ. Устное слово, призывъ священника часто забываются, а печатную брошюрку можно и дома прочесть и подумать надъ ней. Пожалѣть приходится, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ изданныхъ *по самой дешевой цѣнѣ* „положеній о братствахъ и попечительствахъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1867 году. Для тѣхъ приходоѡвъ, гдѣ трудно печатать свой собственный уставъ, такое изданіе принесло бы великую пользу въ дѣлѣ ознакомленія прихожанъ съ задачами и цѣлями Братства.

Но одного устава не достаточно для привлеченія членовъ Братства. При инертности русскаго человѣка, его необходимо раскатать, расшевелить, подвинуть на хорошее дѣло. Пришлось болѣе энергичнымъ членамъ Братства устроить обходъ квартиръ съ цѣлью приглашенія членовъ Братства. Такимъ образомъ къ концу года всѣхъ членовъ Братства набралось 317 человѣкъ. Болѣе отзывчими оказались люди бѣдные и средніе по достатку, чѣмъ богатые.

Матеріальныя средства Братства составились изъ добровольныхъ пожертвованій, членскихъ взносовъ, изъ которыхъ были и значительныя, отъ пожизненныхъ членовъ. Большую поддержку Братству оказала кружка Братства; обносимая въ храмъ, за годъ она дала болѣе ста рублей, и, что замѣчательно, церковная кружка, или такъ называемый кошелекъ, отъ этого нисколько не пострадалъ: пожертвованій на храмъ чрезъ это нисколько не уменьшилось. Въ нѣсколькихъ мѣстныхъ лавкахъ также были разставлены кружки въ пользу Братства; нѣсколько рублей собрано было этимъ путемъ.

Результаты, достигнутые Братствомъ за годъ, нельзя признать особенно большими; пока заложены только зачатки будущей работы, болѣе широкой и плодотворной. Что работа Братства и теперь уже плодотворна для прихода, доказатель-

ство этому налицо. Важно уже то, что идея Братства вошла въ сознание прихода, стала ему знакомою, для нѣкоторыхъ родною.

Кромѣ того, Братство въ общей работѣ сближаетъ людей разнообразныхъ общественныхъ положеній въ одну семью. Въ Братствѣ сходились, знакомились и сближались лица, которыя до того не знали другъ друга. Къ слову, нельзя не позавидовать тѣмъ приходамъ, гдѣ есть удобныя помѣщенія для братскихъ собраній. Церковно-приходская школа у насъ маленькая, какъ говорится, на курьихъ ножкахъ. Чрезъ это на засѣданіи совѣта Братства приходилось приглашать только членовъ совѣта, между тѣмъ крайне желательно, чтобы на собраніяхъ присутствовали всѣ желающіе члены Братства и каждый вносилъ въ общій трудъ долю своего участія.

Существенною цѣлью Братства должно быть развитіе и укрѣпленіе религіозно-нравственнаго настроенія въ приходѣ: только тогда оно будетъ жизненнымъ и плодотворнымъ и дѣйствительно великимъ помощникомъ церкви; но осуществленіе этой стороны дѣятельности Братства требуетъ отъ священника и высокаго авторитета и духовнаго опыта. Священникъ долженъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы Братство не было только благотворительнымъ учрежденіемъ, но чтобы всегда предъ Братствомъ стояла главная и первая его цѣль—спасеніе, служеніе высшимъ духовнымъ интересамъ христіанской души. Религіозно-нравственныя чтенія въ приходѣ, особенно нашемъ, крайне необходимы; къ прискорбію, широко развитъ это дѣло оказалось невозможнымъ, за отсутствіемъ собственнаго помѣщенія. Помѣщенія для чтеній пришлось просить въ министерскомъ училищѣ, и чтеній было только три. Общій интересъ, вниманіе и благодарность слушателей были устроителямъ наградою за ихъ скромный трудъ.

„Съ міру по ниткѣ — бѣдному рубашка“. По этой поговоркѣ у насъ составила небольшая бібліотека Братства; всего въ ней въ настоящее время 300 томовъ; книги почти

исключительно для невзыскательнаго средняго читателя и дѣтей, такъ какъ на серьезныя и цѣнныя книги пока не хватаетъ средствъ. Часть, самая не значительная, книгъ была позаимствована Братствомъ изъ небольшоѣй церковной библиотеки и библиотеки церковно-приходской школы. Нѣсколько десятковъ книгъ прислали Кіево-Печерскія и Почаевская Лавры; остальные пожертвованы частными лицами. О бесплатной высылкѣ книгъ послано ходатайство въ издательскую комиссію при Св. Синодѣ. Есть въ библиотекѣ часть книгъ и свѣтскаго характера: по медицинѣ, сельскому хозяйству и исторіи. Вообще же, намъ думается, свѣтскихъ ¹⁾ книгъ въ настоящее время не слѣдуетъ держать въ братскихъ библиотекахъ. Разъ вы приняли одну книгу, то почему же не принять и другую? Между тѣмъ тонъ и характеръ ея священникъ можетъ признать вредной, въ виду особенности нашего времени. При обострившихся отношеніяхъ различныхъ общественныхъ теченій свѣтское чтеніе можетъ породить несогласіе въ Братствѣ, а это самое опасное явленіе во всякомъ дѣлѣ. Въ первый годъ Братствомъ выписывается „Русскій Паломникъ“, но такъ какъ нѣкоторые изъ братчиковъ заявили недовольство на его политиканство и отсутствіе статей о. Іоанна Кронштадскаго, то на слѣдующій годъ посланы Братствомъ деньги на „Душеполезное чтеніе“. За годъ книгами пользовались 123 лица, а всѣхъ выдачъ книгъ въ году было 1474.

Въ маленькихъ размѣрахъ практикуется Братствомъ продажа книгъ религіозно-нравственнаго содержанія,—учебники по Закону Божію и молитвенники школьники приобрѣтаютъ въ Братствѣ. Высланныя Московской синодальной типографіей на комиссію книжки были проданы въ двѣ недѣли;

¹⁾ Понятіе „свѣтскій“ довольно широкое; намъ думается, что если бы въ братскихъ библиотекахъ нашли мѣсто книги историческаго содержанія и естественно-научнаго, въ которыхъ темы трактовались бы съ религіозной точки зрѣнія (а эти области знанія даютъ богатый матеріалъ!), то едва ли бы это противорѣчило прямымъ цѣлямъ Братства; свѣтское въ этомъ случаѣ служило бы цѣлямъ духовнаго назиданія. *Ред.*

особенно по вкусу пришлись покупателям канонъ св. Андрея Критскаго и Молитвословъ скорбящихъ и унывающихъ. Помощь синодскихъ типографій въ отпускѣ книгъ на комиссію заслуживаютъ отъ братствъ самаго широкаго вниманія, такъ какъ даютъ братствамъ возможность безъ затратъ и даже съ выгодной для себя (типографіи дѣлаютъ 10% скидки) распространять въ приходѣ по дешевой цѣнѣ полезныя изящно изданныя книжки.

На покупку листиковъ религіозно-правственнаго содержанія совѣтъ Братства разрѣшилъ расходовать по 1 рублю въ недѣлю. Пожалѣть приходится, что изданіе такихъ листиковъ не получило еще широкаго развитія въ средѣ нашихъ пастырей и не организовано ознакомленіе съ ними приходскихъ священниковъ. Нѣтъ у насъ и дешевыхъ изданій листиковъ. Лаврскіе листки стоятъ довольно дорого—60 коп. сотня; еще дороже стоятъ, правда, изящно изданные, Синодальные листки.

Изъ нравственныхъ недуговъ, замѣчаемыхъ въ приходѣ, Братство обратило вниманіе на пьянство. Благодаря Братству, закрыто было двѣ лавки съ тайной продажей питей. Посильно Братство вліяло даже на частную жизнь отдѣльныхъ прихожанъ; напоминало сыновьямъ о помощи престарѣлымъ родителямъ и т. д.

Обратило вниманіе Братство и на религіозныя явленія общаго характера. Большой вопросъ и крайне тяжелый для многихъ прихожанъ и членовъ Братства—лишеніе возможности не только быть въ храмѣ, но даже хотя разъ въ годъ поговѣть. Препятствія къ этому создаютъ какъ самый родъ многихъ службъ, такъ еще чаще—начальническое усмотрѣніе, которое часто совѣмъ не хочетъ справляться съ душевнымъ и религіознымъ настроеніемъ своихъ подчиненныхъ¹⁾.

¹⁾ Одинъ изъ членовъ Братства, желѣзнодорожный служащій, на просьбу къ начальнику отпустить поговѣть, получилъ отвѣтъ: „Вотъ глупости! Да я одиннадцать лѣтъ не говѣлъ“.

Тяжело въ этомъ отношеніи положеніе домашней прислуги, а особенно той, которая служить у иновѣрцевъ или у евреевъ; тутъ часто приходится наблюдать полное поправленіе человѣческой совѣсти. Имѣя въ виду это обстоятельство, Братство чрезъ епархіальное начальство ходатайствовало о томъ, чтобы предстоящій всероссійскій церковный соборъ обратилъ вниманіе на положеніе трудящихся классовъ, и чтобы лицамъ, продающимъ свой трудъ, было предоставлено, въ законодательномъ порядкѣ, право пользоваться 2—3 днями въ теченіе Великаго поста для говѣнія.

Братство начало свою дѣятельность въ самый разгаръ всякихъ свободъ. Печатная макулатура самаго разнообразнаго содержанія широкою волною хлынула въ приходъ. Шаржи, карикатуры и глумленіе надъ религіозными предметами стали обычнымъ явленіемъ. Братство не прошло мимо и этого плода ложно понятой свободы и просило обратить на него вниманіе церковной власти.

Если и въ каждомъ селеніи не мало есть бѣдноты, то что говорить о пригородномъ селѣ? Все, что выброшено городомъ за неспособность къ труду, все искалѣченное, измученное и вмѣстѣ оторванное отъ родной деревни, стремится въ пригороды, гдѣ жизнь не такъ трудна, какъ въ самомъ городѣ. Поэтому Братству пришлось главную часть своихъ поступленій жертвовать на помощь бѣднякамъ самыхъ разнообразныхъ положеній. Не велика была эта помощь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но все же и эта скудная жертва поддержала нѣкорыхъ, не допустила до голодной смерти. Объ одномъ Братству приходится скорбѣть,—что нѣтъ собственнаго помѣщенія, гдѣ самые бѣдные, безпріютные нашли бы себѣ теплый уголь, кусокъ хлѣба, и — что особенно важно—уходъ и участіе. Забыть не могу одной смерти старика служилаго, болѣзнію измученнаго. Умиралъ николаевскій солдатъ, покоритель Кавказа, получившій въ бояхъ нѣсколько ранъ. Бѣднякъ въ предсмертной мукѣ томился на соломѣ, а вокругъ шутили, говорили пьяныя фізіономіи „bye-

шихъ людей“. Братство нашло этого старика, чѣмъ могло, помогло, облегчило послѣднія минуты, а потомъ приготовило и къ погребенію.

Приходская благотворительность у насъ, на Руси, едва зарождается, но ей должно принадлежать будущее; она не мало привлечетъ къ церкви людей, къ ней равнодушныхъ, холодныхъ. Въ селахъ помощь бѣднымъ можетъ быть организована прочіе, живіе, чѣмъ въ городѣ: въ селѣ всѣ знаютъ другъ друга, населеніе здѣсь однородное, да и народъ въ селѣ отзывчивѣе къ горю ближняго, такъ какъ борьба за насущный кусокъ хлѣба не стоитъ тамъ такъ остро, какъ въ городѣ, и цѣна на предметы потребленія въ селѣ не такъ высока. Устроить маленькій пріютъ для престарѣлыхъ бѣдняковъ или для сиротъ въ селѣ также легче, потому что земля усадебная здѣсь гораздо дешевле; въ городѣ нужно ожидать слишкомъ большой жертвы отъ щедраго богача, что бы благотворительное учрежденіе могло преобрѣсть свою недвижимую собственность.

Въ церковной жизни братствамъ несомнѣнно должно принадлежать одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ могучему фактору подъема и развитія этой жизни, но, конечно, при условіи, что братства будутъ основаны во многихъ приходсахъ и объединяется между собою. Попытку такого объединенія сдѣлалъ кн. Щербатовъ въ Москвѣ, выпустившій въ прошломъ году свое воззваніе объ объединеніи братствъ и приходскихъ почительствъ. (Въ противовѣсъ масонской лигѣ Креста, туманныя указанія на которую проскользнули въ печати прошлаго года).

Такъ называемое возрожденіе прихода и слѣдовало бы начинать съ открытія братствъ, такъ какъ они привлекаютъ къ себѣ все, что есть въ приходѣ болѣе энергичнаго и добраго, живо отзывающагося на религіозные запросы и нужды прихода.

Священникъ II.

Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.

(Продолженіе¹⁾).

Древнѣйшіе славянскіе типиконы не даютъ такого подробнаго описанія порядка выноса креста въ крестопоклонную недѣлю, какой мы видѣли въ Евергетидскомъ типиконѣ, но, при сохраненіи существенныхъ чертъ въ изображеніи обряда поклоненія, они представляютъ зато нѣкоторыя небезынтересныя особенности, какихъ нѣтъ въ Евергетидскомъ типиконѣ и какія заставляють предлагать существованіе другой редакціи обряда поклоненія кресту въ практикѣ греческой церкви. На утрени, говорится, напр., въ уставѣ XII в. № 380 Моск. Синод. библ., по исполненіи двухъ каѳизмъ, приносится изъ сосудохранительницы крестъ и полагается на св. трапезѣ (т. е. престолѣ) до окончанія девятой пѣсни канона. Предъ алтаремъ ставится столъ и покрывается паволокою. Тогда берется съ св. трапезы крестъ и полагается на столѣ. Съ двухъ сторонъ стола ставятся свѣчи. Послѣ „Святый Боже“ и „Отче нашъ“ отпуста не бываетъ, но по возгласѣ: „Яко Твое есть царство“, поется тропарь: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“. При пѣніи этого тропаря и стихирь кресту происходитъ поклоненіе кресту игумена, священниковъ и братіи. Далѣе—ектенья съ пѣніемъ тройного „Господи помилуй“ и поминовеніемъ игумена и братіи при пѣніи „Господи помилуй“ двѣнадцать разъ. Потомъ святитель, діаконь и параномарь облачаются въ священныя одежды и съ монахами провожаютъ священника, который несетъ на главѣ крестъ, въ братскія келліи. Процессіи предшествуютъ діаконь съ кадиломъ параномарь съ свѣчею; пѣвцы поютъ „Кресту Твоему“. По возвращеніи въ церковь крестъ полагается въ особомъ сосудѣ, или, по типикону того же XII в. москов. типографск. библ., въ сосудохранительницѣ. Въ прочіе дни

¹⁾ См. № 11-й за 1907 г.

крестопоклонной седмицы до пятницы включительно поклонение кресту совершается въ концѣ девятого часа; для этого, при пѣніи „блаженнѣ“ крестъ выносится изъ сосудохранительницы, а затѣмъ, по окончаніи обряда, снова полагается туда ¹⁾).

У насъ подъ руками двѣ славянскія рукописи¹⁾ изъ библиотeki Кіево-Михайловскаго монастыря: типиконъ № 424 (1667 г.) и постная тріода № 430 (1676 г.). Обѣ рукописи относятся къ XVII в. и являются показательницами состоянія интересующаго насъ чина въ тотъ вѣкъ, который въ исторіи богослуженія обыкновенно характеризуется какъ вѣкъ группировки и систематизаціи созданнаго въ предыдущее время, а для Русской Церкви оказывается еще почти и концомъ творчества въ области церковныхъ чиновъ и послѣдованій. По отпускѣ малой вечерни наканунѣ крестопоклоннаго воскресенья, рассказываетъ названный типиконъ XV в., въ сосудохранительницу входитъ священникъ въ сопровожденіи еклизіарха. При нихъ—лампада и кадило. Священникъ кадитъ, „тамо сущія святая“ и начинаетъ: „Благословенъ Богъ нашъ“. Еклизіархъ: Трисвятое и Отче нашъ. Священникъ—возгласъ, и еклизіархъ читаетъ тропарь „Спаси Господи“ и на Слава и нынѣ кондакъ: „Вознесыйся на крестъ“. „И возьмъ пошъ честный крестъ съ блюдомъ на главу, относитъ его во святыи алтарь, предыдущимъ ему двѣма лампадамъ, и полагаетъ на святой трапезѣ; и возжгутъ предъ нимъ свѣщу на всю ночь“ ²⁾. Въ тріоди обрядъ выноса креста (онъ называется здѣсь: „честное древо“) изъ сосудохранительницы изложень короче; нѣ тріоди нѣтъ *начала*, которое творить священникъ съ еклизіархомъ по вышеуказанному типикону, и изъ пѣснопѣній положень одинъ только тропарь „Спаси,

¹⁾ Описание слав. рки. моск. синод. библиотекн. Ш. М. 1869, стр. 241—242. *И. Д. Мансветова*—Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви. М. 1885, стр. 143—144, 382.

²⁾ Л. 137.

Господи“; его поютъ, когда сѣвященникъ идетъ съ крестомъ изъ сосудохраниельницы въ алтарь, чтобы положить тамъ крестъ на престолѣ¹⁾).

На утрени крестъ выносится изъ алтаря на средину храма съ соблюденіемъ слѣдующей обрядности. Когда начнутъ пѣть великое славословіе, читаемъ въ типиконѣ, священникъ и, если есть, діаконъ облачаются въ ризы, при чемъ священникъ надѣваетъ „священническая якоже на самую литургію²⁾“. По оказаніи престола, священникъ беретъ на голову свою честный крестъ съ *хранильницею*³⁾ и выходитъ изъ алтаря сѣверными дверьми. Впереди несутъ два подсвѣчника со свѣчами. Діаконъ идетъ съ кадиломъ. На срединѣ храма, противъ царскихъ вратъ, ставится, между тѣмъ, и покрывается пеленой аналой. Когда послѣ славословія пѣвцы пропеютъ трисвятое, діаконъ⁴⁾ возглашаетъ: „Премудрость, прости“. Пѣвцы—„Спаси Господи“. Въ это время священникъ съ крестомъ на главѣ подходитъ къ царскимъ вратамъ⁵⁾ и возлагаетъ крестъ на аналой⁶⁾. Покадивъ крестообразно, священникъ открываетъ „хранильницу⁷⁾ въ ней же крестъ“,

¹⁾ Л. 62-62 об.

²⁾ Л. 137 об. Замѣчанія объ одеждахъ священника въ тріоди пѣть.

³⁾ Тріодь: подымаетъ его на дискосъ на главѣ своей“. (Въ другой тріоди постной отъ XVII в. № 429 (1666) изъ той же Кіево-Михайловской библ. добавлено: „на дискосъ съ *хранильницею*“, л. 229).

⁴⁾ Въ тріоди—священникъ, л. 75 об.

⁵⁾ „Приходятъ до царскихъ вратъ“, л. 174. „Приходитъ свититель,нося честное древо предъ святыми дверьми“, тріодь л. 75 об. Царскія и святыя двери не одно и то же, по древней терминологіи. Царскими дверьми назывались тѣ, которыя вели изъ притвора въ храмъ, а святыми—двери въ алтарь къ престолу; но такъ какъ тѣ и другія были *средними* вратами, то, поэтому, и выраженія обоихъ нашихъ памятниковъ надо, намъ кажется, понимать одинаково, въ смыслѣ указанія на средину храма, куда выносится крестъ и гдѣ полагается на аналой.

⁶⁾ Нѣсколько ниже въ томъ же типиконѣ аналой названъ „тетраподой“, при чемъ же тутъ дано и объясненіе этого слова: „припедь іерей полагаетъ честный крестъ на предуготовленной тетраподи сирѣчь на аналоѣ“ л. 174. Тетраподь, однако, есть нѣчто иное, нежели аналой..

⁷⁾ По тріодіи—„ковчежець“, л. 76.

и тутъ подходитъ къ аналою игумень и оба они — игумень и священникъ—три раза поклоняются кресту, „равно оба поюще тихогласно: „Кресту Твоему“; затѣмъ, тоже „поють и ликове великогласно“. Цѣлованіе креста происходитъ въ порядкѣ старшинства: „прежде игумень, таже попъ; и поклоняются паки единою, таже на оба лика по единому. Потомъ идутъ братіи вси, равно, по два, по два по чину... якоже на евангельскомъ поклоненіи“ ¹⁾).

О поклоненіи кресту въ слѣдующіе за воскресеньемъ четыре дня: понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ, типиконъ дѣлаетъ замѣчаніе, что поклоненіе въ эти дни бываетъ на первомъ часѣ, при чемъ вмѣсто „Стопы моя направи“ поется „Кресту Твоему“, и что, поклоненіе совершается по тому же образу, какой указанъ выше. „Въ пятокъ, по отпѣваніи часовъ и по послѣднемъ трисвятомъ, поклепавшу желѣзному клепанію, собравшейся братіи въ церковь, бываетъ абіе поклоненіе честному кресту, поющимъ намъ стихиры самогласны, дондеже вси поклонятся. И потомъ возьмется іереемъ на блюдѣ честный крестъ и относится во святыи алтарь, и бываетъ отпущскъ“ (л. 174 об.). Такъ заканчивается въ типиконѣ XVI в. изъ бібліотеки Кіево-Михайловскаго монастыря описаніе обрядовъ выноса креста въ недѣлю крестопоклонную.

Разсмотрѣнный чинъ поситъ на себѣ ясныя признаки того, что онъ предназначался для руководства при выносѣ креста и поклоненіи ему въ монастырскихъ храмахъ. Степень торжественности, съ которою совершается обрядъ, можно назвать среднюю. Конечно, мірскія приходскія церкви не могли имѣть и этой средней части торжественности, которая сообщалась въ монастыряхъ обряду участіемъ въ его совершеніи игумена, діакона, еклизіарха, особыхъ свѣщеносцевъ, пѣвцовъ на оба лика и множества монашествующихъ: одинъ

¹⁾ Въ тріодіи порядокъ поклоненія изложенъ не такъ подробно.

священникъ съ церковникомъ и псаломщикомъ не много могли дать торжественности;—но зато древніе соборные храмы съ большимъ штатомъ священнослужителей при епископѣ превосходили въ службѣ торжественностью монастырскія церкви. Въ главѣ соборныхъ храмовъ, разумѣется, стоялъ столичный храмъ который бывалъ образцомъ для кафедральныхъ и соборныхъ храмовъ по прочимъ городамъ; тѣ храмы, сколько оказывалось возможнымъ, слѣдовали порядкамъ столичнаго кафедральнаго собора. Въ Московскій періодъ русской исторіи храмомъ, дававшимъ въ богослужебной практикѣ тонъ другимъ соборамъ, былъ Большой Успенскій соборъ въ Москвѣ, гдѣ служилъ патріархъ и молился царь, который принималъ довольно часто даже непосредственное участіе и въ отправленіи богослуженія. Къ сожалѣнію, въ данную минуту у насъ нѣтъ подъ руками древняго устава московскаго Большого Успенскаго собора, и мы лишены возможности представить читателю свѣдѣнія о томъ, какъ московскій патріархъ выносилъ крестъ въ среднюю недѣлю Великаго поста и какъ поклонился кресту самъ патріархъ съ духовенствомъ и царь съ своей свитой. Но мы располагаемъ весьма подробнымъ и очень интереснымъ описаніемъ обряда выноса креста въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ, которое и предлагаемъ вниманію благосклоннаго читателя ¹⁾.

Наканунѣ крестопоклоннаго воскресенія, въ благовѣсть вечерни, говоритъ древній Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго Собора: входятъ въ сосудохранильницу: „протопопъ, да ключари, да іерей и діакопъ недѣльные облачяся съ кадиломъ и съ лампадою“. Недѣльный іерей кадитъ сначала свитыни сосудохранильницы, затѣмъ протопона и ключарей. Діакопъ возглашаетъ: „Благослови владыко“. Іерей: „Благосло-

¹⁾ Чиновникъ Новгородскаго Собора издавъ *А. П. Голубцовымъ* и напечатанъ въ чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей за 1899 г. кн. 2. Чиновникъ относится къ XVII в. и составленъ, безъ сомнѣнія, подъ сильнымъ вліяніемъ устава Большого Успенскаго собора въ Москвѣ.

вень Богъ нашъ“.—Аминь, Трисвятое и Отче нашъ — „ключарь глаголетъ“. По возгласѣ іерея на Отче нашъ—тропарь: „Спаси Господи“ и Слава и нынѣ, кодакъ: „Вознесыйся на крестъ“. „Іерей же покадитъ крестъ и діакона“; затѣмъ онъ отдаетъ кадило діакону и принимаетъ отъ него каженіе. Послѣ этого іерей возлагаетъ себѣ на главу блюдо съ крестомъ и вноситъ его въ алтарь; впереди идетъ „поломонарь съ лампадою до престола, а діаконъ прямо кресту кадитъ“. Подойдя къ престолу, іерей ставитъ блюдо съ крестомъ на престолъ, на илтонъ, развернутый на томъ мѣстѣ, гдѣ обычно кладется Евангеліе, „а Евангеліе поставляетъ горѣ“, и „пріемъ кадило отъ діакона, покадитъ крестъ на престолѣ, потомъ протопопа и ключарей и діакона и отдаетъ кадило діакону; діаконъ же, пріемъ кадило, покадитъ іерея, также полономаря, и отдаетъ кадило полономарю“. „Тогда поставятъ свѣщу возжену на подсвѣчникѣ предъ крестомъ на всю ночь“. По приходѣ владыки митрополита новгородскаго („святителя“) въ храмъ, когда онъ станетъ на свое обычное мѣсто¹⁾, начинается вечерня. Служать ее педѣльные іерей съ діаконѣмъ. Вечерню „поютъ по уставу“. Къ служенію молебна послѣ вечерни облачается самъ святитель; на молебнѣ поютъ канонъ кресту.

Благовѣсть къ заутрени во второмъ часу ночи. Духовенство городскихъ и посадскихъ церквей обычно оповѣщалось въ Новгородѣ къ сбору въ соборъ особымъ звономъ во время чтенія пролога, но въ этотъ день звона не полагалось, такъ какъ въ выносѣ креста принимало участіе не все новгородское духовенство, а отъ нѣкоторыхъ только ближайшихъ церквей. Этихъ священниковъ оповѣщали словесно „звонцы“ (звонари). Послѣ Достойно святитель идетъ въ алтарь и облачается. По облаченіи, онъ, стоя въ царскихъ дзве-

¹⁾ Древнее архіерейское мѣсто, на которомъ архіерей стоялъ за богослуженіемъ, когда не принималъ въ немъ дѣятельнаго участія, было у передней стороны праваго предалтарнаго столба.

ряхъ, раздаеть особыя свѣчи боярину, воеводѣ и дьякамъ и особыя свѣчи — протопопу и священникамъ; пѣвцамъ и поддіаконамъ свѣчи раздаются ключарями. „А въ то время звонцы поставятъ мѣсто святителю въ соборѣ, а ключари поставляютъ налогъ съ паволкою средь церкви“. Святитель принимаетъ отъ протодіакона кадило и вручаетъ ему свѣчу. „Кадить святитель честный крестъ на блюдѣ на престолѣ крестообразно, потомъ—жертвенникъ и весь алтарь, и царскія двери, и на церковь и паки алтарь; обратясь, кадитъ честный крестъ и протопопа со священниками на оба лика и протодіакона, и отдаеть кадило протодіакону; протодіаконъ же, приѣмъ кадило, покадитъ святителя“. Когда святитель кадитъ, его сопровождаютъ со свѣчей протодіаконъ; послѣ кажденія, протодіаконъ отдаеть свѣчу свою поддіакону. По окончаніи славословія, „велятъ ключари звонить во вся колокола. Тогда святитель подѣмлетъ съ престола честный крестъ съ блюдомъ на главу, поддержимъ по руки протопопомъ да ключаремъ; протодіаконъ и ризничій приѣмлютъ по кадилу и кадятъ прямо кресту. II идутъ на выходъ: первѣе — поломонаръ съ подсвѣчникомъ, а на подсвѣчникѣ свѣща возжена, и по немъ діаконы съ рипидами; таже—діаконъ съ святительскою шапкою; потомъ поддіаки съ лампадою и выходными свѣчами, по семъ протодіаконъ и ризничій съ кадилами идутъ и кадятъ честный крестъ; таже — святитель со крестомъ и по немъ—поддіаконъ съ посохомъ; потомъ—священницы со свѣчами два идутъ въ рядъ. „Когда процессія придетъ на мѣсто, „поломонаръ поставляетъ подсвѣчникъ со свѣчею посторонь налога, а діаконы съ рипидами за налогомъ стануть, а съ шапкою—у мѣста“. Святитель полагаетъ крестъ съ блюдомъ на аналоѣ, а одинъ изъ ключарей ставитъ предъ аналоемъ „подсвѣчникъ со свѣчою ближе, для бреженія креста“. „II положатъ на святителя шапку“, послѣ чего святитель совершаетъ кажденіе креста, храма, святынь его, духовенства и присутствующихъ въ храмѣ. Протодіаконъ съ свѣчей въ рукѣ сопровождаетъ святителя при кажденіи. „II егда совершится отъ

пѣвцовъ трисвятое пѣніе, тогда протодіаконъ возглашаетъ: „Премудрость прости“, стоя съ правою страну налога. Таже правый ликъ священниці глаголетъ тропарь: „Спаси Господи люди Своя“ и наконецъ тропаря пѣніемъ на первый гласъ. Потомъ лѣвый ликъ священниці глаголють той же тропарь и конецъ пѣніемъ. Тогда оба лика вкупѣ той же тропарь. И посемъ святитель и священниці обоихъ ликовъ, спешшихся вкупѣ, поютъ: „Кресту Твоему“ трижды, съ поклоны. Потомъ правый ликъ пѣвцы и лѣвый ликъ по клиросомъ и поддіаки на амбонѣ пропоютъ по единожды тоже „Кресту Твоему“. И святитель съ поклоненіемъ цѣлуетъ животворящій крестъ по чину, а тогда ключари говорятъ тропарь и кондакъ кресту“. Поклонившись кресту, святитель отходитъ на свое обычное архіерейское мѣсто и осѣняетъ благословеніемъ обѣ стороны священниковъ. Протодіаконъ подноситъ святителю свѣчу и принимаетъ отъ него осѣненіе свѣчею. Таже бояринъ и воевода и дѣяки и священниці и иноцы и вси православные цѣлуютъ крестъ по чину и творять ко святителю прощеніе съ поклоненіемъ“. На поклоненіе кресту стихиры поются самими священниками. По окончаніи стихирь, діаконъ говоритъ ектенью. „Тогда святитель, приѣмъ кадило, паки покадитъ честный крестъ среди, и протодіакона, и отдаетъ кадило, а протодіаконъ, приѣмъ кадило, покадитъ святителя. И соймуть со святителя шанку, и подыметъ святитель съ налога крестъ съ блюдомъ на главу, и относятъ ключари налогъ и подсвѣчникъ къ поклоннымъ святымъ иконамъ¹⁾, и святитель относитъ крестъ и полагаетъ на налогъ крестъ безъ блюда; и возьмъ святитель кадило, покадитъ крестъ и протодіакона и отдаетъ кадило. И протодіаконъ, приѣмъ кадило, покадитъ святителя и относитъ кадило въ алтарь“. Совершивъ всѣ положенныя дѣйствія, святитель входитъ въ алтарь и тамъ разоблачается. Когда святитель выйдетъ изъ алтаря и снова станетъ на своемъ

¹⁾ Въ иконостасѣ.

обычномъ мѣстѣ въ храмѣ, утреню уже „допѣвають“ (стр. 171—173).

Какъ видимъ, выносъ креста въ крестопоклонную недѣлю совершался въ соборѣ Новгородской митрополіи при весьма торжественной обстановкѣ. Приблизительно та же торжественность наблюдалась въ эпоху XVII и отчасти XVIII в.в. повсюду въ кафедральныхъ храмахъ. Но затѣмъ древнее благолѣпіе соборныхъ службъ начинаетъ замѣтно падать: сокращеніе штатовъ соборнаго духовенства и нѣкоторыя другія печальныя обстоятельства были тому причинами...

Н. Пальмовъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Новое деревенское общество.

Въ с. Талицѣ Камышловскаго уѣзда Перм. губ. открылось новое общество—„Талицкое общество образованія“. Это—чисто деревенское общество, состоящее изъ крестьянъ, проникнутыхъ желаніемъ просвѣщенія темнаго народа,—духовенства, тоже давно уже сознающаго, что намъ не достаетъ именно образованія,—докторовъ, учителей, писарей, земскихъ начальниковъ и т. п. Судя потому, что къ народившемуся обществу примкнуло семь волостей, т. е. цѣлый округъ Камышловскаго уѣзда,—бойкій, оживленный, земледѣльческій,—нужно думать, что это не единичная кака-нибудь слабая попытка къ поднятію народнаго образованія, а уже окрѣпшее народное сознаніе, дѣтище нашего времени, въ которое болѣе всего нуженъ образованный крестьянинъ. Обществомъ будетъ обращено вниманіе на всѣ способы поднятія народнаго образованія—школы, бібліотеки, музеи, публичныя чтенія, изда-ніе книгъ и брошюръ и т. п.

Какъ было бы своевременно Церкви своимъ благотворнымъ вліяніемъ охранить народное образованіе, хотя бы въ началь-

ныхъ его основахъ, отъ односторонности направленія, какую оно можетъ получить, если оно будетъ развиваться помимо Церкви!

в) Уличныя бібліотеки при церквахъ.

Въ Костромскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее распоряженіе епархіальнаго начальства: „Костромская духовная консисторія слушала представленный епархіальному Пресвященному Пресвященнымъ Викаріемъ отчетъ по обзорѣнію имъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ 1906 года епархіи, въ которомъ между прочимъ изложено: „Въ благочиніи протоіерея А. Горницкаго (въ Макарьевскомъ 1 округѣ) встрѣтилъ я при каждой церкви такъ называемыя уличныя бібліотеки, При входѣ въ церковную ограду стоитъ столбикъ, на которомъ покрыта отъ дождя маленькой крышей витрина о трехъ сторонахъ со стеклами; въ витрину вкладываются листы религиозно-нравственнаго содержанія; выписываются они на средства благочиннической бібліотеки и, по мѣрѣ надобности, передаются изъ одной уличной бібліотеки въ другую“. Приказали: „Рекомендовать всѣмъ приходскимъ священникамъ епархіи, чрезъ пропечатаніе о томъ въ мѣстныхъ епархіальнымъ вѣдомостяхъ, устройство такихъ „уличныхъ“ церковно-приходскихъ бібліотечекъ, какія уже существуютъ въ Макарьевскомъ 1 округѣ. Ноября 15 дня 1606 года № 13274.“

е) Запасные священники.

Орловским епархіальнымъ начальствомъ выработаны слѣдующія положенія о такъ называемыхъ запасныхъ священникахъ:

1. Въ каждомъ благочинническомъ округѣ состоитъ одинъ такъ наз. „запасный священникъ“, назначенный на такую должность изъ діаконовъ, достойный того по своей службѣ и поведенію и выслужившихъ право на пенсію.

2. Какъ штатный, запасный священникъ приписывается по документамъ къ какой-либо церкви своего округа, по своему выбору.

3. Служба запаснаго священника есть служба частная, не штатная и потому не соединяется съ правомъ на священническую пенсію.

4. Запасный священникъ состоитъ въ ближайшемъ завѣдываніи мѣстнаго благочиннаго.

5. Проживать запасный священникъ долженъ въ предѣлахъ своего благочинническаго округа, при чемъ мѣстожителство его всегда должно быть извѣстно благочинному и причтамъ.

6. Обязанность запаснаго священника состоитъ въ слѣдующемъ: служить въ томъ приходѣ, гдѣ священническое мѣсто почему-либо (смерть, перемѣщеніе) вакантно.

7. Въ вознагражденіе запасный священникъ получаетъ:
а) 100 рублей въ годъ отъ церкви округа.

Примѣчаніе. Деньги эти, по раскладкѣ ихъ на церкви самимъ благочинническимъ съѣздомъ, получаютъ отъ церкви благочиннымъ при его полугодичныхъ обзорахъ церквей въ году и тогда же, за истекшее полугодіе, по расчету времени дѣйствительной службы запаснаго священника, вручаются подъ росписку сему послѣднему.

б) половину всѣхъ доходовъ, кромѣ казеннаго, гдѣ оно есть, жалованья, отъ празднаго священническаго мѣста.

в) бесплатную отъ заинтересованной приходской общины подводу и бесплатное отъ ней же помѣщеніе.

Примѣчаніе. Служба запаснаго священника въ другихъ случаяхъ, напр., за больного священника, предоставляется усмотрѣнію его, — по соглашенію его въ томъ съ заинтересованнымъ лицомъ. (Орл. е. в.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го марта 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года апрѣля 1-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу объ обезпеченіи трудящихся классовъ.—II. О
религіозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія.—
III. Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.

Къ вопросу объ обезпеченіи трудящихся классовъ.

24 января 1906 года утверждены Совѣтомъ по дѣламъ
страхованія доходовъ и капиталовъ тарифы страхованія черезъ
посредство государственныхъ сберегательныхъ кассъ; проще
сказать—введено страхованіе жизни сберегательными кассами.
Съ того времени прошелъ годъ; если судить по газетнымъ
отзывамъ, указанное страхованіе не пользуется широкимъ
успѣхомъ въ публикѣ. Думаемъ, что на это есть свои особыя
причины. Первая изъ нихъ—общая неурядица русской жизни,
массовые безпорядки и вызванное ими вздорожаніе жизни, а
затѣмъ и обѣднѣніе всѣхъ классовъ населенія; вторая—от-
сутствіе широкой рекламы со стороны Министерства финан-
совъ. Въ настоящее время, не только въ провинціи, но даже
въ крупныхъ центрахъ, мало кто освѣдомленъ о новомъ стра-

хованіи, условіяхъ, и видахъ его. Совсѣмъ иначе ведутъ себя частныя страховыя общества; цѣлымъ дождемъ сыплются отъ нихъ листки, брошюры, тарифы, рисующія самыя заманчивыя, выгодныя перспективы, а отъ юркихъ, назойливыхъ агентовъ обывателю прямо покоя нѣтъ. Печать наша, по-видимому, такъ горячо ратующая за интересы трудящихся массъ, отнеслась къ новому общегосударственному и весьма важному дѣлу съ небольшимъ вниманіемъ: умѣренная ограничилась лишь тѣмъ, что отмѣтила его, а лѣвая подвергла односторонней критикѣ, такъ какъ у нея напередъ осуждено все, что исходитъ отъ правительства, хотя бы это была дѣйствительно благодѣтельная и полезная мѣра. Между тѣмъ страхованіе при посредствѣ государственныхъ сберегательныхъ касъ имѣетъ такія огромныя удобства для страхователя и выгодопріобрѣтателя, которыя заслуживаютъ серіознаго вниманія и широкой популяризаціи въ народѣ.

Страхованіе это имѣло въ виду интересы не богатыхъ и состоятельныхъ людей, и безъ того обезпеченныхъ, а прежде всего маленькихъ тружениковъ, съ небольшими платежными силами; это видно изъ того, что максимальная сумма, какая можетъ быть застрахована,—5 тысячъ рублей, минимальная сумма страхового капитала—двадцать пять рублей, пенсія—6 рублей въ годъ; при разсрочкѣ разовой взносъ не можетъ быть менѣе пяти копеекъ. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что страхованіе это доступно самымъ бѣднымъ плательщикамъ.

Передъ частными страховыми обществами казенное страхованіе имѣетъ то первое и самое важное преимущество, что его гарантируетъ самый солидный изъ возможныхъ плательщиковъ—правительство. Обыкновенно агенты частныхъ страховыхъ обществъ увѣряютъ довѣрчивыхъ людей, что ихъ общества также гарантированы правительствомъ, но въ доказательство этого они указываютъ въ своихъ уставахъ лишь на то, что страховыя общества утверждены правительствомъ—сознательный обманъ, которому только и могутъ вѣрить люди

неопытные. Во всѣхъ частныхъ обществахъ крайне неопре-
дѣленно изложенъ пунктъ о томъ, какъ поступить общество
въ случаѣ досрочнаго прекращенія страхованія, въ силу тѣхъ
или другихъ обстоятельствъ въ жизни страхователя: обѣдпѣ-
нiя, болѣзни, потери мѣста; у насъ сейчасъ на глазахъ при-
мѣръ купца, потерявшаго въ частномъ страховомъ обществѣ
500 рублей. Не знаемъ, во всѣхъ ли обществахъ поступаютъ
такъ, но одно для нихъ общее правило: первый взносъ, въ
въ случаѣ прекращенія страхованія, теряется для страхо-
вателя полностью, такъ какъ онъ поступаетъ въ пользу аген-
та и на расходы. Въ казенномъ страхованiи потеря страху-
емаго для лица не можетъ быть больше 5% внесенныхъ де-
негъ. Страхованiе при посредствѣ сберегательныхъ кассъ
даетъ возможность самой широкой разсрочки, такъ какъ до-
пускаетъ уплату не только по полугодiямъ, но и по четвертямъ
года, и даетъ возможность перечисленiя взносовъ изъ книжекъ
сберегательной кассы на страхованiе.

Наконецъ, весьма важное удобство казеннаго страхова-
нiя состоитъ въ томъ, что допускаетъ по всѣмъ типамъ стра-
хованiя единовременные взносы. Для людей со слабымъ ха-
рактеромъ это—великое удобство для сбереженiя денегъ въ
случаѣ полученiя ихъ въ крупной суммѣ (по наслѣдству, отъ
продажи имущества, полученiя взносовъ въ эмириательныя
частныя кассы и т. д.). Напримѣръ: для того, чтобы мой
однолѣтнiй сынъ черезъ 15 лѣтъ получалъ стипендiю 100
рублей въ годъ, я долженъ сразу заплатить 268 рублей; для
того, чтобы ребенокъ одного года въ двадцать лѣтъ получилъ
сто рублей, единовременно нужно заплатить 43 рубля 90 коп.;
старикъ пятидесяти лѣтъ, желающiй получать ежегодно сто
рублей пенсiи, единовременно долженъ внести 1452 р., и т. д.

Полная застрахованная сумма уплачивается государ-
ственной кассой только въ томъ случаѣ, если взносы дѣ-
лались въ теченiе пяти лѣтъ; частныя страховыя общества
такую сумму уплачиваютъ немедленно по смерти застрахо-
ваннаго лица; въ этомъ ихъ преимущество предъ страхова-

ніемъ черезъ сберегательныя кассы, но зато послѣднее освобождаетъ выгодопріобрѣтателя отъ медицинскаго освидѣтельствванія, что для людей больныхъ и мнительныхъ является большимъ удобствомъ.

Гарантія правительства, широкая разсрочка, возможность единовременной уплаты всѣхъ страховыхъ премій, отсутствіе медицинскаго освидѣтельствванія и т. д.—таковы удобства, представляемая страхованіемъ при помощи сберегательныхъ кассъ; наконецъ, при выборѣ страхованія казеннаго нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, что прибыли отъ этого дѣла поступаютъ въ общегосударственный фондъ, а не интернаціональнымъ компаніямъ, о которыхъ никто ничего не вѣдаетъ.

Насколько намъ извѣстно, страхованіе у частныхъ обществъ довольно развито въ средѣ духовенства. Услужливый агентъ, являясь къ священнику съ предложеніемъ застраховаться, непременно покажетъ квитанціонную книжку, со спискомъ застрахованныхъ у него священниковъ и діаконовъ; это и понятно: при обычной многосемейности и ничтожной пенсіи духовенство хватается за всѣ средства, пусть даже и не совсѣмъ вѣрныя и надежныя, чтобы оберечь семью въ будущемъ отъ нищенской сумы. Между тѣмъ, страхованіе при посредствѣ сберегательныхъ кассъ еще мало проникло въ нашу среду; многіе о немъ совсѣмъ не имѣютъ представленія, о чемъ нельзя не пожалѣть. По духовенству мало позаботиться только о себѣ и своихъ семьяхъ; необходимо то же сдѣлать и для народа; необходимо широко оповѣстить народъ объ этомъ добромъ начинаніи правительства, разъяснить его. Это будетъ двойной заслугой и передъ правительствомъ, и передъ народомъ.

Въ данномъ случаѣ министерство финансовъ—судимъ по личному опыту—схотно придетъ священнику на помощь. Такъ, по просьбѣ Братства, существующаго въ нашемъ приходѣ, Государственный банкъ, безъ замедленія выслалъ 500 экземпляровъ „Положенія о страхованіи при посредствѣ сбе-

сберегательныхъ кассъ“. Кромѣ этой брошюрки необходимо выписать „Тарифы страхованія доходовъ и капиталовъ черезъ посредство государственныхъ сберегательныхъ кассъ“. Первая содержитъ въ себѣ лишь общія положенія; тарифы даютъ возможность каждому выбрать изъ разныхъ типовъ страхованія (всего 13) болѣе удобный для того или другого лица. Различныя справки даютъ сберегательныя кассы и учрежденія министерства финансовъ.

Высказываемъ пожеланіе и надежду, что на страхованіе при помощи сберегательныхъ кассъ, въ виду его пользы для всѣхъ, въ частности и для духовенства, обратятъ надлежащее вниманіе и епархіальные печатные органы.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

О религиозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія.

Книга есть жизнь нашего времени; въ ней всѣ нуждаются: и старые, и молодые, и дѣльные, и не дѣлающіе, дѣти также.

Бѣлинскій.

I.

Успѣхи распространенія въ народъ религиозно-нравственной книги до послѣднихъ годовъ.

Наблюденія надъ жизнью послѣднихъ лѣтъ убѣдили всякаго въ справедливости приведенныхъ словъ Бѣлинскаго, сказанныхъ имъ полстолѣтія тому назадъ; они вполне примѣнимы и къ нашему времени. Война, а затѣмъ не прекращающаяся борьба политическихъ партій приучила нашъ народъ пользоваться печатнымъ словомъ, которое стало самымъ естественнымъ средствомъ распространенія всякой мысли и всякаго настроенія. Изслѣдованія, произведенныя надъ во-

просомъ о томъ, что и какъ читаетъ народъ, и какъ велики его запросы на книгу, дали въ результатъ фактъ, и фактъ неопровержимый, что народъ любитъ книгу, и расходъ на книгу вошелъ уже въ бюджетъ его. Изслѣдованія надъ лубочной литературой показали, что народъ тратитъ ежегодно на покупку книгъ у офеней до 15 мил. руб.¹⁾ Съ другой стороны, книжный рынокъ даетъ очевидныя доказательства необычайнаго роста народной и дѣтской литературы. Изъ опубликованныхъ Рубакинымъ данныхъ о развитіи книжнаго дѣла въ Россіи за послѣднія 15 лѣтъ видно, что съ 1887 г. по 1901 годъ на книжномъ рынкѣ прибавилось 24 мил. книгъ, и вообще производство книжнаго товара увеличилось въ три раза²⁾. Эти данныя свидѣтельствуютъ, что за послѣднія 15 лѣтъ 19-го столѣтія въ умственной жизни страны произошелъ большой подъемъ, вѣроятно, какъ прямое слѣдствіе дѣятельности народной школы. Мы не имѣемъ въ виду прослѣдить ростъ народной и дѣтской литературы вообще; для своей замѣтки мы отводимъ одну сторону въ этомъ вопросѣ: въ краткихъ чертахъ отмѣтить изданіе религіозно-нравственной книги для народа и дѣтей, какъ средства нравственнаго воздѣйствія на душу человѣка.

Едва ли кто можетъ оспаривать фактъ, что чтеніе книгъ вообще служить могучимъ орудіемъ въ процессѣ умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, не только въ дѣтскомъ, но и зрѣломъ возрастѣ. „Книги—не шутка“, сказалъ Некрасовъ: „онѣ намъ покажутъ все недостойное, грубое, злое“. На этой вѣрѣ въ силу печатнаго слова построена современная жизнь. Біографіи нашихъ великихъ людей (Аксакова, Алексѣя Толстого, Больцова и др.) отмѣчаютъ ту великую роль, какую сыграла книга въ ихъ жизни, въ смыслѣ опредѣленія и направленія ихъ душевныхъ склонностей. То же

¹⁾ Цифру заимствуемъ у г-жи Кайдановой. См. ея статью „Наша дешевая литература“. Образование 1905 г. № 5.

²⁾ Ст. „Книжный Потокъ“. Русская Мысль 1903 г. № 3.

должно въ частности сказать и о книгѣ религіозно-нравственной. По словамъ Шелгунова, важное значеніе въ его жизни имѣла Библия. „Мало того, что я надъ нею плакалъ“, говорилъ Шелгуновъ: „я не могъ читать ее безъ особаго торжественнаго трепета; я проникался при чтеніи ея ощущеніемъ именно того же чувства свободы, чего-то такого хорошаго, легкаго, что дѣлало меня совсѣмъ счастливымъ“¹⁾.

И такъ, печатное слово должно быть признано однимъ изъ могучихъ средствъ духовнаго вліянія; мало того, жизнь народа складывается такъ, что книга становится пасущей его потребностью, и стремленіе къ ней вошло уже въ плоть и кровь народа. Въ настоящее время,—время цѣлаго ряда попытокъ всестороннему обновленію общественной и церковной жизни, мы считаемъ полезнымъ посылить выяснить вопросъ о положеніи религіозно-нравственной книги на книжномъ рынкѣ и ея роли, какъ средства религіозно-нравственнаго воспитанія народа.

Данныя книго-издательской статистики устанавливаютъ, что религіозно-нравственная книга сдѣлала громаднй шагъ впередъ съ 1887 г. по 1901 годъ; число духовно-богословскихъ книгъ за это время увеличилось въ 5 разъ: въ 1887 г. появилось на книжномъ рынкѣ 2,703.482 экзempl., въ 1901 г.—16,483.597 эк. ²⁾. Но въ послѣднее время ростъ духовно-нравственной книги для народа въ количественномъ отношеніи не идетъ въ такой прогрессіи, какъ изданіе свѣтской народнои книги; напр., въ 1901 г. издано 13,489 народнхъ духовныхъ книгъ, а свѣтскихъ—19,209 книгъ; кромѣ того, свѣтская народная книга издается въ такомъ числѣ экзemplаровъ, какъ никакая другая. Съ другой стороны, статистика книжнаго рынка даетъ доказательства того, что книга

¹⁾ Примѣры глубокаго воздѣйствія книги на душу взрослои и дѣтн приведены г. Леонтьевой въ ст. „О дѣтскомъ чтеніи“. Изъ наблюдений учительницы. Образование 1905 г. № 11—12.

²⁾ См. у Рубакина ст. „Книжный Потокъ“.

религіозно-нравственнаго содержанія не разнообразится; громадное число ихъ зависитъ отъ того, что переиздаются одни и тѣ же изданія (учебники и др. изданія официальнаго и полу-официальнаго характера). Напр. въ 1887 г. издано было 649 названій духовно-нравственной литературы, въ 1895 г.—933 названія, въ 1901 г.—1.222, между тѣмъ число названій лубочной и народной свѣтской литературы въ 1901 г. увеличилось по сравненію съ 1895 г. на 100%¹⁾. О составѣ духовно-богословской литературы можно судить по слѣдующей справкѣ, представленной покойнымъ Павленковымъ въ своемъ обзорѣ книгъ за 1890 г. Наибольшая часть духовныхъ книгъ 179 (изъ 881 названія) состоятъ изъ житій святыхъ; затѣмъ слѣдуютъ богословскія разсужденія (158), проповѣди и собесѣдованія (138), духовно-историческія изслѣдованія (113), наконецъ молитвы (80 названій); остальное число вышедшихъ книгъ составляютъ описанія св. мѣстъ, очерки духовно-пастырской дѣятельности²⁾. Приблизительно тотъ же порядокъ наблюдается, по словамъ Рубакина, и въ настоящее время, спустя болѣе 10-ти лѣтъ²⁾. Итакъ, хотя къ началу 20-го столѣтія духовно-нравственная народная книга количественно сокращается, но все-таки занимаетъ почетное мѣсто на книжномъ рынкѣ.

Посмотримъ теперь, какъ распространялась въ народѣ религіозно-нравственная книга, какъ онъ къ ней относился, и какія силы участвовали въ изданіи и распространеніи религіозно-нравственной народной и дѣтской книги.

II.

Средства приближенія хорошей книги къ народу.

У насъ много и давно (съ конца 18-го вѣка) думали и много дѣлали для приближенія къ народу добропорядочной

¹⁾ Статистическія свѣдѣнія беремъ у Рубакина изъ ст. „Книжный Потокъ“.

²⁾ „Книжный Потокъ“. Русская Мысль 1903 г. № 12 стр. 172.

книжки. Средствами для этого служили: офени, школы, народные чтенія, книжные склады и главнымъ образомъ народныя библіотеки-читальни; пользовались этими средствами духовныя власти и гражданскія (комитеты трезвости), общественныя учрежденія (города и земства), частныя лица и просвѣтительныя общества (комитеты грамотности).

Конечно, религіозно-нравственная книга занимала и занимает почетное мѣсто даже въ количественномъ отношеніи въ библіотекахъ, открываемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ (монастырями, церковными братствами, религіозно-просвѣтительными обществами и пр.). Къ сожалѣнію, отчеты оберъ-прокурора св. Синода констатируютъ скромное число народныхъ библіотекъ духовнаго вѣдомства; даже не всѣ церковно-приходскія школы имѣютъ свои библіотеки внѣкласснаго чтенія. По свѣдѣніямъ Училищнаго Совѣта при св. Синодѣ къ 1-му января 1905 г. состояло всѣхъ церковныхъ школъ въ имперіи 43.843, и только при 29.696 школахъ (т. е. 67.5%) находились библіотеки ¹⁾. Нечего скрывать и того обстоятельства, что составъ и существующихъ церковно-школьныхъ библіотекъ не удовлетворителенъ: подборъ книгъ почти исключительно изъ изданій Издательской комиссіи Училищнаго Совѣта при св. Синодѣ, среди которыхъ популярная книга религіозно-нравственнаго содержанія, а тѣмъ болѣе дѣтская, является рѣдкимъ гостемъ.—Книжные склады религіозно-нравственныхъ книгъ имѣются лишь при немногихъ богатыхъ монастыряхъ, но объ оборотахъ ихъ никакихъ свѣдѣній въ печати нѣтъ, и опредѣлить ихъ роль въ дѣлѣ распространенія религіозно-нравственной книги невозможно. Но безъ преувеличенія можно сказать, что въ дѣлѣ распространенія въ народѣ полезной книги и въ томъ числѣ религіозно-нравственной болѣе важную роль сыграла частная и свѣтская инициатива, которая и вложила въ это дѣло чрезвычайно много энергіи, труда и средствъ. Чтобы охарактеризовать продук-

¹⁾ Церковныя Вѣдомости 1906 г. № 27.

тивность работы частной инициативы, достаточно отметить, что до конца 80-х годов прошлого столетия не было ни одной сельской общественной народной библиотеки; первая такая библиотека была открыта в 1889 г. в Тамбовской губ. при ближайшем содействии Харьковскаго общества грамотности; в настоящее же время народных библиотек читаленъ до 15.000 ¹⁾. Широкое участие принимали и принимаютъ в изданіи и распространеніи народной книги народно-просвѣдительныя общества; напр., Петербургскій комитетъ Грамотности за 35 лѣтъ своего существованія разослалъ 1.271,951 книгу въ разные углы имперіи и открылъ около тысячи народных библиотекъ ²⁾. Существующее теперь Харьковское общество грамотности распространило въ 57 губерніяхъ и областяхъ имперіи 1.065.460 экземп. ³⁾.

Самыми дѣятельными распространителями народной книги являлись и являются земства, устроая книжные склады и народныя библиотеки; около 183-хъ земствъ имѣютъ свои книжные склады ⁴⁾, а число открытыхъ земствами народных библиотекъ, особенно послѣ изданія закона 18 января 1904 г. — объ открытіи народных библиотекъ при земскихъ и министерскихъ училищахъ, должно считать свыше 10-ти тысячъ. Одно Вятское, напр., земство открыло 3.000 библиотекъ. По всѣ эти общества и земскія учрежденія распространяли почти исключительно народныя свѣтскія изданія; достаточно просмотрѣть каталоги для народных библиотекъ, выработанные Вятскимъ или Черниговскимъ земствами ⁵⁾, чтобы уви-

¹⁾ Кайданова. „Наша дешевая литература“. Образование. 1905 г. № 5, стр. 158.

²⁾ Обзоръ дѣятельности комитета находимъ въ книгѣ Некрасовой: „Народныя книги для чтенія въ ихъ 25 лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями“.

³⁾ Образование. 1904 г. Іюнь.

⁴⁾ Вѣстникъ Воспитанія. 1906 г. № 2.

⁵⁾ Составъ каталога Вятскаго земства приведенъ въ Образованіи 1905 г., № 5, стр. 157—158.

дѣтъ, что религіозно-нравственная книга занимаетъ здѣсь одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Такой же составъ книгъ и въ библіотекахъ комитетовъ о народной трезвости ¹⁾). Религіозно-нравственная книга не пользовалась вниманіемъ и нашихъ народо-просвѣтительныхъ обществъ, основавшихъ нѣсколько тысячъ библіотекъ. Число духовно-нравственныхъ книгъ крайне ограничено въ нихъ; на примѣръ, Кіевское Общество Грамотности, организовавшее въ предѣлахъ юго-западнаго края сотни библіотекъ (въ одной Кіевской губ. 707 по предложенію комитета трезвости), въ своихъ обзорахъ народной литературы вовсе не удѣлило мѣста религіозной книгѣ ²⁾). Общество даже и не слѣдило за появляющимися въ свѣтъ духовно-нравственными книгами, какъ это слѣдуетъ изъ заявленія Общества въ своемъ отчетѣ за 1899 г.: „религіозно-нравственная и историческая секціи (для просмотра народныхъ книгъ) распались за недостаткомъ членовъ и охлажденія интереса къ этому дѣлу“ (стр. 75).

Должно отмѣтить также, что большое и отрицательное вліяніе на распространеніе народной, а въ томъ числѣ и религіозно-нравственной, книги имѣмъ нормальный каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ, установленный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народ. Просвѣщ. Правда, въ этомъ каталогѣ помѣщено достаточно религіозно-нравственныхъ книгъ, но сравненію съ другими его отдѣлами, но вообще религіозно-нравственныхъ мало, если имѣтъ въ виду все наличіе ихъ на книжномъ рынкѣ и притомъ не лучшія изъ вышедшихъ въ свѣтъ. Такъ, въ послѣднемъ (за 1903 г.) дополненіи къ министерскому каталогу для бесплатныхъ библіотекъ наименовано 2.135 изданій; изъ нихъ 260—духовно-нравственнаго содержанія, т. е. 12% общаго числа. О недостаткахъ мин-

¹⁾ Русская Школа, 1903 года № 10—11, ст.: „Библіотеки-читальни попечительства о народной трезвости въ 1906 г.“.

²⁾ Разумѣемъ изданіе Общества: Народная литература. Выпускъ I—3. Сборникъ отзывовъ библіотечной комиссіи Кіев. Общ. Грам. о книгахъ для народнаго чтенія.

стерскаго каталога много говорено и писано, такъ что въ последнее время само Министерство отказалось нормировать составъ народныхъ библиотекъ; но съ послѣдствіями примѣненія этого каталога должны считаться религіозные воспитатели народа. Дѣло въ томъ, что при выборѣ книгъ для религіозно-нравственнаго дѣла въ народныхъ библиотекахъ учредители ихъ строго придерживались министерскаго каталога, въ которомъ въ отдѣлѣ религіозно-нравственномъ показано очень много книгъ устарѣвшихъ и узко-спеціального характера, напр., „историко-археологическое описаніе Успенско-Дранскаго монастыря“, „Объ упраздненныхъ приходахъ Холмской епархіи“, „Историческое описаніе Благовѣщенской церкви села Ржаналомскаго“ и т. п. Достаточно сказать, что, по словамъ А. Рачинскаго, Псалтирь и Евангеліе долгое время не числились въ министерскомъ каталогѣ въ числѣ книгъ, допущенныхъ для народнаго употребленія. Поэтому неудовлетворительный составъ каталога и образованныхъ по нему народныхъ библиотекъ воспитывалъ въ народѣ нежелательный и неправильный взглядъ на религіозно-нравственную книгу, которая является для многихъ синонимомъ чего-то скучнаго и тяжелаго, и вообще притуплялъ вкусъ къ религіозно-нравственному чтенію.

Итакъ, религіозно-нравственная книга слабо распространялась въ народѣ, сравнительно съ другими изданіями народной литературы. Говорять, что это явленіе вполне нормальное и совпадаетъ съ народными запросами касательно духовной пищи и въ подтвержденіе того взгляда, что народъ болѣе любитъ свѣтскую книгу, беллетристическую и научно-популярную книгу, ссылаются на многочисленные отчеты народныхъ библиотекъ-читалень, на возрастающія требованія народнаго читателя на свѣтскую книгу и свой взглядъ подтверждаютъ цѣлымъ рядомъ цифръ ¹⁾. Дѣйствительно, судя по

¹⁾ Русская Школа. 1903 г. № 12. Ст.: Народныя библиотеки-читальни.

отчетамъ народныхъ библиотекъ, читатель изъ народа заявляетъ мало требованій на религіозно-нравственную книгу. Но намъ кажется произвольнымъ на основаніи этого явленія дѣлать выводы о народныхъ вкусахъ и симпатіяхъ къ тому или иному роду книгъ. Вѣдь народныя библиотеки и составлялись по такому рецепту, что надо побольше книгъ беллетристическихъ; естественно, что такія книги и будутъ чаще всего попадать въ руки народнаго читателя; въ этомъ случаѣ народъ подчинялся чужимъ вкусамъ, хотя по временамъ и заявлялъ, и довольно опредѣленно, свои требованія на книгу. Такъ, въ отчетѣ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. читаемъ: „изъ отчетовъ завѣдующихъ библиотеками видно, что книги духовнаго содержанія предпочитаютъ взрослыми и изъ нихъ особенно женщинами, и спросъ на нихъ усиливается во время постовъ и говѣнья“ (стр. 184 ср. 169 и др.). Когда же выборъ книги зависитъ отъ свободнаго вкуса народнаго читателя, то онъ даетъ предпочтеніе книгъ духовной, божественной. Эта послѣдняя еще и теперь стоитъ въ деревнѣ совершенно особнякомъ по тому уваженію, съ какимъ народъ къ ней относится, по своей популярности и по своему распространенію сравнительно съ свѣтской народной книгой. Наприм., при подворной переписи въ Вятской губ. статистики въ 90-хъ г. записывали также и всѣ книги, находившіяся у крестьянъ. Изъ всѣхъ записанныхъ книгъ 87,7% въ Нолинскомъ у., 85% въ Орловскомъ у. принадлежали къ отдѣлу религіозно-нравственному¹⁾. Такое же явленіе констатировано въ последнее время (въ 1903 г.) и въ Полтавской губ. Статистическимъ бюро земской управы были переписаны у казаковъ, крестьянъ и мѣщанъ въ 667 селеніяхъ всѣ находившіяся у нихъ книги, приобрѣтенныя у разносчиковъ и въ другихъ мѣстахъ; всего зарегистрировано до 20 тысячъ томовъ. Изъ общаго числа книгъ религіозно-нравственныя составили 48,8%;

¹⁾ Очерки Народной литературы. О. А—нскаго гл. 9, ст. 137.

беллетристическія—27,7%, періодическія изданія—8,2%, по естествознанію—6,7%, исторіи и біографіи—4,5%. Исслѣдователи отмѣчаютъ одну характерную особенность, именно: среди зарегистрированныхъ книгъ лучшія изданія составляютъ самый незначительный процентъ¹⁾. Значить, приходится имѣть дѣло съ развитымъ уже литературнымъ вкусомъ среди населенія которое все-таки даетъ предпочтеніе религіозно-нравственной книгѣ.

Книжная статистика также подтверждаетъ это наблюденіе. Какъ выше замѣчено, до конца прошлаго столѣтія религіозно-нравственная книга доминировала на книжномъ рынкѣ; очевидно, книжное производство должно было удовлетворять требованіямъ на такую книгу. По словамъ Рубакина, въ книжной торговлѣ установлень, какъ фактъ, большой спросъ на Евангелія и Новый Завѣтъ и преимущественно въ Южно-Русскія губерніи.

Итакъ, не смотря на отмѣченныя неблагопріятныя условія для широкаго распространенія въ народной массѣ религіозно-нравственной книги, послѣдняя все-таки предпочитается народнымъ читателемъ свѣтской книгѣ. Это свойство народнаго духа является самымъ яркимъ выраженіемъ всего уклада духовной жизни народа, какъ слѣдствіе воспитанія подъ вліяніемъ Церкви. Съ другой стороны, установлень съ несомнѣнностью фактъ наростанія народнаго читателя съ широкими запросами, стремящагося использовать для себя литературу интеллигенціи²⁾.

Эти явленія духовной жизни народа ясно говорятъ о развитіи въ немъ такихъ запросовъ, которые не могутъ быть удовлетворены наличной народной литературой, и послѣдняя не можетъ дать отвѣта на волнующіе народъ жизненные во-

¹⁾ Русская Школа. 1904 г. № 3.

²⁾ О народненіи новаго читателя изъ народа съ болѣе широкими запросами обстоятельно сказано у Рубакина „Книжный Потокъ“ и у Кайдановой „Наша дешевая литература“.

просы. Ихъ, очевидно, не могла удовлетворить и существующая религіозно-правственная книга, не смотря на воспитанное въ нами уваженіе къ ней. Не безынтереснымъ считаемъ отмѣтить, хотя въ общихъ чертахъ, что сдѣлано для удовлетворенія народной потребности въ религіозной книгѣ; кто бралъ трудъ удовлетворить этотъ духовный голодъ народа, и какая предлагалась пища народу.

И. Г. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Халкопратійскій храмъ былъ посвященъ Богоматери, покровительницѣ и заступницѣ Константинополя; въ храмѣ хранились святыни ея—одежда и поясъ Богоматери.

Поклоненіе св. кресту и праздникъ Благовѣщенія.

II.

Памятники византійской старины сообщаютъ свѣдѣнія, что праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы ознаменовывался торжественнымъ богослуженіемъ въ Халкопратійскомъ храмѣ г. Константинополя, куда изъ соборной церкви св. Софїи утромъ въ Благовѣщенье направлялась особая процессія во главѣ съ патріархомъ и императоромъ ¹⁾.

Послѣ службы *тритекты* — третьяго и шестого часа вмѣстѣ, патріархъ входилъ въ ту пристройку собора Софїи, которая называлась св. Кладезь, и ожидалъ здѣсь прихода императора. Когда императоръ въ парадной одеждѣ, въ сопровожденіи блестящей свиты придворныхъ, приходилъ къ св. Кладезю, патріархъ привѣтствовалъ его лобзаніемъ и кажденіемъ, и оба они — патріархъ и императоръ — направлялись къ алтарю. Внутри алтаря, предъ св. престоломъ царь преклонялся и цѣловалъ лежавшее на престолѣ Евангеліе. Затѣмъ становился по правую сторону престола, а патріархъ по возгласу архидіакона: „Благослови, владыко“, полагалъ на-

¹⁾ Халкопратійскій храмъ былъ посвященъ Богоматери, покровительницѣ и заступницѣ Константинополя; въ храмѣ хранились святыни ея — одежда и поље Богоматери.

чало молебствію предъ выходомъ крестнаго хода въ Халкопратійскій храмъ. „Благословенъ Богъ нашъ“, произносили патріархъ и читалъ особую молитву. На срединѣ храма пѣвцы начинаютъ пѣть тропарь праздника: „Днесъ спасенія нашего главизна“. По прочтеніи молитвы, патріархъ вручалъ второму діакону Евангеліе съ престола, а нарочитому крестноносцу—литанійный крестъ. Поцѣловавши эти святыни, патріархъ и императоръ выходили изъ алтаря чрезъ солею въ храмъ и направлялись къ выходу западными дверями. На солеѣ императоръ принималъ отъ одного изъ царедворцевъ (препозита) особую свѣчу¹⁾; подобныя же свѣчи возжигали и прочіе придворные—участники крестнаго хода. На срединѣ храма патріархъ читалъ еще молитву. Въ западныхъ дверяхъ императоръ и патріархъ временно прощались, и патріархъ приступалъ къ совершенію крестнаго хода вмѣстѣ съ духовенствомъ, отдѣльно отъ императора, которому въ *царскихъ вратахъ* надо было надѣть на себя нѣкоторые знаки царскаго достоинства, чтобы въ царскомъ величіи открыть собственное шествіе къ Халкопратійскому храму²⁾. По пути туда, у порфировой колонны св. Константина, былъ маленькій храмъ въ честь этого перваго христіанскаго императора; сюда придворная процессія являлась раньше церковной, и царь ожидалъ здѣсь патріарха, стоя на верхней площадкѣ храма и опираясь на рѣшетку или баллюстраду, ограждавшую площадку. Подходилъ патріархъ съ духовенствомъ; императоръ привѣтливо встрѣчалъ его лобзаніемъ и со свѣчей въ рукѣ совершалъ моленіе предъ Евангеліемъ и крестомъ. Служилось краткое молебствіе внутри храма, и затѣмъ обѣ

¹⁾ Литанійная свѣча устранилась съ рукояткою и розеткою, чтобы удобнѣе было нести свѣчу, и чтобы она не капала воскомъ на руки и платье.

²⁾ Дорога, которою должны были идти процессіи, съ вечера выметалась и усыпалась буковыми и плющевыми опилками, лавромъ, миртою и разными душистыми цвѣтами. См. у *іером. Іоанна*—Обрядникъ визант. двора. стр. 139.

процессіи, оиять раздѣльно одна отъ другой, двигались уже къ самому Халкопратійскому храму. Императоръ и въ этомъ случаѣ поспѣвалъ притти въ храмъ раньше патріарха и встрѣчалъ его здѣсь съ тою же церемоніальностью, какъ и въ храмѣ св. Константина. Послѣ встрѣчи, патріархъ и императоръ направлялись къ царскимъ дверямъ для совместнаго совершенія *малаго входа*.

Пройдя нарѣиксъ, императоръ и патріархъ останавливались въ царскихъ дверяхъ, и здѣсь императоръ принималъ отъ пренозита зажженную свѣчу, а патріархъ прочитывалъ входную молитву. Во время чтенія молитвы императоръ поклонялся Евангелію и кресту, а затѣмъ, отдавъ пренозиту свѣчу и взявъ за руку патріарха, шелъ съ патріархомъ рядомъ (онъ справа, патріархъ слѣва) чрезъ храмъ на солею къ св. вратамъ. Предъ св. вратами оиять императоръ совершалъ моленіе со свѣчей въ рукѣ и входилъ въ алтарь, куда раньше уже вошли патріархъ и высшее духовенство, теперь пододвигающее императору одну изъ половинокъ св. вратъ для лобзанія утвержденного на ней креста. Въ алтарѣ царь прикладывался къ покрову св. престола, бралъ отъ пренозита предназначенный на этотъ день даръ храму золотомъ—анокомвій, полагалъ его на св. престолѣ и совершалъ оказженіе престола со всѣхъ сторонъ его. Не ограничиваясь поклоненіемъ главному престолу Халкопратійскаго храма, императоръ шелъ еще въ сопровожденіи патріарха поклониться престоламъ смежныхъ храмовъ св. Раки и св. Іакова. Церемоніаль поклоненія въ этихъ св. мѣстахъ былъ тотъ же,—при чемъ и здѣсь на престолы императоръ возлагалъ анокомвій. Если императоръ оставался слушать литургію въ Халкопратійскомъ храмѣ, онъ поднимался изъ предѣла св. Іакова по лѣстницѣ въ верхнее отдѣленіе храма—катехуменіи и оттуда слушалъ службу; въ противномъ случаѣ, императоръ выходилъ изъ храма, садился на коня и ѣхалъ во дворецъ. Если же, оставшись на литургію, императоръ изъявлялъ желаніе пріобщиться св. Таинъ вмѣстѣ съ

придворными чинами, то, при наступлении соответствующего времени, онъ чрезъ церемоніарія посылалъ двухъ придворныхъ сановниковъ — силенціаріевъ пригласить патріарха въ катехуменіи для преподанія св. Таинъ ему и чинамъ свиты. Патріархъ являлся въ катехуменіи съ св. Дарами при весьма торжественной обстановкѣ. Его сопровождали силенціаріи и нѣсколько діаконовъ, при чемъ силенціаріи поддерживали патріарха подъ руки. На верху лѣстницы силенціаріевъ смѣняли высшіе придворные чины и вели патріарха внутрь катехуменій, къ приготовленному мѣсту, гдѣ патріархъ могъ поставить на антиминсѣ св. Дары. Подходилъ императоръ, раскланивался и лобызался съ патріархомъ и приобщался св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ подъ обоими видами отдѣльно. Причастившись, императоръ опять раскланивался съ патріархомъ и предоставлялъ патріарху причастить высшихъ чиновъ синклита. Когда патріархъ оканчивалъ ихъ приобщеніе, императоръ снова подходилъ къ патріарху и прощался съ нимъ. Патріархъ удалялся изъ катехуменій въ алтарь для окончанія литургіи въ присутствіи сначала высшихъ чиновъ двора, а потомъ силенціаріевъ.

Возвращеніе императора изъ Халкопратійскаго храма во дворець верхомъ на конѣ было окружено царскимъ не только блескомъ и великолѣпіемъ, но и полно было того неподражаемаго величія, которымъ отличались въ своихъ такъ называемыхъ „выходахъ“ византійскіе влaстители ¹⁾).

Литанія, совершавшаяся въ праздникъ Благовѣщенія изъ св. Софіи къ Халкопратійскому храму, послужила прототиномъ литаній въ другихъ древнихъ византійскихъ церквахъ, хотя, конечно, эти послѣднія литаніи уже не могли

¹⁾ Подробное изложеніе обрядовъ выхода визант. императоровъ въ праздникъ Благовѣщенія см. у Д. Θ. Буляева—Byzantina, кн. III, Сиб. 1906, стр. 112—129. Добавочныя свѣдѣнія можно найти изъ ст. А. А. Дмитриевскаго—„Новыя данныя для исторіи типикона великой константинопольской церкви“, Труды Кіевск. д. академіи за 1903 г., т. III, стр. 515 и дал.

имѣть всей пышности и торжественности соборной литаніи: онѣ были слабыми копіями ея. Еврегетидскій, напр.; типиконъ даетъ такія указанія относительно благовѣщенской литаніи. По отпускѣ часовъ, предъ вечерней¹⁾, если праздникъ Благовѣщенья приходился въ одинъ изъ дней Великаго поста, или, если праздникъ совпадалъ съ субботой и воскресеньемъ—предъ литургіей, вся братія монастыря собиралась въ церковь; выходилъ діаконовъ²⁾ и возглашалъ: „Благослови владыко“. По обычномъ благословеніи священника, пѣвцы шѣли: „Днесъ спасенія нашего главизна“, и процессія выходила изъ храма съ крестомъ, Евангеліемъ, кадильницею и лампадою. Процессія обходила монастырь кругомъ и возвращалась къ храму, останавливаясь во входныхъ дверяхъ храма, чтобы пропѣть³⁾: „Радуйся, двери Божія“. По входѣ затѣмъ въ храмъ, участники процессіи занимали свои мѣста: пресвитеры и діаконы—въ алтарѣ, клирики—на хорахъ, братія—въ срединѣ и по бокамъ храма; діаконовъ съ амвона произносили литанійную ектеню, на которую пѣвцы отвѣчали многократнымъ „Господи помилуй“; потомъ—Премудрость,—Благослови, свѣте, благослови,—Сый благословенъ... и отпущъ⁴⁾. Далѣе должна была начаться вечерня или литургія.

Какое важное значеніе въ глазахъ византійцевъ имѣла литанія, видно изъ того, что она не отмѣнялась даже въ недѣлю крестопоклонную, когда въ эту недѣлю приходится праздникъ Благовѣщенія. Напротивъ, своимъ порядкомъ императоръ совершалъ сначала поклоненіе кресту въ придворной церкви, а затѣмъ непременно шелъ въ св. Софію, что-

¹⁾ Въ пятомъ часу дня по древнему счету, или — въ одиннадцатомъ по нашему.

²⁾ Постомъ онъ облачался въ темныя ризы.

³⁾ Велегласно, какъ указываетъ одна богослужебная рукопись 1292 года. (Ватиканск. б.).

⁴⁾ Окончаніе литаніи находится въ Ватиканск. ркн. 1292 г. (См. „Опис.“ т. II, стр. 852); Еврегетидскій типиконъ оканчиваетъ сообщенія о литаніи пѣснословіемъ: „Радуйся, двери Божія“ („Опис.“ стр. 431).

бы принять участіе въ литаніи къ Халкопратійскому храму ¹⁾.

Насколько можно судить по славянскому тиникону XII вѣка № 380 изъ московск. синодальной библи., литанія предъ вечерней или предъ литургіей въ праздникъ Благовѣщенія была извѣстна въ древности и въ славянскихъ земляхъ, очевидно, перейдя сюда изъ Византіи ²⁾. Но до какого вѣка просуществовала она, намъ не извѣстно. Только уже отъ эпохи XVI—XVII в. мы можемъ представить свѣдѣніе, что въ Москвѣ, въ праздникъ Благовѣщенія, литанія (или—крестный ходъ) изъ Большого Успенскаго собора ни въ какой церкви не совершали ³⁾. И теперь благовѣщенская литанія (крестный ходъ) составляетъ особенность богослуженія только тѣхъ церквей, но и то далеко не всѣхъ, а преимущественно—монастырскихъ, которыя въ день Благовѣщенія празднуютъ свой храмъ.

Что касается до состава службъ въ праздникъ Благовѣщенія, когда онъ приходится въ недѣлю крестопоклонную, то всѣ древніе тиниконы согласно свидѣтельствуютъ о соединеніи службъ—воскресной, креста и праздника приблизительно въ томъ порядкѣ, какой наблюдается и въ настоящее время.

Изъ обрядовъ русской старины въ канунъ праздника и въ самый праздникъ можно отмѣтить слѣдующіе. Въ Москвѣ, у всепощной въ Благовѣщенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, патріархъ совершалъ чинъ *хлѣболомленія*. Чинъ этотъ состоялъ въ томъ, что по благословеніи хлѣбовъ и вина, патріархъ раздроблялъ освященные хлѣбы и подносилъ го-

---

¹⁾ Надо сказать, что спеціальныи Благовѣщенскій обрядъ первоначально былъ написанъ въ придворномъ Обрядникѣ по случаю Благовѣщенія въ крестопоклонное воскресенье и начинался именно съ описанія поклоненія чинамъ двора Животворящему кресту, послѣ чего императоръ со свитой своей шелъ въ Софійскій соборъ. *Byzantina*, т. III, стр. 131, примѣч. 1.

²⁾ Опис. слав. ркн. моск. синод. б. III, стр. 251.

³⁾ *В. Прохорова—Христіанскія древности*, стр. 51.

сударю часть, а иногда и цѣлый даже хлѣбъ, вмѣстѣ съ кубкомъ вина. Затѣмъ, по „укруху“ хлѣба и по стопѣ вина патріархъ давалъ „властямъ“ и „боярамъ“. Такіе же укрухи съ небольшимъ количествомъ вина получалъ отъ патріарха и народъ. Для царицы и всего семейства государева патріархъ посылалъ освященные хлѣбы и благословенное вино чрезъ ближняго боярина со стольниками, которые и несли во дворецъ хлѣбы и кубки вина ¹⁾. Въ Чиновникѣ Повгородскаго Софійскаго собора есть любопытное замѣчаніе, относящееся также къ благословенію хлѣбовъ: „На всенощной поставляются на благословеніе хлѣбовъ просфоры отъ прокурника, а пшеница изъ софійскихъ житницъ. И по благословеніи, пшеница всыпается наки въ житницы (вѣроятно, ея приносилось въ церковь значительное количество), а хлѣбы, по благословенію святительскому, раздаются въ дома на благословеніе“ ²⁾. Такимъ образомъ, хотя въ софійскомъ Чиновникѣ почему-то нѣтъ указанія на вино, которое вмѣстѣ съ хлѣбами благословлялось въ Москвѣ подъ Благовѣщеніе, но древній обычай раздавать благословенные хлѣбы народу соблюдали и въ Новгородѣ такъ же, какъ въ Москвѣ.

Въ праздникъ Благовѣщенія московскій царь имѣлъ обыкновеніе кормить нищихъ въ своихъ покоевыхъ хорамахъ (въ „Комнатѣ“) и изъ собственныхъ рукъ одѣлять нѣкоторыхъ изъ нихъ деньгами. Такъ, напр., въ 1668 г. во дворецъ было приглашено къ обѣду 600 человекъ нищихъ; десяти изъ нихъ государь пожаловалъ по два рубля на человека и пятидесяти—по рублю. Отъ 1664 г. сохранился счетъ обѣда, устроеннаго для нищихъ на Аптекарскомъ дворѣ подъ надзоромъ дьяка Тайнаго Приказа: куплено было рыбы (всего 67 рыбъ) на 26 руб. и 300 хлѣбовъ по двѣ деньги за хлѣбъ. Нищихъ собралось 682 человекъ. Послѣ обѣда имъ

¹⁾ *И. Е. Забѣлина* — Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. ч. 1. М. 1862 г., стр. 324.

²⁾ Чиновникъ, стр. 106.

была роздана еще денежная милостыня: триста нищихъ получили по шести денегъ каждый, а остальные—по двѣ деньги ¹⁾. Чиновникъ Новгородскаго Софійскаго собора сохранилъ указаніе, что на Благовѣщеніе новгородскій митрополитъ устраивалъ трапезу въ своихъ палатахъ для соборной братіи: „П послѣ обѣдни, читаемъ въ Чиновникѣ, провождаютъ святителя пощъ съ праздникомъ (т. е. съ иконою праздника), а діаконъ съ анагѣею (съ Богородичнымъ хлѣбомъ); и того дня въ софійскомъ дому у святителя столъ софійскому всему собору, а за столомъ хлѣбъ Богородицынъ и чтеніе отъ торжественныхъ словъ“ ²⁾. Разрѣшеніе на рыбу за трапезой на Благовѣщеніе на крестопоклонную недѣлю не вызывало никакихъ сомнѣній ни въ Византіи, ни у насъ, на Руси, такъ какъ всѣ, безъ исключенія, уставы и церковныя правила дозволяютъ имѣть рыбу на обѣдѣ, если Благовѣщеніе приходится въ дни Четыредесятницы (но не на Страстной седмицѣ) ³⁾.

Въ заключеніе замѣтокъ о празднованіи Благовѣщенія въ недѣлю крестопоклонную въ Византіи и въ древней Руси, мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу недоумѣнія, возникшаго въ XVI в. въ Казани относительно того, какую литургію слѣдуетъ служить, когда Благовѣщеніе придется въ крестопоклонную недѣлю, какъ оно и пришлось въ 1565 году. Древніе греческіе и славянскіе типиконы знаютъ для великопостныхъ воскресеній одну только литургію—Василія Великаго ⁴⁾. Но тогдашній архіепископъ въ Казани св. Германъ почему-то не удовлетворился общимъ указаніемъ типико-

¹⁾ *И. Е. Забѣлинъ*—Домашній бытъ рус. царей, ч. 1, стр. 325.

²⁾ Чиновникъ, стр. 107.

³⁾ Историческія справки по вопросу о разрѣшеніи поста въ праздникъ Благовѣщенія можно найти въ объяснительномъ примѣчаніи *А. С. Павлова* къ 224 пр. Помоканона при Большомъ Требникѣ. См. Ученыя Записки Импер. Московск. университета, отд. юридич., вып. 14. М. 1897 Помоканонъ при Большомъ Требникѣ, стр. 428—430.

⁴⁾ Опис. лит. ркп. II, стр. 433.

кона и, найдя болѣе подходящимъ для праздника Благовѣщенія въ крестопоклонную недѣлю совершать литургію Златоустову, сдѣлалъ, по совѣту съ освященнымъ соборомъ, распоряженіе о совершеніи 25 марта 1565 г. Златоустовой литургіи вмѣсто литургіи Василия Великаго. По распоряженію церковной власти, 25 марта 1565 г. дѣйствительно въ Казани была отслужена литургія Златоустаго, при чемъ вмѣсто „Святый Боже“ пѣли „Кресту твоему“, отдавая тѣмъ честь празднику креста. Какъ разъ въ то время прибыли въ Казань греческія земли митрополитъ кизическій Іоасафъ и епископъ лавры св. Аѳанасія афонскаго Оеофанъ. Оба они были—„мужи искусные и добре вѣдущіи Божественныя писанія“. Къ нимъ-то и обратились казанцы за сужденіемъ по поводу вышеуказаннаго постановленія высшей мѣстной церковной власти. Митр. Іоасафъ и епископъ Оеофанъ съ одобреніемъ отнеслись къ постановленію архіепа Германа съ освященнымъ соборомъ; они сказали: „вон истину, добре и праве разсудися вамъ“, и при этомъ прибавили: „также и во всѣхъ недѣляхъ святыхъ Четырдесятницы, аще прилучится Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы бываетъ служба Златоустаго неизмѣнно“¹⁾.—Нельзя предположить, чтобы призваннымъ въ судьи митр. Іоасафу и епископу Оеофану не было извѣстно неизмѣнное постановленіе типиконовъ о литургіи св. Василия Великаго въ воскресные дни Четырдесятницы, и если восточные судьи тѣмъ не менѣе не осудили опредѣленія архіепа Германа и освященнаго собора, а напротивъ стали даже на сторону ихъ рѣшенія, то, очевидно, восточные судьи руководились въ этомъ случаѣ заботою о поддержаніи церковной власти въ казанской церкви и справедливымъ опасеніемъ, какъ бы отрицательнымъ отношеніемъ къ постановленію архіепа Германа не подорвать вообще значенія мѣстной церковной власти въ глазахъ народа. Вопросъ касался

¹⁾ Запись объ этомъ сдѣлана въ церк. Уставѣ XVII в. № 391, л. 564, московск. синод. б. См. Опис. слав. ркн. III, стр. 341—342.

не существа вѣры, а обряда. Зная склонность русскихъ людей поднимать бурю споровъ, а съ ними—и раздоровъ, изъ-за буквы устава, митр. Іоасафъ и екклиз. Теофанъ рѣшили отнестись къ дѣлу сообразно съ паличными обстоятельствами и условіями времени и мѣста; они не довели дѣла до раздраженія страстей и, поддерживавъ мѣстную церковную власть, признали ея постановленіе даже со всѣми послѣдствіями его ¹⁾. Церковный миръ былъ соблюденъ, а опредѣленіе казанскихъ церковныхъ властей, какъ неоснованное на прочномъ фундаментѣ *древности*, съ теченіемъ времени, само собою, потеряло силу и исчезло изъ церковной практики подъ вліяніемъ общераспространеннаго и твердо установившагося обычая...

Н. Пальмовъ.

Опечатки.

Въ статьѣ П. Пальмова: „Шоклоненіе св. кресту и прздникъ Благовѣщенія“ вкрались слѣд. корректурные недосмотры, требующіе исправленія:

№ 11, стр. 289, строка 9, напечат. XI—II вв., надо: XII—XIII вв.; стр. 290, примѣч. 1, строка 1, напечат. 1905 г., надо: 1205 г.

№ 12, стр. 311, строка 8, напечат. (1667 г.), надо: (1666); *ibid.* (1676 г.), надо: (1676); строка 9, напечат. XVII в., надо: XVI в.; строка 16, напечат. XV в., надо: XVI в.

---

¹⁾ Митр. Юасафъ и склвиз. Ософанъ признали Златоустовы литургіи и во всѣ вѣобще воскресные дни Четырдесятницы, если бы на нихъ палъ праздникъ Благовѣщенія.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 27-го марта 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*
Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 14

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года апрѣля 8-го дня.

Содержаніе: I. Печатное слово и духовенство. — II. Горькія рѣчи. — III. О
религіозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія
(продолженіе). — IV. Ермъ, какъ защитникъ покаянія.

Печатное слово и духовенство.

Печать есть могущественнѣйшее орудіе для возбужденія и направленія уметвенной и нравственной жизни человѣчества. Всѣ мы, во всей совокупности великаго русскаго народа, составляемъ Православную Церковь. И пишущіе и читающіе члены этой Церкви должны составлять предметъ нашихъ заботъ и нашего попеченія. Слово Божіе называетъ насъ стражами дома Израилева (Амвросій, архіепископъ Харьковскій т. V, 155 стр.).

Въ ряду факторовъ, мощно вліяющихъ на современную жизнь цивилизованныхъ народовъ, на ея строй и направленіе, одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно занимаетъ печать, печатное слово. Какъ бы ни было сильно вліяніе отдѣльной личности, какими бы могучими духовными силами и дарова-

ніями она ни обладала, ея труды, идеи, ею создаваемыя, мысли, ею исповѣдуемыя, путемъ печатнаго слова утroyаются въ силѣ, такъ какъ изъ ограниченной сферы отдѣльнаго общества, народа, быстро разносятся и часто становятся не національнымъ только, но и міровымъ достояніемъ. Нынѣ съ силой печатнаго слова считаются правительства; печатное слово создаетъ общественное мнѣніе, даетъ направленіе общественной жизни, дѣйствуетъ на науку и искусство, на биржу и промышленность; нѣтъ той сферы общественной, не говоримъ—частной, жизни и дѣятельности, куда бы не проникло вліяніе этого слова. Избитое нынѣ названіе печати седьмой великой державой какъ нельзя лучше опредѣляетъ ея значеніе въ жизни современныхъ культурныхъ народовъ. Разсматриваемая безотносительно къ ея содержанію, печать, какъ механическое орудіе для закрѣпленія и распространенія слова, является полезнымъ изобрѣтеніемъ челоѣческаго гениа, которымъ челоѣкъ, какъ и всякимъ другимъ, можетъ пользоваться для разныхъ цѣлей. Чѣмъ выше и культурнѣе народъ, тѣмъ большее распространеніе имѣетъ въ немъ печать, понимаемая въ широкомъ смыслѣ этого слова. У насъ на Руси печать за послѣднее время пріобрѣла большое значеніе и параллельно съ развитіемъ грамотности въ народѣ и расширеніемъ политическихъ и гражданскихъ правъ, значеніе это будетъ расти *crescendo*. Тиражъ ежедневныхъ изданій теперь исчисляется милліонами; ежегодно на книжный рынокъ выбрасываются сотни тысячъ книгъ; хотя и медленно, но прочно и настойчиво книга пробиваетъ себѣ дорогу въ деревню, въ самые захолустные уголки нашего отечества.

При такомъ ростѣ и значеніи печати, не безынтересно посмотрѣть на то, насколько пользовалось и пользуется этимъ могучимъ орудіемъ въ своихъ цѣляхъ и задачахъ духовенство. Много ли мы сдѣлали для просвѣщенія народа этимъ путемъ; насколько сильно было наше вліяніе въ этомъ направленіи?

Распространять книгу въ деревнѣ, доброе печатное слово духовенство можетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой само оно любитъ книгу, само привязано къ печатному слову. Было время, когда духовенство въ массѣ было самымъ образованнымъ классомъ. Были времена въ Юго-Западной Руси, когда духовенство высоко несло знамя борьбы не только религіозной, но и научной, съ католичествомъ, когда въ дѣятельную помощь себѣ оно взяло книгу, популяризацию ея въ народѣ. Въ настоящее время духовенство наше въ общемъ не книжно; по выраженію Щедрина, оно почитываетъ, но особой ретивости въ эту сторону—что грѣха таить—не проявляетъ. Бесѣда въ духовенствѣ о прочитанномъ, о книгѣ—явленіе рѣдкое; въ этомъ отношеніи урожай, перемѣщенія, отношенія съ прихожанами и проч. пользуются гораздо большимъ успѣхомъ; книжный багажъ іерейской квартиры всего чаще исчерпывается епархіальными и церковными вѣдомостями, получаемыми за счетъ церкви, да иногда „Нивой“¹⁾. И это не свѣтобоязнь, не вражда, а просто жизнь выработываемое равнодушіе къ книгѣ. Та же мысль подтверждается и съ другой стороны. Немногочисленные наши богословскіе журналы влчатъ въ общемъ не веселое существованіе, понятно почему: нѣтъ подписчиковъ, нѣтъ денегъ, нечѣмъ привлечь сотрудниковъ; а между тѣмъ духовенство своей массой, имѣя къ тому же возможность не только рекомендовать книгу стомилионной русской массѣ, но и пріобрѣтать ее за счетъ церковныхъ доходовъ, могло бы поддержать свои изданія, дать имъ средства. Мало привязанное къ книгѣ, духовенство мало продуктивно въ печатномъ отношеніи; значительная часть того, что издается и печатается по религіознымъ вопросамъ, пишется людьми свѣтскими, профессорами академій, учителями семинарій; „Епархіальныя вѣдомости“

¹⁾ Не отдѣльныя лица имѣются въ виду, а берется общая картина. Впрочемъ, надо сказать, за послѣднее время интересъ къ книгѣ въ духовенствѣ какъ-будто растетъ.

въ большинствѣ отличаются бѣдностію содержанія, и положенное число печатныхъ листовъ стараются заполнить официальными сообщеніями, описаніемъ архіерейскихъ поѣздокъ, да перепечатками. Гдѣ тутъ искать духовной пищи, моральной поддержки пастырю? Русская проповѣдническая литература не бѣдна высокими образцами общаго содержанія, но въ ней мало встрѣчается образцовъ практически-жизненнаго значенія, мало откликовъ на современные нужды и запросы религіозной жизни народа, а между тѣмъ напиши каждый священникъ всего одну проповѣдь въ годъ, но такую, чтобы въ нее вложить часть души, какую несомнѣнно каждый священникъ въ отдѣльные моменты вкладываетъ въ свое дѣло, и у насъ была бы богатая проповѣдническая литература.

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное объясненіе указаннаго печальнаго явленія; скажемъ лишь, что въ значительной мѣрѣ здѣсь виновата и духовная школа, которая мало развиваетъ въ своихъ питомцахъ вкусъ къ книгѣ; въ семинаріяхъ въ общемъ на это мало обращаютъ вниманія. Замѣчательно, что въ годичныхъ отчетахъ о состояніи духовно-учебныхъ заведеній, печатаемыхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ нашли себѣ мѣсто такія подробности, какъ занятія въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ичеловодствомъ, огородничествомъ, столярнымъ искусствомъ, ничего не говорится о томъ, что и какъ читаютъ воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, обращаютъ ли на это вниманіе, развивается ли сколько-нибудь это дѣло въ нашихъ школахъ? ¹⁾ Нѣтъ надобности пренебреженіе книгою, какъ развивающимъ элементомъ, обобщать и распространять на всѣ школы и епархіи, и то уже довольно печально, что оно встрѣчается по мѣстамъ. А на ряду съ нашимъ равнодушіемъ къ книгѣ и печатному слову книга ломится всюду, всюду замѣтна жажда къ ней, народъ ищетъ въ ней отвѣтовъ на свои нужды и запросы. И теперь въ деревню идетъ масса хламу, книгъ раз-

¹⁾ См. Церковныя вѣдомости сего года № 33.

вращающихъ умъ и сердце читателя, и это при существованіи ограничительныхъ законовъ о печати. Въ какомъ же положеніи окажется деревня, когда эти ограниченія снимутся, и книги пойдутъ въ деревню не пудами, а цѣлыми вагонами? Сумѣетъ ли деревня переварить, безъ опытнаго руководства, ту массу разнообразнаго матеріала, какой преподносится ей подъ разными соусами? Рѣчь эту ведемъ къ слѣдующему: для того, чтобы хотя относительно руководить народъ въ чтеніи, пока еще не ушло время, быть его добрымъ совѣтникомъ, духовенство само должно выработать и воспитать въ себѣ любовь и вкусъ къ книгѣ. Самые главные шаги къ этому должна сдѣлать духовная школа. Но, конечно, семинарской закваски въ этомъ отношеніи не достаточно; это будутъ лишь сѣмена или зачатки, которые потомъ въ жизни должны быть поддержаны и закрѣплены. Любовь къ книгѣ, должна перейти въ жизнь; поддержать въ себѣ любовь къ чтенію должно само духовенство. Пастырскіе союзы и собранія, только недавно народившіеся, на самообразование своихъ членовъ должны смотрѣть, какъ на одну изъ важнѣйшихъ своихъ цѣлей, осуществленіе которой не можетъ не отозваться благотѣльно на приходской жизни и дѣятельности духовенства. Открытіе пастырскихъ библиотекъ, выписка на общія средства журналовъ, рефераты и бесѣды о прочитанномъ, особенно по животренещущимъ вопросамъ,—вотъ въ чемъ нуждается теперь духовенство. При томъ широкомъ взаимообщеніи, какое должно внести учрежденіе пастырскихъ союзовъ и собраній, особенно хорошо можетъ быть организовано чтеніе. Каждый въ отдѣльности священникъ удѣлять много средствъ на выписку книгъ и журналовъ не можетъ; одинъ, много два журнала, можетъ выписать онъ; при этомъ не рѣдко сосѣдніе священники выписываютъ одни и тѣ же журналы. При существованіи регулярныхъ пастырскихъ собраній, напр., разъ въ мѣсяцъ, священники легко могли бы толковаться о выпискѣ различныхъ богословскихъ журналовъ и обмѣниваться ими. При такихъ условіяхъ, конечно,

при желаніи, каждый священникъ за годъ можетъ познакомиться со всѣми или главнѣйшими богословскими органами. По истеченіи года прочитанныя книги, по желанію, могутъ быть пожертвованы въ пастырскую бібліотеку. Пѣтъ надобности такія бібліотеки ограничивать только духовными журналами; съ полнымъ правомъ тамъ могутъ найти мѣсто и книги свѣтскія, особенно важныя въ бытовомъ или историческомъ отношеніи, книги медицинскія (популярныя) и др. Самообразование, поставленное на самую широкую ногу, широкой обмѣнъ мнѣній—вотъ чего требуетъ наше время отъ духовенства.

Свящ. В. Пестряковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Горькія рѣчи.

Очеркъ.

У отца Павла Прокустова, городского батюшки, всего съ годъ тому назадъ перемѣщеннаго изъ села къ уѣздному собору „за ревностное и благочестное служеніе Церкви“, сидѣль въ кабинетѣ почетный гость — его прихожанинъ и видный купецъ, Иванъ Прохоровичъ Ступинъ.

Собственно Иванъ Прохоровичъ зашелъ къ батюшкѣ сегодня послѣ воскресной вечерни не въ гости, а просто по дѣлу—свести съ нимъ лавочный счетъ и получить обычный расчетъ за товаръ, но такъ какъ время было свободное, не торговое, то онъ охотно согласился на радужное приглашеніе о. Павла остаться—побесѣдовать. Кстати, Ступину любопытно было поближе и поглубже разузнать своего новаго духовнаго отца, съ которымъ не успѣлъ еще близко сойтись и коротко познакомиться.

Иванъ Прохоровичъ, лѣтъ пятидесяти, крѣпкій, коренастый мужчина съ добродушнымъ, бородатымъ лицомъ и карими пронизательными глазами, не утратилъ еще типическихъ чертъ русскаго захолустнаго торговаго человека какъ

по внѣшности, такъ, отчасти, и по внутреннему—умственно-душевному складу. Правда, благодаря самообразованію, чтенію газетъ и постоянному обращенію съ людьми различнаго общественнаго положенія, онъ обладалъ широко-развитымъ умомъ, могъ вставить свое вѣское слово въ любой разговоръ по современнымъ вопросамъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпко и свято держался православныхъ христіанскихъ взглядовъ, былъ искренне религіозенъ, считался и былъ на дѣлѣ любителемъ церковности. Слылъ еще Ступинъ въ городѣ среди знакомыхъ „пряникомъ-человѣкомъ“, благодаря мѣткости и рѣзкости своихъ рѣчей, въ которыхъ умѣло и кстати подчеркивалъ слабыя стороны ближняго. Но какъ здѣсь, такъ и вообще въ обращеніи съ людьми. Иванъ Прохоровичъ не позволялъ себѣ грубости, нетерпимости, деспотизма. Семья его располагала свободно свою жизнь по современному укладу; дѣти—иять сыновей—получили среднее образованіе, и двое изъ нихъ, увлекшись стремленіемъ къ трудовой жизни, безпрепятственно съ его стороны, учительствовали въ земскихъ школахъ своего уѣзда.

Какъ человѣкъ религіозный, интересующійся вопросами церковности, Иванъ Прохоровичъ, сидя теперь въ кабинетѣ батюшки, естественно свелъ разговоръ съ о. Павломъ на современную церковно-приходскую тему; хотѣлось ему также незамѣтно заставить новаго батюшку высказаться по этимъ вопросамъ. Ступинъ успѣлъ уже осмотрѣть подробно и одобрить про себя скромную, дѣловую, и именно—„духовную“ обстановку кабинета о. Павла: ему понравились хорошіе, солиднаго письма, образа, украшенные только вѣницами вокругъ ликовъ, предъ которыми сіяла хорошо заправленная лампадка, столикъ, похожій на аналой, гдѣ лежали всѣ, потребныя іерею, молитвенныя книги и начатый пучекъ свѣчъ. Тутъ же находилась кожаная, славянская Библия, и какъ она, такъ и остальные книги имѣли подержанный видъ, носили явные слѣды частаго употребленія. На стѣнахъ гость нашелъ только портретъ Государя и полдюжины архіерей-

скихъ фотографическихъ карточекъ въ черныхъ, дешевенныхъ багетахъ. Конторка, у которой онъ сидѣлъ съ батюшкой, на половину занята была аккуратно сложенными и перевязанными пачками небольшихъ книжекъ-брошюръ и листовъ; они-то и привлекли особенное вниманіе Ивана Прохоровича, послуживъ первоначальной темой для разговора.

— Это что же у васъ за книжки, батюшка, и въ такомъ количествѣ? — проявилъ свое любопытство гость, дотрагиваясь рукой до крайней пачки брошюръ: — сами приобрѣли ихъ, или высланы откуда съ особеннымъ назначеніемъ?

— Угадали вы, Иванъ Прохоровичъ, — именно съ особеннымъ назначеніемъ высланы; да, впрочемъ, вамъ и угадывать было нечего, — это назначеніе и вы хорошо знаете. Помните пастырско-мирянское собраніе, что было у насъ въ городѣ восемь мѣсяцевъ тому назадъ? Вы были на немъ и нѣсколько разъ, помню, выступали еще съ новыми для всѣхъ насъ и поучительными замѣчаніями; такъ вотъ на немъ же и было постановлено бороться, между прочимъ, съ пропагандой распространеніемъ соотвѣтствующихъ листовъ и книжекъ. Теперь намъ ихъ-то и разсылаютъ епархіальное братство, — вчера получилъ и я на свою долю для распространенія въ народѣ... А деньги за нихъ, по тому же постановленію, давно уже внесены церквами.

— Теперь вспомнилъ все! — оживленно воскликнулъ Ступинъ. — Впрочемъ, какъ и не позабыть, — вонъ, времени-то сколько прошло. Любопытно, очень любопытно будетъ взглянуть, что-то прислали, если позволите!..

— О, пожалуйста, — съ полной готовностію, почтениѣйшій Иванъ Прохоровичъ! Кстати, — и свой опытный взглядъ, свое мнѣніе выскажете, а это намъ такъ дорого. — И о. Павелъ, развязавъ одну пачку, предупредительно положилъ листки и книжки предъ своимъ гостемъ. Разсыпавшаяся пачка обнаружила цестрый и разнообразный подборъ: тутъ были трицкіе листки, брошюрки о. Никольскаго и о. Михаила, бесѣды-листки одного кievскаго духовнаго журнала, напра-

вленные непосредственно противъ социализма и современныхъ общественныхъ педуговъ. Всѣ ихъ, не сѣша, просмотрѣлъ терпѣливо Иванъ Прохоровичъ, и потомъ снова уложили, какъ было, въ плотную пачку, стаяувъ крѣпко и умѣло бичевкой.

— Такъ-то...—отодвинувъ отъ себя пачку, словно въ раздумьи проговорилъ Ступинъ.—А, вѣдь, кажется, книжки дѣльные, не очень-то по вкусу придутся разнымъ агитаторамъ. И давно бы пора обличать ихъ, голубчиковъ; а то извольте-ка: они тамъ разводятъ всякую пропаганду, а мы—помалчиваемъ!.. Однако, какъ же думаете вы, батюшка, распорядиться съ этимъ матеріаломъ,—пустить его въ народъ?..

— Да придется ужъ руководствоваться постановленіемъ все того же собранія: съ завтрашняго дня начну объѣздъ своихъ деревень, сначала побесѣдную съ крестьянами, а потомъ и буду раздавать эти брошюрки и листки, смотря по тому, гдѣ, какія больше нужны. Тамъ видно будетъ по настроенію народа... Будемъ также раздавать ихъ и въ соборѣ молящимся, особенно въ праздники. Какъ же иначе?

— Подумаешь, просто же и легко у васъ всякое дѣло дѣлается! И вы надѣетесь, о. Павелъ, что изъ этого выйдетъ толкъ, что деревенскіе ваши прихожане такъ вотъ васъ и послушаютъ, повѣрятъ и книжки ваши будутъ читать?— Уиорно глядя на батюшку своими пронизательными глазами, спросилъ Иванъ Прохорычъ и, замѣчая его молчаливую неловкость, опять заговорилъ съ явнымъ и нѣсколько обиднымъ сожалѣніемъ:—Эхъ, даль-то бы Богъ?.. Но только напередъ скажу: не будетъ большого успѣха отъ вашего дѣла, и жаль мнѣ, батюшка, вашихъ напрасныхъ трудовъ, да, пожалуй, еще и непріятностей. Опоздали, страшно опоздали съ вашимъ добрымъ дѣломъ и хорошими планами, какъ и теперь во всемъ у васъ медлятъ и опаздываютъ: въ этомъ-то и вся бѣда, наше горе великое! Къ слову сказать, на высылку хотя бы этихъ книжекъ восемь мѣсяцевъ понадобилось,—курамъ, вѣдь, на смѣхъ!.. Теперь развѣ такое

время? Жизнь, не ждешь, народ не ждешь, да и будетъ съ него—наждался, натерпѣлся, слава Богу! Вотъ и нашлись люди, которые пришли сами въ деревню, на эти напрасные вопли и ожиданія мужика, и заговорили съ нимъ объ его нуждѣ великой ласково, любовно, и наобѣщали ему всяческихъ благъ, научивъ, какъ ихъ добыть. А мы, честные граждане, и вы, батюшки, также все это проглядѣли и близко не подходили къ мужичку; какъ же ему было не обрадоваться приплыльмъ благодѣтелямъ. не повѣрить имъ и, въ то же время, въ конецъ не разувѣриться въ насъ!.. И выросла вотъ такъ-то, на свободѣ, у насъ смута великая, развращеніе ума народнаго... А мы сейчасъ еще только собираемъ въ деревню, къ мужику, со своими книжками и бесѣдами, когда уже онъ наслушался совѣмъ другихъ рѣчей, когда деревня биткомъ-набита всякими подпольными листками и прокламаціями. Да и не поздно ли будетъ? И стапуть ли слушать насъ и вѣрить намъ, какъ повѣрили бы раньше, въ свое время? Вотъ чего надо непременно опасаться вамъ теперь, батюшка; вотъ чего ждать отъ своихъ прихожанъ!..

Слишкомъ живое участіе, похожее на непрошенное вмѣшательство, и мрачное, какъ-будто укоризненное, предсказаніе Ступина насчетъ предстоящаго о. Павлу дѣла невольню пробуждали въ послѣднемъ нетерпѣливое, непріятное чувство. Наконецъ, онъ прервалъ гостя, стараясь сохранить сдержанность.

— Можетъ быть, отчасти вы правы, только я думаю иначе. По-моему, доброе, полезное дѣло никогда дѣлать не поздно, а здѣсь тѣмъ болѣе—предстоитъ бороться со свѣжей заразой словомъ и вотъ этими книжками... Притомъ, ужь не также недовѣрчивъ вдругъ сдѣлается народъ къ своимъ пастырямъ!

— Да вы не обижайтесь, батюшка, прямою мойхъ рѣчей: что дѣлать—таковъ уже я: начну говорить и выложу правду-матку! Опять же и не къ вамъ относится она: вы—человѣкъ у насъ новый и застали готовую запущенность

кругомъ. Того-то и жаль, что приходится вамъ поправлять чужія прорухи. И трудно вамъ будетъ—опять повторю,—и поздненько бороться съ супостатомъ, когда онъ ужъ забрался къ намъ съ руками и ногами. Сразу, о. Павель, убѣдитесь, каково выкуривать заразу-пропаганду изъ мужицкихъ головъ. Будутъ, допустимъ, слушать вашу бесѣду, возьмутъ листки и книжки, но все это—неохотно, лицемѣрно, недовѣрчиво, съ затаенной мыслию: съ чего, молъ, это батюшка вздумалъ насъ просвѣщать, не себя ли обороняетъ, не по приказу ли начальства?.. Не бойсь, раньше не очень-то заботились отцы духовные!.. И вотъ—бесѣда, послѣ васъ слѣдомъ, забудется, а листки ваши окажутся въ рукахъ ребятешекъ непрочитанными и будутъ валяться, гдѣ попало. А запретныя книжки да листки, что насовали мужику его новые попечители, по-старому будутъ жадно перечитываться и храниться бережно. Это ужъ такъ!.. Между тѣмъ, давно ли еще та же деревня, свободная отъ нынѣшней проклятой заразы, простая, довѣрчивая, сама просила у васъ и добраго, правдиваго слова, и хорошей, полезной книги, но тогда никто почти не хотѣлъ отклинуться на ея нужду и просьбу. А какъ бы охотно послушалъ еще тогда мужичекъ своего батюшки, съ благодарностью взялъ у него книжку, и,—кто знаетъ?—можетъ быть, держался бы крѣпко васъ и теперь, не допуская новыхъ просвѣтителей!.. И вотъ теперь все потеряно и подобрано людьми ловкими. Это-то и горько, батюшка, когда подумаешь о такой оплошности, опущеніяхъ въ святомъ дѣлѣ съ вашей стороны, а ихъ у васъ встрѣтишь на каждомъ шагу!..

— Ну, теперь-то ужъ, скоро обстоятельства измѣнятся къ лучшему, и не придется намъ, священникамъ, выслушивать горькихъ упрековъ въ бездѣятельности,—стараясь удержаться на своей позиціи, вставилъ свое слово о. Павель въ пространную рѣчь гостя: — сами вы, почтеннѣйшій Иванъ Прохоровичъ, бывая на нашихъ собраніяхъ, могли убѣдиться въ единодушной готовности духовенства исправить ошибки, поднять церковную жизнь, служить самоотверженно...

Къ этому клонится большая часть постановленій нашихъ собраній.

— Эхъ, батюшка, знаемъ и слышимъ мы все это; только не случилось бы того, что „пока солнце взойдетъ,—глаза роса выѣстъ“. Такъ же, какъ вотъ съ книжками, не случилось бы опозданія... Деревня изъ рукъ ускользаетъ чуть не совсѣмъ; а лучше ли, приглядитесь-ка, съ нами, городскимъ православнымъ населеніемъ? Хуже, во сто разъ хуже, батюшка: отбились, вѣдь, отвыкли мы отъ церкви Божіей, и только имя христіанъ носимъ по старому обычаю!.. Особенно—интеллигенція-то наша, образованные граждане и разное чиновничество покрушиѣ: тѣ явно уже Бога оставили и только не просятъ васъ, чтобы вычеркнули вы ихъ изъ вашихъ вѣдомостей. Христіанскаго ничего не остается въ жизни у нихъ, даже не стѣсняются—живутъ семьями не вѣнчаные!.. И такая порча произошла, вѣдь, на моихъ почти глазахъ, а раньше, годовъ 15 назадъ, совсѣмъ еще не такъ жили. Что же теперь думаютъ у васъ дѣлать,—какъ снова насъ возвратятъ въ церковь, и возвратятъ ли? Опять—не поздно ли будетъ да и не трудно ли? Прекрасныя улучшенія и реформы церковной жизни и прихода будутъ готовы, да примѣнить-то ихъ будетъ не къ кому, пожалуй. А чтобы теперь-то не забрасывать дѣла, каждому батюшкѣ исполнять его съ любовью, насъ не оставлять безъ доброй бесѣды?—вотъ, можетъ, и не стали бы мы такими, прости насъ Господи, невѣрами и немояями!.. Какъ же, батюшка, при такихъ-то порядкахъ не огорчаться тѣмъ, кому еще не опостылѣла вѣра православная, и какъ не высказать правды предъ вами въ душевной бесѣдѣ, вотъ, какъ сейчасъ!.. Только простите, о. Павелъ, не гнѣвайтесь: опять же повторяю—не васъ прямо дѣло касается...

Разговорившійся Иванъ Прохоровичъ собрался, наконецъ, уходить, обѣщая когда-нибудь опять зайти къ батюшкѣ для душевной бесѣды. По правдѣ говоря, о. Павлу Прокустову не понравилось откровенное вмѣшательство купчика-

прихожанина въ пастырскія дѣла. Не привыкъ онъ къ этому, живя на сельскомъ приходѣ; но что дѣлать—приходилось мириться съ подобными встрѣчами и разговорами, извлекая изъ нихъ не мало справедливаго и полезнаго для новой пастырской дѣятельности въ городѣ.

С. А. В.—ii

---

¹⁾ О лубочной литературѣ обстоятельныя свѣдѣнія находимъ у Пругавина: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія“, стр. 386 и далѣе.

О религіозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія.

III.

Лубочныя изданія и изданія фирмъ и обществъ религіозно-нравственныхъ народныгъ книгъ.

Простой нашъ народъ долго жилъ особыми отъ другихъ классовъ духовными интересами и для удовлетворенія ихъ пользовался и даже теперь отчасти пользуется такъ называемой лубочной литературой, которая состояла почти исключительно изъ книгъ духовнаго содержанія; изъ свѣтскихъ лубочныхъ книгъ чтеніемъ для народа служили повѣсти религіозно-поучительнаго характера ¹⁾. Не смотря на свои отрицательныя качества, лубочныя изданія имѣли хорошій сбытъ въ народной массѣ, подтверждая этимъ могучую въ народѣ потребность въ книгѣ. — Съ освобожденіемъ крестьянъ ростъ и распространеніе лубочной литературы пошли очень быстро; она съ каждымъ днемъ стала пополняться новыми заимствованіями изъ интеллигентной литературы; но главнымъ отдѣломъ своихъ изданій лубочникъ поставилъ религіозно-нравственный отдѣлъ, къ чему, безспорно, побуждали его запросы народа. Въ этомъ отдѣлѣ преобладали житія святыхъ и разныя житейско-нравоучительныя книги. Вся эта лубочная и

---

¹⁾ О лубочной литературѣ обстоятельныя свѣдѣнія находимъ у Пругавина: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія“, стр. 386 и далѣе.

религіозно-нравственная литература, на ряду съ другими лубочными изданіями, расходилась въ простомъ народѣ въ громадномъ числѣ экземпляровъ (одинъ Сытинъ продаетъ не менѣе 8—10 мил. народныхъ изданій).

Всѣ лубочныя изданія религіозно-нравственнаго характера, не говоря уже о чисто литературныхъ недостаткахъ ихъ, имѣли одну ярко выраженную въ нихъ тенденцію мистическаго характера. Тенденція эта совпадаетъ съ міровоззрѣніемъ нашихъ мистическихъ сектъ и не осталась безъ вліянія на зарожденіе нашихъ сектъ, какъ бѣгуны, самосожигатели и др.¹⁾ Поэтому, конечно, лубочная религіозная литература не могла представлять собой здоровой духовной нищи для народа. Противовѣсь религіозной лубочной книгѣ, представляла бы религіозно-нравственная книга, изданная монастырями (напр. Троицкой Лаврой) и частными лицами (Бахметьева, прот. Печаевъ, Михайловскій), если бы литература послѣдняго рода была многочисленнѣе, болѣе распространена въ народѣ и отличалась такимъ разнообразіемъ содержанія, какъ лубочныя изданія. Предшествовавшимъ эпохѣ освобожденія ходомъ своей религіозно-нравственной жизни народъ былъ приученъ къ пользованію лубочной литературой и въ частности религіозно-нравственной книгой лубочнаго изданія.

На борьбу съ книжнымъ хламомъ толкучаго рынка, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, выступила интеллигентная народная книжка, издаваемая не отдѣльными только личностями, какъ это было въ 18 и первой половинѣ 19 вѣковъ (Новиковъ, Одоевскій, Щегоскій и др.), но разными обществами изъ интеллигентовъ, задавшимися цѣлями просвѣщенія народа. Таковы: Общество распространенія полезныхъ книгъ (открыто въ Москвѣ 3 марта 1861 г.), Петербургскій и Московскій комитеты грамотности, Товарищество „Общественная Польза“, комиссія народныхъ чтеній въ Пе-

¹⁾ Интересныя мысли о религіозно-нравственной лубочной литературѣ выражены въ книгѣ А—нскаго: „Очерки народной литературы“, гл. 9.

тербургъ и др. Всѣ общества издавали главнымъ образомъ свѣтскую беллетристическую книгу, болѣе пригодную для городского жителя и фабричнаго рабочаго, чѣмъ для простаго крестьянина. Первымъ выступило на поприще изданія народной книги „Общество распространенія полезныхъ книгъ“. Эта фирма издавала спеціально народныя книги нравоучительнаго характера; она такъ опредѣляла свою программу: „развивать и укрѣплять (въ народѣ) здравыя нравственныя понятія“. Въ теченіи 20 лѣтъ своего существованія общество издавало книги и брошюры, по языку и по формѣ совершенно недоступныя для простаго народа. Среди изданій Общества религіозно-нравственныхъ книгъ было не много (не болѣе 20); о нихъ въ критическомъ обзорѣ народной литературы, изданномъ Х. Алчевской подъ заглавіемъ: „Что читать народу“, данъ такой отзывъ: „общество предприняло рядъ изданій для народа, совершенно напоминающихъ собою тишичныя дубочныя книжки съ плохими картинами и бумагой и грубыми опечатками. Что касается внутренняго содержанія, то оно также оставляетъ желать многого и многого. Желательно, чтобы за свой трудовой грошь читатель изъ народа получалъ полезную пищу для души, а не камень, вмѣсто хлѣба, или змѣю, вмѣсто рыбы“¹⁾.—Во всѣхъ народныхъ изданіяхъ 60 годовъ преобладало нравоучительное направленіе; въ нихъ мы находимъ поученіе личной нравственности (не лѣнись, не пьянствуй, терпи) безъ всякаго отношенія къ общественному и экономическому положенію народа. Среди изданій того времени встрѣчается весьма ограниченное число въ собственномъ смыслѣ религіозно-нравственныхъ книгъ; ихъ болѣе другихъ книгоиздательствъ издало общество распространенія полезныхъ книгъ.—Очень много дешевыхъ религіозно-нравственныхъ книгъ давали духовные журналы, напр., Православное обозрѣніе въ 60 годахъ выпустило цѣлую серію (около 50 книгъ въ 2—4 ко-

¹⁾ „Что читать народу“, часть II, стр. 44.

нейки) подъ заглавіемъ: „дешевыя изданія для народнаго чтенія“; всѣ онѣ по содержанію и формѣ напоминаютъ изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ. Редакціи народныхъ газетъ, „чтеніе для народа“ и „чтеніе для солдатъ“ выпустили также болѣе 400 народныхъ изданій разныхъ наименованій; среди нихъ были и религіозно-нравственныя. Всѣ поименованныя религіозно-нравственныя изданія по содержанію своему представляли: библейскіе рассказы, житія святыхъ, описанія извѣстныхъ обителей. Отвѣта же на жгучіе вопросы жизни народа, въ которой произошли крупныя переустройства (съ 1861 г.), религіозно-нравственная книга не давала, да и такихъ вопросовъ не затрогивала. Но даже и въ такомъ составѣ вся религіозно-нравственная народная литература представляла бы внушительную просвѣтительную силу, если бы она поступила въ пользованіе народа; но въ силу отсутствія организаціи у книгоиздательскихъ фирмъ и обществъ, ихъ изданія очень слабо распространялись въ народѣ; взамѣнъ особенно развивалась лубочная литература. Болѣе успѣшно велось лишь распространеніе священнаго Писанія Библейскимъ обществомъ и обществомъ распространенія св. Писанія, благодаря созданію цѣлой арміи офеней, грамотныхъ и начитанныхъ книгоношъ. По отчету послѣдняго общества въ 1886 году, напр., распространено болѣе 90 тысячъ экзempl. священныхъ книгъ, въ томъ числѣ 82 тыс. Евангелій. Такимъ образомъ, не смотря на сильный запросъ народа на религіозное чтеніе, наши интеллигентные издатели и составители народной книги до начала 80-хъ г. не обращали серьезнаго вниманія на религіозно-нравственный отдѣлъ народной литературы. Съ начала 80-хъ гг. наблюдается большое оживленіе въ дѣлѣ изданія религіозно-нравственной книги для народа, какъ въ свѣтскомъ обществѣ, такъ и духовномъ. Уже въ это время духовно-нравственныя книги, превосходящія лубочныя изданія, стали появляться и въ интеллигентныхъ изданіяхъ (таковы труды Е. Туръ и Толычевой); но первый и крупный починъ въ дѣлѣ изданія

духовно-нравственной книги сдѣлала фирма „Посредникъ“ (съ 1885 г.). Эта фирма поставила своей цѣлью „пустить въ народъ книжки возможно лучшаго содержанія и по удешевленной цѣнѣ“; лучшимъ же содержаніемъ народной книги она считала „возможно ближе выражающее ученіе Христа и въ крайнемъ случаѣ ни въ чемъ не противорѣчащее этому ученію и притомъ изложенное въ формѣ доступной массѣ и удовлетворяющей ея потребностямъ“. Въ изданіяхъ „Посредника“ самое дѣятельное участіе принималъ гр. Л. Н. Толстой, имени котораго и обязанности изданія „Посредника“ широкимъ распространеніемъ въ обществѣ. Въ теченіе первыхъ 9-ти мѣсяцевъ изданія „Посредника“ разошлись въ количествѣ 400 тыс. экземпляровъ и расходились главнымъ образомъ въ крестьянской средѣ; это были житія святыхъ и изданія, излагавшія въ беллетристической формѣ религіозные мысли (извѣстные рассказы Л. Н. Толстого: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, „Чѣмъ люди живы“ и др.). Но года чрезъ 3—4 книжки „Посредника“ потеряли свою популярность въ народѣ: спросъ на нихъ замѣтно ослабѣлъ. Причина этого лежала въ самомъ характерѣ изданій или, какъ выражается Некрасова, давшая очеркъ дѣятельности „Посредника“, „въ сектантской односторонности тенденцій“, почему изданія „Посредника“ при первомъ своемъ появленіи подверглись строгой критикѣ не только духовной, но и свѣтской ¹⁾).

Съ другой стороны, и самый выборъ темъ для собственно религіозно-нравственныхъ книжекъ (житія святыхъ) былъ очень неудачный. „Посредникъ“ избираетъ для своихъ изданій не излюбленныхъ народомъ святыхъ, а малоизвѣстныхъ ему и такихъ, жизнь которыхъ можно было бы изобразить въ духѣ, соответствующемъ сектантскимъ тенденціямъ (напр., житія Павла Полланскаго, — Франциска Ассизскаго и проч.).

¹⁾ Народныя книги для чтенія, стр. 24.

Идеи и нравоученія, проводимыя въ книжкахъ „Посредника“, не разнообразны и не многочисленны; но въ нихъ содержится вся мораль „Посредника“: смиришь, терпи, не противься злу, предпочитай физическій трудъ, отвергнись отъ богатства.

— Вслѣдъ за „Посредникомъ“ возобновили въ 80-хъ годахъ свою издательскую дѣятельность и старѣйшія народоиздательскія фирмы: Общество распространенія полезныхъ книгъ, комиссія народныхъ чтеній (въ Петербургѣ); „Народная Польза“ и свѣтскіе журналы („Мірской Вѣстникъ“, „Досугъ и Дѣло“).

Общество распространенія полезныхъ книгъ продолжало свою дѣятельность въ прежнемъ направленіи, издавая болѣе всего житій святыхъ, и не мало ветхозавѣтныхъ (напр. пр. Ілїи); описаній обителей (Кіево-Печерской Лавры, Афонской горы). Въ книжкѣ Алчевской „Что читать народу“ (ч. II-я) даны критическіе отзывы о 20 изданіяхъ общества.

— Комиссія по устройству народныхъ чтеній въ Петербургѣ („Высочайше утвержденная“ и „постоянная“) также выпустили въ свѣтъ свыше 20 изданій,—все это въ подавляющемъ большинствѣ житія святыхъ и описанія обителей. Лучшія изданія постоянной комиссія по устройству народныхъ чтеній вышли изъ подъ пера Е. Туръ и Толычевой (напр., св. Стефанъ Пермскій; Бѣлозерская обитель и др.). Особенность изданій комиссія составляетъ попытка *расширить содержаніе* религіозно-нравственныхъ изданій, давъ популярное изложеніе фактовъ изъ жизни древне-христіанской Церкви; таковъ, напр., трудъ Опатовича и Кочетова: „Церковь Христова со временъ апостоловъ“, являющийся и теперь лучшимъ народнымъ изданіемъ по церковной исторіи. По количеству религіозно-нравственныхъ народныхъ изданій выдѣляется книгоиздательство „Народная Польза“, которое выпустило 97 книгъ, изъ нихъ житій святыхъ 86 книгъ;—въ томъ числѣ 60 житій святыхъ греческой Церкви, 26—Русской Церкви,—и 11 книгъ объясненія двенадцатыхъ праздниковъ. Къ концу 80-хъ годовъ общество „Народная Польза“

направляетъ свою дѣятельность на изданіе свѣтской книги, такъ что въ вышедшей въ концѣ 80-хъ годовъ серіи изъ 400 книгъ подѣ общимъ названіемъ „Народныя чтенія“ помѣщено лишь 7 религіозно-нравственныхъ изданій, изъ коихъ для народнаго чтенія можно рекомендовать 2—3 книжки.

Вообще къ началу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія свѣтскіе народные книгоиздатели перестаютъ выпускать религіозно-нравственныя книги, отдавая все вниманіе изданію свѣтской, беллетристической и научно-популярной книги; лишь изрѣдка проскользнетъ религіозно-нравственная книга, да и то скорѣе церковно-историческаго характера (напр., „Братства“ изд. Харьк. общ. грам.). Время отъ времени журналъ „Читальня народной школы“ подаритъ хорошимъ библейскимъ рассказомъ. Но вообще среди свѣтскихъ книгоиздательствъ получило господство убѣжденіе, что изданіе рел.-нравственныхъ книгъ есть дѣло религіозно-церковныхъ лицъ, обществъ и учрежденій.

И. Г. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ермъ защитникъ покаянія.

Ермъ, какъ церковный писатель, мало извѣстенъ у насъ даже по имени, а самая мысль о необходимости защищать идею покаянія можетъ показаться въ настоящее время по меньшей мѣрѣ странной. Но не такъ было въ то время, когда жилъ и писалъ Ермъ. Онъ жилъ въ Римѣ, во второй половинѣ второго вѣка н. по преданію, былъ братомъ римскаго епископа Пія I (140—155 гг.?). Въ это время въ Церкви весьма сильна была партія ригористовъ, относившихся къ возможности покаянія весьма отрицательно. Они находили, что покаяніе допустимо лишь одинъ разъ, а именно при крещеніи, и при томъ съ тѣмъ, чтобы впредь не грѣшить. Поэтому христіанинъ, совершившій тяжкій грѣхъ, тѣмъ са-

мымъ признавался утратившимъ надежду на спасеніе; поканіе представлялось для него безцѣльнымъ, и бесполезнымъ. Противъ этого-то взгляда, мало считавшагося и съ слабостію человѣческою, и съ задачами Церкви на землѣ, и возсталъ Ермъ.

Свои взгляды на поканіе онъ изложилъ въ своемъ сочиненіи „Пастырѣ“ въ поэтической общепонятной формѣ видѣній и притчъ и много содѣйствовалъ правильному выясненію вопроса. Насколько можно видѣть изъ содержанія „Пастыря“, Ермъ пришелъ къ убѣжденію въ неправотѣ ригористическаго взгляда на грѣшника отчасти подъ вліяніемъ обстоятельствъ своей собственной жизни.

Ермъ былъ женатъ и очень серьезно относился къ браку и тутъ-то прежде всего могъ убѣдиться въ недопустимости такого формальнаго отношенія къ человѣку, какое обнаруживали ригористы. Съ нимъ произошелъ слѣдующій случай, съ разказа о которомъ онъ и начинаетъ свое сочиненіе.

„Воспитавшій меня продалъ въ Римъ одну дѣвушку. Черезъ много лѣтъ я встрѣтился съ нею, узналъ ее и сталъ заботиться о ней, какъ о сестрѣ. Но, спустя нѣкоторое время, я увидѣлъ ее купающеюся въ рѣкѣ Тибрѣ; я протянулъ ей руку и вывелъ ее изъ рѣки. Увидавъ ее, я помышлялъ въ сердцѣ моемъ: „Я былъ бы счастливъ, если бы у меня была жена съ такимъ лицомъ и нравомъ“. Въ скоромъ времени Ерму въ видѣніи является эта самая дѣвушка съ упрекомъ, что онъ совершилъ смертный грѣхъ, „возжелавъ ее въ сердцѣ своемъ“. „Если это вмѣняется мнѣ въ грѣхъ“, рѣшилъ Ерма, „то какъ же я могу спастись?“ и тогда получаетъ отъ Церкви, въ образѣ старицы, указаніе: „покайся“. Желаніе Ерма было вполне понятнымъ, такъ какъ ему доставало именно счастья въ семьѣ. Какъ увидимъ, Ермъ горячо любилъ свою жену, но домъ его былъ для него сущимъ адомъ изъ-за семейныхъ несогласій (III. 5). Каковы

былъ характеръ этихъ несогласій, можно судить по слѣдующему разговору Ерма съ ангеломъ покаянія (Pastor II. Ч. I). „Если бы кто имѣлъ жену, вѣрную о Господѣ (т. е. христіанку) и уличилъ бы ее въ прелюбодѣяніи, то не грѣшилъ ли бы мужъ, если бы продолжалъ сожителство съ нею?“ „Пока“, отвѣчаетъ ангель, „мужъ не знаетъ о ея грѣхѣ, то онъ не совершаетъ преступленія, живя съ нею. Если же онъ узнаетъ о преступленіи жены своей, и жена не покается и пребудетъ въ своемъ блудѣ, а мужъ будетъ жить съ нею, то онъ будетъ виновенъ въ ея грѣхѣ и участникомъ въ ея прелюбодѣяніи“. „А если жена не отстанетъ отъ своего порока?“ „Мужъ долженъ ее отпустить и остаться одинокимъ. Если же отпустить жену свою и женится на другой, то онъ самъ прелюбодѣйствуетъ“. „А если отпущенная покается и пожелаетъ возвратиться къ своему мужу, не долженъ ли онъ ее принять?“ „Конечно, если не приметъ ее мужъ ея, онъ грѣшитъ и при томъ тяжело грѣшитъ; онъ долженъ принять грѣшницу кающуюся“. Ерма не говоритъ, правда, что дѣло идетъ объ его собственной женѣ, но читатель чувствуетъ это по тѣмъ намекамъ и обмолвкамъ, какія во множествѣ встрѣчаются въ „Пастырѣ“. Положеніе Ермы было въ высшей степени тяжелымъ. Римляне считали прелюбодѣяніе жены несмываемымъ позоромъ для мужа и лишали сенаторскаго достоинства сенатора, не прогнавшаго жену прелюбодѣйку. Ригористы изъ христіанъ отнимали у нея всякую надежду на спасеніе и въ будущей жизни и не допускали къ покаянію въ настоящей. Ерма съ своими взглядами на это дѣло высоко стоялъ надъ тѣми и другими, и, повидимому, дѣйствительно успѣлъ возвратитъ заблудшую подругу на путь истины; но онъ сдѣлалъ и гораздо большее своимъ сочиненіемъ. Припомнимъ, что Св. Писаніе изображаетъ отношенія мужа къ женѣ, какъ отношенія Христа къ Церкви, и тогда насъ нисколько не удивитъ, что Ерма сдѣлалъ общій выводъ изъ этого частнаго случая. „Слышалъ я“, продолжаетъ онъ бесѣду съ ангеломъ по-

каянія; „отъ нѣкоторыхъ учителей, что нѣтъ иного пока-
 янія, кромѣ того, когда мы погружаемся въ воду и получа-
 емъ отпущеніе грѣховъ нашихъ; потомъ уже нельзя грѣшить,
 а слѣдуетъ пребывать въ непорочности“. „Ты правильно
 слышалъ“, отвѣчаетъ ангель, „но теперь я открываю тебѣ
 слѣдующее“ (Nunc autem... et hoc tibi demonstro) Это новое
 откровеніе гласило: „Которые уже увѣровали, или которые
 увѣруютъ, имѣютъ не покаянiе во грѣхахъ, а отпущеніе
 грѣховъ“ (подр. въ крещеніи). Тѣмъ же, которые призваны
 до этихъ дней (т. е. уже крещеннымъ), Господь положилъ
 покаянiе. Ибо знаетъ Богъ помысленiя всѣхъ сердець и
 знаетъ слабость человѣческую и многообразныя козни діаво-
 ла. Посему милосердый Богъ умилился надъ созданіемъ
 своимъ и положилъ такое покаянiе. И посему говорю тебѣ,
 что *посль* такого великаго и святаго призванiя, если кто
 будетъ искушенъ отъ діавола и согрѣшитъ, тотъ имѣетъ одно
 покаянiе. Если же онъ будетъ постоянно грѣшитъ и каяться,
 то это не поможетъ ему“ (Pastor II, 4. 3).

Иными словами, Ермъ точно различаетъ между креще-
 ніемъ и покаянiемъ, которыя смѣшивались его против-
 никами, и видитъ въ этомъ различеніи величайшую новость.
 Мы можемъ въ настоящее время удивляться такому смѣще-
 нію, но едва ли въ правѣ не довѣрять показанію Ерма.
 Самъ Ермъ отрѣшался отъ взгляда своихъ противниковъ
 лишь постепенно. Его „Пастыръ“ написанъ не въ одинъ
 присѣсть, а по частямъ; „въ немъ замѣчается историческая
 послѣдовательность развитiя его идеи о покаянiи“. Вопросъ
 о покаянiи находится у Ерма въ тѣсной связи съ вопросомъ
 о Церкви и ея составѣ, и этотъ вопросъ въ концѣ „Па-
 стыря“ рѣшается иначе, чѣмъ въ началѣ. И тутъ и тамъ
 Церковь изображается въ видѣ строящейся башни. Но въ
 началѣ (видѣніе III, гл. 2 и 3) фундаментомъ этой башни
 служатъ воды крещенiя „ибо жизнь ваша спасена черезъ
 воду“. При такомъ формальномъ пониманіи таинства креще-
 нiя въ Церкви не оказывается мѣста даже для ветхозавѣт-

ныхъ праведниковъ, какъ некрещенныхъ. Потомъ Ермъ измѣнилъ такой несогласный Св. Писанію взглядъ на иной, который и изложенъ имъ при подробномъ описаніи строенія башни—Церкви въ концѣ „Пастыря“ (Similitudo IX). Тутъ основаніемъ Церкви является Сынъ Божій. „Никто не войдетъ царство Божіе, если не приметъ имени Сына Божія“. Въ составъ Церкви входятъ и ветхозавѣтные праведники по вѣрѣ ихъ въ Искупителя. Крещеніе знаменуетъ лишь смерть для прежней жизни и возрожденіе для новой во Христѣ, по отнюдь не является фундаментомъ Церкви.

Жизнь во Христѣ понимается уже не какъ получение какой-то святости въ одинъ моментъ и безъ усилій со стороны крещаемого, но какъ постепенное усовершенствованіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, дающееся лишь упорною борьбою съ грѣхомъ. Христіанинъ долженъ, по выраженію Ерма, „бояться Бога, а не трусить діавола“. Борьба эта предполагаетъ сознаніе собственнаго недостойнства, служащее источникомъ покаянія. Въ послѣднемъ, по мнѣнію Ерма, а не въ святости ригористовъ заключается источникъ силы Церкви. Церковь сначала является ему въ образѣ дряхлой женщины (видѣніе III, гл. 11 и 12) съ объясненіемъ, что ее привели въ разслабленіе отчаяніе христіанъ (въ которое повергали ихъ ригористы); затѣмъ дряхлая женщина все болѣе и болѣе молодѣетъ и крѣпнетъ, подъ вліяніемъ покаянія вѣрующихъ, и ихъ духовнаго возрожденія. Вдали отъ башни, построенной на водахъ крещенія, держатся тѣ, которые и желали бы креститься во имя Господа, но отказываются отъ своего намѣренія, когда вспомнятъ о „святости истины“ (I. 3, 7). Они поступали совершенно основательно, такъ какъ съ точки зрѣнія ригористовъ положеніе крещеныхъ было хуже положенія некрещеныхъ. У послѣднихъ сохранялась надежда погасить крещеніемъ тѣ грѣхи, которые по крещеніи лишаютъ христіанина надежды на спасеніе. Ничего подобнаго мы не находимъ около второй башни, построенной на Сынѣ Божіемъ.

При такомъ взглядѣ на покаяніе Ермъ обращалъ сравнительно малое вниманіе на вопросъ о томъ, въ какихъ грѣхахъ допускается покаяніе,—вопросъ, который уже потому одному не имѣлъ особаго значенія во времена Ерма, что власть отпущенія тяжкихъ грѣховъ кающемуся и онъ считалъ принадлежащею одному Сердцевѣдцу Богу. Въ этомъ отношеніи Ермъ довольно консервативенъ. Онъ имѣетъ въ виду изъ такъ называемыхъ смертныхъ грѣховъ преимущественно грѣхи плотскіе и другіе подобные имъ, такъ сказать, обыденные грѣхи. Мы уже знакомы со взглядомъ его на прелюбодѣяніе. Строгость къ себѣ и благодать ко ближнему—вотъ тотъ принципъ, которымъ онъ руководится въ данномъ случаѣ. Но въ вопросѣ объ идолослуженіи, въ видѣ отреченія отъ Христа, онъ не рѣшается порвать съ ригористическими традиціями, по крайней мѣрѣ по отношенію къ наиболѣе тяжкимъ грѣшникамъ этого рода, „измѣнникамъ, изрекшимъ хулу на Господа, и предателямъ рабовъ Божіихъ“. По отношенію къ нимъ онъ не допускаетъ возможности покаянія, но, очевидно, затрудняется отвѣтить, почему такъ? Онъ то ссылается на голый фактъ, что ни одинъ изъ такихъ не покался (Pastor III. 8. 6), то приводитъ формальное основаніе—виновность ихъ въ хулѣ на Господа (III, 19. 9). Онъ, повидимому, чувствуетъ, что съ точки зрѣнія его теоріи въ принципѣ нельзя возражать противъ возможности покаянія и такихъ грѣшниковъ.

Гораздо большее вниманіе Ермъ обращаетъ на самый способъ прохожденія покаянія. Тутъ Ермъ такой же врагъ формализма, какъ и въ вопросѣ о крещеніи. Покаяніе выражается у него въ сокрушеніи о содѣянномъ грѣхѣ и дѣятельной рѣшимости не только избѣгать его на будущее время, но и повозможности загладить свою прошлую вину. Средствами для этого служатъ: мученичество за вѣру во Христа и дѣла милосердія по отношенію къ ближнему. Послѣднія, можно сказать, составляютъ центръ покаянной дисциплины у Ерма. Богатство въ его глазахъ является однимъ изъ самыхъ

сильныхъ препятствій ко спасенію; христіанинъ долженъ употребить свои средства на дѣла благотворительности. Между богачемъ и бѣднякомъ тѣ же отношенія, какъ между виноградною лозою и безплоднымъ деревомъ; только обвившиися около него, она приноситъ плодъ и за себя и за него, иначе она остается безплодною. Даже въ постѣ Ермъ видитъ лишь средство благотворительности. Въ день поста постящійся не долженъ ѣсть, вкушать ничего, кромѣ хлѣба и воды; за тѣмъ онъ долженъ высчитать, во что обошелся бы его обыкновенный столъ, и раздать сбереженную путемъ поста сумму вдовамъ, сиротамъ и нищимъ (III. 5. 3). Въ дѣйствительности далеко не всѣ богатые христіане были такими, какими желалъ бы ихъ видѣть Ермъ; они подчасъ уклонялись даже отъ общества своихъ единовѣрцевъ, опасаясь просьбъ о пособіи. Но у самого Ерма, человѣка тоже богатаго, и тутъ слово не расходилось съ дѣломъ: онъ употребилъ свое богатство на дѣла благотворительности и, кто знаетъ, можетъ быть это обстоятельство и было однимъ изъ поводовъ къ той домашней неурядицѣ, отъ которой такъ страдалъ Ермъ. Припомнимъ исторію Іоанна Милостиваго.

„Пастырѣ“ Ерма, на содержаніе котораго мы вкратцѣ указали, пользовался большимъ уваженіемъ въ древней Церкви и совершенно основательно. Онъ въ общепонятной, простой и живой формѣ излагалъ ученіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ христіанскихъ таинствъ, а въ связи съ нимъ и важнѣйшія основанія практической нравственности. Единство идеи, которой проникнута книга, дѣлала ее стройнымъ цѣлымъ, не смотря на отрывочность изложенія, и съ избыткомъ окупало недостатки литературнаго изложенія, а симпатичный образъ простого, добраго и глубоко вѣрующаго Ерма, постоянно стоящій передъ читателемъ, придавалъ своеобразную прелесть всему его сочиненію. Въ общемъ оно было чрезвычайно оригинальнымъ катихизисомъ и, въ качествѣ такого, получило обширное распространеніе въ древней Церкви.

Но, не взирая на все это, идеи Ерма далеко не тотчасъ же получили общее признаніе, не говоря уже о практическомъ ихъ выполненіи. Для насъ мало извѣстно, какъ обстояло дѣло на востокѣ, но все, что мы знаемъ о западѣ, доказываетъ, что Ерма опередилъ большинство своихъ современниковъ. Попытки обратнаго принятія въ Церковь кающихся грѣшниковъ (что являлось логическимъ выводомъ изъ теоріи Ерма) начинаются въ Римѣ лишь въ III вѣкѣ и вызываютъ сильнѣйшую оппозицію со стороны ригористовъ. Распоряженіе римскаго еп. Каллиста (217—222 г.) объ обратномъ принятіи въ Церковь кающихся въ плотскихъ грѣхахъ, вызвало протестъ со стороны такого лица, какъ Инполитъ, и привело къ расколу въ Римской церкви. Тертуліанъ, со всѣмъ присущимъ ему краснорѣчіемъ, доказывалъ, что прелюбодѣй болѣе преступенъ, чѣмъ отрекшійся отъ Христа (недопустимость обратнаго принятія такого въ Церковь, предполагалась Тертуліаномъ, какъ истина, не требующая доказательствъ): отреченіе отъ Христа вызывается тяжкими муками и страхомъ смерти и является невольнымъ, тогда какъ о прелюбодѣяхъ по принужденію никто и никогда не слышалъ. Тертуліанъ не достигъ своей цѣли. Онъ въ сущности превосходно доказалъ, что нѣтъ основанія отказывать въ обратномъ приѣмѣ такъ называемыхъ падшихъ во время гоненій, необходимость котораго стала вполне очевидною послѣ ужасовъ Деціева гоненія. Но когда римскій еп. Корнелій (251—255) сдѣлалъ распоряженіе въ этомъ смыслѣ, то оно было однимъ изъ поводовъ къ возникновенію Новиціанскаго раскола. Только въ IV вѣкѣ была окончательно признана допустимость къ покаянію грѣшниковъ всѣхъ категорій.

Такимъ образомъ Ерма отнюдь не ломился въ открытую дверь, какъ это можетъ показаться современному читателю, и имя его должно быть съ благодарностію помянуто всякимъ христіаниномъ въ дни покаянія.

Проф. *И. С. Соловѣвъ.*

Редакторъ Рectorъ Киевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Киевъ. 1-го Апрѣля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроску*

Киевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года апрѣля 15-го дня.

Содержаніе: I. Правительство и общество въ сужденіяхъ о дѣлахъ Церкви.— II. О религіозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія (продолженіе).— III. Епархіальная жизнь.— IV. Забѣлки. а) Охлажденіе къ католичеству. б) Женамъ деревенскихъ священниковъ.

Правительство и общество въ сужденіяхъ о дѣлахъ Церкви.

Послѣ извѣстныхъ манифестовъ 17-го апрѣля и 17-го октября дѣла вѣры и принадлежности къ церковной общинѣ изъемяются изъ рукъ государственной власти и становятся дѣломъ свободной совѣсти каждаго. Правительство, по существенному смыслу манифестовъ, не должно ни покровительствовать ни одному изъ принимаемыхъ его подданными религіозныхъ ученій или исповѣданій, ни тѣснить какими-либо репрессіями тѣхъ, кто исповѣдуетъ свою вѣру, какова бы она ни была; исключеніе составляютъ только секты изувѣрнаго характера, которыя не могутъ найти себѣ не только покровителя и защитника, но даже и попустителя въ лицѣ пра-

вительства. Положительные результаты этихъ манифестовъ успѣли немедленно сказаться: наши исконные древне-церковники, раскольники, отворили двери своихъ долго запечатанныхъ храмовъ, стали съ наслажденіемъ устраивать крестные ходы, звонить въ колокола, отправлять богослуженіе; надъ сектантами нѣтъ полицейскаго нажима; миссіонеры не имѣютъ права „стягивать“ сектантовъ силою того же полицейскаго наряда для того, чтобы подъ такую желѣзную броню наводить на истинный путь совѣсть своего ближняго.

Но знаемъ мы также, что „свободный“ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое повлекъ за собою отпаденіе цѣлыхъ тысячъ православныхъ въ католичество. Мотивы отпаденія не совсѣмъ легко указать. Было ли это исходомъ доселѣшняго томленія духа ренегатовъ, которыхъ силою виѣшнею прикрѣпляли къ Церкви Православной, или здѣсь сознательный элементъ вообще отсутствовалъ, или, наконецъ, духовенство инославное—католическое обладаетъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ православное, оружіемъ убѣжденія, увѣщанія, а на ряду съ этимъ, надо сказать, и насилія, мало вяжущагося съ чисто-духовными дѣлами совѣсти,—однако, фактъ отпаденія на лицо.

Наше центральное церковное и гражданское управленіе не могло отнестись равнодушно къ новооткрывшейся области жизни, особенно въ виду тѣхъ ненормальностей и злоупотребленій, какія возникли при устройствѣ жизни на „новыхъ“ началахъ. Спокойно отнестись къ тому, какъ всѣми средствами отторгають отъ православія чадъ его, какъ идетъ борьба, далеко не всегда согласная съ духомъ манифестовъ, какъ вмѣсто „свободы“ совѣсти получается ничѣмъ неприкрытое рабство и насиліе,—смотреть на все это едва ли можетъ даже незаинтересованный посторонній зритель происходящаго на нашихъ глазахъ. Если же правительство, и тѣмъ паче нашъ Верховный Вождь не безразлично относятся не только къ вопросамъ вѣры вообще, а и къ конфессіональнымъ ея особенностямъ, если цѣнить ту культурную роль, какую сыгра-

ло православіе въ историческихъ судьбахъ нашей родины, то они должны были опредѣленнымъ образомъ реагировать на жизненные явленія временнаго конфликта вѣроисповѣданій и вообще религіознаго разлада: онъ оказался превышающимъ границы данной „свободы“, несомнѣнно вышелеъ за предѣлы ея. Конечно, не всецѣло, но отчасти и этимъ реагированіемъ на явленія жизни слѣдуетъ объяснить внесеніе въ Совѣтъ министровъ г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода предположеній объ отношеніи Государственной власти къ Православной Церкви (конечно, эти предположенія уже извѣстны нашимъ читателямъ). Первый пунктъ этихъ предположеній гласитъ слѣдующее: „неуклонно проводя въ жизнь дѣйствія Высочайше дарованныхъ узаконеній началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, правительство обязано силой основныхъ законовъ неизмѣнно стоять на стражѣ права и преимущества Православной Церкви, какъ господствующей въ государствѣ“. Пункты 2-й и 3-й развиваютъ эту мысль, точнѣе и яснѣе опредѣляя положеніе и роль Церкви и государства въ отношеніи церковныхъ дѣлъ. Пунктъ 2-й. „Ограждая интересы православія въ соотвѣтственной области церковно-государственныхъ правоотношеній, правительство признаетъ за Православною Церковью полную свободу внутренняго управленія и самоустроенія на основаніи соборныхъ правилъ и ея собственныхъ установленій и узаконеній, наблюдая лишь за соотвѣтствіемъ церковныхъ распоряженій общимъ законамъ государства“. Пунктъ 3-й. „Признавая необходимость широкихъ реформъ во всѣхъ сторонахъ внутренней жизни Православной русской Церкви, правительство всецѣло относитъ это великое и святое дѣло къ вѣдѣнію самой Церкви въ лицѣ предстоящаго помѣстнаго всероссійскаго собора. Содѣйствовать успѣшному осуществленію собора и проведенію въ жизнь его будущихъ постановленій по мѣрѣ государственной въ томъ необходимости, правительство почитаетъ своимъ долгомъ“.

Почти въ томъ же духѣ и выраженіяхъ касается этого насущнаго вопроса декларация, прочитанная Предсѣдателемъ

Совѣта министровъ Столыпинымъ въ засѣданіи Государственной Думы отъ 6-го марта текущаго года: „Правительство должно было остановиться, читаемъ здѣсь, на своихъ отношеніяхъ къ Православной Церкви и твердо установить, что многовѣковая связь русскаго государства съ христіанской Церковью обязываетъ его положить въ основу всѣхъ законовъ о свободѣ совѣсти начала государства христіанскаго, въ которомъ Православная Церковь, какъ господствующая, пользуется данью особаго уваженія и особой со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тѣмъ самымъ призвана оберегать полную свободу для внутренняго управленія и устройства и идти навстрѣчу всѣмъ ея начинаніямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ общими законами государства. *Государство же и въ предѣлахъ новыхъ положеній не можетъ отойти отъ заветовъ и исторіи народовъ, одушевлявшихся именемъ православія, съ которыми неразрывно связаны слава и мощь родной земли*“. Мы подчеркиваемъ послѣднія слова г. Предсѣдателя Совѣта министровъ, ибо видимъ въ нихъ указаніе на то нормальное отношеніе, которое должна принять государственная власть къ православной религіи. Эта власть не можетъ быть холодною, равнодушною, безразличною къ интересамъ той духовной силы, которая была культурнымъ началомъ исторической жизни нашей родины, а, слѣдовательно, и будетъ прилагать (власть) положительныя мѣры (отнюдь не сопровождающіяся какими-либо насиліями другихъ религіи или исповѣданій ¹⁾) къ укрѣпленію, процвѣтанію этихъ началъ если не въ сознаніи вѣрующихъ (куда не можетъ быть доступа, конечно, никакой внѣшней власти), то въ тѣхъ житейскихъ отношеніяхъ, въ тѣхъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ, которыя неразрывны со всякимъ религіознымъ вѣрованіемъ.

¹⁾ Предсѣдатель Совѣта министровъ тотчасъ же прибавляетъ послѣ вышеприведенныхъ словъ, что права, привилегіи и преимущества Православной Церкви не могутъ и не должны нарушать правъ другихъ исповѣданій и вѣроученій.

Такъ судить Правительство. А каковы взгляды общества? Оно, разбившееся на партіи и фракціи, ищетъ главнымъ образомъ торжества своихъ политическихъ идей и идеаловъ, каковыми является благосостояніе и благополучіе при наилучшихъ, по ихъ понятіямъ, формахъ государственнаго устройства и общественной жизни. А дѣла Церкви, дѣла культуры духа по заповѣдямъ Христа собственно не должны бы и входить въ число вопросовъ, подлежащихъ ближайшему и даже исключительному разсмотрѣнію политическихъ партій. Такъ и было до послѣдняго времени; партіи умалчивали объ интересахъ церковныхъ. Да и какъ, по правдѣ сказать, могли бы объ этомъ говорить социалистическая и социаль-демократическая партіи, когда вмѣсто христіанскаго Бога они поставили себѣ другого фетиша, которому и кланяются съ фанатизмомъ, достойнымъ лучшаго дѣла? Не то видимъ въ послѣднее время. Такъ, партія конституціонно-демократическая (народной свободы), допустивъ тактическія промахи предъ первую Думою, не включивъ въ свою программу вопросовъ церковнаго характера, теперь исправила эту ошибку, составивъ небезызвѣстную, вѣроятно, читателямъ церковную программу ¹⁾. Вотъ важнѣйшія изъ положеній этой программы: Православной русской Церкви принадлежитъ право свободного самоустроенія на началахъ истинной соборности съ участіемъ мірянъ, согласно ученію самой Церкви. Всѣ узаконенія, ставящія высшее церковное управленіе въ положеніе подчиненнаго органа государственнаго управленія, отмѣняются и 2) Обязанности Оберъ-Прокуроръ ограничиваются наблюденіемъ за закономѣрностью во взаимныхъ отношеніяхъ Церкви и государства и представительствомъ нуждъ Церкви предъ государствомъ. Активное вмѣшательство оберъ-прокурора въ дѣла Церкви и въ опредѣленіе личнаго состава высшей

¹⁾ Надъ выработкой ея трудилась комиссія изъ профессоровъ В. О. Ключевскаго, С. Н. Булгакова, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, а также князи П. Д. Долгорукова и нѣсколькихъ священниковъ.

іерархіи и высшаго церковнаго управленія устраняется. Комиссія по составленію программы хотѣла пойти дальше: она старалась подготовить почву для рѣшенія вопросовъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, однакоже не нашла возможнымъ поставить этотъ вопросъ на очередь „вслѣдствіе многолѣтней опеки государства надъ Церковью и вслѣдствіе тѣснаго счетенія отношеній церковныхъ и государственныхъ и вообще вслѣдствіе сложности вопроса“; однакоже положеніе объ отдѣленіи Церкви отъ государства комиссія приняла въ принципѣ; къ отдѣленію „слѣдуетъ стремиться какъ въ интересахъ государства, такъ въ особенности и въ интересахъ Церкви“.

Печать различно отнеслась къ этимъ положеніямъ кадетской партіи. Часть ея увидѣла въ нихъ то, что было высказано лѣвой стороною предсоборнаго присутствія.¹⁾ Другая же часть, принявъ во вниманіе, что программа эта не заключаетъ въ сущности рѣшительно ничего, что не было бы высказано и заявлено, какъ необходимое и основное требованіе лучшими представителями происходящаго у насъ церковнаго движенія и что не было бы предметомъ внимательнаго, безпристрастнаго и вдумчиваго обсужденія въ духовной, какъ отчасти и въ свѣтской, печати въ послѣдніе два—три года, набрасываетъ тѣмъ подозрѣніе на эти неожиданныя *ria desideria* кадетской партіи, которая уже однажды не оправдала возлагавшихся на нее надежды во время и послѣ засѣданій первой Думы. Вполнѣ умѣстно вспоминаютъ по адресу кадетовъ мудрое жречески-первосвященническое предостереженіе: *timeo Danaos et dona ferentes*. Какъ бы не оправдалось это изреченіе на кадетяхъ и во второй разъ.

Въ противовѣсъ лѣвымъ теченіямъ политической жизни возникъ правый „Союзъ русскаго народа“. Отстаивая рус-

¹⁾ Церковный Вѣстникъ высказался въ двухъ спеціальныхъ статьяхъ за принятіе этой программы, составленной и предъявленной „одной изъ самыхъ передовыхъ, по его словамъ, партій, оказавшейся впереди другихъ и по этому, волнующему многихъ, вопросу.“

скаго Царя и русскую народность, этотъ „Союзъ“ съ самаго начала сталъ на защиту и Церкви и вѣры православной, какъ исконнаго оплота русской государственной и общественной жизни. Не закрывая глазъ на всѣ недостатки и ненормальности современнаго церковнаго строя и системы государственныхъ отношеній къ Церкви, онъ желаетъ, чтобы эти два важнѣйшія въ жизни человѣчества учрежденія шли рука объ руку другъ съ другомъ, не давая при этомъ репрессіями ни одного изъ другихъ исповѣданій и религіозныхъ общинъ. Взгляды „Союза“, такимъ образомъ, совпадаютъ съ воззрѣніями Правительства на одинъ и тотъ же предметъ.

Дай Богъ, чтобы Правительство и лучшіе русскіе люди, не только принадлежащіе къ „Союзу“, а и не принадлежащіе къ нему, но—главное одинаково мыслящіе о совмѣстной жизни и взаимныхъ отношеніяхъ Церкви и государства, жаждущія дѣйствительно обновленія церковной и общественной жизни, слились въ одно гармоническое цѣлое и совершали дружную работу на благо Церкви и государства. К.

---

¹⁾ См. № 14-й за 1907 г.

О религіозно-правственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія.

(Продолженіе ¹⁾).

IV.

*Религ.-правственныя изданія для народа духовнаго вѣдом-
ства и частныхъ лицъ.*

Эпоха освободительнаго движенія 60-хъ годовъ поставила съ особенной настойчивостью и къ духовному міру требованіе озаботиться духовнымъ развитіемъ народа; и православное духовенство проявило особенную заботливость о народномъ просвѣщеніи, — существовавшія въ 60-годахъ народныя школы принадлежали почти исключительно духовенству, под-

---

¹⁾ См. № 14-й за 1907 г.

держку которому оказывало лишь Управление государственныхъ имуществъ. Духовное вѣдомство широко понимало дѣло народнаго образованія и озаботилось въ этихъ цѣляхъ и изданіемъ для народа религіозно-нравственной книги. Уже въ 1862—1863 гг. изданъ былъ Синодальной типографіей рядъ житій святыхъ цѣною въ 2—3 коп; тогда же было выпущено Св. Синодомъ изданіе подъ названіемъ: „Духовно-нравственныя чтенія для народа“ (составленныя А. Певскимъ). Это изданіе состояло изъ 13 выпусковъ и представляло сборникъ отрывковъ св. книгъ Новаго Завѣта (избранныя мѣста изъ Евангелій, Дѣяній и Посланій апостольскихъ) и твореній отцовъ Церкви, и краткій очеркъ по исторіи христіанской Церкви первыхъ вѣковъ. Такое изданіе, по замыслу своему, являлось однимъ изъ отрадныхъ явленій въ тогдашней народной литературѣ. Если не всѣ изданія Св. Синода изъ „духовно-нравственныхъ чтеній“ были вполне понятны и доступны (напр., избранныя мѣста изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго, написанныхъ по-славянски), то другія изданія (избранныя мѣста изъ Евангелія) были вполне доступны не только для взрослыхъ, но и для дѣтей всѣхъ слоевъ русскаго общества.

Эти официальные изданія Св. Синода для народнаго чтенія положили начало широкой издательской работѣ въ духовномъ мірѣ. Мысль издавать религіозно-нравственныя книги для народа получила особое распространеніе среди православной интеллигенціи и образованнаго духовенства въ 80-хъ годахъ 19-го столѣтія. Съ этого времени духовно-богословская литература и въ частности народная стала разрастаться очень быстро. По даннымъ книжной торговли (собраннымъ Павленковымъ) въ 1887 г. книгъ духовно-богословскихъ издано было 679 названій въ 2,703,482 экземплярахъ, а въ 1901 г.—1222 назв. въ 16,483,597 экзempl. ¹⁾ На показанный періодъ времени необходимо отнести и особое оживленіе

¹⁾ Рубакинъ. „Книжный Потокъ“ Рус. мысль 1903 г. № 3.

въ изданіи религіозно-нравственной народной книги духовными лицами и учреждениями. Такъ Синодальная типографія продолжаетъ издавать житія святыхъ, хотя форматомъ больше изданій 60-хъ годовъ (въ 1 и 2 листъ) и дешевле (въ 1½ и 3 коп.) а также и другія, по дорогія (въ 2 р.) духовно-нравственныя изданія; въ 80-хъ годахъ переиздается серія „духовно-нравственныхъ чтеній для народа“. По официальное издательство духовнымъ вѣдомствомъ народныхъ книгъ сосредоточивается въ такъ называемой издательской комиссіи Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ (въ частности „Приходская бібліотека“ Шемякина). Въ спискахъ изданій комиссіи (какъ собственныхъ, такъ и частныхъ) скромное мѣсто занимаетъ отдѣлъ религіозно-нравственный; онъ обновляется слабо, тогда какъ отдѣлъ беллетристики и особенно научно-популярной растетъ быстро; кромѣ того, религіозно-нравственный отдѣлъ состоитъ изъ книгъ, малодоступныхъ народу и по цѣнѣ (есть не мало книгъ въ 30—60 к. и даже свыше рубля), и по изложенію, и по объему (книжки—100—200 страницъ; дѣтскихъ книгъ почти нѣтъ. Самый подборъ книгъ, очевидно, случайный; въ каталогѣ издательской комиссіи, стремящейся организовать школьныя бібліотеки, нельзя усмотрѣть слѣдовъ какой-либо системы въ выборѣ книгъ или какого-либо руководящаго начала. Книжки издательской комиссіи (ред. нравств. отдѣла) подолгу ожидаютъ своихъ рѣдкихъ читателей изъ школьниковъ или изъ народа; требованіямъ дѣтскаго чтенія онѣ не отвѣчаютъ ни своимъ объемомъ, ни своимъ сухимъ изложеніемъ, отсутствіемъ иллюстрацій, длинными сухими разсужденіями, иногда описаніями узко-спеціального характера (храмовъ, ихъ архитектуры и проч.; Такова книжка: „Св. мѣста въ Россіи и на востокѣ“, 3 коп.). Неудовлетворительные отзывы о религіозно-нравственныхъ изданіяхъ издательской комиссіи приходилось выслушивать отъ очень многихъ школьныхъ дѣятелей, пытавшихся организовать въ школахъ внеклассное чтеніе только при наличіи изданій „Приходской бібліотеки“.

Помимо офіціальнихъ церковныхъ учрежденій, изданіємъ религіозно-нравственныхъ книгъ для народа занимались частныя общества церковнаго характера; мы разумѣемъ: братства (Виленское—Свято-Духовское; Пресвятая Богородицы въ Петербургѣ) общества (Палестинское, любителей духовнаго просвѣщенія); редакціи духовныхъ журналовъ (Воскресное чтеніе, Кормчій) и частныя духовныя лица (прот. Михайловскій, Печаевъ). Входить въ подробный разборъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ за послѣднія 25 лѣтъ, нѣтъ возможности, да мы и не ставимъ такой цѣли, скажемъ только, что изданія братствъ въ подавляющемъ количествѣ относятся къ описаніямъ мѣстнымъ святыхъ (житій св., обителей, чудотворныхъ иконъ); въ 90-хъ годахъ издательская дѣятельность братствъ преслѣдовала чисто миссіонерскія цѣли, (напр. „Братскіе листки“ Петербурскаго епархіальнаго братства во имя Пресв. Богородицы). Изъ всѣхъ церковныхъ обществъ наиболѣе матеріала для народнаго чтенія и при томъ матеріала, разнообразнаго и по содержанию и по характеру, дано московскимъ отдѣломъ „Общества распространенія духовно-нравственныхъ книгъ“ (при Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія); отдѣломъ издано до 200 брошюръ и болѣе 100 книгъ религіозно-нравственнаго содержания (житій св., исторіи двенадцатыхъ праздниковъ, объясненіе таинствъ, богослужебныхъ обрядовъ; разказовъ и очерковъ изъ церковной исторіи); среди изданій общества встрѣчаются и такія, которыя устанавливаютъ правильный христіанскій взглядъ на явленія жизни (напр., по рабочему вопросу).

Изъ частныхъ лицъ, много потрудившихся для изданія народной книги, особенно выдѣлились протоіерей: Михайловскій и Печаевъ (еп. Виссаріонъ).—О. Михайловскій началъ издательскую дѣятельность еще въ 70-хъ годахъ и подарилъ въ 80-хъ годахъ народную литературу прекрасными житіями св., объясненіями христіанскихъ праздниковъ и таинствъ. Нѣкоторыя его произведенія повторялись изданіями (напр. „Житіе

святителя Николая Чудотворца“ 4 изд. въ 1884 г.); но все произведенія прот. Михайловскаго доступны только взрослымъ. Перу прот. Печаева принадлежитъ изданіе (23 кн.) подъ общимъ заглавіемъ: „Очерки христіанской жизни“. Это изданіе по своимъ темамъ замѣтно отличается отъ другихъ подобныхъ религіозно-нравственныхъ изданій; оно имѣетъ своею цѣлью освѣтить разныя стороны человѣческой жизни свѣтомъ христіанской правды, почему труды о. Печаева скорѣе можно отнести къ разряду религіозно-публицистическихъ произведеній; способъ изложенія и разработка темы рассчитаны не взрослому и притомъ развитому читателю.

V.

Какая книга нужна народу за послѣдніе годы.

Прослѣдивъ въ бѣглому очеркѣ исторію издательства народной религіозно-нравственной книги, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Въ массѣ народной религіозно-нравственной литературы предлагаютъ книги специально для взрослыхъ; *число дѣтскихъ книгъ прямо ничтожно*, да и то онѣ появились въ позднѣйшее время, когда въ обществѣ особенно возросъ интересъ къ педагогическимъ вопросамъ и къ школѣ. Правда, нѣкоторыя книгоиздательства ставили своей задачей издавать книги „для дѣтскаго и народнаго чтенія“, какъ напр., Общество распространенія полезныхъ книгъ; но при ближайшемъ знакомствѣ съ изданіями общества бросается въ глаза спутанность представленій о читателѣ ихъ, не полагающая никакой разницы между книгами для дѣтей и книгами для взрослыхъ; неправильный взглядъ на характеръ изданій и соотвѣтствіе ихъ тому или иному роду читателей поддерживалъ и министерскій каталогъ книгъ для народныхъ библиотекъ-читаленъ, заключавшій въ себѣ книги, разрѣшенныя для низшихъ училищъ.

Попытки создать матеріалъ для дѣтскаго религіозно-нравственнаго чтенія сдѣланы въ позднѣйшее время. Такъ въ послѣдніе три года педагогическій журналъ „Народное образованіе“ издаетъ „школьную бібліотеку“; въ составъ ея входятъ книги разнообразнаго характера; больше всего книгъ по естествовѣдѣнію и географіи. Всего вышло 47 книгъ, но изъ нихъ съ большими натяжками можно причислить къ разряду религіозно-нравственныхъ только 6 книжекъ (т. е. 12, 5% общаго числа); лучшія принадлежатъ іеромонаху Михаилу. („Первые мученики за вѣру Христову“ и „Святые мученики время Траяна и Адріана“). А вѣдь „Народное образованіе“—органъ Учил. Совѣта при Св. Синодѣ и издается на его средства!—Болѣе удачной нужно признать попытку Троице-Сергіевой Лавры издавать сборники религіозно-нравственнаго чтенія для дѣтей при журналѣ „Божья Нива“, подъ общимъ заглавіемъ: „Зернышки Божьей Нивы“; но эти сборники еще мало распространены. Вообще дѣтская религіозно-нравственная литература *не многочисленна*. Этимъ ея убожествомъ и можно только объяснить то явленіе, что всѣ появившіеся на книжномъ рынкѣ послѣ 1900 г. указатели книгъ специально для дѣтскаго чтенія или содержатъ самое ограниченное число дѣтскихъ религіозно-нравственныхъ книгъ, или вовсе не имѣютъ религіозно-нравственнаго отдѣла. Напр., „Справочная книга по чтенію дѣтей всѣхъ возрастовъ“ Соболева отмѣчаетъ 23 рел.-нравственныхъ книги для дѣтей до 12 лѣтъ; Лебедевъ въ своемъ обзорѣ „дѣтской и народной литературы“ упоминаетъ 3 книги на церковно-историческія темы; въ такомъ же духѣ издающаго педагогическимъ музеемъ военно-учебныхъ заведеній указатель по дѣтскому чтенію, „Что читать дѣтямъ“; Флоровъ, давшій критическій отзывъ о 7,000 свѣтскихъ книгъ, или Кіевское общество грамотности, издавшее 3 выпуска „Народной литературы“, не упоминаютъ ни объ одной религіозно-нравственной книгѣ 1).

1) Исключеніе составляетъ критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія—„Что читать народу“, но онъ устарѣлъ (вышелъ въ 80-хъ годахъ) и становится бібліографической рѣдкостью.

II. Предназначенная для сѣрой народной массы книга не отличается разнообразіемъ своего содержанія. Самый обширный отдѣлъ въ народной религіозной литературѣ это— житія святыхъ. Доступность этого рода религіознаго чтенія, понятно, сдѣлала житія святыхъ любимой народной книгой и самой распространенной; съ изданія ихъ и начинали обычно всѣ книгоиздательства. За житіями святыхъ слѣдовали объясненія въ элементарной формѣ вѣроученія, нравоученія, богослуженія и исторія праздниковъ, рѣже рассказы изъ общей исторіи. Таковъ кругъ темъ, разрабатываемыхъ обычно (до конца 19 в.) народной религіозно-нравственной литературой. Изданныя книги расширяли кругъ религіозныхъ свѣдѣній народа, давали общіе законы нравственности, помогали уразумѣть богослуженіе и обрядъ христіанскій и въ очень незначительной своей части возвышали религіозную мысль (главнымъ образомъ труды прот. Печаева). Цѣлямъ начального религіознаго просвѣщенія онѣ удовлетворять могутъ. Нужно сказать, что подавляющее большинство изданій и рассчитано именно на народное невѣжество въ религіи. Но разъ элементарное образованіе, а, значить, и элементарное изученіе религіозныхъ истинъ стало достояніемъ цѣлаго ряда подростяющихъ поколѣній, накопившійся къ началу 20 столѣтія литературный запасъ не удовлетворитъ запросамъ читателя: онъ переросъ изданную для него религіозно-нравственную книгу. Надъ этимъ обстоятельствомъ и должны призадуматься тѣ, кто стремится оказывать воздѣйствіе на народную совѣсть путемъ печатнаго слова, призадуматься и разрѣшить кардинальный вопросъ: удовлетворяетъ ли изданная доселѣ религіозно-нравственная книга духовные запросы народной массы.

Наблюденія многихъ утверждаютъ въ той мысли, что народъ смотритъ на книгу, не какъ на средство благочестиваго времяпрепровожденія или удовлетворенія религіозной только пытливости, но ищетъ въ книгѣ отвѣта на злобы дня, разрѣшенія выдвинутыхъ ходомъ жизни и измѣнившихся соціально-экономическихъ условій вопросовъ общественнаго

и экономического характера. Бросивъ взглядъ на исторію религіозно-нравственной жизни русскаго народа, мы у видимъ, что онъ, живя почти два столѣтія въ отчужденіи отъ высшихъ классовъ общества, имѣлъ единственной духовной воспитательницей Церковь со всѣмъ ея строемъ и учрежденіями. Подъ вліяніемъ церковныхъ понятій и складывалась народная жизнь, и развивалось его самосознаніе. Религіозную точку зрѣнія нашъ крестьянинъ устанавливаетъ на явленія, не имѣющія ничего общаго съ религіей. Исторія нашихъ сектъ, положительно говоритъ, что всякое болѣе или мѣнше крупное измѣненіе народнаго самосознанія сопровождалось народнымъ протестомъ и прежде всего въ области религіозной. Г. Успенскій въ своихъ очеркахъ „Власть земли“ въ своеобразномъ освѣщеніи рисуетъ, какъ крестьяне разрѣшенія аграрнаго вопроса находятъ въ Св. Писаніи. „Само Св. Писаніе, говоритъ онъ, если послушать деревенскихъ толкователей, кажется только и написано для того, чтобы доказать крестьянамъ, что придетъ царь и дастъ землю. Непонятный, запутанный текстъ Апокалипсиса, который съ такою охотою читаютъ деревенскіе грамотеи, въ толкованіяхъ этихъ послѣднихъ получаетъ совершенно неожиданно самый ясный смыслъ, потому что все оказывается написаннымъ на счетъ того, что земли будетъ вволю“ (стр. 47—48).

Жизнь въ послѣдніе годы поставила народу очень важныя и серіозныя задачи, рѣшенія которыхъ онъ ищетъ съ болѣзненной страстностью. Нельзя считать, что политическая пропаганда нашихъ дней ограничиваетъ свое вліяніе только воздѣйствіемъ на политическое самосознаніе народа; чтобы достигнуть этой цѣли, пропаганда должна коснуться первоосновы народнаго міросозерцанія, а таковою и является православная вѣра. Поэтому и только поэтому всѣ наши социалистическія и революціонныя партіи разныхъ оттѣнковъ такъ ненавидятъ все святое, испытываютъ страхъ предъ всякими авторитетами и стараются всячески вытравить въ народъ чувство всего святого, ниспровергнуть „старыхъ бо-

говъ“. Пытѣвшее время поэтому и ставитъ требованіе дать народу книгу, выясняющую ему съ точки зрѣнія Церкви новыя явленія общественной и политической жизни, такъ живо затрагивающей народныя интересы. Итакъ, назрѣла нужда дать народу книгу, выясняющую христіанскую общественность, дать учительные отвѣты на вопросы и явленія жестокой русской дѣйствительности и вообще руководить вѣрующаго въ сферѣ общественныхъ отношеній. Удовлетворить этимъ запросамъ не можетъ та народная религіозно-нравственная литература, которая появилась на книжномъ рынкѣ къ началу 20-го вѣка; за исключеніемъ книгъ прот. Печаева, вся она занимается разработкой вопроса самоспасенія, личнаго совершенствованія христіанина,—что особенно проводили изнанія „Посредника“,—и не разрабатывала въ доступной для народнаго пониманія формѣ вопросовъ объ идеалахъ христіанской общественности и культуры, о путяхъ примиренія Евангелія и міра, Церкви и государства. Въ объясненіе этого явленія входитъ не будемъ, но считаемъ не лишнимъ замѣтить, не въ этомъ ли одна изъ причинъ ухода простого народа изъ Церкви въ разныя секты, исканія разрѣшенія своихъ религіозныхъ вопросовъ внѣ Церкви, и не этимъ ли объясняется преобладаніе общественно-соціальныхъ тенденцій въ ученіи народившихся въ послѣднее время сектъ рационалистическихъ.

И. Г. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Епархіальная жизнь.

Причины неудовлетворительнаго состоянія православной миссіи и средствъ къ устраненію ихъ (Кам.-Подольскій Миссіонерскій комитетъ).— Почему православные отпадаютъ въ сектантство?— Какъ ведутъ себя иногда старообрядцы послѣ закона 17-го апрѣля?— Необходимость миссіонерскихъ бесѣдъ въ приходахъ со старообрядческимъ населеніемъ.—

Приходскіе миссіонерскіе кружки въ Пековской епархіи.

Законъ 17-го апрѣля 1905 года, предоставившій всѣмъ свободу вѣроисповѣданія, послужилъ прежде всего ближайшею причиною къ открытому переходу многихъ православныхъ въ католичество. До этого закона враги нашей Церкви боялись нападать на нее открыто. Они вынуждены были дѣйствовать только тайно и, работая постоянно въ этомъ направленіи, сдѣлались очень искусны. Предстоятели же Православной Церкви, чувствуя себя всегда въ безопасности, ослабѣли въ бдительности; надѣясь на защиту, они почти ничего не предпринимали, не изыскивали никакихъ средствъ къ организаціи своихъ силъ для огражденія отъ враговъ. Послѣ изданія упомянутаго закона сразу обнаружилась неподготовленность православныхъ къ борьбѣ. Католики же, почувствовавъ свободу и пользуясь всѣми средствами, отторгли многихъ отъ нашей Церкви. Изъ Западной Руси несутся горькія жалобы духовенства, что десятки тысячъ русскихъ крестьянъ уходятъ въ католичество. Слѣшать туда не только бывшіе униаты, но очень многіе и изъ коренныхъ православныхъ (Новг. епарх. вѣд. № 2). Въ 1905 году въ Подольской губерніи перешло въ католичество до 1500 челоуѣкъ. И количество совращающихся не уменьшается, а изо дня на день увеличивается (ежедневно отъ 3—5 заявленій въ Под. губ.), осязательно свидѣтельствуя, что православные не защищены надлежаще, и что самое дѣло защиты поставлено у насъ неудовлетворительно, что приемы наши и средства недостаточны (Правосл. Подолія № 1—2).

Сущестующій въ Каменецъ-Подольскомъ Миссіонерскій комитетъ представилъ епархіальному преосвященному инте-

ресный докладъ о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія православной миссиі и мѣрахъ къ устраненію ихъ. Въ этомъ докладѣ, указывая на все возрастающее количество случаевъ отпаденія отъ православія, комитетъ задается вопросомъ: почему все это совершается и притомъ въ сторону католичества? Почему не обратно? Почему противная сторона все перетягиваетъ, а не наша? Неужели православная вѣра уже не удовлетворяетъ потребностямъ души? Неужели она не убѣдительна? Не въ убѣжденіяхъ, конечно, тутъ дѣло, хотя въ заявленіяхъ на имя губернатора и пишется постоянно: „перехожу добровольно, по своему внутреннему убѣжденію“.

Присматриваясь ближе къ жизни католиковъ и православныхъ, можно убѣдиться, что перевѣсъ за католиками—въ лучшей внутренней организаціи приходской жизни и въ церковной дисциплинѣ. Это подтверждается тѣмъ, что у католиковъ сильна привязанность къ католицизму и костелу; тамъ дѣло костела—дѣло всего прихода, измѣна костелу—измѣна приходу. Ксендзами использовано все, что можетъ служить къ постоянному возгрѣванію привязанности къ католичеству и возвеличенію его: и проповѣдь, и наученіе молитвамъ въ костелахъ, и совершеніе и изученіе молитвъ по домамъ, и всякія тайныя школы, пріюты, раздача и продажа при всѣхъ костелахъ молитвослововъ, подходящихъ книжекъ, листковъ, иконъ, крестиковъ и пр. Правила костельной дисциплины также направлены къ насажденію и утвержденію католичества. Каждому католику постоянно внушается ксендзомъ, что для спасенія необходимо всѣ предписанія католичества аккуратно исполнять, и вмѣстѣ съ тѣмъ строго соблюдается, чтобы заповѣди католичества дѣйствительно исполнялись. Ксендзь требуетъ, чтобы всякій католикъ зналъ молитвы и краткій катихизисъ, иначе онъ не будетъ допущенъ до исповѣди и причастія и даже наказанъ въ костелѣ. Благотворительность развита въ самыхъ широкихъ размѣ-

рахъ. Ксендзъ никогда не постѣняется въ критическую минуту взять изъ костельныхъ суммъ и выдать нуждающемуся. Также поставлена и миссія. Есть миссіонеры духовные, есть и свѣтскіе. Первые дѣйствуютъ открыто, а вторые большею частію тайно, подъ видомъ разнаго рода мастеровыхъ: кузнецовъ, сапожниковъ, ищущихъ работъ, или въ видѣ набожныхъ жепцигъ и даже нищихъ. Всѣ эти миссіонеры получаютъ содержаніе и совершаютъ свое дѣло не воздыхающе; да къ тому же никто не говоритъ и не кричитъ, что они не нужны, что ихъ нужно уничтожить...

Теперь обратимся къ себѣ. Много, много и у насъ сдѣлано и дѣлается. Есть у насъ и школы, есть и храмы, есть и проповѣдь, есть и чтенія, есть и собесѣдованія, есть помѣстамъ при церквахъ и продажа книжекъ и иконъ, есть у насъ по мѣстамъ и братства и попечительства, есть и миссіонеры. А между тѣмъ православные совращаются десятками то въ католицизмъ, то въ штунду. Чѣмъ же это объяснить? Конечно, тѣмъ, что не все у насъ въ порядкѣ и надлежаще поставлено.

Что именно не въ порядкѣ и не надлежаще поставлено, докладная записка комитета благоразумно умалчиваетъ. Въ статьѣ „Почему православные отпадаютъ въ сектантство“, помѣщенной въ Черниговскихъ епарх. вѣдом. (№ 5), авторъ прямо говоритъ, что современная Православная русская Церковь не удовлетворяетъ религіозныя потребности ея членовъ, особенно изъ простаго народа. Благодаря школамъ и просвѣщенію, народъ въ своемъ умственномъ развитіи шагнулъ далеко впередъ: теперь онъ уже желаетъ осмыслить свою вѣру, и вопросы—что, какъ и почему существуетъ въ Церкви, очень тревожатъ и волнуютъ его умъ. Но лишнее доказывать, что современная проповѣдь и вообще наученіе христіанской вѣрѣ стоитъ въ нашей Церкви на очень низкомъ уровнѣ, что въ этомъ повинны не только пастыри, но архипастыри, что ихъ мѣсто стали занимать въ городахъ на трибунахъ и кафедрахъ богословствующіе либералы изъ ин-

теллигенціи, придумывающіе новое христіанство, а въ деревняхъ—сектантскіе вожаки, искажающіе православіе. Если проповѣдь церковная молчитъ, то и богослуженіе Православной Церкви мало научаетъ ея членовъ. Нужно имѣть много любви и привязанности къ Церкви, чтобы простоять зимою въ очень холодномъ, а лѣтомъ въ душномъ храмѣ подь рядъ нѣсколько часовъ, не понимая ни того, что говорятъ въ немъ, ни того, что дѣлаютъ. Даже дома простолюдинъ молится безсознательно, молится наборомъ до неузнаваемости искаженныхъ словъ, дающихъ въ своемъ сочетаніи одну бессмыслицу. Участвія въ церковномъ ибнѣи народъ лишень, будучи принужденъ слушать неродственные его духу, чуждые напѣвы, исполняемые неискусными хорами или охрипшимъ по разнымъ причинамъ дьячкомъ. Не находя удовлетворенія своему уму, религіозному и эстетическому чувству въ храмѣ, нашъ народъ мало видитъ хорошаго и въ жизни членовъ своей Церкви. Ему прекрасно извѣстны великіе завѣты Спасителя: „люби ближняго, какъ самого себя“, „любите враговъ вашихъ“ и др., но въ то же время народъ видитъ, какъ ежедневно на каждомъ шагѣ грубѣйшимъ образомъ нарушаются эти святые завѣты тѣми, кто носитъ великое имя „христіанинъ“. Видитъ онъ безпомощную въ приходѣ бѣдность однихъ на ряду съ увеличивающимся благосостояніемъ другихъ, холодныхъ и безучастныхъ къ положенію немущихъ; видитъ онъ раздоры въ семьѣ, ссоры между родственниками и сосѣдями; видитъ частые случаи воровства, насилья, грабежа, поголовнаго пьянства, разгула молодежи, лицемерія въ вѣрѣ и пр. Видитъ онъ, что всѣ эти пороки нибѣмъ не сдерживаются, что даже пастырь Церкви не обращаетъ вниманія на ихъ искорененіе, напротивъ, и у него самого есть многія слабости и даже пороки, остающіеся на глазахъ у его пасомыхъ, къ великому ихъ соблазну. Отъ несовершенства жизни православныхъ людей ищущій лучшей жизни и спасенія ошибочно заключаетъ о несовершенствѣ православной вѣры, забывая, что причина перваго лежитъ въ са-

михъ людяхъ, въ ихъ слабой или злой и испорченной волѣ. Для такихъ людей вопросъ объ отступленіи отъ Церкви— вопросъ только времени и даже случая.

Обсуждая мѣры къ устраненію причинъ неудовлетворительнаго состоянія православной миссіи, Подольскій миссіонерскій комитетъ въ своей запискѣ говоритъ, что нужно поставить дѣло и у насъ такъ, какъ оно стоитъ у нашихъ противниковъ; нужно бороться со врагомъ равнымъ оружіемъ. Сила католичества—въ его приходской организаціи. И наша миссія должна быть по преимуществу приходская. Она должна быть главнымъ образомъ направлена на укрѣпленіе православныхъ въ вѣрѣ, на сілоченіе ихъ въ одно цѣлое, въ одно тѣло, на вселеніе увѣренности, что лучшей вѣры нѣтъ, чѣмъ православная,—до такой степени, чтобы предпочтеніе всякой другой вѣры сдѣлалось невозможнымъ. Все это достижимо только исключительно при усиленіи дѣятельности пастырей. Съ своей стороны комитетъ предполагаетъ организовать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ дѣло по приобрѣтенію, изданію и распространенію книгъ, брошюръ и листовъ, направленныхъ къ утвержденію православныхъ въ вѣрѣ и избличенію заблужденій иновѣрія, и съ этою цѣлью открыть при каждой церкви епархіи продажу этихъ книгъ и листовъ, а также крестиковъ и иконокъ на сумму не менѣе 10 руб. въ годъ. Новаго какого-либо обложенія церковей здѣсь не будетъ, потому что церкви не понесутъ никакого ущерба, а наоборотъ, продавая все съ небольшой набавкой, противъ покупной цѣны, могутъ быть и въ выигрышѣ. При этихъ и другихъ предположеніяхъ комитета дѣло миссіи, дѣйствительно, можетъ быть поставлено весьма прочно. Весьма желательно, чтобы подобные комитеты съ такимъ же широкимъ кругомъ дѣйствій были учреждены и въ другихъ епархіяхъ, гдѣ православію угрожаетъ опасность со стороны иновѣрцевъ или сектантовъ. Такимъ комитетамъ, если они возникнутъ, можно настоятельно рекомендовать поближе ознакомились съ изло-

женнымъ вкратцѣ докладомъ Подольскаго миссіонерскаго комитета.

Нельзя пройти молчаніемъ, что законъ 17 апрѣля внесъ значительныя перемѣны въ дѣятельность послѣдователей и старообрядчества. Прежней замкнутости, робости и сдержанности старообрядцевъ уже не видно. Наоборотъ, теперь они держать себя совершенно свободно, а иногда даже и вызывающе. При бесѣдахъ обычно стараются, даже съ намѣренною хулою на православіе, выставять предъ всѣми правоту своего ученія, будто бы признанную и правительствомъ. Хотя организація пропаганды въ настоящій моментъ пока еще въ зародышѣ у старообрядцевъ, но въ недалекомъ будущемъ съ нею не мало придется считаться какъ приходскимъ пастырямъ, такъ и миссіонерамъ. Въ силу такого положенія вещей очень необходимо было бы увеличеніе миссіонерскихъ силъ, которыя вообще очень недостаточны. Это увлеченіе дало бы возможность, хотя бы въ приходахъ, болѣе зараженныхъ расколомъ, чаще устраивать спеціальныя миссіонерскія бесѣды, весьма нужныя, если и не для старообрядцевъ, уклоняющихся отъ бесѣдъ, то для самѣхъ православныхъ, въ огражденіе ихъ отъ старообрядческой пропаганды. Но увеличеніе миссіонерскихъ силъ путемъ учрежденія новыхъ должностей миссіонеровъ, при бѣдности многихъ епархій, совершенно невозможно. Необходимъ иной способъ удовлетворенія насущнымъ нуждамъ миссіи. Лучше всего имъ можетъ служить учрежденіе въ зараженныхъ расколомъ мѣстностяхъ приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ изъ грамотныхъ и благочестивыхъ ревнителѣй православія. Члены кружка, будучи снабжены спеціальными, доступными для ихъ пониманія брошюрами, при помощи ихъ будутъ стараться частнымъ путемъ входить въ религіозныя бесѣды и со старообрядцами и со своими православными. Этотъ путь миссіи можетъ быть очень дѣйствителенъ, такъ какъ частная бесѣда съ своимъ собратомъ, хотя бы и инымъ по вѣрѣ, можетъ быть болѣе откровенною и безпристрастною. Мысль объ учрежденіи та-

кихъ миссіонерскихъ кружковъ принадлежитъ одному миссіонеру священнику, Псковской епархіи, которымъ она и осуществлена на дѣлѣ (Псков. епарх. вѣд. № 3). Насколько дѣйствительно полезны будутъ кружки, покажетъ будущее, но во всякомъ случаѣ мысль объ учрежденіи ихъ заслуживаетъ полного сочувствія и вниманія со стороны священниковъ въ приходахъ со старообрядческимъ населеніемъ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что такіе кружки будутъ приносить пользу не только узкоспеціальную, миссіонерскую, а и вообще въ отношеніи оживленія приходской жизни, привлекая къ церковно-общественному дѣлу лучшія силы прихода.

ЗАМѢТКИ.

а) Охлажденіе къ католичеству.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Замостьскаго у. Люблинской губ. среди отпавшихъ отъ православія и принявшихъ католичество крестьянъ замѣчается, по словамъ корреспондента „Варш. Дн.“, охлажденіе къ своей религіи, не смотря на то, что католическое духовенство дѣлаетъ всевозможныя льготы, отказываясь даже отъ платы за исполненіе требъ.

Находится много крестьянъ, которые вовсе не посѣщаютъ костеловъ и не исповѣдуются. Нерѣдко приходится слышать отъ лицъ, перешедшихъ изъ православія въ католичество, сожалѣніе по поводу переменъ прадѣдовской вѣры на чужую, имъ непонятную. Причина охлажденія къ католицизму въ слѣдующемъ. Большинство крестьянъ исключая, конечно, упорствовавшихъ по своей простотѣ, перешло въ католичество изъ православія безсознательно, не видя разницы въ ученіи одной и другой церкви, потому только, что переходили другіе, или потому, что кто-то ходилъ по домамъ и гово-

рилъ: „Идите въ костель присягать на католическую вѣру, всё идуть, такъ надо“. Думать долго не давали. И кончилось тѣмъ, что въ иныхъ приходахъ почти совсѣмъ не осталось прихожанъ. Скоро бывшимъ православнымъ пришлось убѣдиться, что католическое духовенство дѣлаеть различіе между распятіемъ православнымъ и распятіемъ католическимъ; что они свои иконы съ ликомъ Богоматери считаетъ святыми, а православныя, которымъ поклонялись ихъ отцы и дѣды, приказываетъ выбрасывать вонъ. Это сильно смутило новыхъ католиковъ и привело къ охлажденію къ латинской вѣрѣ. По словамъ нѣкоторыхъ отпавшихъ, они рады бы обратно перейти въ православіе, но ихъ сдерживаетъ данная въ костелѣ присяга объ отреченіи отъ православія; кромѣ того, у нихъ не хватаетъ смѣлости подойти къ православному священнику, съ которымъ они порвали духовныя узы, связывавшія ихъ до указа 17 апрѣля 1905 г. Въ послѣднемъ мы лично убѣдились. Въ Замостьѣ одинъ изъ православныхъ, принявшій католичество, мучимый совѣстью, никакъ не могъ перенести измѣны своей родной религіи, но подойти къ священнику и заявить объ этомъ не рѣшался, и лишь посредствомъ другихъ заявилъ о своемъ желаніи присоединиться обратно, и тогда только сдѣлался вновь православнымъ.

Вотъ гдѣ были бы не только умѣстны, но и прямо необходимы миссіонеры, совершенно безплодно воюющіе въ огромномъ большинствѣ съ нашими старобрядцами и сектантами.

в) Женамъ деревенскихъ священниковъ.

Въ послѣднее время особенно тяжело стало видѣть, какъ часто наши матушки безцѣльно тратятъ дорогое время. Безспорно—у каждой изъ нихъ есть семья и хозяйство, требующія заботъ,—но все же у каждой остается настолько свободнаго времени, что онѣ невольно впадаютъ въ тоску

отъ незнанія какъ „убить время“... Къ сожалѣнію, почти вездѣ онѣ далеки отъ того народа, съ которымъ связаны условіями жизни, и отъ котораго получаютъ средства къ существованію. А какъ было бы хорошо, если бы матушки посвящали нѣсколько часовъ въ день, чтобы приносить народу хоть маленькую пользу. И вѣдь дѣло это вовсе не трудное. Въ нынѣшній голодный годъ какъ хорошо было бы, напримеръ, взять на себя заботы по устройству столовой для голодающихъ, право и средства можно получить отъ общеземской организаціи. Можно основать воскресную школу для взрослыхъ,—устроить послѣобѣденные уроки рукодѣлія для дѣвочекъ—чтенія съ туманными картинами. При небольшой затратѣ времени и труда,—легко вести интересныя чтенія по исторіи, гигиенѣ и т. п. По деревнямъ все еще крѣпко держится вѣра въ знахарей, ворожей и т. п.; начните искоренять постепенно эту „вѣру“, доказывайте несостоятельность и безсиліе ихъ средствъ. Вообще, при желаніи—въ деревнѣ найдется столько работы, что и времени окажется мало! Обращаюсь къ вамъ, матушки! Давайте дружно посвятимъ нѣсколько часовъ своего досуга на служеніе народу и черезъ нѣсколько лѣтъ вы не узнаете деревни... Стыдно намъ бездѣйствовать, убивать праздно время—когда кругомъ масса работы и именно для насъ...

Жена деревенскаго священника *К. П.*

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го апрѣля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№№ 16—17.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года 22—29-го апрѣля.

Содержаніе: I. Радость воскресенія Христова.— II. „Веселіе вѣчное“.— III
„Батюшка отдыхаетъ“.— IV. О религіозно-нравственной книгѣ для
народнаго и дѣтскаго чтенія (окончаніе).

Радость воскресенія Христова.

Христось воскресе! Какою радостью наполняютъ душу христіанина эти слова! Св. Пасха, Свѣтлое Христово Воскресеніе!.. Именно что-то свѣтлое, привлекающее, манящее къ себѣ чуетъ сердце въ этихъ названіяхъ! Не трудно понять—почему.

Вспоминается намъ повѣсть „Свѣтъ міра“¹⁾. Свѣтъ міра—Христось. Его явленіе и проповѣдь въ мірѣ и описываются въ повѣсти. На ряду съ другими лицами выводится

---

¹⁾ Приложеніе къ жур. „Рус. Палом.“.

въ этой повѣсти Гамалииль, знаменитый раввинъ еврейскій, и, помнится, сестра его—дѣвушка Сусанна. Среди фарисеевъ Гамалииль отличался необычною для этой сѣкты терпимостью. Въ началахъ этой терпимости, естественно, воснитывалась и Сусанна. Когда разнеслась первая вѣсть о появленіи необыкновеннаго Учителя, повсюду привлекавшаго къ Себѣ народъ, Гамалииль, благодаря своей терпимости, не отнесся сразу, не провѣривши вѣсти, отрицательно къ этой послѣдней; напротивъ, чѣмъ больше онъ узнавалъ о Галилейскомъ Учителѣ, тѣмъ серіознѣе задумывался надъ вопросомъ, не Этоль ли—обѣтованный Мессія, и почти готовъ былъ вѣровать въ Него, какъ въ Мессію, когда урывками слушалъ полную внутренней силы и жизни проповѣдь Его. Нечего говорить о томъ, что Сусанна съ первой же вѣстью о Спасителѣ увлеклась Имъ и теперь только и жила мыслью о Немъ. Она старалась воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы отыскать чуднаго Учителя и послушать Его ученіе. Собственно въ душѣ Сусанна уже вѣровала въ Спасителя міра и только, можетъ быть, боялась признаться сама себѣ въ этомъ и стѣснялась присутствія брата. Сердце же ея всецѣло принадлежало Христу. Понятно, какія муки, какія страданія должна была переживать нѣжная душа Сусанны, когда начались послѣднія страданія Господа. Вѣдь Сусанна въ продолженіе всей земной жизни Спасителя, гдѣ бы Онъ ни ходилъ съ Своею проповѣдью, слѣдила за каждымъ шагомъ Его и радовалась, или страдала, смотря по получаемымъ извѣстіямъ о Немъ. Теперь же судъ надъ Христомъ, Его страданія происходили въ томъ самомъ городѣ, гдѣ жила Сусанна, гдѣ она могла знать подробности объ издѣвательствахъ надъ Спасителемъ. Тѣмъ болѣе отъ этого терзалась душа Сусанны, преданная Господу. Судъ надъ Іисусомъ закончился позорною смертію Его на крестѣ вмѣстѣ съ разбойниками. Казалось, свѣтъ померчалъ въ глазахъ Сусанны; казалось, самый міръ пересталъ существовать для нея; все дорогое, самая жизнь потеряла цѣну для

нея. Въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь безъ Того, Кто составлялъ смыслъ жизни? Но не одна эта потеря самага дорогого въ жизни заставляла страдать Сусанну. Въ отчаяніе и скорбь повергало ее и крушеніе всѣхъ надеждъ, испытаніе вѣры ея. Вѣдь она вѣрила и надѣялась, что Иисусъ изъ Назарета и есть обѣтованный Мессія, Который спасетъ Израїля и оснуетъ царство Божіе на землѣ. А что въ дѣйствительности? вмѣсто царскаго трона—крестъ; вмѣсто славы царя—позорная смерть со злодѣями... Сусанна стала совсѣмъ какъ больная, такъ что Гамимилъ опасался за жизнь ея.

Но вотъ, какъ громъ въ тихую, ясную погоду, промчалась по городу вѣсть: „распятый Иисусъ воскресъ!“ Весь Іерусалимъ пришелъ въ движеніе. Взволнованная, недоумѣвающая, бѣжитъ Сусанна къ подругѣ по вѣрѣ во Христа и страданіямъ за Него, женѣ Хузы, домоправителя Иродова. Та встрѣчаетъ ее тою же радостною вѣстью: „Христосъ воскресъ!“—„Такъ что же теперь для насъ смерть!“ вырывается изъ глубины наболѣвшей души, не менѣе радостный возгласъ Сусанны.

Такъ непосредственно вылилось впечатлѣніе отъ воскресенія Христова изъ души, преданной Христу, изъ сердца, полюбившаго Господа. Да, что теперь смерть для христіанъ, любящихъ Господа? Для ветхозавѣтнаго человѣка она была нисшествіемъ въ шеоль, въ мрачно, темное мѣсто. Для язычника, не признающаго живого Бога и личнаго безсмертія, смерть—уничтоженіе, прекращеніе жизни. Для буддиста смерть—нирвана, погруженіе въ небытіе. Для христіанъ смерть—дверь въ лучшій міръ, начало новой жизни, лучшей земной, настоящей. Все, что неразрывно связано въ этой жизни съ грузнымъ, но вмѣстѣ и слабымъ и страстнымъ тѣломъ; вся ложь и неправда, отравляющія настоящую жизнь; всѣ муки отъ неразрѣшимыхъ загадокъ бытія,—все это отпадетъ, не будетъ имѣть мѣста въ свѣтломъ будущемъ. Сама Истина будетъ свѣтить всѣмъ краше солнца; правда и миръ будутъ связывать взаимно людей; легкое, эфирное, ду-

ловное тѣло будетъ чуждо слабости, болѣзней, страстей. Такое свѣтлое будущее ждетъ впереди христіанъ. Воскресеніе Христово и указываетъ на это свѣтлое будущее; болѣе, воскресеніе Христа—основа, залогъ, ручательство, неопровержимое доказательство дѣйствительности этого свѣтлаго будущаго. Христосъ воскресъ; воскреснемъ и мы для вѣчнаго свѣтлаго бѣдущаго. Чуетъ душа въ воскресеніи Христовомъ это свѣтлое будущее и ликуеть, и радуется. Вотъ въ чемъ тайна радости св. Пасхи; вотъ гдѣ источникъ восторга души въ свѣтлый день Воскресенія Христова!

Долго и много можно было бы бесѣдовать объ этой радости; но ограничимся одною высказанною мыслью о ней. Добавимъ развѣ вотъ что. Эта радость души похожа на пугливую голубицу. Испугали голубицу, она и улетѣла. Такъ и радость пасхальная; отвлекся на продолжительное время къ мелкимъ повседневнымъ интересамъ жизни, и ослабѣла она. Необходима своего рода осторожность съ ней, сбереженіе ея. Хранится она въ душѣ вниманіемъ къ себѣ, чистотой и молитвой.

А.

„Веселіе вѣчное“.

(Думы въ свѣтозарную Христову ночь).

Каждый годъ, вотъ ужъ въ продолженіе почти двухъ тысячелѣтій, едва пронесется надъ землею первое дыханіе весны, христіане празднуютъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. Въ этотъ день каждый изъ христіанъ привыкшій наблюдать за собою, не можетъ съ изумленіемъ не замѣтить, какъ снова въ душѣ его воскресаетъ „то, что распято и осмѣяно“, всѣ тѣ благородныя, чистыя, драгоцѣннѣйшія человѣческія чувства и желанія, которыя, озаривъ когда-то давно-давно душу, подъ ураганомъ страстей и тревогъ, казалось, навѣки закатились въ пучинѣ забвенія. Опять жаждешь правды, свѣта,

хочешь весь остатокъ любви своей отдать другимъ, видишь свои прежнія ошибки и грѣховныя раны и клянешься любить Христа. По слову поэта, въ этотъ день „и самый воздухъ словно Бога чуетъ“. Подъ гулъ колоколовъ спадаетъ съ сердець ледяная кора злобы и эгоизма, и они капаютъ слова мира и любви врагамъ. Невиданное явленіе—люди цѣлуются, какъ братья! Величайшее чудо Христова воскресенія даже въ самый характеръ нашего празднованія его влило элементъ чудесности: Того, Кого люди никогда не видѣли очами, въ этотъ день какъ бы видятъ, Онъ какъ бы живетъ съ ними.

Глубокая, искренняя, не омраченная предразсудками душа можетъ въ этотъ день рѣшить до изнеможенія измучившія ее проблемы. Здѣсь—центръ философіи, здѣсь—начало великолѣпной дороги къ безконечному прогрессу. Существуетъ ли духовное начало, скрытое подъ матеріальными формами, или же нѣтъ ничего, кромѣ матеріи; есть ли безсмертіе, или это—печальная иллюзія; стоитъ ли создавать себѣ идеалы, или же нужно „жить просто, какъ свинья“, по слову „читателя“ Горькаго ¹⁾,—какъ именно и хочется, по его же словамъ, жить современному человѣку,—все это кардинальные вопросы философіи всѣхъ временъ и народовъ, и они всѣ рѣшены въ самомъ фактѣ Христова воскресенія. Отрицающіе дѣйствительность этого факта ничего не прибавили по существу къ тѣмъ клеветамъ, которыя взвела на Христа безсильная іудейская злоба, будто Христось былъ лишь льстець и обманщикъ, и будто ученики Его ночью украли и разгласили ложную вѣсть о Его воскресеніи.—По если для пытливаго ума воскресеніе Спасителя принесло столько радости и облегченія, то какъ изобразить мѣру дѣйствія его на сердце и волю человѣка? Это—побѣда добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою. Можно было бы изобразить

¹⁾ Разсказъ Горькаго: „Читатель“.

все величіе этой побѣды, подробно изобразивъ грѣхъ и его пагубныя послѣдствія, но намъ хочется коснуться другой стороны дѣла.

Кто внимательно слѣдилъ за движеніями и смѣлыми полетами человѣческой мысли въ послѣднее время, тотъ, видя нынѣ общее ликованіе и раздѣляя его, не можетъ отдѣлаться отъ тревожной, назойливой, стоящей, какъ призракъ, идеи, и невольно спрашиваетъ: „Господи! Ужели Ты допустишь совершиться тому, что это великое событіе не будетъ воспоминаемо съ такимъ же торжествомъ и *во предняя времена?* ужели Ты лишишь людей этой радости?“ Ибо многіе теперь стремятся разрушить эту радость... Какъ слухъ о надвигающейся холерѣ беспокоитъ даже среди мирной и веселой обстановки, такъ и слухъ объ этомъ покушеніи на свѣтлый праздникъ омрачаетъ радость.

Въ наше время онъ долженъ праздноваться съ особою торжественностью. Имя Христово стало извѣстно огромной долѣ человѣчества; десятки великихъ, геніальныхъ представителей человѣчества признали Иисуса Богомъ и во всеуслышаніе заявили объ этомъ. Да и тѣ, кто постыдились признать Его Богомъ, не могли сдержать своего восторга предъ славной высотой Его нравственного характера. Ренанъ писалъ: „Иисусъ не можетъ быть исключительнымъ достояніемъ тѣхъ, кто считается Его учениками; Онъ есть общее достояніе и честь всякаго, въ чьей груди бьется человѣческое сердце... Покойся же Ты въ Своей славѣ, Величайшій Основатель, Ты исполнилъ Свое дѣло, Твое Божество стоитъ незыблемо... Между тобой и Богомъ нѣтъ различія“¹⁾... Христосъ живетъ теперь въ сердцахъ милліоновъ, а не единиць людей, какъ тогда, когда Онъ явилъ Свое славное воскресеніе. Подражаніе Ему сдѣлалось задачей благороднѣйшихъ сердець. Имя Его произносится и рѣшаетъ споры тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ усовершенствованіи жизни и быта милліоновъ

¹⁾ Въ „Жизни Иисуса“ (Vie de Jésus).

людей. Опъ—критерій цѣнностей. Ради Его имени люди строятъ десятки, сотни больницъ, домовъ для сумасшедшихъ, для падшихъ, для престарѣлыхъ и т. д. Они прилагаютъ всѣ усилія къ облегченію жизни меньшаго брата Христова. Слышатся съ разныхъ концовъ земли даже упреки человечеству за его состраданіе; доказываютъ, что состраданіе должно быть отброшено и забыто, какъ вредная вещь (Ницше, Пбсенъ—„Росмергольмъ“, Гауптманъ—„Потонувшій колоколь“). При такомъ видимомъ избыткѣ любви къ Христовымъ заповѣдямъ странно замѣчать опасность лишенія радости воскресенія. Но все же она есть.

Радоваться можетъ въ этотъ день лишь тотъ человѣкъ, который признаетъ существованіе грѣха, кто тяготится имъ, кто не сознаетъ себя совершеннымъ и, потому, кто считаетъ необходимымъ приближаться къ идеалу: нынѣ произошло снятіе грѣховныхъ кандаловъ съ изстрадавшейся человѣческой души. Совершенно безгрѣшному, или тому, кто ничего не считаетъ грѣхомъ, воскресеніе Христово, выражаясь грубо, бесполезно. Но совершенно безгрѣшнаго человѣка исторія не знаетъ, людей же второй категоріи въ наше время становится больше и больше. Они-то и суть враги христіанскаго торжества. Разъ, какъ они думаютъ, нѣтъ грѣха, разъ всякое дѣйствіе законно, то не зачѣмъ было умирать Христу, нѣтъ пользы и отъ Его воскресенія, если оно и произошло въ дѣйствительности.

„Непщеваніе вины о грѣсѣ“ еще со времени райскаго состоянія человѣчества было сильнѣйшимъ тормазомъ общенія съ Богомъ. А теперь это непщеваніе хочетъ быть философскимъ, научно-обоснованнымъ. Отрицаніе грѣха, съ одной стороны, выводится изъ того, что человѣческая природа не признается поврежденной, такъ что естественный человѣкъ вмѣстѣ трактуется и какъ идеальный человѣкъ. А потому у нихъ „все естественное“ окружается такимъ восторгомъ и удивленіемъ. Но естественный человѣкъ склоненъ больше ко злу, чѣмъ къ добру; по Платону, онъ „грубѣйшее изъ всѣхъ

животныхъ“, а по Шопенгауэру, онъ „готовъ зарѣзать другого челоуѣка лишь затѣмъ, чтобы вымазать его жиромъ свои сапоги“. Значить, этотъ естественный челоуѣкъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Грѣха нѣтъ. Какъ природа и ея стихіи могутъ совершенно равнодушно, безъ раскаянія причинять какъ пользу и добро челоуѣку, такъ зло и бѣдствія, такъ можетъ дѣлать и челоуѣкъ.—Съ другой стороны, отрицають грѣхъ во имя любви челоуѣка къ себѣ. Такъ разсуждаютъ. Самовосхваленіе, нежеланіе признать себя нечистымъ и сквернымъ, отрицаніе грѣха суть атрибуты истинной любви къ себѣ. Доселѣ люди, хваля себя за одни поступки и осуждая за другіе, не умѣли любить себя. Любовь къ себѣ—очень трудная добродѣтель. Почти всѣ думаютъ, что любить себя не только возможно, но, наоборотъ, невозможно *не любить* себя; но это неправильно. Нужно научиться любить себя. Разъ всѣ мы привыкли признавать свои несовершенства и грѣхи, то гдѣ же здѣсь любовь къ себѣ? Самоосужденіе, самообвиненіе за грѣхъ вѣдь всегда сопровождаются желаніемъ быть не тѣмъ, что есть челоуѣкъ *теперь*, толкають къ выходу изъ теперешняго состоянія, къ переиѣнѣ, такъ сказать, своего духовнаго образа. Всякій грѣшникъ, т. е. считающій себя грѣшникомъ, изъ всѣхъ силъ старается обновиться. А это что значить? Это означаетъ гибель его самого, какъ онъ есть, это означаетъ ненависть къ моему „я“ въ настоящую минуту и желаніе, чтобы оно безвозвратно стерлось, стало бы совсѣмъ инымъ. Подумать о поступкѣ, который совершаешь, что онъ незаконенъ и грѣховенъ, значить почувствовать ненависть къ себѣ. И люди въ очень сильной мѣрѣ страдаютъ отъ этой *самоненависти*. Это своего рода первородный грѣхъ, подкольку всѣ одержимы самоненавистью. Вѣра въ грѣхъ—слѣдствіе этого грѣха, т. е. самоненависти. Отсюда понятны эти на первый взглядъ дикія выраженія въ родѣ, напр.: „кровожадная жестокость аскета“ (Пицше); вѣдь онъ обуздываетъ плоть свою, плачетъ о грѣхахъ своихъ, идетъ безостановочно „изъ силы въ силу“, измѣняя свой характеръ,

своей духовный образъ, т. е., по терминологіи *этихъ безпримыгъ*, безпрестанно убивая себя.

Человѣчество должно освободиться отъ вѣры въ грѣхъ, какъ отъ предрасудка. Грѣхъ—изобрѣтеніе человѣческой фантазіи подъ вліяніемъ невыносимой житейской скуки. Безмятежное, мирное житіе скоро надѣлаетъ человѣку, въ немъ могутъ прозябать лишь недоразвившіеся флегматики. Люди же живые, дѣятельные, импульсивные скоро возненавидятъ свой покой и постараются изобрѣсти игру, которая будетъ вмѣстѣ и измѣрителемъ ихъ силъ, ловкости и достоинства. На этой почвѣ возникла потребность и духовной борьбы. Не довольствуясь игрою и борьбою съ внѣшними препятствіями, человѣкъ, „этотъ природный самообманщикъ и художникъ“, (Ницше) въ самомъ себѣ воображаетъ присутствіе врага и съ радостью и рвеніемъ начинаетъ бороться съ нимъ, съ этимъ внутреннимъ врагомъ, благодаря чему уничтожается скука и сознаніе своей мизерности. Внутреннимъ врагомъ своимъ человѣкъ объявилъ свою собственную волю, назвавъ ее грѣховною,—областью, которою управляетъ діаволь, темное личное существо, и борьба съ этимъ личнымъ существомъ стала очень интересна и занимательна. Фантазія человѣческая надѣлила этого таинственнаго врага великой проникательностью, лукавствомъ, непреклонной рѣшимостью и опытностью, такъ что борьба съ нимъ представлялась вмѣстѣ и трудной. Тогда ужъ не зачѣмъ стало человѣку искать лавровыхъ вѣнковъ на общественныхъ играхъ, не нужно стало и военное искусство,—удовольствіе отъ всего этого можно получить болѣе простымъ и прямымъ путемъ, путемъ борьбы и побѣды надъ своимъ внутреннимъ врагомъ. Отъ этого даже получается большее наслажденіе, потому что онъ сильнѣе всякаго внѣшняго врага и, значить, побѣда надъ нимъ болѣе доблестна. И начали люди клеветать на свою природу, не зная сами хорошо, что они дѣлаютъ. Вмѣсто того, чтобы считать себя совершенно хорошими, они разбили себя произвольно на двѣ области, на два человѣка—добраго и злого.

Такъ появилась доктрина первороднаго грѣха. Понятна теперь эта упрямая рѣшимость аскетовъ изнушать себя: они здѣсь искали наслажденія. А всѣ люди, усмотрѣвъ въ нихъ духовныхъ воиновъ и богатырей и смутно сознавая ихъ счастье, окружили за это ихъ почтеніемъ и боязнью. По все это: дробленіе себя на два человѣка, борьба съ самимъ собою—заблужденіе. Если бы какое-нибудь существо, надѣленное не человѣческою природою, посмотрѣло на эту комическую борьбу, совершаемую съ трагическимъ, однакожь, видомъ, то смѣху его не было бы конца. Человѣкъ выдумалъ внутренняго врага и обрушился на него исключительно въ силу кореннаго влеченія своей природы,—„жажды власти“. Люди безсильные, загнанные, неспособные къ реальной борьбѣ съ настоящими препятствіями, изобрѣли грѣхъ,—съ самими-то собою они ужъ надѣялись справиться. Сколько же здѣсь скрывается озлобленности на свою неспособность къ физической борьбѣ, сколько пессимизма, но вмѣстѣ и... фикцій и миражей! На помощь себѣ они, не умѣя справиться даже съ собою, призываютъ измышленное ими Верховное Существо, Которое, по ихъ мнѣнію, наказываетъ грѣхъ, т. е. помогаетъ имъ исказить ихъ природу. Понятно, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго грѣху, все естественно и хорошо. Стараться же насадить въ себѣ благіе навыки и истребить грѣховныя такъ же бессмысленно и излишне, какъ отрубить у себя половину тѣлесныхъ органовъ, вообразивъ, что они нечисты и грѣховны. Но этого никто не дѣлаетъ, не надо, поэтому, вѣрить и въ грѣхъ¹⁾.

Что для людей, исповѣдующихъ подобное ученіе, значитъ Свѣтлое Христово Воскресеніе? Избавленіе ли отъ смерти? Разрушеніе ли грѣха? О, нѣтъ. Они, услышавъ объ этомъ, пожмутъ плечами и скажутъ: „все это мечты, миражи и сны!“ А это-то и вноситъ диссонансъ въ свѣтлое празднованіе и омрачаетъ радость современныхъ христіанъ. Но мы вѣримъ,

¹⁾ Такія мысли разбросаны почти во всѣхъ сочиненіяхъ Ницше.

что Христосъ Своимъ воскресеніемъ далъ людямъ „радость вѣчную“, такъ что она не можетъ быть убита безотрадны-ми, хотя бы и философскими, теоріями. Такъ, внимая даже этому ученію, можно найти себѣ успокоеніе.

Отрицатели грѣха имѣютъ въ виду облагодѣтельствова-ніе человѣчества, возвышеніе его самосознанія и облагоро-женіе его духа, на самомъ же дѣлѣ создаютъ ужасное цар-ство скорби и смерти. Ихъ отрицаніе является результатомъ преступнаго отуплѣнія людей, плотяности ихъ чувствъ,—они забываютъ духовное и небесное, прилѣпляются лишь къ ви-димой и осязаемой матеріи, осмѣиваютъ безсмертіе. Вмѣстѣ съ матеріализмомъ стоитъ и падаетъ этотъ бунтъ противъ поврежденности человѣческой природы. И въ какія бы оболь-стительныя, философско - поэтическія формы ни пряталась смертоносная пагубность этого воззрѣнія, однако, коль скоро въ наше время матеріализмъ потерялъ свой кредитъ въ наукѣ, и этому ученію можетъ выпасть на долю, при лучшихъ условіяхъ, кратковременное вниманіе, увлеченіе толпы, а потомъ забвеніе. Отрицая грѣхъ въ угоду своей гордости, не желая признавать природу свою испорченной и несовер-шенной, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ и самое существованіе какихъ бы то ни было идеаловъ. Ибо идеаль это—лучшее будущее человѣка; онъ заставляетъ человѣка покидать на-стоящее состояніе во имя пріобрѣтенія лучшаго; онъ не мыслимъ безъ постояннаго движенія человѣка впередъ, безъ вѣчнаго погребенія самого себя: вѣдь достигнутаго больше ужъ не любишь, вмѣсто него стремишься къ иному, ищешь это иное, а то, что раньше искалъ и достигъ, какъ бы по-гребашь въ сердцѣ своемъ. А такъ какъ безъ идеала не можетъ быть устойчиваго, твердаго характера, то естествен-но „безгрѣшники“ и характеръ считаютъ ненужной, нелѣпой вещью. Достоевскій превосходно понималъ этотъ абсолютный нигилизмъ. У него обитатель „подполья“ смѣется надъ че-ловѣкомъ „съ характеромъ“, подвергаетъ критикѣ эту стой-кость и выдержку, сравнивая эти качества съ глухимъ упрям-

ствомъ быка („Записки изъ подполья“). Но безъ идеала никто не можетъ жить прежде, чѣмъ онъ не обратится въ безпечное животное, прежде чѣмъ не усвоитъ себѣ правила „ямы и піемы, утре бо умремъ“,—да и это до нѣкоторой степени идеаль. Болѣе же или менѣе содержательная голова сознается, что коль скоро цѣли нѣтъ предъ нею, то „томить (ее) тоскою однозвучный шумъ“ (Пушкинъ). Если такой человѣкъ рѣшителенъ, то онъ кончаетъ самоубійствомъ, если онъ менѣе рѣшителенъ, то предается пессимизму, или впадаетъ въ скотскій развратъ. Вотъ и всѣ „плодове“ разглагольствованій о любви къ себѣ, объ отрицаніи грѣха. Гдѣ признается все естественнымъ, тамъ предрекается скорая смерть всѣхъ членовъ общества. Здѣсь мы не занимаемся логическими силлогизмами, сама жизнь подтверждаетъ таковыя послѣдствія. Любимѣйшими доктринами нашего времени являются пессимистическія доктрины Шопенгауэра и Гартмана; буддизмъ тоже находитъ себѣ послѣдователей. Число самоубійствъ прогрессивно возрастаетъ; въ этомъ убѣждаютъ газеты. Но это не все. При такомъ воззрѣніи на землѣ учреждается вмѣсто Царства Божія адъ, люди становятся какъ бы нравственно помѣшанными и терзаютъ другъ друга. Если практическое отрицаніе грѣха (т. е. жизнь въ страстяхъ и похотяхъ) ведетъ къ разстройству жизни, такъ что, по слову прор. Осія, „Бяше Ефремъ, яко голубъ безумный, не имый сердца“ (Осія 7, 11), то теоретическое, философское отрицаніе грѣха ведетъ къ осуществленію сна Раскольникова, у Достоевскаго. Ужасная, потрясающая картина! Ее можетъ предчувствовать и воображать всякій, не нуждаясь въ томъ, чтобы приводить здѣсь ее.

Заглянуть въ конецъ ветхозавѣтной эры здѣсь очень поучительно, и вотъ почему: нынѣшніе отрицатели грѣховной воли восхищаются всѣмъ до-христіанскимъ, языческимъ; нѣкоторые изъ нихъ берутъ на себя роль адвокатовъ этого языческаго; съ другой стороны, мы здѣсь увидимъ, что лучшіе сыны того времени, имена которыхъ донынѣ заботливо

сберегаетъ исторія, признавали грѣхъ, сокрушались о немъ, молились Высшему Существо объ избавленіи отъ грѣховной скверны. Авторитетъ этихъ великихъ древнихъ личностей можетъ быть отвергаемъ нигилистами, но люди непредубѣжденные должны имѣть великимъ старцамъ не меньшую вѣру, чѣмъ нигилистамъ, догматически, на подобіе *ipse dixit*, утверждающимъ, но не доказывающимъ своихъ тезисовъ. Если что и можетъ радовать въ до-христіанскомъ языческомъ мірѣ тѣхъ, кто отрицаетъ грѣхъ, такъ это то, что тамъ, предъ пришествіемъ Христа, было тоже отрицаніе грѣха, но лишь практическое, поскольку каждая грѣховная привычка или безбоязненность грѣха, есть отрицаніе его. Тамъ общество раздѣлилось на господъ и рабовъ, причемъ первые доходили до озвѣренія въ развратѣ и объяденіи, вторые владели невыносимыя, чистилищныя муки и не считали жизнь лучше смерти. Преступнѣйшее обращеніе личностей въ вещь было для богачей самымъ законнымъ правомъ; они не могли даже представить, что *должно быть* на самомъ-то дѣлѣ не такъ; даже философы признавали эту законность. Въ этомъ и причина того, что ученіе Христа о равенствѣ и братствѣ показалось для нихъ безуміемъ. Въ этомъ и заключается сущность того, что мы назвали практическимъ отрицаніемъ грѣха: люди жили въ слѣпотѣ и сами, собственными силами не могли прозрѣть. Но такой порядокъ (или точнѣе—безпорядокъ) жизни не могъ продолжаться постоянно: несправедливостью нельзя жить; она подтачиваетъ самые корни жизни. Бѣдные рабы и вообще обездоленный классъ сталъ находить единственное утѣшеніе въ презрѣніи къ жизни. Потому стоиками и были люди, не имѣвшіе ничего кромѣ бочки, какъ Діогенъ, люди, не имѣвшіе радостей, обреченные на услуги другимъ. Такимъ былъ и самъ великій стоикъ Эпиктетъ.—Люди требовали себѣ помощи, они сознавали жизнь свою ненормальной, они тяготились грѣхомъ. Такимъ образомъ, грѣхъ не есть измышленіе челоуѣка, не предметъ его игры не объектъ борьбы; онъ—властная и безотвязная реальность,

всосавшаяся въ самую глубь человѣческой природы, извращающая жизнь его, поядающая его счастье. Отсюда, дать ему полную свободу, жить, не разбирая добра и зла, отрицающая грѣхъ,—возможно лишь in abstracto, а не на самомъ дѣлѣ.

Во всѣхъ древнихъ религіяхъ мы встрѣчаемъ сознание человѣкомъ своей грѣховности и молитвы объ избавленіи отъ нея. Такъ, объ израильской религіи нечего и говорить. Мы обратимся къ языческимъ религіямъ. Среди многочисленныхъ памятниковъ индійцевъ встрѣчаются гимны о помилованіи и прощеніи за грѣхъ. Мы позволимъ себѣ привести одинъ изъ нихъ цѣликомъ ради замѣчательной силы и глубины его чувства и прелести выраженія. „Какъ могу я достигнуть Варуны?—говорится въ гимнѣ. Не возгнушается ли онъ моей жертвы? Когда я увижу мой духъ спокойнымъ и примиреннымъ съ нимъ? И вопрошаю тебя, Варуна, когда явится у меня желаніе признать свои грѣхи? Всѣ мудрецы говорятъ мнѣ одно и то же: Варуна прогнѣванъ тобою. Не за древній ли это грѣхъ, Варуна, хочешь ты погубить твоего друга, который всегда тебя прославляетъ? Возвѣсти мнѣ, всемогущій господь, о моемъ освобожденіи отъ грѣха, и я скоро обращусь къ тебѣ съ славословіемъ. Это было не нашимъ собственнымъ дѣломъ, Варуна; это произошло невольно; это было отравленное ядомъ влеченіе; это была страсть, рокъ, отсутствіе размышленія. Старикъ имѣетъ склонность развращать юношу; самый даже сонъ приводитъ къ преступленію. Помогни мнѣ безгрѣшно дѣлать удовлетвореніе тебѣ, нашему богу, помощнику, подобно тому, какъ поступаетъ рабъ по отношенію къ давшему ему свободу господину“ ¹⁾ У Персовъ каждое утро читается слѣдующая молитва покаяннаго характера: „Къ тебѣ я взываю, твое я величіе прославляю, Ормуздъ, праведный судія, сіяющій славою и свѣтомъ, все

¹⁾ Изъ книги С. А. Песоцкаго „Идея избавленія и избавителя у древнихъ культурныхъ народовъ“. Кіевъ. 1904 г.

знающій и всегда дѣйствующій, господинъ господь, царь великій и сильный, существующій изначала, милосердый, щедрый, премудрый! Каюсь я предъ тобою во всѣхъ моихъ грѣхахъ и отрекаюсь отъ нихъ; отрекаюсь отъ всего, что я подумалъ, или сказалъ, или сдѣлалъ, или только намѣревался сдѣлать худого. Отъ этихъ грѣховъ въ мысли, въ словѣ и въ дѣлѣ я отрекаюсь, я раскаиваюсь. Боже, будь милостивъ къ тѣлу моему и къ душѣ моей и въ этомъ мірѣ, и въ будущемъ¹⁾. У египтянъ въ ихъ „Книгѣ мертвыхъ“ есть много молитвъ, въ которыхъ говорится отъ лица умершаго о грѣхѣ, умершій перечисляетъ свои правственные проступки и молить о помилованіи. Греческіе и римскіе писатели точно такъ же жалуются на всеобщность грѣховной скверны, на испорченность человѣческой природы. Платонъ трогательно изображаетъ положеніе души съ ея идеальными стремленіями къ добру и красотѣ, сравнивая ея пребываніе въ союзѣ съ тѣломъ съ заключеніемъ ее въ темницѣ; а сторонникъ Платонова ученія Кранторъ говоритъ: „человѣкъ, еще не родившійся на свѣтъ, уже участвуетъ въ правственной винѣ, вслѣдствіе которой испорченность души преслѣдуетъ насъ съ самаго дня нашего рожденія“²⁾.

Итакъ, все древнее культурное человѣчество единогласно признавало необходимость исправленія и освященія человѣка; оно справедливо видѣло въ грѣхѣ отраву жизни, тормазъ благополучія и счастья. Мало того, что дѣйствительно оно мучилось видомъ грѣха; не имѣя помощника и избавителя, оно впадало въ пессимизмъ, взирало на жизнь, какъ на зло. Это еще болѣе доказываетъ признаніе грѣха. Никогда еще міръ не слышалъ такого глубоко пессимическаго голоса, какъ голосъ буддійскаго ученія. Буддизмъ видѣлъ все счастье человѣка въ нирванѣ,—въ небытіи... Гомеръ, Софокль, Эври-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

нидь то же утверждали, что земная жизнь — сплошное страдание.

Зачѣмъ же нынѣ, послѣ того, какъ мiръ уже въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ освѣщается великимъ Солнцемъ Правды Христомъ, повторять то, что было давно и что рушилось, на радость тогдашнихъ современниковъ. Практическое отрицаніе грѣха оплакивалось и проклиналось многими привилегированными умами; они же молили Вѣчное Существо помиловать ихъ отъ грѣха, они просили изгнать вонъ изъ мiра князя тамы. Зачѣмъ же нынѣ слышится проповѣдь жизни „по ту сторону добра и зла“, безъ признанія грѣха, при полнѣйшей разнузданности дикихъ страстей и инстинктовъ? Съ грустнымъ упрекомъ взирають на наше поколѣніе маститые геніи древняго мiра! У нихъ надо въ данномъ разѣ учиться, ибо они видѣли самую жизнь безъ идеала, безъ боязни грѣха и бѣжали отъ нея... въ нирвану. Они скажутъ, что это освобожденіе личности, во имя чего предпринимается борьба противъ грѣха, какъ предразсудка, не состоится, если этотъ взглядъ на грѣхъ и отношеніе къ нему проникнетъ въ жизнь; такой взглядъ напротивъ, убьетъ человѣка. Грѣхъ существуетъ, его надо бояться, *его надо не совершать*.

И вотъ почему такъ величественно, такъ незамѣнимо благодатно это празднованіе Христова Воскресенія... Всеблагой Господь услышалъ стоны души человѣческой изъ подъ рева разъяренныхъ страстей и пришелъ и спасъ ее. Онъ умеръ. Этимъ Онъ явилъ людямъ всю неизмѣримую силу грѣха ихъ, Онъ подтвердилъ, что грѣхъ существуетъ. Иначе не зачѣмъ было и умирать. Въ борьбѣ съ грѣхомъ человѣкъ долженъ видѣть задачу своей жизни, если хочетъ, чтобы послѣдняя не превратилась для него въ невыносимую тяготу. Христосъ воскресъ! Этимъ Онъ показалъ, что жизнь сама по себѣ неизмѣримо цѣннѣе и достойнѣе для человѣка, чѣмъ нирвана. Только не надо ожесточаться противъ нея и разрушать ее достоинство...

Вотъ какія думы тѣснятся въ душѣ въ тѣ минуты, когда люди, соединившись вмѣстѣ, съ зажженными свѣчами, *утру глубоко*, поютъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси“... Неужели же Господь у бѣдныхъ дѣтей, заброшенныхъ въ уголкѣ вселенной, отниметъ эту радость?.. Воскресни Боже!.. Колокола какъ бы вѣщаютъ слово Господа: Я побѣдилъ міръ. И съ вами до скончанія вѣка. А звѣзды издалека кротко посматриваютъ на сестру свою землю и, кажется, въ ихъ взорахъ свѣтится ободреніе, совѣтъ безъ боязни глядѣть въ будущее...

И. Тріодникъ.

„Батюшка отдыхает“...

(О черкъ).

Помню, въ самое первое время моей жизни и службы на приходѣ меня въ сильной степени заинтересовала одна странная черта въ монахъ милыхъ, простодушныхъ прихожанахъ, это—ихъ наивный, какъ мнѣ казалось тогда, но твердо установившійся взглядъ на обычное времяпрепровожденіе священника. Взглядъ этотъ высказывался въ разнообразной формѣ почти каждымъ крестьянникомъ, кому приходилось по дѣлу заявляться ко мнѣ и на кухнѣ спрашивать новаго батюшку у нашей прислуги, пожилой женщины изъ ближней деревни. Благодаря-сосѣдству кухни съ моимъ кабинетомъ, отдѣленнымъ отъ нея тонкой стѣной, я очень часто оказывался невольнымъ и незримымъ слушателемъ откровенныхъ разспросовъ моихъ прихожанъ съ кухаркой Агаоей, которую, кстати сказать, взяли мы съ женой ради ея опытности, какъ жившую много лѣтъ у моего покойнаго предшественника. Разспросы посѣтителей начинались и велись обыкновенно въ такомъ родѣ:

— А что,—батюшка еще не отдыхаетъ, поди?—слышался чрезъ стѣнку кабинета неувѣренный голосъ только-что во-

шедшаго на кухню мужика-прихожанина.—Доложи-ка, сбѣгай, Агабюшка: мужикъ, молъ, по дѣлу желаетъ повидѣть, такъ вышелъ бы сюда... Ну, а ежели ужъ опоздалъ я, такъ не тревожь,—по иную пору зайду, дѣло не къ сгѣху...

— Какъ же, отдыхаетъ тебѣ въ такую рань нашъ отецъ Александръ: это не покойничекъ отецъ Федоръ! Не знаете еще вы его,—онъ во всякое время готовъ ублаготворить вамъ, послѣ обѣда и то смѣло иди, въ живыхъ застанешь: нѣтъ у этого батюшки и обычая, чтобы всегда отдыхать.—Авторитетно сообщала Агабья посѣтителю совершенно для него новыя свѣдѣнія обо мнѣ и, въ заключеніе, спрашивала:—А какое у тебя, Сидоръ, дѣло-то до батюшки? Какъ ему доложить? Можетъ, попусту тревожишь, отъ занятіевъ его зря оторвешь.—Это ужъ мы съ нимъ сами перетолкуемъ, а ты доложь, значить, только обо мнѣ!—Отказывалъ чаще всего Сидоръ кухаркѣ въ удовлетвореніе ея любопытства, и ей оставалось только идти и сказать мнѣ о требованіи посѣтителя. Послѣдній, понятно, безъ задержки получалъ отъ меня возможное и сильное удовлетвореніе своей нужды и уходилъ довольный, что сразу удалось покончить съ дѣломъ. Такъ обстояло у насъ дѣло съ ранними посѣтителями-прихожанами, заявившимися въ дообѣденную пору, до полдень. Иной разговоръ приходилось выслушивать мнѣ, когда мужичокъ заздывалъ со своимъ посѣщеніемъ, являясь часа въ два или три дня.

— Эхъ, незадача-то какая! Никакъ не успѣшилъ во время къ батюшкѣ: чисто—опоздалъ, уже отдыхать легъ отецъ Александръ?—съ первыхъ же словъ безнадежно начиналъ сокрушаться такой запоздалый посѣтитель, даже и не обращаясь къ Агабѣ.—А дѣло не терпитъ, непременно, переговорить надо съ батюшкой: подожду ино—дѣлать нечего!—И съ явнымъ намѣреніемъ терпѣливо ожидать пробужденія отца духовнаго прихожанинъ поудобнѣе усаживался на лавкѣ, рѣшаясь все же освѣдомиться у кухарки:—а, что, милая, по долгу любить отдыхать новый-то батюшка, али, можетъ.

меньше, чѣмъ покойный? Къ этому еще не припророчились мы—не какъ къ о. Оедору... Но Агаоѣя великодушно и неожиданно удивляетъ и этого крестьянина пріятнымъ для него сообщеніемъ, что я не сплю по днямъ вовсе, и что она сейчасъ вотъ доложить мнѣ о его приходѣ.

— Да ну?! Будетъ тебѣ обманывать—зря говоришь только!—замѣчаетъ мужичекъ съ полнымъ недовѣріемъ и пытается удержать кухарку, замѣчая, что та и впрямь идетъ въ комнаты:—отстань, Агаоѣя Митревна,—не ходи: пробудишь, а оцъ, можетъ, гнѣвливь съ пробуда-то, грѣха надѣлаешь... Подожду я лучше, когда ужо самъ встанетъ?... На этотъ разъ не хватаетъ у меня терпѣнія остаться до конца незримымъ слушателемъ кухонной сцены, и я спѣшу къ прихожанну, являясь, какъ-будто случайно, на кухню...

Случалось, наконецъ, заходить ко мнѣ какому-нибудь изъ прихожанъ почти совсѣмъ вечеромъ, часовъ въ пять—шесть; и тутъ не обходилось безъ нерѣшительныхъ вопросовъ, обращенныхъ посѣтителемъ къ Агаоѣю:

— Отдыхаетъ, поди еще, батюшка-то, сумерничаетъ? Адъ уже всталъ? Повидѣть бы какъ его... И въ этомъ случаѣ опять должна была наша кухарка разувѣрять мужика, что новый батюшка „такъ-таки и не отдыхаетъ по днямъ“. Иногда упорное недовѣріе прихожанъ къ такой удивительной особенности батюшки доводило бѣдную Агаоѣю чуть не до божбы.

И лично мнѣ, при встрѣчахъ и бесѣдахъ съ прихожанами, часто на первыхъ порахъ приводилось встрѣчаться съ понятіемъ какого-то страннаго, вѣчнаго отдохновенія, соединяемаго неразрывно съ существованіемъ батюшки-священника въ умѣ простыхъ людей.—Простите, батюшка, отдыхать вамъ не помѣшалъ ли...—Вы ужъ не гнѣвайтесь, о. Александръ,—можетъ, вамъ отдыхать пора, а я задерживаю...—Назначьте уже сами, отецъ духовный, когда къ вамъ по дѣлу зайти: а то, можетъ, на ту пору какъ-разъ отдыхать будете... Такъ

этотъ несчастный отдыхъ неотступно терзалъ и мучилъ меня, положительно выводя изъ терпѣнія.

— Когда же вы, наконецъ, перестанете преслѣдовать меня вашимъ отдыхомъ, друзья мои?—спрашивалъ я своихъ прихожанъ съ неподдѣльной горечью.—Ну, подумайте сами: развѣ не смѣшно и не обидно мнѣ, когда вы представляете себѣ меня вѣчно отдыхающимъ, спящимъ? Что ужь будетъ это за настырѣ, который постоянно отдыхаетъ: вѣдь и овцы у него могутъ всѣ до одной разбѣжаться!...

— А какъ же иначе, батюшка, кому же и отдыхать, какъ не вамъ? Насъ, прихожанъ, вонъ сколько: тысячи полторы душъ будетъ, а вы—одинъ; за всѣхъ помолиться надо,—сами-то мы когда еще соберемся!—обо всѣхъ насъ позаботиться,—тутъ и отдохнуть не грѣхъ... Потомъ, и покойничекъ о. Ѳеодоръ примѣръ показывалъ, въ положенную пору всегда отдыхалъ и будить себя не любилъ,—Боже спаси! Вотъ, мы такъ и приучены полагать на счетъ васъ, о. Александръ...

Что было дѣлать мнѣ, встрѣчаясь съ подобными наивными мнѣніями прихожанъ? Только настойчивыми разъясненіями многосложности священническихъ дѣлъ и обязанностей удалось мнѣ, повидимому, увѣрить простыхъ людей, что ихъ батюшка не вѣчно предается отдохновенію, и они перестали, наконецъ, при посѣщеніи меня спрашивать первымъ долгомъ: не отдохастъ ли батюшка? По поручить за то, что мнѣ удалось кореннымъ образомъ измѣнить мнѣніе моихъ прихожанъ о нашемъ обычномъ времяпрепровожденіи, я и теперь не могу. Вѣрнѣе всего прихожане просто рѣшили насчетъ меня: „вольно же ему не отдыхать, когда другіе-прочіе батюшки всегда на досугѣ отдыхаютъ; а досужной поры у нихъ сколько угодно, что тамъ не толкуй нашъ о. Александръ. Отслужать обѣдню, исправятъ потребу—и на боковую: на нашихъ вѣдь глазахъ живутъ они, знаемъ ихънес дѣло!..“

И мнѣ кажется, что наши простые деревенскіе прихожане, рассуждая такимъ образомъ, съ своей стороны были правы. Заботы и попеченія о приходѣ, вѣчныя думы пастыря о спасеніи духовнаго стада, наконецъ его тайныя молитвы—все это сокрыто было отъ взоровъ простыхъ людей, и ко всему этому они относились скептически; а на виду у прихода оставалась свободная отъ всякаго систематическаго дѣла, сравнительно сытая и обеспеченная жизнь священника. Такъ вотъ какихъ мнѣній и взглядовъ, оказывается, держался нашъ простой православный народъ относительно своего духовенства; а можетъ быть продолжаетъ держаться и до сихъ поръ! Народное представленіе о какомъ-то постоянномъ отдохновеніи, почиваніи сельскаго священника, на мой взглядъ, очень мѣтко и не безъ затаеннаго юмора выражаетъ общенародное, крѣпко укоренившееся убѣжденіе. Потому-то я и вспомнилъ теперь о только-что рассказанномъ мною эпизодѣ изъ первыхъ шаговъ моей пастырской дѣятельности, какъ фактъ весьма поучительномъ для насъ при нашихъ современныхъ усиліяхъ поднять свой авторитетъ въ глазахъ народа. Не должны ли мы всѣми мѣрами, словомъ и дѣломъ и теперь, какъ раньше приходилось мнѣ, разубѣждать своихъ прихожанъ въ ошибочности ихъ взглядовъ; не слѣдуетъ ли намъ на каждомъ шагѣ своей энергической дѣятельностью показывать имъ, что мы больше уже не „отдыхаемъ“, но неуспѣшно творимъ дѣло Божіе?

Такъ однажды, въ небольшомъ кружкѣ священниковъ, одинъ изъ нихъ, пожилой уже сельскій батюшка о. Александръ высказывалъ свое сужденіе по вопросу о томъ, какъ смотреть у насъ простой народъ на духовенство. И, говоря по правдѣ, рассказъ о. Александра являлся очень вѣрной и мѣткой иллюстраціей взглядовъ народа на своихъ духовныхъ отцовъ. Но слушатели согласились не сразу съ мнѣніемъ о. Александра: многимъ, особенно изъ молодыхъ, оно казалось незаслуженнымъ и обиднымъ, а самый фактъ, рассказанный о. Александромъ, — случайнымъ и единичнымъ.

— А не могло ли, однако, странное убѣжденіе вашихъ прихожанъ, что священникъ только постоянно спитъ и отдыхаетъ, сложиться, благодаря вашему предшественнику о. Оеодору, любившему отдохнуть благовременно и безвременне?—поставилъ вопросъ одинъ изъ молодыхъ членовъ кружка; и потому не вами ли только прихожане утвердились въ такомъ странномъ, чуть не дикомъ взглядѣ на пастыря! Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, странно и какъ-то чудовищно представить себѣ цѣлое сословіе людей, вѣчно праздныхъ и только отдыхающихъ! Даже и простой человѣкъ едва ли можетъ имѣть подобное уродливое представленіе, а вы хотите приписать его цѣлому народу.

Съ своей стороны пожилой и опытный о. Александръ не хотѣлъ поступиться высказаннымъ мнѣніемъ, какое вынесъ онъ самъ изъ долговременнаго и близкаго наблюденія надъ народною жизнію.

— Въ томъ-то и дѣло, почтеннѣйшій батюшка, обратился онъ къ своему оппоненту: что наша русская дѣйствительность, особенно наше мрачное прошлое даютъ и давали возможность существованію не только нелѣпныхъ чудовищныхъ взглядовъ, но и подобныхъ же фактовъ. Такъ было и въ нашемъ дѣлѣ. Взглядъ на священника, какъ на человѣка почти совершенно празднаго, бездѣльнаго и потому вѣчно отдыхающаго, могъ сложиться въ нашемъ народѣ и укорениться надолго, даже до днесь, самымъ естественнымъ образомъ, и поводъ къ этому въ значительной степени давало само духовенство. Что было дѣлать духовнымъ пастырямъ, какъ не отдыхать въ ту пору, когда вѣками вся матушка Русь спала непробуднымъ сномъ, сытымъ и сладкимъ, или голоднымъ и кошмарнымъ,—это другой вопросъ? Духовныя и религіозныя потребности бѣднаго народа для своего удовлетворенія не требовали тогда времени больше, сколько его нужно было на рѣдкія праздничныя службы и необходимыя требы; и потому при сравнительной обезпеченности старинныя батюшки могли располагать своимъ досугомъ, какъ хотѣли, а

образцовый примѣръ времяпрепровожденія былъ у нихъ предъ глазами. Это—праздная и сонная жизнь мелкопомѣстнаго, средней руки деревенскаго дворянства — помѣщиковъ. Отъ подражанія удержаться было трудно, тѣмъ болѣе, что лучшихъ примѣровъ и не давала окружающая среда. И если деревенскому дворянину вѣчный сонъ и праздность обезпечивали крѣпостные, то у отцовъ духовныхъ были въ свою очередь прихожане, которые добродетельными даяніями и даровой обработкой батюшкиной земли давали возможность жить безпечально. Такимъ-то образомъ нерѣдко жизнь духовенства, главнымъ образомъ, священниковъ являлась подражаніемъ и жалкимъ сколкомъ празднаго безсодержательнаго существованія мелкаго дворянства.

Вотъ гдѣ, думается, надобно искать намъ начало и корень крѣпко засѣвшихъ въ народномъ сознаніи взглядовъ на духовенство, для настоящаго времени во многомъ несправедливыхъ и даже обидныхъ! И виноваты ли нашъ простой православный народъ, что въ его представленіи и теперь мы—люди праздные, не имѣющіе настоящаго дѣла, вѣчно отдыхающіе, если раньше сквозь кошмарный голодный сонъ видѣлъ онъ нашихъ отдаленныхъ предшественниковъ очень и очень часто только благодушно отдыхающими. Конечно, ставить это въ вину и нашимъ предкамъ было бы несправедливо: таковы были тогдашнія условія жизни, возвыситься надъ которыми удавалось только личностямъ недюжиннымъ. Но тѣмъ не менѣе—фактъ остается фактомъ. Впрочемъ, и въ болѣе близкія къ намъ времена крайне стѣснительныя условія для широкой пастырской дѣятельности давали подобные же печальные результаты. Кто будетъ отрицать, что даже и среди ближайшихъ братьевъ нашихъ не найдется любителей спокойнаго, безпечальнаго житія?

— Что касается меня, подалъ изъ кружка свой голосъ третій батюшка, лѣтъ тридцати пяти: то я вполне согласенъ с. Александромъ. Не изъ-за одного какого-нибудь о. Оеодора, а именно по общимъ причинамъ и повсемѣстно ду-

малъ о насъ простой народъ, какъ о людяхъ праздныхъ. не имѣющихъ настоящаго дѣла, и, прибавлю отъ себя,—смотрѣть на наше бездѣльное житіе съ завистью. Если укажутъ на хозяйственныя занятія прежнихъ батюшекъ, то, во-первыхъ, они не исключали возможности сладкаго отдохновенія, и, во-вторыхъ, никоимъ образомъ въ глазахъ умнаго простолюдина не являлись настоящимъ правскимъ дѣломъ пастыря. Такой-то пастырь, священникъ и представлялся мужику ничѣмъ не занятымъ, не имѣющимъ систематическаго труда. какъ напримѣръ, — чиновникъ...

Да оно такъ часто было и на дѣлѣ, и я самъ бывалъ свидѣтелемъ въ годы дѣтства и ученья, какъ иногда обиліе незанятаго времени, подневольная праздность доводила иныхъ батюшекъ до мученичества. Каль, напримѣръ, было смотрѣть, какъ мой дядя-опекунъ, у котораго я выросъ, день деньской мучился безъ дѣла: село глухое—ни службъ, ни требъ; школы тоже не было; читать—нечего, а и не любилъ покойный; хозяйствомъ—и тѣмъ не занимался, безъ него жилось хорошо. Походить, бывало, дяди и приляжетъ раза два до обѣда, а тамъ ужъ по-настоящему отдыхаетъ часа три—четыре, и такъ-то изо-дня въ день!.. Потомъ, когда служилъ я псаломщикомъ, тоже имѣлъ дѣло съ подобнымъ настоятелемъ: какъ ни придешь къ нему,—все, видимо, только-что со-встани: натягиваетъ подрясникъ, приглаживаетъ волосы, сладко спозѣваетъ и тогда уже заговорить. И такой выходъ былъ неизмѣнно, приходи хоть въ полдень, хоть утромъ, хоть вечеромъ. Не въ осужденіе покойниковъ привелъ я эти примѣры, но не ясно ли изъ нихъ, что совсѣмъ еще недавно водился—таки за нами грѣшокъ стихійной склонности къ отдохновенію. И вотъ теперь мы должны нести за него нелестныя укоризны и разбивать упорное предубѣжденіе нашихъ прихожанъ, а также и всего русскаго общества!

— Да, именно—разбивать, настойчиво разсѣивать надобно намъ это предубѣжденіе и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Оно на-руку нашимъ врагамъ, сѣющимъ невѣріе въ простой

средѣ; пользуясь готовымъ ложнымъ взглядомъ на насъ народа, раздувая и расписывая нашу мнимую теперь праздность и бездѣятельность, они могутъ вконецъ лишитъ насъ и народнаго уваженія и довѣрія. Пусть же современное духовенство, отрекшись отъ сладостнаго отдохновенія своихъ предшественниковъ, выйдетъ на дѣло свое и дѣланіе до поздняго вечера.

Что дѣлать; наши праотцы, отцы и старшіе братья осуждены были волей-неволей „отдыхать“; а насъ жизнь настойчиво зоветъ на неусыпный трудъ и созидательную святую работу! Покоримся дружно съ готовностію святому призыву и бодро, неусыпно станемъ на божественной стражѣ?..— Такъ въ заключеніе, попытался оформить и подчеркнуть свои мысли по поводу народныхъ взглядовъ на духовенство о. Александръ.

С. А. В—ий.

О религіозно-нравственной книгѣ для народнаго и дѣтскаго чтенія.

(Окончаніе ¹⁾).

VI.

*Что сдѣлано и дѣлается для распространенія нужной
народу книги.*

Итакъ стала очевидной для нашего времени нужда народа въ освѣщеніи свѣтомъ православной вѣры окружающей его тьмы жизни и указаніи исхода изъ жизненной тяготы. Что же сдѣлано и дѣлается въ этихъ цѣляхъ?

Духовная печать отмѣчаетъ цѣлый рядъ мѣръ духовныхъ властей и духовенства къ распространенію въ народѣ религіозно-нравственной книги разными путями вплоть до

---

¹⁾ См. № 15-й за 1907 г.

учреждения социальныя религиозно-нравственныя народныхъ библиотекъ-читалень, какъ напр., въ Створопольской епархіи ¹⁾); породилась даже мысль организовать тѣсно сплоченное общество, въ задачи котораго входило бы „безплатное распространіе всякихъ твореній, преслѣдующихъ цѣль духовно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа“ ²⁾).

На ряду съ оживленіемъ спроса на религиозно-нравственную книгу оживлялось и издательство нашихъ книгъ. Прежде всего духовная печать (журналы, епархіальные органы, особенно „Подолія“) озаботилась дать матеріаль для народнаго чтенія, выпуская ежегодно въ видѣ приложеній то „поучительныя листки для народнаго чтенія“ (жур. „Воскресное чтеніе“), то „воскресныя листки“ (жур. „Воскресный день“), то рядъ поучительныхъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ „Народная библіотека“ (жур. „Кормчій“). Стали издавать книги и братства (Виленское Свято-Духовское—„Братскій Вѣстникъ“ съ 1905 г.) монастыри (Троице-Сергіева лавра) и даже епархіальные училищныя совѣты (Гродненскій съ 1903 г. ³⁾) Изъ официальныхъ изданій должно отмѣтить „Общедоступную религиозно-нравственную библіотеку“, издаваемую Московской Синодальной типографіей. Изданіе это будетъ состоять изъ 85 книгъ; пока вышло 13.

Не мало появилось и частныхъ изданій; изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: брошюры свящ. Г. Петрова подъ общимъ заглавіемъ; „Свободное слово“ (цѣною отъ 1 до 3 коп.); листки для войскъ и народа подъ заглавіемъ „Правда и Знаніе“ прот. Левашова (вышло 60 книгъ) и „Религиозно-общественную библіотеку“ (изд. книж. магаз. Ефимова въ Москвѣ). Въ „библіотеку“ входятъ изданія по религиознымъ, общественнымъ и религиозно-общественнымъ вопросамъ, связаннымъ

¹⁾ См. Церк. Вѣдом. 1906 г. № 15 и др.

²⁾ Церкв. Вѣстникъ 1906 г. № 37. Статья М. Левицкаго о русскомъ православномъ книгоиздательствѣ“

³⁾ „Народное образов.“ 1906 г. м. Сентябрь.

между собой внутреннимъ единствомъ замысла и единствомъ міровоззрѣнія; она распадается на двѣ серіи: первая предназначена для читателя интеллигентнаго, а вторая—для народа; изъ послѣдней появилось 10 книгъ. Точныхъ статистическихъ данныхъ о вышедшей за послѣдніе пять лѣтъ народной и дѣтской литературѣ не имѣется; но во всякомъ случаѣ она значительно разрослась.

Предназначенная для народа религіозно-нравственная литература послѣднихъ лѣтъ, кромѣ выясненія общихъ вопросовъ религіи и нравственности, удѣляетъ вниманіе и вопросамъ дня, но робко затрагиваетъ вопросы социально-общественной жизни. Даже изящно изданныя книжки „Общедоступной религіозно-нравственной библіотеки“,—болѣе пригодныя для развитога народнаго читателя,—изъясняютъ то христіанское богослуженіе („объясненіе всенощнаго бдѣнія и литургіи, праздники Православной Церкви“), то христіанскую мораль („объ истинномъ благочестіи“ „какъ жить по евангелію“) и лишь изрѣдка касаются отношенія современнаго (интеллигентнаго) общества къ вопросамъ православной вѣры („женщина христіанка“). Болѣе удачно и вразумительно выяснены для простаго народа вопросы современной политической жизни въ брошюрахъ журнала „Подолія“. Касается такихъ вопросовъ и „Народная библіотека“ жур. „Кормчій“, но рѣдко, мимоходомъ и въ беллитристической формѣ (напр. „Старикъ“ изъ разсказовъ о забастовкѣ).

Не народилось еще книгоиздательство, озабоченное изданіемъ книгъ, выясняющихъ явленія общественной и экономической жизни народа въ духѣ церковномъ. Правда, эту задачу беретъ на себя „Религіозно-общественная библіотека“, но это—частная инициатива, давшая мало изданій и мало еще извѣстныхъ въ широкой массѣ народа; и кромѣ того, она преслѣдуетъ главнымъ образомъ пока социально-экономическое выясненіе явленій жизни и въ отношеніи одной группы общества—крестьянъ. По такъ какъ Церковь въ теченіе многихъ столѣтій была воспитательницей народа, и его міро-

возрѣніе является плодомъ вѣковой работы Церкви, поэтому естественнѣе всего, въ силу своего историческаго права, Церковь не должна выпускать изъ своихъ рукъ и дальнѣйшее развитіе народнаго самосознанія, освѣщая всѣмъ слоямъ русскаго общества свѣтомъ религіи явленія современной жизни. Передача этой духовной работы въ другія руки не всегда полезна и можетъ оказаться даже разрушительной для дѣла воспитанія народа. Какъ на фактъ, подтверждающій такое опасеніе, указываемъ на изданія Парамонова „Донская Рѣчь“; напр., „Новая нагорная проповѣдь“ даетъ толкованіе нагорной проповѣди Иисуса Христа въ крайне соціалъ-демократическомъ духѣ.

Итакъ, интересы Православной Церкви, какъ вѣковой воспитательницы народа, благо послѣдняго и необходимость неотложнаго противодѣйствія постороннимъ, антицерковнымъ посягательствамъ на народную совѣсть—все это дѣлаетъ настоятельной и самой жгучей нуждой организацию изданія для народа книгъ на церковно-общественныя темы и подъ покровомъ Церкви. Нельзя отрицать, чтобы въ этихъ изданіяхъ ничего не предпринималось; выше мы отмѣтили нѣсколько попытокъ въ этомъ направленіи. Началась работа, но въ маломъ масштабѣ и въ разныхъ мѣстахъ отечества. Эта работа обособленная, по отдѣльнымъ уголкамъ, безъ перспективы и строго выработанной программы обречена будетъ на очень слабое развитіе, а главное будетъ стоить громадныхъ матеріальныхъ затратъ. Все ведетъ къ необходимости имѣть общій объединяющій центръ. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи данъ нашими земствами. Не мало земствъ занимаются книгоиздательствомъ и достигли въ этомъ дѣлѣ большихъ успѣховъ; напр., Вятское земство удешевило брошюру-листовку до $\frac{3}{4}$ коп. Однако, въ общихъ интересахъ дѣла на выставкѣ Сѣвернаго края въ Ярославлѣ (въ 1903 г.) разработанъ былъ проектъ организации общеземскаго книгоиздательства. То же слѣдовало сдѣлать и всѣмъ издателямъ религіозно-нравственной литературы. „Пока мы

спимъ, пишетъ Церковный Вѣстникъ, отрицатели наводятъ книжный рынокъ своими развращающими произведеніями. Пишутъ у насъ не мало отвѣтовъ и возраженій противъ ихъ измышлений, но пишутъ ихъ по обыкновенію мертвенно, тяжеловѣсно, утомительно, и народъ самая правдивая изъ этихъ исповѣдей не читаетъ, да и печатаются онѣ чаще всего въ изданіяхъ, народу не доступныхъ то по дороговизнѣ, то по своему спеціальному характеру, научному или церковно - административному. Противодѣйствовать злу надо не медля, а для успѣха противодѣйствія должны соединиться всѣ силы людей, сочувствующихъ дѣлу спасенія русскаго народа отъ заразы злоученій, враждебныхъ вѣрѣ, государству и обществу. Для этого надо работать надъ созданіемъ обширнаго и тѣсно сплоченнаго общества для книгоиздательства и надъ привлеченіемъ въ него всѣхъ трудоспособныхъ въ этомъ направленіи поборниковъ вѣры, порядка и истинной свободы¹⁾. Намъ кажется, что эту великую задачу объединенія религіозно-нравственнаго писательства для народа должна взять на себя издательская комиссія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ; но для этого она должна быть реформирована, о чемъ скажемъ ниже.

УП.

Ничтожность отдѣла дѣтскихъ религіозно-нравственныхъ книгъ.

Обозрѣніе наличности книжнаго рынка и ея пригодности для цѣлей религіозно-нравственнаго воспитанія ставитъ руководителямъ этимъ воспитаніемъ задачу озаботиться развитіемъ до возможно широкихъ размѣровъ и изданіемъ религіозно-нравственной книги для дѣтскаго чтенія. Дѣтскихъ книгъ этого рода ничтожное число на книжномъ рынкѣ. Ярче выступаетъ эта ограниченность книгъ для религіознаго назиданія дѣтей, если взять во вниманіе свѣтскую дѣтскую

¹⁾ Церк. Вѣст. 1906 г. № 37 стр. 1194.

литературу. Правда, и эта стала нарождаться сравнительно недавно, но за послѣдніе 20—30 лѣтъ обогатилась многими и превосходными образцами; въ ней можно назвать нѣсколько писателей (и крупныхъ и посредственныхъ), но исключительно занятыхъ удовлетвореніемъ дѣтской души: во главу нужно поставить Мамина—Сибиряка, а за нимъ Станюковича, Засодимскаго, Авенаріуса, Желиховскую, Лукашевичъ и др. Расширяется и отдѣлъ переводной дѣтской литературы, гдѣ встрѣтите произведенія первоклассныхъ европейскихъ дѣтскихъ писателей (Марка Твена, Амичиса, Андерсена и др.). Правдоучительный элементъ, который наполнялъ собою когда-то всѣ изданія такъ пазываемой „Розовой библіотеки“ Вольфа (для дѣтей), теперь почти отсутствуетъ въ дѣтскихъ книгахъ; его старательно избѣгаютъ. Сообщеніе научно-популярныхъ свѣдѣній стало главнымъ содержаніемъ дѣтской книжки; для изданія такихъ книгъ организовалась специальная книгоиздательства („Школьная библіотека“ подъ редакціей Львова; „Обще-доступная библіотека“ подъ редакціей Горбунова—Посадова и др.). Популяризація свѣдѣній по географіи и естествознанію стала обычнымъ матеріаломъ и дѣтскихъ журналовъ; даже лубочки Никольскаго рынка, уступая требованіямъ и запросамъ времени, улучшили дѣтскія книги; напр., въ каталогъ изданій Сытина имѣется отдѣлъ „улучшенныхъ дѣтскихъ книгъ“. Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ дѣтской религіозно-нравственной литературѣ. Заброшенность подростяющихъ поколѣній въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія вызываетъ основательное безпокойство. Ещѣ Бѣлинскій высказалъ совершенно ясную и неопровержимую мысль, что „книги, которыя пишутся собственно для дѣтей, должны входить въ планъ воспитанія, какъ одна изъ важнѣйшихъ его сторонъ“¹⁾. У насъ же, кромѣ ничтожности религіозно-нравственнаго отдѣла дѣтскихъ книгъ, поражаетъ и другое зло — отсутствіе организаціи дѣтскаго религіозно-нравственнаго чтенія. Въ отношеніи свѣтскихъ книгъ раз-

¹⁾ Собраніе сочинен. т. V стр. 233, по изд. Фукса.

рѣшены теоретическіе вопросы дѣтскаго чтенія ¹⁾. Въ совершенно иномъ положеніи находится постановка религіозно-нравственнаго чтенія въ нашей начальной школѣ. Считаемо необходимымъ указать тѣ неблагопріятныя условія, въ какія поставлено здѣсь дѣло религіознаго просвѣщенія. Ни для кого не секретъ, что тысячи нашихъ начальныхъ школъ лишены воздѣйствія законоучителя-священника; функціи обученія вѣрѣ возложены на свѣтскихъ лицъ. Недостатокъ священныхъ лицъ для законоучительства въ начальной школѣ—вопросъ злободневный, вопіющій, наводящій на тяжелыя размышленія. Какъ Церковь будетъ выполнять свою учительную миссію въ отношеніи дѣтей, когда осуществится проектъ всеобщаго обученія, когда число школъ во много разъ превыситъ число наставниковъ вѣрѣ? Не должно забывать и того, что и наставленіе въ вѣрѣ непосредственно священниками въ нашихъ начальныхъ школахъ разныхъ вѣдомствъ страдаетъ крупными недостатками, затрудняющими достиженіе религіозно-воспитательныхъ цѣлей. Эта сторона дѣла вскрыта нашимъ педагогомъ Д. И. Тихомировымъ въ его статьѣ: „Законъ Божій и ученіе человѣческое“ ²⁾, который приходитъ къ такому печальному выводу: „не будемъ лицѣмерно и трусливо таить и замалчивать крайне важное явленіе въ современной жизни нашей школы, скажемъ открыто и прямо: современная школа на пути къ разьединенію съ современною Церковью“ ³⁾. Сужденія Тихомирова раздѣляются церковно-школьными дѣятелями и печатью ⁴⁾. Изъ жизни грамотныхъ дѣтей необходимо выдѣлнить то явленіе,

¹⁾ Цѣнными въ этомъ отношеніи должно признать книги: „О дѣтскомъ чтеніи“ Ив. Феоктистова; „Чтеніе съ воспитательными цѣлями“ Бахтина; „Всѣмъ о выборѣ книгъ для чтенія“ П. Чехова; „О дѣтскомъ чтеніи“ Леонтьевой. „Образованіе“ 1905 г. № 11—12.

²⁾ Педагогич. Листокъ 1906 г. 3—4 книжки.

³⁾ Такъ же, кн. 4 стр. 203.

⁴⁾ Церковный Вѣст. 1905 г. 39 и др.; Рус. Школа 1905 г. Связь законоучителей нач. школъ Вятской губ.

что подавляющее число ихъ не прошло полный курсъ начальной школы. По послѣднимъ даннымъ Министерства Народ. Просв. въ начальныхъ школахъ окончило курсъ въ 1903 г. только 9,8% общего числа учащихся¹⁾; въ отношеніи церковныхъ школъ этотъ процентъ окончившихъ школу ничуть не выше. Значить, имѣя въ виду расположеніе по годамъ учебнаго матеріала по Закону Божію—краткій катихизисъ и объясненіе богослуженія проходится въ 3-й годъ обученія,—должно сказать, что около 90% учащихся въ начальной школѣ дѣтей не изучили элементовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія и, какъ остроумно замѣчаетъ Ю. Самаринъ, нерѣдко случается, что ученикъ народной школы, окончивъ на второмъ году свое ученіе разговоромъ о потопѣ, выходитъ въ жизнь съ убѣжденіемъ, что весь родъ человѣческой потонулъ, что послѣ этого уже ничего больше не случилось.

На этихъ явленіяхъ въ дѣлѣ религіознаго обученія главнымъ образомъ дѣтей простого народа мы и остановились вниманіемъ, чтобы отбѣнить всю великую воспитательную роль, какую можетъ и должна имѣть при настоящихъ условіяхъ жизни религіозно-нравственная дѣтская книга, какъ необходимая часть религіознаго воспитанія. Эта книга и должна восполнить въ религіозномъ образованіи нашего юношества тѣ пробѣлы, какіе допущены въ этомъ дѣлѣ школой, и закрѣпить въ сердцѣ юношей тѣ добрыя начала, какія заложены были школой, и главное—имѣть вліяніе на дѣтское сердце. Все, что вліяетъ на чувства, особенно живо и глубоко воспринимается дѣтскимъ сердцемъ и можетъ послужить дѣйствительно краеугольнымъ камнемъ религіознаго воспитанія. Поэтому къ дѣтскимъ книгамъ должно предъявлять, какъ самое основное требованіе, это—„дѣйствіе ихъ на чувство дѣтей, а не на разсудокъ“, какъ говоритъ Бѣлинскій, ибо, скажемъ его словами, „чувство предшествуетъ знанію;

¹⁾ Статист. свѣдѣнія по начал. образов. въ Росс. имперіи вып. 5-й.

и кто не почувствовалъ истины, тотъ и не понялъ и не узналъ ея“. Этого требуетъ сама природа дѣтской души. Выдающіеся авторитеты въ области психологіи признаютъ, какъ доказанную, ту мысль, что въ душевномъ развитіи дѣтей и юношей великую роль играетъ развитіе чувства, которое дѣлаетъ юношу нравственно чуткимъ и отзывчивымъ къ всѣмъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а равно и къ собственнымъ поступкамъ ¹⁾). Посему совершенно основательно Бѣлинскій требовалъ отъ дѣтскихъ книгъ излагать всякую истину не въ холодныхъ правоученіяхъ, не въ сухихъ разсказахъ, а въ повѣствованіяхъ и картинахъ, полныхъ жизни и движенія, проникнутыхъ воодушевленіемъ, согрѣтыхъ теплотой чувства... и тогда онѣ могутъ служить однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній и самыхъ дѣйствительнымъ средствъ воспитанія“ ²⁾). Такая религіозно-нравственная книга и будетъ великой и дѣятельной помощницей Церкви въ дѣлѣ воспитанія дѣтей; такой книги съ нетерпѣніемъ ожидаютъ всѣ, прикосновенные къ дѣлу воспитанія дѣтей, и появленіе ея будутъ привѣтствовать съ радостью. Необходимо привлечь людей и людей талантливыхъ къ этой великой и плодотворной работѣ—издательству доброй религіозно-нравственной дѣтской книги. Расцвѣтъ свѣтской дѣтской литературы показываетъ, что въ русскомъ обществѣ не оскудѣли таланты, способные понимать дѣтскую душу.

Ощутительно чувствуется потребность въ особомъ книгоиздательствѣ, не боящемся вложить въ дѣло капиталъ, способномъ организовать его. Православное вѣдомство содержитъ на свои средства и издательскую комиссію при Св. Синодѣ, и свою типографію; православный людъ въ правѣ ожидать, что инициативу и самую организацію изданія дѣтскихъ книгъ приметъ на себя издательская комиссія, привлечетъ лучшія писательскія силы, вложитъ свои средства.

¹⁾ Эта мысль общедоступно и научно изложена проф. Сикорскимъ въ его брошюрѣ „Психологическія основы воспитанія“.

²⁾ Собран. сочин. т. V стр. 236.

VIII.

Отсутствіе указателей дѣтскихъ религ.-нравственныхъ книгъ.

Въ положеніи нашей религіозно-нравственной литературы какъ дѣтской, такъ и народной, обращаетъ вниманіе слѣдующее явленіе. На протяженіи своей замѣтки мы не разъ указывали на ростъ этого рода литературы; но слѣдить за этимъ ростомъ, знать, какія религіозно-нравственныя книги появились на книжномъ рынкѣ, а тѣмъ болѣе знать цѣнность и пригодность каждой изъ нихъ для того или иного рода читателей, выбрать изъ наличнаго книжнаго товара все лучшее, безъ лишней затраты труда, времени и денегъ—сдѣлать все это руководитель дѣтскимъ или народнымъ чтеніемъ лишенъ возможности и силъ. Ростъ свѣтской литературы разныхъ направленій сопровождается обычно выходомъ въ свѣтъ ряда библиографическихъ указателей по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія¹⁾, удовлетворяющихъ потребностямъ и взрослыхъ и дѣтей (таковы указатели книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія); даже народившаяся за послѣдніе два года литература по современной жизни уже имѣетъ свои указатели: есть „Библиотека социаль-демократа“, „Рабочая библиотека“ (Ростовскаго); „Что читать рабочему и крестьянину“ Степанова и много подобныхъ этимъ; появились библиографическіе журналы, рекомендующіе списки книгъ извѣстнаго направленія; обзоры газетъ и журнальныхъ статей этого направленія, напр., „За книжкой“ „Спутникъ читателя“—журналы революціоннаго или социаль-демократическаго направленія. Но есть ли библиотека религіозно-нравственная народная или дѣтская?

---

¹⁾ Недавно вышелъ въ свѣтъ трудъ Рубакина: „Среди книгъ“,—опытъ каталога большой общеобразовательной библиотеки (7 тыс. названій) по всѣмъ не спеціальнымъ наукамъ; но не указано ни одной религіозно-нрав. книги.

Выше мы отмѣчали полное игнорированіе указателями дѣтской литературы книгъ религіозно-нравственныхъ. Даже наши духовные журналы мало отмѣчаютъ религіозно-нравственныхъ книгъ. Казалось бы, болѣе всего вниманія къ этимъ книгамъ можно ожидать отъ изданія, спеціально посвященнаго церковной школѣ, каковъ журналъ „Народное Образование“; но въ немъ, напр., за 1906 г. отмѣчено лишь 47 книгъ для школьной библіотеки (въ отдѣлѣ библіографіи); изъ нихъ съ натяжкой можно зачислить въ отдѣлъ религіозно-нравственныхъ—6 книгъ; а правилыѣе 2 книги; а 4 книги—правоучительныя повѣсти.

Вообще организаторы религіозно-нравственнаго чтенія для дѣтей и взрослыхъ встрѣчаютъ большія трудности по отсутствію соотвѣтствующихъ справочниковъ по литературѣ этого рода.

XI.

Необходимость организациі изданія религ.-нравственныхъ книгъ для дѣтей и народа.

Послѣ бѣлаго обозрѣнія наличности книжнаго рынка и запросовъ дѣтскаго и народнаго чтенія приходимъ къ заключенію о необходимости организовать на самыхъ широкихъ началахъ изданіе религіозно-нравственныхъ книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. Дѣло это, такъ живо касающееся интересовъ Церкви, какъ воспитательницы народной, должно быть возложено на издательскую комиссію при Св. Синодѣ, при чемъ это учрежденіе не должно быть обращено въ обширный книжный складъ, собирающій въ себѣ книжный товаръ безъ опредѣленнаго плана и системы, а должно быть въ рукахъ Церкви орудіемъ ея просвѣтительной миссіи. По нашему мнѣнію, издательская комиссія должна: 1) ознакомиться съ наличностью книжныхъ богатствъ по отдѣлу религіозно-нравственному, разобратъся въ этой наличности, созданной работой многихъ церковныхъ организаций и многихъ

преданныхъ Церкви лицъ; выбрать изъ нея все важное и цѣнное, соответствующее воспитательнымъ задачамъ Церкви въ отношеніи дѣтей и взрослыхъ и запросамъ современной церковной жизни, и расклассифицировать все одобренное по определенной схемѣ, т. е. указать, какія темы разработаны въ наличной и избранной литературѣ, чтобы такимъ путемъ установить пробѣлы ея въ соответствіи воспитательнымъ задачамъ и требованіямъ времени. Результатомъ такой работы явятся: указатель религіозно-правственнаго дѣтскаго и народнаго чтенія и кругъ темъ, требующихъ разработки. 2) Въ отношеніи текущей литературы давать самыя аккуратныя и своевременныя обзоры, ведя ихъ по строго установленному плану и требованіямъ въ отношеніи содержанія и изложенія книгъ; удобнѣе всего сосредоточить эту работу въ одномъ какомъ-либо періодическомъ изданіи. 3) Выработать рядъ темъ, неразработанныхъ наличной литературой, и объявить на составленіе книгъ конкурсъ; для чего не стоитъ жалѣть средствъ, и привлечь лучшія силы.

Въ такой сложной и громадной работѣ, безъ всякаго сомнѣнія, примуть участіе все лица и учрежденія (братства, религіозно-просвѣтительныя общества, монастыри и др.), трудившіяся и трудящіяся надъ изданіемъ дѣтской и народной книжки. А какъ это нужно и неотложно!

И. Г. Петрушевскій.

22 февр. 1907 г.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 17-го апрѣля 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.